

გრიგოლ გიორგაძე
Gregory Giorgadze

სეითოლოგიური და
ქართველოლოგიური
კიეზანი

HITTITOLOGICAL AND
KARTWELOLOGICAL
RESEARCHES

რედაქტორები: მ. ინაძე
ი. ტატიშვილი

რეცენზენტი: ნ. ხაზარაძე

© „ლოგოსი“, 1999

ISBN 99928-65-52-0

საგამომცემლო პროგრამა „ლოგოსი“
ილია ჭავჭავაძის გამზირი 13 (თსუ VIII კორპ.), ოთ. 14, 380079 თბილისი
ტელ. 25-02-58, ელ.ფოსტა logos@caucasus.net

წინამდებარე წიგნი – ავტორის რჩეულ ნაშრომთა კრებულია. მასში თავმოყრილია წინა წლებში გამოქვეყნებული სამეცნიერო სტატიები, რომელთაც დღემდე არ დაუკარგავთ აქტუალობა. ბევრი მათგანი ბიბლიოგრაფიული იშვიათობაა და დღეისათვის ფაქტობრივად მიუწვდომელია მკვლევართათვის. მათი ნაწილი სხვადასხვა ქვეყნის მეცნიერულ გამოცემებში სხვადასხვა ენაზეა (გერმანულად, ინგლისურად, რუსულად) დაბეჭდილი.

როგორც წიგნის სათაურიდან ჩანს, წიგნში ქვეყნდება ხეთოლოგიური და ქართველოლოგიური შინაარსის გამოკვლევები, რომლებშიც სხვადასხვა საკითხია განხილული. ისინი ეხება პოლიტიკური, სოციალურ-ეკონომიკური, რელიგიისა და კულტურის ისტორიის საკითხებს. წიგნში მოთავსებულია სტატიები ფილოლოგიური შინაარსისა.

გარკვეული მიზეზების გამო, არ მოხერხდა ზოგიერთ სტატიასთან დაკავშირებით ცალკეული დამატებების შეტანა, ძირითადად ბიბლიოგრაფიული ხასიათისა, თუმცა ისინი არ ცვლიან ავტორის მიერ ადრეულ ხანებში წამოყენებულ დებულებებს.

თითოეული სტატიის ბიბლიოგრაფიული მონაცემები (ჟურნალის დასახელება, გამოცემის ადგილი, წელი, გვერდები) მოცემულია სარჩევში სათაურებთან ერთად.

ვევარაუდობთ, წიგნი საინტერესო იქნება ძველი აღმოსავლეთისა და საქართველოს ძველი ისტორიის მკვლევართათვის, აგრეთვე, საერთოდ, ძველი ისტორიით დაინტერესებულ მკითხველთა ფართო წრისათვის.

დასასრულ, მსურს უღრმესი მადლობა გადავუხადო ამ წიგნის გამოქვეყნების ინიციატორსა და გამოცემის განმხორციელებელს საქართველოს მეცნიერებათა აკადემიის ნევრ-კორესპონდენტს პროფ. რისმაგ გორდუზიანს, „ლოგოსის“ ხელმძღვანელს ლაშა ბერაიას, თანამშრომლებს ალა ნაჭყებიასა და ალექსანდრე ჯიქურიძეს, რომლებმაც ბევრი ილონეს იმისათვის, რომ წიგნი უმოკლეს ვადაში გამოსულიყო.

I

სეთოლოგიური ნარკვევები HITTITOLOGICAL STUDIES

The Hittite Kingdom

Discovery of the Hittites

Until the middle of the nineteenth century the existence of the Hittites was known only from biblical sources. The European translation of the Bible calls a pre-Hebrew nation of Palestine and Syria "Sons of Heth," or "Hittites." This initially made historians believe that Palestine or Syria was the homeland of the Hittites, but subsequent investigations showed this was an error. Classical authors, on the other hand, had no idea about the existence of the Hittites.

The fact that the Hittites were one of the greater ethnic groups in the ancient East became clear during the past century, following the successful decipherment of Egyptian hieroglyphics and Akkadian cuneiform.

Information about the Hittites was also found toward the end of the nineteenth century in the cuneiform texts of the Tell el-Amarna archive in Egypt, which contained the diplomatic correspondence, written in the Akkadian language, of the Egyptian pharaohs Amenhetep III and Amenhetep IV (Akhenaton) with various kings of Near Eastern states. As could be inferred from this correspondence, the Hittite kingdom appeared to have been a strong state whose center was somewhere in Asia Minor. Its political influence spread to the region of northern Syria, where Egyptian, Hittite, and Mitannian interests clashed. It became evident that the Hittite kingdom (Kheta in the conventional Egyptian reading; Hatti in Akkadian) was a major power in the ancient East that compared with Egypt and Assyria.

The hypothesis about a Hittite center in Asia Minor was fully confirmed only in the beginning of the present century when the German Orientalist H. Winkler directed the first archaeological excavations in the Turkish village of Boghazköy (ancient Hattusas, 150 kilometers east of Ankara) in 1906-12; at this site archaeologists discovered thousands of cuneiform tablets. Some were written in Akkadian, but most were written in what was then a still unknown ancient language that also used the already well known Akkadian cuneiform script. Scholars immediately embarked on its decipherment. Already in 1915 the Czech Orientalist B. Hrozný defined the character of this lan-

guage and concluded that it belonged to the Indo-European family of languages. Scholars dubbed it the Hittite cuneiform language (in contrast to the Hittite hieroglyphic language—or, more accurately, Luwian—specimens of which had already been discovered in northern Syria and Asia Minor before the beginning of the century). The inhabitants of ancient Asia Minor called the Hittite cuneiform language Nesite (from the name for the city of Nesa). Texts written in other ancient languages of Asia Minor were also found in this archive.

The interpretation of Hittite cuneiform texts from Boghazköy developed into a new branch of science—Hittology, a discipline that studies the history, languages, and culture of the inhabitants of Asia Minor from the earliest times to the middle of the first millennium B.C. Archaeological excavations, which still continue today at various sites in Asia Minor, revealed not only new cuneiform texts but also assemblages of material culture indicating that the roots of historical development in Asia Minor stretch back long before the second millennium B.C.; they are deeply entrenched in earlier millennia.

The Pre-Hittite Period in Central Asia Minor

The eastern part of today's Asiatic Turkey—the Anatolian plateau (called Asia Minor since ancient times)—is one of the cradles of civilization.¹ At Çatal-Hüyük, located in central Asia Minor, archaeologists discovered a Neolithic settlement of the urban type, containing houses and sanctuaries with small religious sculptures and decorated with murals. The most extensively excavated levels of the settlement date between the seventh and sixth millennia B.C. Its inhabitants were agriculturalists and animal breeders who maintained active relations with distant regions. The immediate ancestors of the Çatal-Hüyük culture apparently were among the earliest agriculturalists in the world; those appearing at about the same period or somewhat later in Thrace and Macedonia on the Balkan Peninsula may have had their roots in Asia Minor. Although the Çatal-Hüyük pre-urban culture did not survive, which was perhaps due to the severe droughts of the sixth to fifth millennia, cultural centers arose throughout the subsequent epochs and eventually resulted in individual cultural-economic zones in the western, eastern, northern, southern, and central regions of Anatolia. During the Chalcolithic and Early Bronze ages, the central and eastern parts of Asia Minor achieved significant progress in their economic and cultural development. This is seen from archaeological material, dated to the fourth and third millennia B.C., found at the

1. This section was written in collaboration with N. B. Jankowska.

sites of Alaca-Hüyük and Horoz-Tepe in central Anatolia. This region eventually saw the establishment of the great Hittite kingdom of the second millennium B.C.

Asia Minor served as a link, a kind of bridge, that connected the Near East with the Aegean world and the Balkan Peninsula. An especially important role in these relations was played by the city at the site of Hissarlik, commonly identified as Troy and located on the Asiatic shore of the Aegean Sea near the Hellespont, or the Strait of Dardanelles, which leads from the Aegean to the Black Sea. An exchange of influence between the cultures of the Balkans and Asia Minor was especially obvious at Troy.

Ancient Asia Minor benefited not only from its unique geographic location but also from its natural resources, which were a decisive factor in its economic and cultural development. From very early times, metals (copper, silver, lead, and gold) had a special attraction for neighboring countries of the Near East. Fortified settlements on the hills in eastern Anatolia were centers of economic, political, and cultural life for the tribes of Asia Minor already at the beginning of the third millennium. These older tribes were, however, not the later Hittites, or Nesites (Indo-Europeans), who appeared in Asia Minor somewhat later, probably around the end of the third millennium, according to written sources. Scholars call these ancient indigenous tribes Proto-Hittites (because they inhabited these parts of Anatolia before the appearance of the Hittite state)² or Hattians. The latter name is derived from the name of the center of their country: Hatti. (This name was later adopted by the Hittites-Nesites to designate the whole of their country.) Hittite cuneiform texts written in the second half of the second millennium call the language of these people Hattic. The city of Hattusas was the center of political, cultural, and economic life first of the Hatti and then of the Hittites.

The natural resources of Anatolia attracted merchants from ancient Near Eastern countries. According to a late Hittite legend, Akkadian merchants must have already appeared in Asia Minor in the twenty-fourth century B.C.—that is, during the reign of Sargon the Ancient, king of Akkade. Toward the beginning of the second millennium, merchants from different lands, most from Asshur on the Tigris and some from northern Syria, lived among the local population. This information comes from the so-called Cappadocian³ cuneiform tablets that were discovered at the archaeological site of Kül-tepe

2. It now seems probable that the Hattians inhabited only the northwestern part of the peninsula before the Hittites, while some other tribes must have preceded the Hittites and Luwians in the center and the southeast. Editor's note (IMD).

3. Cappadocia is the later name of the eastern part of Anatolia.

(near today's Kayseri), where the ancient city of Kanesh (or Nesa) once stood, as well as at Boghazköy (Hattusas) and at Alişar-Hüyük (possibly the ancient city of Amkuwa).

According to the Cappadocian tablets, foreign merchants established two kinds of trading settlements in order to better organize their business activities in Asia Minor: *karum* (literally "harbor" or "quay"), a foreign merchants' colony enjoying an autonomous status with rights to self-government granted by the local city-state (*alum*); and *wabartum*, a trading factory. The center that organized all foreign trading communities was located in the *karum* of Kanesh.

There were also native traders among the merchants of the foreign trading colonies. Most traders, however, were from Asshur. The Assyrians were the ones who brought with them the first writing system and literary language used in Asia Minor—the Old Assyrian dialect of the Akkadian language. Though Asshur greatly influenced the commercial activities of these trading communities through its merchants, the *karum* of Kanesh was free to conclude its own agreements with the local rulers. The primary task of the trading colonies was to organize the export of silver-lead ore and gold.

The exported silver-lead ore was apparently refined in Asshur, and large quantities of lead consequently accumulated in this city—this metal was even used as a price standard. The lively trade in copper and bronze and also wool was carried on mainly within Asia Minor proper. Iron was also known here (apparently not just meteoritic iron), but the local people held the sites where it was extracted in utmost secrecy. Its exportation from Asia Minor was strictly prohibited until the second millennium B.C., although foreign merchants tried to smuggle it out. In exchange for silver and copper ore⁴ the merchants imported to Asia Minor woolen and linen textiles and also great amounts of the metal *annakum*, which has been identified both as tin and lead. It abounded in Asshur on the Tigris, but its origin is still a subject of contention (see Lecture 10).

Goods were transported by donkey caravans. Their route passed through many city-states, where each minor king exacted a ransom or duty that consisted of a share of the transported merchandise. In spite of this, the merchants realized enormous profits, mostly from their trade in textiles and the operations of money exchange. *Annakum* served as money in Asshur; there its price in relation to silver was 15:1; in Asia Minor it was 7.5:1.

The technical properties of bronze are far superior to those of pure

4. Copper apparently was brought to Kanesh and the central plateau via Asshur, having been originally procured from mines located in eastern Anatolia. Editor's note (PLK).

copper and stone—only steel is better. Iron, once it became available, offered advantages over bronze only because of its lower cost and abundance in nature.

Since a commodity economy was not yet sufficiently developed and the transportation of precious metals was risky, intermediate accounts were settled through trade associations (or extended families) mainly on credit. Promissory notes were issued on clay tablets in cuneiform script.

It did not take long for the local inhabitants of Asia Minor to engage in these commercial activities and to accumulate financial resources in the process. This capital was used for issuing credit to local free farmers under debt-bondage conditions when bad harvests or other natural and social factors made it impossible to survive until the next harvest.

The Cappadocian tablets include quite a few proper names and occasional words of Indo-European (Hittite or Luwian) origin; thus, the Hittite and Luwian tribes must have appeared in Asia Minor earlier than the date of these tablets. Their appearance in Asia Minor and the routes they traveled to arrive there remain open to question. They may have migrated to Anatolia in very ancient times through the Balkans or via the eastern regions and the Caucasus; none of this has yet been definitely confirmed. One hypothesis even proposes that all Indo-European tribes may be indigenous to Asia Minor. It is beyond doubt, however, that toward the beginning of the second millennium B.C. the Indo-European Hittite and Luwian tribes had already separated completely. Several distinct ethnic groups are known. The Nesites apparently lived in territories to the south or southeast of central Asia Minor, from where they gradually spread north into the territory inhabited by the Hatti. The Palaians lived in the country of Pala in northern Asia Minor, where they also came into contact with the Hatti. And, finally, the Luwians inhabited the country called Luwia in the southern and southwestern portions of Asia Minor. The Luwians also spread to the southeast, where the Hurrian ethnic group appeared at about the same time or earlier.

The significant advances in agriculture and technology that had been taking place in the eastern part of Asia Minor since the beginning of the second millennium (especially during the nineteenth to eighteenth centuries) produced corresponding changes in the sphere of social relations. Differentiation of social and property groups and strata advanced very rapidly in the local society. It seems that political structures of the city-state type had already developed in the eastern part of Asia Minor as early as the third millennium. They were headed by *ruba'u* ("princes") or *rubatum* ("princesses"). The royal

court included numerous "great persons" or "chiefs" who held a variety of state positions ("chief of the stairs,"⁵ "chief smith," "chief cup-bearer," "chief gardener," and many others). Writing and literacy were adopted from the merchants of Asshur.

The city-states struggled among themselves for political leadership. Purushkhanda was first in achieving hegemony. Its ruler came to be regarded as the "great king" among the city-state rulers of Asia Minor. Later, the situation changed in favor of the city-state of Kussara, situated somewhere south or southwest of central Anatolia. The first known rulers of Kussara were Pitkhanas and his son Anittas (ca. 1790–1750 B.C.). Kussara already began to expand its domain when Anittas was still "chief of the stairs." From a text written by Anittas, which reached us in a later version written in Hittite (Nesite), we learn that the "king of Kussara (i.e., the father of Anittas) with a great multitude of troops descended from the city and took the city Nesa⁶ by storm during the night. He captured the king of Nesa, (but) caused no harm to the sons (citizens) of Nesa, and he made them his mothers and fathers." Anittas continued his father's conquests, capturing a number of neighboring regions of central Asia Minor. Twice he defeated Piusti, king of the Hatti country, and leveled Hattusas to the ground. Anittas also marched against Purushkhanda, whose king surrendered without battle and gave up the symbols of his power (his iron throne and his scepter). Anittas made the city of Nesa his royal residence, where he built fortresses and temples and proclaimed himself "great king." Indo-European and native Hattian gods were worshiped in his city.

The Kussara kingdom founded under Anittas was the most powerful political unit in central Asia Minor prior to the rise of the Hittite state. It seems that Anittas's conquest put an end to the foreign trading colonies and trading stations in all of Anatolia. It is also generally assumed that during Anittas's rule Indo-European Nesite tribes gradually spread throughout central Anatolia, which up to then was inhabited mainly by the Hattians.

During this contact between the Hittites and the Hattians, which lasted for several centuries, the newly arrived Indo-Europeans blended in with the indigenous population. The Hattian language was absorbed by the Hittite (Nesite) language, which, in turn, underwent considerable changes in phonetics, in vocabulary, and in morphology. This blending of Indo-European and aboriginal Hattian tribes gave rise to the Hittite ethnic group in central Asia Minor. To

5. This probably meant the ascent to the citadel. It was a very important post, usually held by the ruler's son.

6. Nesa is apparently the same as Kanish.

ward the eighteenth century B.C. this group founded the mighty Hittite state that inherited the rich Hattian cultural tradition. Scholars conventionally divide the history of this state into three main periods: the Old, Middle, and New Kingdoms.

The Old Hittite Kingdom (ca. 1650–1500 B.C.)

Hittite tradition associated the earliest period of its history with Kussara, which was the capital of the early Hittite state. But certain cultural and social changes took place after Anittas that, among other things, led the Hittites to relinquish the Old Assyrian dialect of Akkadian as the official language and the Old Assyrian cuneiform script and to substitute their native language and a variant of the cuneiform script adopted from the Hurrian scribes of northern Syria.

In the Hittite historical tradition, Pitkhanas and Anittas, the first rulers of Kussara known to us, were not the founders of the state: the founder was one Labarna, a later king of Kussara. In the beginning of his reign, when the "country was small," Labarna subjugated the neighboring regions by armed force. He also fought in the northern and southern regions of Asia Minor, expanding the Hittite domain "from sea to sea" (from the Mediterranean to the Black Sea). The next Hittite ruler—Hattusilis I (also called Labarna II)—began his rule still in Kussara. He was called Hattusilis ("the one from Hattusas") because for strategic reasons he transferred the center of his kingdom from Kussara northward to Hattusas. From that time on, Hattusas, which seems to have been subjected to Kussara following its conquest and destruction by Anittas, now became the Hittite capital until the fall of the Hittite state. The name "Hatti" began to be used as a general designation for the country and the entire Hittite kingdom.

After conquering a number of regions in Asia Minor, Hattusilis marched against northern Syria. Following the subjugation of Alalakh (today, the archaeological site of Tell-Atchana), one of the strongest Hurrian-Semitic states in northern Syria, Hattusilis defeated two other cities in this region—Urshu (Warsuwa) and Hashu (Hassuwa)—and initiated a lengthy struggle against a third city, Haleb. But, because of illness, he was unable to finish this task, which was eventually accomplished by his successor, Mursilis I. After Haleb's defeat, Mursilis marched against Babylon, which at that time was ruled by Samsudtana of the Old Babylonian dynasty. He took the city and destroyed it in 1595 B.C., seizing much booty. During his expedition against Haleb and Babylon, Mursilis also defeated the Hurrians who lived on the left bank of the Euphrates in northern Mesopotamia. This vast country was at that time called Hurri.

The military operations of Hattusilis I and Mursilis I influenced

the course of events for the entire Near East. Hittite victories over Alalakh, Haleb, and other cities formed the cornerstone of Hittite domination in northern Syria. After that, the Syrian question became one of the central factors in Hittite foreign policy. Mursilis's victory over Babylon ended the rule of the First Dynasty of Babylon. These important victories were of tremendous significance to the Hittites. Henceforward, their state was one of the great powers of the Near East—beyond comparison even with the “great kingdom” of Haleb or with Babylon.

During the reigns of Hattusilis I and Mursilis I the military clashes between the Hittites and Hurrians began. The Hurrians started to attack Hatti from the Armenian highland and from northern Syria, devastating the eastern provinces of Hatti. At the very beginning of Hattusilis I's reign, the Hurrians invaded the Hittite country from Hanigalbat (northern Mesopotamia). As a result, many eastern regions, formerly under Hittite rule, temporarily seceded. Only the city of Hattusas remained unharmed. Now and again, the Hurrians also attacked Hittite possessions in northern Syria, as was the case during the rule of the next Hittite king, Hantilis, when the Hurrians, after having devastated Hittite territories, took the queen prisoner and executed her along with her sons. Hantilis repelled the invasion, but the struggle against the Hurrians continued for a long time to come.

At the end of the Old Kingdom the last Hittite king of this period, Telepinus, was successful against Kizzuwadna, a strategically important region in the northeast corner of the Mediterranean. A peace treaty with the king of Kizzuwadna was concluded. From then on, Kizzuwadna oriented its policy toward Hatti and gradually liberated itself from the influence of Haleb and Hurri.

Throughout the Old Kingdom the Hittite kings struggled to consolidate their power, which was strongly limited by the popular assembly, the *pankus*. Initially, the assembly comprised all men capable of bearing arms; later, the circle of participants was considerably reduced to include only representatives from the upper aristocracy.⁷ The assembly had the right to name the successor to the throne, to decide legal matters as a court of law, and so on. The king, who bore a high title of Hattian origin—*tabarnas*—could only nominate his successors. It was the *pankus* that had the ultimate power to confirm or reject his choice. Potential candidates to the throne were many, and the selection was not limited to the king's sons; the power could pass

7. Apparently, the *pankus* was originally the popular assembly of the city-state of Hatti (Hattusas); with time, as the scope of the Hittite conquests grew, most of the citizens of Hattusas acquired commanding posts in the army and in the administration, so that the *pankus* almost automatically became a council of dignitaries. Editor's note (IMD).

on (especially when the king had no son) to the king's grandson, to the son or husband of the ruler's sister, etc. Starting with Hantilis, usurpations of the throne became frequent.

The question of succession was finally resolved by Telepinus, who issued a "throne succession law," according to which the right to the throne was from then on held by the king's sons on a seniority basis. If the king had no son, only the husband of the king's daughter could ascend to the throne. All others were excluded from the succession, and the *pankus* was charged with enforcing this law. The law of succession greatly strengthened the royal authority and continued without change throughout the existence of the Hittite kingdom.

However, even in the time of Telepinus, during whose reign apparently other Hittite laws were issued in written form for the first time, the monarch's authority still was not absolute. The assembly continued to limit the royal power, although the king could be overruled by it only if he chose to break the succession rule or to execute arbitrarily his royal relatives. The *pankus* interfered in no other governmental affairs. During the New Kingdom, the assembly ceased to exist.

The New Hittite Kingdom (ca. 1400–1200 B.C.)

Because the history of the Middle Kingdom, which embraced a period from approximately 1500 to 1400 B.C., has not been sufficiently explored,⁸ we will deal in what follows with the highlights of the New Kingdom period of Hittite history, a time when Hatti came to be regarded as a power equal to Egypt, Babylonia, and Assyria.

It was Tutkhalias III who began the aggressive policy at the end of the fifteenth century that continued successfully into the middle of the thirteenth century. Throughout almost the entire period of the New Kingdom the Hittites conducted military expeditions into the southwestern regions of Asia Minor, an area occupied by political units subsumed under the common denomination of Arzawa, as well as to the south, a territory inhabited by Luwians, who spoke a language related to that of the Hittites. Their country was called Luwia. Wilusa, which many scholars believe was the name of the region of Ilios, or Troy,⁹ was in Arzawa country. In earlier times Arzawa main-

8. Some scholars actually deny the existence of the Hittite Middle Kingdom. Editor's note (IMD).

9. The Hittite texts mention, in the southwestern part of Asia Minor, a town called *Wilusa*, presumably the Greek (*Wilios*) or (*Wilion*), the "town of (W)ilius," and a town called *Taruisa*, presumably to be read "Troisa," which may be the Greek Troy. The Homeric epic identifies the two cities; this, however, may be a later reinterpretation of the historical tradition. Editor's note (IMD).

tained contacts with Egypt. This is attested by letters written by Pharaoh Amenhetep III in the Hittite (Nesite) language to the king of Arzawa requesting him to send his daughter to the pharaoh's harem.

As a result of the military operations by Suppiluliumas I, son of Tutkhalias III, and the former's son, Mursilis II, the lands of Arzawa were conquered, and peace treaties were signed with each of them. The rulers of the lands of Arzawa promised to send to Hatti on a regular basis auxiliary detachments and battle chariots, to pay annual tribute to the Hittite king, to extradite fugitives from Hatti, and so forth. In turn, the Hittites pledged their help to Arzawa against any eventual enemy. The peace treaties were confirmed by oaths of loyalty, but these were not to be relied upon, since we know that the rulers of Arzawa broke away from Hatti whenever they had the chance.

Hittite historical texts of the New Kingdom are also full of accounts about struggles against the Kaska tribes who lived north and northeast of Hatti in the mountains along the shores of the Black Sea. The accounts of the Kaska are especially numerous in the annals of Suppiluliumas I and the annals of Mursilis II. The Hittite texts tell us that "in the Kaska country the rule of one [person] was not customary"—that is, they had no king and were still at a primitive stage of development. After the reign of Mursilis II, however, some Kaska rulers (Pihuniyas in the Kaska region of Tibiya, for example) began to govern their country "in the royal fashion," instead of in the usual "Kaska fashion."

The struggle against the Kaska people became continual beginning with the reign of Tutkhalias III. It was provoked both by the frequent incursions of the Kaska tribes into Hittite territory and by the aggressive intentions of the Hittite rulers themselves. The Kaska not only devastated the border regions of Hatti but also invaded the country's interior, threatening the Hittite capital. No Hittite ruler was able to settle the Kaska question finally, though they did at times sign peace treaties. Hittite military expeditions against the Kaska tribes could only temporarily halt their devastating incursions.

The Hittites subdued the allied tribes of Azzi and Hayasa in the northeastern part of Asia Minor. Suppiluliumas signed a peace treaty with their people and their ruler, Hukkanas, according to which the latter was to marry the daughter of the Hittite king, but it forbade Hukkanas, among other things, to claim other women of the Hittite royal house. This shows that vestiges of very ancient marital relations survived in Hayasa (as, for instance, the right to cohabit with the wife's sisters and cousins).

During that period, the Hittites achieved significant results in their struggle for northern Syria. The kingdom of Mitanni took advantage of the temporary weakness of Hatti after the fall of the Old Kingdom,

as well as of the weakening Asshur, a city that up until then had been dominant in northern Mesopotamia. Mitanni had also achieved great successes west of the Euphrates, particularly in northern Syria. Haleb, Alalakh, Carchemish, and other kingdoms came under Mitanni's political control. Led by King Saussattar (or Sausadattar), the Mitanni defeated and sacked the city of Asshur and laid claim to the lands east of the Tigris. The Mitannian rulers Shuttarna II and Dushratta maintained friendly relations with the pharaohs Amenhetep III and, to a lesser extent, with Amenhetep IV (Akhenaton). These relations were consolidated by marriages between the Egyptian rulers and the daughters of the Mitannian kings.¹⁰ Mitanni, like the Hittite kingdom, comprised a number of semi-independent kingdoms and city-states that pledged tribute and military assistance to the supreme king of the Mitannian federation.

Suppiluliumas I put an end to Mitannian power. After crossing the Upper Euphrates, Hittite troops invaded the small Hurrian kingdoms of the river valley and approached the Mitannian capital of Wasshukanne from the north. The Hittites devastated the capital, but the Mitannian pretender retreated without accepting battle. Suppiluliumas installed his supporter Shattiwazza as heir apparent to the Mitannian throne and gave him his daughter in marriage. After a successful Hittite expedition into northern Syria, Mitanni lost all its possessions west of the Euphrates. Later, Mitanni was unable to resist Assyrian attacks, and toward the end of the thirteenth century Mitanni was included in the Assyrian Empire.

Suppiluliumas not only destroyed Mitanni but also managed to depose almost all its vassal rulers in the Syrian principalities, which extended all the way to the Lebanon Mountains. This period marks the beginning of a lengthy Hittite dominion in northern Syria. After conquering Haleb and Carchemish (an important crossing point of the Euphrates), Suppiluliumas installed his sons Piyassili and Telepinu as rulers of these cities. This was the beginning of the Hittite dynasties in Haleb and Carchemish, which endured for centuries. Suppiluliumas conquered Alalakh as well, which had also been dominated by the Hurrians. Hittite hegemony lasted here throughout the period of the Hittite kingdom. Other principalities of Syria also came under strong Hittite influence during the New Kingdom. This domination was supported by regular appearances of Hittite troops in Syria.

No tensions existed between Hatti and Egypt during Suppiluliu-

10. This did not mean that Mitannian princesses became queens of Egypt. The pharaohs merely included them among the ladies of their harems, where they served the actual queen, who was Egyptian by birth and frequently the pharaoh's own sister. Editor's note (IMD).

mas's time, a fact corroborated by a congratulatory letter sent by Suppiluliumas to Pharaoh Amenhetep IV on the occasion of his ascent to the Egyptian throne. Eventually, however, Hittite policies in Syria led to collision with Egypt.

Since the Nineteenth Dynasty, the aim of Egyptian policy had been the restoration of its past influence in Palestine, Phoenicia, and Syria, having been lost in the first half of the fourteenth century B.C. Hatti now became Egypt's main rival in Asia, and Pharaoh Rameses II began a prolonged war against the Hittites. In the fifth year of his rule (ca. 1312 B.C.)¹¹ Rameses II gathered an army of 20,000 and led it into Syria, where the Hittite king Muwatallis prepared an army of 30,000 warriors. Near the city of Kadesh (Qinza) the Hittite troops, which included militiamen from various tributary countries (including Dardanians, i.e., Trojans), ambushed the Egyptian detachments led by the pharaoh and thoroughly defeated them. Rameses managed to break out from the encirclement and repel the enemy but was unable to defeat the Hittites and to take Kadesh. Nor, for that matter, could the Hittites advance farther south. After many years of war, in the twenty-first year of Rameses' rule, presumably in 1296 B.C.,¹² when Hattusilis III reigned in Hatti, both countries signed a peace treaty providing for mutual nonaggression, aid against common foes, extradition of fugitives, etc. The treaty was confirmed by a marriage of Rameses II to Hattusilis's daughters. As a result, Egyptians and Hittites never again fought each other.

Hittite cuneiform texts from the New Kingdom contain information about Hittite contacts with the state of Ahhiyawa (apparently identical to the Akaiwasha mentioned in Egyptian hieroglyphic texts). Ahhiyawa is mentioned in connection with regions situated in western and southwestern Asia Minor. Some scholars identify the name of this country with the term *Achaeans*, which Homer uses to describe a union of ancient Greek tribes, although others vehemently oppose this equivalence as linguistically highly improbable. Ahhiyawa has not yet found a definite place on the map. Experts suggest that this country should be sought on Rhodes, Cyprus, Crete, or somewhere in Anatolia (southwest, west, or northwest). In recent times more and more scholars have tended to accept the original hypothesis that identified Ahhiyawa with Mycenaean Greece.

Friendly relations prevailed between Ahhiyawa and Hatti beginning with the reign of Suppiluliumas I. But the relations later deteriorated because of Ahhiyawa's determination to consolidate its power in southern and southwestern Asia Minor, especially in the city of

11. In 1286 B.C., according to other estimates.

12. Estimates of this date vary from 1296 to 1270 B.C.

Milawanda (possibly the later Miletus), and in Alasia (the island of Cyprus), where the interests of both states clashed. Toward the second half of the thirteenth century, "a man (from) Ahhiya(wa)" (i.e., a ruler of that country) began with increasing frequency to invade Hittite-dependent countries that were situated in western Anatolia.

It is during this time that the gradual decline of the Hittite Empire commenced. Kaska tribes continually attacked the northern regions of their weakened neighbor. According to some scholars, this was taking place under the pressure of Abkhasian and Georgian tribes that were migrating from the Caucasus toward the southwest. In eastern Asia Minor various political unions became active in the Upper Euphrates Valley (Pahhuwa, Zhuma, and others). An unfavorable situation for the Hittites also developed in the lands of Arzawa that strove for political independence. The increasing cultural-religious influence of the Luwian world in Hatti itself may have contributed to this situation.¹³

The Hittite state suffered an internal crisis toward the end of the thirteenth century. Continuous military expeditions strongly undermined the country's economy, various branches of which became ruined. A letter addressed by the Hittite king to the ruler of Ugarit reveals that Hatti suffered from food shortages. Aegean tribes invaded Asia Minor, further aggravating the situation. Egyptian sources call them the Sea Peoples.¹⁴ "No country, beginning with Hatti, was able to resist their armies," declares an Egyptian inscription. Hittite sources do not give any information about this catastrophe that befell their country during the reign of the last Hittite king—Suppiluliumas II.

Around 1200 B.C., or somewhat later, the formerly powerful Hittite kingdom fell once and for all together with its capital, Hattusas.¹⁵ Eastern Asia Minor sunk into decay for three to four centuries.

13. Actually, during this period Luwian may have completely replaced Hittite (Nesite) as the spoken language. Strong Hurrian influence was also felt in the Hittite capital at this time. Editor's note (IMD).

14. Egyptian sources name many of the Sea Peoples, but they are difficult to identify. Possible identifications are of the *'kyash* (probably to be read as *Akaiwasha*) with the Achaeans; the *rk* (to be read as *Rukka, Lukka*) with the Lycians in southwestern Asia Minor; the *shkrsh* (to be read as *Shikulai*) with the Siculi; the *prst* (to be read as *Purusta* or *Pulasta*?) with the Philistines and possibly the Pelasgoi; and the *trsh* (to be read as *Tursha* or *Trasha*?) with the Etruscans (Tirseni) or with the Thracians (Thrasici). Note that vowels were not spelled out in Egyptian. Editor's note (IMD).

15. Which of the migrating tribes actually destroyed Hattusas and the Hittite kingdom is not clear. In the opinion of I. M. Diakonoff, the Indo-European Mushki tribes were responsible. The Mushki belonged to a non-Hittite and non-Luwian group of Indo-European speakers. Later, according to this scholar, they merged with the Urartians and Hurrians and formed the Armenian nation, giving them their Indo-European language. Editor's note (IMD).

During the same critical period, the famous city of Troy perished in the war against the Achaeans. Troy had linked the civilizations of Asia Minor with those of the Balkan Peninsula. Legends about the fall of Troy eventually supplied the subject matter for the great Greek poems attributed to the legendary poet Homer: *The Iliad* and *The Odyssey*.

Socioeconomic Relations in the Hittite Kingdom

Farming and livestock breeding were the main occupations of the Hittite people. This is reflected in many paragraphs of the Hittite laws. The Hittites bred sheep, goats, pigs, and cattle. During the second millennium B.C. horse breeding began to spread through Asia Minor. The Hittites learned the most advanced methods for training battle horses from a text that had been translated into Hittite from a "text-book" written by the Hurrian horse breeder Kikkuli. Hittite laws established the prices of various domestic animals: for example, a horse or a mule cost 15–40 shekels of silver; a sheep cost 1 shekel. (A shekel was a weight unit of approximately 8.4 grams.) Poultry and apiculture also played a role in the Hittite kingdom.

Agriculture was important in the Hittite economy. The working population cultivated arable land and orchards and vineyards. Compared with domestic animals, land was cheap; 1 *ihu* (0.865 acres) of uncultivated land cost 1 shekel of silver; cultivated land cost 2–3 shekels.¹⁶

Alongside agriculture and stock rearing, the crafts also reached a high level of development in Hittite society, especially bronze metallurgy and pottery making. Archaeologists have discovered excellent examples of bronze agricultural implements and other tools, bronze weapons, and highly artistic ceramic artifacts. The high level of Hittite agriculture and crafts contributed to the development of trade.

Several forms of land ownership and land tenure existed in the Hittite kingdom. There were royal (or palace), temple, and private (community) lands. Royal and temple lands were the private property of the supreme power of the state, because the king was not only the supreme ruler of the country but also the high priest and, consequently, the principal owner of palace and temple lands. However, not all the land in the country was the king's property. Some land was outside the state economic sector. Such land could be alienated (by purchase-sale transactions, gifts, etc.).

16. These prices are incredibly low. Some scholars think that land in the Hittite kingdom, as in early Mesopotamia, was not involved in normal commodity circulation, and the above evaluations refer to cases when land was transferred from a debtor to a creditor to cover a loan. Editor's note (IMD).

State lands could be assigned to the various royal (or palace) and temple economies, usually as undivided tracts including several villages. The royal economy encompassed different estates, called "houses": for example, "the king's house" (sometimes called "house of the Sun"), "the queen's house," "the house of the palace." Land was tilled by people of different statuses. A certain number of the workers were permanently assigned to each house. Temple economies included estates called "house of a god" (temples proper), "stone houses," "bone houses," "seal houses," "tablet houses." Each house had its own staff of workers, who also were often permanently assigned to the land of the temple economies (or to economies connected with specific cultic activities, such as funerary rites). Houses could also be transferred to different royal and temple officials, usually together with the workers assigned to the land and their corresponding villages. Land could also be granted as such, without laborers.

The large houses of the state sector were subdivided into smaller economies: individual (nuclear) houses, which were the basic production cells of Hittite society. The possession and use of state land obligated the grantee to fulfill two kinds of state duties: the *sahhan* and the *luzzi*. The *sahhan* was an in-kind tax that required the individual producers or large houses to supply the king and high state functionaries ("the lord of the country," the district chief, the city mayor, etc.) with finished products (dairy and other foodstuffs, wool, etc.), as well as domestic animals. The *luzzi* was a labor duty involving work in the fields and vineyards, plowing, repairing fortifications, construction, and other state and public work for the benefit of the country's ruler or high state officials. The *luzzi* also included the obligation of royal employees and large houses to furnish troops for the Hittite army.¹⁸

A person could be freed from the *sahhan* and the *luzzi* by a special royal decree. Temple and various cultic establishments were usually free from state obligations, because their laborers worked only for the benefit of the deity. There were, however, cases of double exploitation whereby workers were forced to toil both for the king or his officials and for the temple.

17. These were apparently royal mausoleums and funerary temples.

18. Some scholars believe that the population outside the state sector was also subject to military service and some other conscription duties. They assume the existence of a private/communal sector on the basis of indirect allusions found in Hittite laws and on the dual jurisdiction of the courts of law. Some citizens were subject to the jurisdiction of royal functionaries and others to that of community elders, or *miyahwantes* (according to the "Instruction to the District Chief"). It must be kept in mind that no private documents have been preserved from the Hittite kingdom; probably having been written on wood, they did not survive. Editor's note (IMD).

In agricultural activities in the state sector there developed and continued to exist two types of economic relationships: the slave type and the serf type (by the latter we mean *corvée* labor). The methods of exploitation were mainly of a slave-owning type coexisting with an exploitation of the *corvée* type. Thus we can call the workers of the state sector dependent laborers of the slave and serf type.¹⁹ We also should keep in mind that a Hittite "serf" did not constitute a distinct social class separate from that of slaves. The Hittites themselves, although they distinguished serfs from common slaves, still referred to them both as "heads of [female] and [male] slaves" (Sumerian *sag-geme-ir*; Akkadian *ashtapiru*). For this reason, they are today often regarded as subcategories of one and the same class of nonfree persons.²⁰

Hittite law divided its society into free persons and nonfree persons. From the very beginning people were referred to as free only if they were freed by the king from the state duties of *sahhan* and *luzzi*, not just those due to the king (or palace) and high officials but also obligations to temples and cultic establishments. People free of all obligations gradually became "noble, honorable, and well-born" and constituted the top echelon of the ruling hierarchy (royal servants, military chiefs, administrators, temple servants, who held large land estates). For them physical labor became a shameful occupation or a form of punishment.

Nonfree persons were those who were not liberated from obligatory labor—even if it were only one single obligatory duty. They all were therefore considered socially dependent. When such a person was freed from duties to the king and high state officials or servants, he was transferred to work for the temple; he remained nonfree, or dependent. The nonfree inhabitants comprised large numbers of direct production workers (plowmen, shepherds, craftsmen, gardeners, and so forth) and formed the lowest social stratum, in the Hittite kingdom. They included slaves and serfs (i.e., helots), hired hands, etc.—people in various forms of dependence.

War furnished Hittite society with an additional labor force and material goods. The Hittites took many prisoners during their military expeditions. Mursilis II alone brought back 66,000 captives from the lands of Arzawa. In the annals of Mursilis II they are described with the Sumerian term *nam-ra* (read in Hittite as *arnuwala*), meaning "deported" (captured inhabitants of a conquered territory). Some of these deported people were converted into different kinds of slaves,

19. In the earlier lectures of our book, this type of worker was called a helot. Editor's note (IMD).

20. They can also be regarded as members of the "slave class in the broad sense of the term." Editor's note (IMD).

and others were settled on land as subjects of the Hittite king and obligated to *corvée* labor. (They were sometimes also taken into the army.) After a certain period of time they could no longer be distinguished from the rest of the Hittite working population.

There were different categories of direct producers of material goods. Some were fully dispossessed of all property rights, including property in the means of production, and their labor was exacted by coercion. They were slaves, not subjects, but only objects, of law that were used in domestic service, to work the land of the houses, to tend livestock, and so on. Others had means of production at their disposal, but only as a conditional possession and not as their private property. Economically (but not socially), they differed from the previous category. They usually had certain legal rights and their own "houses" (economies), families, land (as a rule, only on the basis of possession, not property right), a few domestic animals and could have their own working personnel (i.e., slaves). For small producers this created an opportunity for incentive and economic initiative. From the legal viewpoint, all categories of direct producers constituted one exploited class—a stratum of dependent, nonfree people.

The Hittite state was loosely structured. In this respect it resembled Mitanni and other, relatively short-lived state confederations of Asia Minor, Syria, and northern Mesopotamia. Apart from the cities and regions directly under the authority of the king, there were semidependent kingdoms (under the king's sons and kinsmen), as well as regions placed under the rule of high officials. The entire state was headed by the king, *hassus*, who also (contrary to lesser kings) bore the title *tabarnas*, and by the queen, who could hold the title *tawanannas* if she was the mother of the heir apparent or of the king himself. The king performed important military, religious-cultic, legal, diplomatic, and economic functions. The *tawanannas* occupied an equally elevated position in the Hittite social structure; she was the supreme priestess, with a wide array of cult-related and political functions and rights. Moreover, she had her own independent income.

The royal court included many functionaries and servants: "sons of the palace," "bearers of the golden spear," "men of the scepter," "overseers of a thousand," "wine scoopers," "masters of repast," "cooks," "cupbearers," "barbers," "bread bakers," "milkers," and so on. Moreover, the king was served by "tanners," "shoemakers," and "makers of battle chariots." They were regarded as "slaves [servants]" of the king, although they were not slaves in the social sense of the word. They all received parcels of land for their sustenance.

Temples had large economies that were structurally analogous to the royal economy. Various categories of people worked for the temples. There were cult servants ("high priests," "minor priests,"

“annointed ones,” “musicians,” “singers”), servants of the “kitchen” (“masters of repast,” “cooks,” “bread bakers,” “wine makers”), and direct producers of material goods (plowmen, shepherds, cattle herders, gardeners). They were all subsumed as “slaves” in regard to the god, although they also were not actually slaves.

Justice and Law

The Hittites believed the law was of divine origin, although this is not stated in so many words in the legal texts. The collection of laws that have reached us consists of two main tablets. The first had already been written in the beginning of the Old Kingdom. (There is also a later variant dated to the thirteenth century B.C.) Having a class character, Hittite laws stressed the protection of property, especially the private property rights, of the free persons. The laws established a fixed scale of prices, a sign of a certain degree of development in the commodity-money system. (Prices are also fixed for slave-craftsmen, including potters, smiths, carpenters, tanners, tailors, weavers, and bird catchers. They range from 10 to 20 shekels of silver.)²¹

A whole series of paragraphs is dedicated to family and inheritance law. The Hittite family was patriarchal. It was indisputably headed by the father: his authority applied not only to family property but also to his wife and children, although his rights over the family members were not limitless. Different forms of marriage existed. One type of marriage involved a payment of bride-money by the groom's family. Another, the *errebu*-marriage, was characterized by the son-in-law becoming a member of the bride's family, which paid a ransom. Finally, there was marriage by abduction. Marriage between free and nonfree persons was permitted under certain conditions.

Hittite Culture

The Hittite nation originated from the merger of Hattian and Indo-European tribes. Both ethnic groups also contributed their respective cultural achievements, giving rise to the Hittite culture, which from its beginnings was characterized by a wealth of local Hattian traditions. Hurrian and Luwian cultural elements also played an important role in the development of the Hittite culture. The same can be said about the influences of northern Syrian and Sumerian-Akkadian cultures.

A rich Hittite literature has been preserved in the Boghazköy ar-

21. These prices were probably not used by the Hittites, just as similar price lists were not used in Mesopotamia, for actual business transactions. More likely they served as estimates used by the courts in cases of damage and theft. As already mentioned above, there were almost no slave-craftsmen in Old Babylonia. Editor's note (IMD).

chive, which contains official texts (royal decrees, instructions, annals), as well as mythological and legendary texts and a great number of ritual texts. One of the world's first autobiographies is found in this archive: "The Autobiography of Hattusilis III." A considerable number of Near Eastern literary works were translated into the Hittite language during the New Kingdom (such as "The Epic of Gilgamesh" and a number of Hurrian myths). The most important are the Hurrian myths about the heavenly kingdom, which deal with the transfer of power from one dynasty of gods to another, and the "Song of Ullikumme," an originally Hurrian poem about the god Kumarwe. These literary works represent a link connecting the ancient Near Eastern literatures with the ancient Greek mythological and poetic tradition, especially with the *Theogony* of Hesiod. The subject of the "Song of Ullikumme" is the succession of four generations of gods in heaven, analogous to Hesiod's story of the transfer of power from Uranus to Cronos and from Cronos to Zeus. It is very similar to Hesiod's myth about Typhon.

Hittite mythological literature, which also includes myths of Hattian origin, is very rich. One of the mythological tales connected with the Hattian New Year ritual is "The Myth of the Serpent Illuyankas." The ritual re-created the battle between a divine hero and his enemy, the dragon Illuyankas. It was performed before the celebration of the New Year. This battle is to be compared with the ritual battles that were staged in later times in many countries of the world at New Year celebrations. Another myth traced back to Hattian tradition, "The Myth of Telepinus," is about a temporarily disappearing and resurrecting deity. One of the attributes in the cult of this god was an ever-green tree.

Hittite objects of art are characterized by the variety and originality of their designs and shapes (silver and bronze animal figurines, gold goblets and pitchers, gold ornaments, and so-called military standards, which sometimes depict a deer). Original idols have been found at Kül-tepe, together with pottery items (cups, rhytons, vases, etc.). The period of the New Kingdom saw the appearance in Asia Minor of a monumental style in different fields of art (architecture, stone reliefs, and animal sculptures, such as lions and sphinxes). Stoneworking reached a high level of sophistication in Hatti; a beautiful example of this is the gallery of sculpture carved in high relief into the rock at Yazilikaya. Original examples of Hittite glyptics have also been preserved. They include royal seals with inscriptions in Luwian hieroglyphics and in the Hittite cuneiform script.

Hittite religion played an extremely important role in the ideological and economic life of the society. In the words of the Hittites, there were "a thousand gods of Hatti," among whom were gods of diverse

origins: Hattian, Indo-European (Nesite, Luwian, Palaic, and also Aryan), Hurrian, Assyrian, Babylonian, Sumerian, and others.²² The principal deity was the Thunder god, "King of Heaven, Lord of the Hatti Country." His wife was the goddess of the Sun from the city of Arinna, "Lady of the Hatti Country, of the Heavens and Earth, Lady of the Kings and Queens of Hatti."

The traditions of Hittite culture did not vanish after the fall of the Hittite state.

22. Reliable references to Aryan (i.e., Indo-European) gods can be found only in a long list of deities mentioned in a treaty between the Hittite kingdom and Mitanni. Mitanni, as mentioned before, was ruled by a dynasty of Indo-Iranian origin. Thus, these Aryan gods may not have been part of the Hittite pantheon at all. Editor's note (IMD).

Глава XI

ХЕТТСКОЕ ЦАРСТВО

До начала XX столетия о хеттах было известно лишь по скудным упоминаниям в египетских, ассирийских и урартских надписях, а также в Библии. Хеттская цивилизация была открыта благодаря раскопкам в Бозагкёе под руководством Г. Винклера (1906—1912). В 1915 г. Б. Грозный дешифровал хеттские клинописные тексты и определил их язык как индоевропейский. В настоящее время опубликовано около 20 тыс. хеттских текстов (включая фрагменты отдельных документов).

§ 1. Исторические и политические тексты

В процессе работы над хеттскими клинописными документами учеными был выявлен целый ряд текстов, отражающих многовековую политическую историю хеттов, отдельные этапы ее развития от древнейшего периода истории до падения Хеттского государства. Эти тексты условно

можно разделить на несколько подвидов, из которых ниже будут рассмотрены царские анналы, государственные договоры с разными странами, дипломатическая корреспонденция и некоторые другие тексты интересующего нас содержания.

Царские анналы. Одним из ранних образцов этого жанра (летописей) можно считать так называемый «Текст Анитты», отражающий ранний период истории хеттов (приблизительно XVIII в. до н. э.). Именно в этом тексте появились первые указания на разделение царских деяний на отдельные годы. Хеттологи приходят к единому мнению о достоверности сведений, описанных в дошедшем до нас в сравнительно поздней версии тексте. Благодаря источниковедческому анализу стало возможным окончательно установить, что «Текст Анитты» был составлен не в эпоху Новохеттского царства (как это предполагалось некоторыми учеными), а гораздо раньше (его существование в период Древнехеттского царства не вызывает сомнений), возможно, в период правления самого Анитты, сумевшего создать первое крупное политическое объединение городов-государств Малой Азии под гегемонией неситских племен (с центром в Куссаре, а позднее в Несе-Канесе). Среди исследователей вызывает споры вопрос об языке, на котором был составлен первоначальный вариант текста. Не исключено, что он был составлен на аккадском языке, аккадской клинописью, так как хеттская клинопись появилась у хеттов, видимо, в самом начале Древнехеттского царства (в XVII в. до н. э.).

Явно в стиле царских анналов сделан найденный в 1957 г. клинописный текст в хеттской и аккадской версиях, составленный от имени правителя Древнехеттского государства Хаттусили I (XVII в. до н. э.) и рассказывающий в первом лице о военных деяниях этого царя в начале его царствования.

В этом документе привлекают внимание исследователей некоторые уникальные, не известные ранее данные по ряду вопросов истории хеттов XVII в. до н. э. Выяснилось, что великий царь-табариа Хаттусили I, правивший уже в Хаттусе (а не в Куссаре, как его предшественники), был сыном брата тавананны (супруги предыдущего царя). В тексте повествуется о разгроме Хаттусили I крупнейших северосирийских городов-государств Алалах и Варсува (Уршу; сравнение двух версий текста доказывает идентичность названий «Хурри» и «Ханигальбат», а также то, что Евфрат по-хеттски назывался Мала). Несмотря на то что

«Анналы Хаттусили» не раз были объектом исследований, интерпретация целого ряда данных текста и подготовка нового обстоятельного издания билингвы продолжаются.

Наиболее значительными из жанра царских летописей являются анналы Мурсили II (первая половина XIV в. до н. э.), в период правления которого анналистика в Малой Азии достигает высшей ступени своего развития. От имени Мурсили II были составлены и так называемые «Деяния Суппилулиумы I» (отца Мурсили II, правившего в Хатти в конце XV — начале XIV в. до н. э.), близко стоящие к жанру царских летописей.

Судя по дошедшим до нас фрагментам обширного исторического повествования, «Деяния Суппилулиумы» были изложены минимум на семи больших клинописных табличках. «Анналы Мурсили II» были составлены на хеттском языке в двух версиях, одна из которых названа учеными «Десятилетними анналами» (исходя из того что в них рассказано о военных операциях Мурсили первых десяти лет его царствования), а другая — «Пространными анналами», содержащими подробное описание событий почти всех тридцати лет правления Мурсили II. Отражая завоевательную внешнюю политику Новохеттского царства, эти письменные источники рассказывают нам о крупных военных походах хеттов в разные области Малой Азии и Северной Сирии, о покорении населения этих районов и о переселении его в Хатти огромными массами как «депортированного».

В Боказкёйском архиве сохранились анналы и других хеттских царей, например, «Анналы Тутхалии», «Анналы Арнуванды», а также фрагменты еще каких-то анналов. Принадлежность этих последних какому-либо из хеттских царей трудно установить (в научной литературе не решен вопрос и о том, какие Тутхалия и Арнуванда — правители Среднехеттского или Новохеттского царств — были авторами вышеперечисленных «анналов»). Все это подтверждает мнение, что жанр царских летописей непрерывно использовался хеттами. Возможно, этот жанр исторического повествования оказал определенное влияние на составление анналов позднесасирских царей.

Государственные договоры. Из большого числа хеттских письменных источников, отражающих внешнеполитическую и дипломатическую деятельность хеттских царей, особо выделяются государственные договоры, заключенные хеттскими правителями с царями разных стран Ближнего Востока.

Самый ранний государственный договор, сохранившийся в виде отдельных фрагментов, был составлен в эпоху Древнехеттского царства, а именно в период царствования Телипину (Телипину; ок. 1500 г. до н. э.), заключившего договор с царем Киццуватны (Киццувадны) — Испутасу. Договор был составлен на двух языках — на аккадском и хеттском — и имел целью, по-видимому, урегулирование спорных вопросов, связанных с господством Хатти на юго-востоке Малой Азии. По всей вероятности, той же цели служили и договоры, заключенные между Цидантой и правителем Киццуватны Пилия, а также между каким-то царем Хатти и Паддатису, царем Киццуватны. Эти ранние договоры, составленные на аккадском и хеттском языках, оформлялись на паритетных началах, требовавших полного равенства прав сторон. Они еще не составлялись по определенному образцу, как это делалось в Новохеттском царстве. Лишь отдельные клаузулы ранних договоров были использованы позднее в трафаретной схеме договоров Нопохеттского времени (например, клаузула о передаче беглецов).

Расширение завоевательной политики хеттов, начатое со времени царствования Суппилулиумы I, вызвало активизацию хеттов на юге и востоке Анатолии, в Северной Сирии и Северной Месопотамии. Суппилулиума урегулировал отношения с находившейся на востоке Малой Азии Хайасой, заключив договор на хеттском языке с ее правителем Хукканной и «людьми Хайасы». Мирно был решен вопрос Киццуватны, с царем которой — Сунассурой был заключен договор, открывший хеттам дорогу к подступам Северной Сирии (были составлены аккадская и хеттская версии договора). В результате кратковременного, но успешного военного похода в Митанни появился договор (также в двух версиях) между Суппилулиумой и Шаттивасой (Маттивазой, Куртивазой). Победа завоевательной политики в Северной Сирии дала возможность Суппилулиуме I заключить договоры с такими правителями северо-сирийских городов-государств как Никмаду из Угарита, Азиру из Амурру, Шарри-Кушух из Каркемиша, Тетте из Нухашше.

Видимо, в период правления Суппилулиумы I была создана определенная схема оформления документов интересующего нас содержания, которая усвершенствовалась в последующие периоды. А при Мурсили II образец составления этих документов принял вполне определенную форму (заметим, что не все договоры были составлены на пари-

тетных началах). Договор с зависимой страной начинался преамбулой от имени хеттского царя, составляющего договор, приводилась предыстория отношений между партнерами договора. Далее говорилось об основном назначении документа: правитель покоренной страны обязывался регулярно посылать хеттскому царю вспомогательные отряды вместе с боевыми колесницами, систематически платить дань, своевременно сообщать хеттам о внезапном появлении врага или о заговоре против Хатти, незамедлительно возвращать хеттскому царю беглецов из Хатти и т. д. Со своей стороны царь хеттов обязывался помогать зависимым правителям. В конце договоров приводились обращения к богам и их подробный перечень. Последние строки документа занимала формула проклятия.

Образцом договора на паритетных началах следует назвать договор между Хаттусили III и фараоном Рамсесом II, являющийся, как полагают, первым в истории дошедшим до нас мирным договором. Его аккадский вариант был обнаружен при раскопках в Богазкёе, а иероглифическая копия сохранилась на стенах Карнакского храма и в Рамессеуме в Фивах (согласно этому варианту, договор был написан также на серебряной табличке). В документе были внесены клаузулы о вечной дружбе и ненападении, о выполнении всех пунктов договора, о взаимопомощи против внешних и внутренних врагов, о выдаче беглецов и клятвы соблюдать договор.

До нас дошел целый ряд государственных договоров, в которых соблюдены основные принципы их составления, хотя в них имеются некоторые отклонения от принятой схемы. Имеются и договоры, не следующие принятому образцу, но имеющие отдельные клаузулы «стандартных» договоров. К числу таких документов относятся, например, договоры с каскейскими племенами, у которых «не было принято господство одного человека» (т. е. царя), договоры с «людьми Исмрики». Изменение общей схемы договоров было вызвано тем, что при их составлении хетты учитывали ряд обстоятельств, связанных с политической историей или общественной структурой стран своих партнеров.

Дипломатическая корреспонденция. Богазкёйский архив (также как и Телль-Амарнский) сохранил нам тексты, являвшиеся письмами хеттских правителей к царям разных стран Ближнего Востока. В свою очередь, эти последние вели переписку с царями Хатти. Указанные письма являются важным источником не только для изучения политической обстановки во многих странах Древнего Востока.

В них сохранились и данные относительно социально-экономической, этнической, религиозной истории хеттов, египтян, хурритов, вавилонян, ассирийцев и других народов. Особенно хорошо изучены хетто-египетские взаимоотношения (в частности, вопросы политического влияния обоих государств в Северной Сирии, брачных династических союзов и т. д.), о которых можно судить по письмам Суппилулиумы I фараону Египта Эхнатону, Рамсесса II царю Хаттусили III и его супруге Пудухепе. Сохранились и письма преемников Рамсесса II, адресованные также Хаттусили III и Пудухепе.

В ряде писем освещаются вопросы внешней политики хеттов в связи с Северной Сирией и Митанни. Осложнение политической обстановки на востоке Малой Азии и в Северной Месопотамии, вызванное возвышением Ассирии и Вавилонии, стало поводом двусторонней дипломатической переписки между хеттскими царями и правителями указанных месопотамских стран. Согласно письму вавилонского царя Кадашман-тургу царю Хаттусили III, вавилонский правитель надеялся на военную помощь хеттов в случае войны, а Хаттусили III спрашивал следующего царя Вавилонии — Кадашман-Эллиля, почему он медлил с отправкой в Хатти своего посла. С периода царствования Муваталли отношения с Ассирией были мирными, на что указывают письма Муваталли, отправленные к Адад-нерари I, Хаттусили III — к какому-то царю Ассирии, письмо Салманасара I, адресованное не известному нам хеттскому царю. Однако с периода царствования Тутхали III IV отношения с Ассирией осложняются. На письмо этого хеттского царя, поздравлявшего молодого Тукульти-Нинурту I со вступлением на престол, царь Ассирии «ответил» вторжением в заевфратские хеттские области, откуда он увел 28 800 жителей страны Хатти.

Ситуация осложнилась и на западе Малой Азии, что было вызвано активизацией Аххиявы (возможно, Микенской Греции). О дипломатических связях хеттских царей периода Новохеттского царства с царями Аххиявы, а также с правителем западно-малоазийской области Милавата, рассказывает нам ряд писем хеттских царей, адресованных правителям этих последних стран.

Другие тексты политического и исторического содержания. Кроме рассмотренных выше документов в Богазкёйском архиве имеется множество текстов, рассказывающих о разных сторонах политической истории хеттов. Они составлялись с начала Древнехеттского периода.

Одним из таких текстов является так называемое «Завещание Хаттусили I», которое было составлено на двух языках — хеттском и аккадском. Правда, его текст был сильно поврежден, однако благодаря сличению этих версий, а также других текстов, по содержанию близко стоящих к «Завещанию», документ был образцово восстановлен Ф. Зоммером и А. Фалькенштейном в 1938 г. Усилиями этих ученых была проведена солидная источниковедческая работа, в результате которой ученые получили уникальный текст на древнехеттском языке. «Завещание» является обращением Хаттусили I к собранию воинов (pankus) и к главным сановникам, которые в указанную эпоху определенно ограничивали власть царя. Поводом для составления завещания явилась попытка изменения порядка наследования.

Как полагают, к «Завещанию Хаттусили I» по своему назначению близок так называемый «Указ Телепину», так как и этот последний является обращением царя к собранию воинов, определяющим новый порядок наследования царской власти (от отца к сыну), а также взаимоотношения царской власти и собрания. Текст дошел до нас в основном в хеттской версии, хотя сохранились и отдельные места его аккадского варианта. Исключительный интерес представляет вводная историческая часть документа, описывающая деятельность первых хеттских царей как образцовых правителей.

В Богазкёйском архиве найдено немало текстов и фрагментов исторических произведений, также относящихся к периоду Древнехеттского царства. Отдельные моменты истории хеттов указанной эпохи, в частности борьбы хеттов за Северную Сирию и против хурритов, отражены в одном фрагменте какого-то указа Хаттусили I, в разных фрагментах текстов, составленных от имени Мурсили I, в тексте об осаде города Уршу, во фрагментах, упоминающих предводителя войск Зукраши из Халапа, царей Ямхада — Яримлима и Хаммурапи, хурритов и т. д. Тут же следует назвать некоторые фрагменты политического и исторического характера, написанные также в интересующий нас период: так называемая «Дворцовая хроника» — сборник назидательных рассказов о придворных, совершивших разные проступки, часть хроники царя Аммуны, текст о походе Телепину в Лахху и многие другие.

Вышеупомянутые источники дают определенное представление о довольно высоком развитии в древнехеттскую эпоху жанра исторических и политических произведений.

Этот жанр еще более развился в период Новохеттского царства, когда были составлены ценные исторические источники, имеющие большое значение в истории человеческой культуры. Это так называемая «Автобиография Хаттусили III», являющаяся, как полагают, одной из первых автобиографий, известных в мировой литературе. В «Автобиографии» описывается жизнь хеттского государя, развивается представление о божественном происхождении царской власти (в отличие от древнехеттского периода), рассказывается о нововведении, заключавшемся в прославлении культа хурритской богини Иштар (Шавушки), «помогавшей» Хаттусили осуществить его замыслы в связи с захватом царского престола.

§ 2. Правовые документы

Изучению источников по хеттскому праву ученые уделяли и уделяют весьма существенное внимание. Это нашло свое отражение в многочисленных работах, посвященных публикации и исследованию документов правового характера. В них проведена и большая источниковедческая работа.

Хеттские законы. Уже в 1922 г. появилось первое издание хеттских законов, осуществленное Б. Грозным. В 1959 г. И. Фридрих подготовил фундаментальное издание этих текстов (в транслитерации, с переводом и комментариями), а в 1964 г. Ф. Импарати опубликовала сводное издание хеттских законов, включавшее в себя транслитерацию хеттского текста и итальянский перевод с комментариями с учетом всех известных к тому времени фрагментов законов. Г. Оттен и В. Соучек в 1966 г. опубликовали новые фрагменты хеттского судебного кодекса, с помощью которых уточняются неясные места отдельных статей хеттских законов, выявляются варианты того или иного параграфа. Все эти фрагменты следует учитывать при подготовке нового сводного издания хеттских законов.

Сборник хеттских законов делится на две части по начальным словам двух пространных таблиц: «Если человек...» и «Если виноградная лоза...». Исходя из лингвистических и процессуальных данных, составление этих двух частей сборника относится учеными к периоду Древнехеттского царства, когда проводилась реформаторская работа хеттских царей (Хаттусили, Мурсили). Сохранилась также часть более позднего варианта законов, относящаяся к эпохе Новохеттского царства.

Первая таблица хеттских законов содержит данные о праве собственности и личных правах человека, она определяет положение «свободного человека» и «раба» («несвободного»), в ней дается система наказаний за убийство, телесное повреждение или за похищение человека, рассмотрены нормы семейного права, имеются сведения о государственных повинностях («саххан» и «луцци») и т. д.

Вторая таблица законов касается вопросов правовой защиты землепользования, системы наказаний за противогосударственные и противообщественные поступки, за воровство и нарушение договора и т. д. В этой же части законов даются нормы возмещения наемного труда, тарифы цен на разные товары и др.

Сравнение двух таблиц сборника законов указывает на постепенное развитие хеттской законодательной системы, начатой неким «отцом царя» (возможно, Хаттусили или Телепину). Если в первой таблице говорится о компенсации «головами» (людьми), для второй таблицы, а также для позднейшего варианта законов характерна их замена денежным возмещением. Кроме того, во многих статьях законов указываются древний обычай и пришедшая ему на смену поздняя юридическая норма.

Хеттские законы, носившие явно классовый характер, большое внимание уделяли защите собственности, в первую очередь государственной. За воровство или нанесение ущерба чьей-либо собственности были установлены многократное возмещение и штраф. Личность раба в случае его убийства или нанесения ему телесного повреждения была оценена вдвое меньше, чем личность свободного человека, т. е. хеттские законы учитывали социальное положение убитого.

Несмотря на значительную степень изученности данной группы источников, их источниковедческая критика разработана меньше, чем критика других видов источников, на что должно быть обращено внимание исследователей в будущем.

Судебные протоколы. Здесь имеется в виду та группа текстов, в которых даны записи показаний обвиняемых или свидетелей на суде. Эти документы изучены довольно слабо, так как очень трудна интерпретация отдельных мест текстов, а также целого ряда терминов судебного характера. Хетты называли этот вид источников просто «делом». В текстах лишь один раз назван объект обвинения, а относительно результата процесса или решения судебной инстанции в документах ничего не сохранилось. Высказано

предположение, что все интересные нас «протоколы» касаются гражданского, а не уголовного процесса.

Ученые, специально работающие над «протоколами», обратили внимание на то, что все эти документы составлены в одном экземпляре, без дубликатов. Многоколонные глиняные таблицы в обычной форме составлялись, по-видимому, в канцелярии лишь после окончания того или иного судебного процесса. Что касается одноклонных табличек, имеющих продолговатый формат и мелкие знаки, то они, видимо, заполнялись в ходе судебного процесса.

В интересных нас текстах не указывается, в какой инстанции занимались судебным следствием или выносили решение суда. В одном тексте рассматривается жалоба царицы, которая и ведет следствие. Возможно, она была судьей. У хеттов не существовало профессиональных судей в современном смысле, судебские функции выполняли царь, царица, а также, от случая к случаю, государственные служащие.

Все дошедшие до нас хеттские судебные протоколы составлены в период Новохеттского царства (полагают, что вышеупомянутая царица — Пудухепа, супруга Хаттусили III). Предполагают связь хеттского права с другими древневосточными правовыми системами, ряд ученых допускают возможность месопотамского влияния на судебную процедуру хеттов (В. Корошец, Э. фон Шулер, Р. Вернер).

Судебные протоколы не составлялись по какой-либо определенной схеме, по трафарету. Поэтому правовой характер этих документов можно определить лишь по их содержанию. На процессе рассматривались разные судебные дела, в основном дела о растрате или краже царского (государственного) добра. В некоторых текстах разбираются дела о взятках, а также о незаконном присвоении чужой собственности (в том числе депортированных людей). В одном случае рассмотрено дело о совершении какого-то недозволенного магического акта. Имеются и судебные протоколы, составленные по поводу выдачи фальшивого документа или выдачи (из дворца) разных вещей, скота без печати на документе и т. д.

Виновниками или свидетелями являлись, как правило, государственные служащие, в том числе и высокопоставленные лица. Во время судебного процесса выявлялись факты о злонамеренном использовании тем или иным чиновником занимаемой им должности, что рассматривалось как тяжкое преступление.

Судебные протоколы содержат также сведения о социально-экономической жизни хеттов. Их дальнейшее изучение является важной задачей историков, включая историков права.

Царские указы. Отдельные царские распоряжения, имевшие правовой характер, издавались еще со времен Древнехеттского царства. Самым ранним таким указом можно считать «Завещание Хаттусили I», объявлявшее наследником престола своего приемного сына Мурсили (а тавананну — вне закона). Завещание Хаттусили было выполнено, однако вопрос о порядке престолонаследия оставался неразрешенным. Регулированию его был посвящен так называемый «Указ Телепину», определивший порядок наследования, согласно которому наследником становился только кто-либо из представителей царского рода (из царских сыновей, по старшинству). Из царских указов периода Новохеттского царства следует отметить указ Тутхалии IV.

Детально исследовав интересующие нас источники с точки зрения хеттского права, Э. фон Шулер пришел к выводу, что нормы царских указов, соприкасающиеся с хеттскими законами по содержанию и стилю, служили для объявления новых или для уточнения существующих законоположений.

§ 3. Документы социально-экономического содержания

Данные о социально-экономической истории сохранились в разнообразных текстах Богазкёйского архива.

Служебные «инструкции». Правители Новохеттского царства составляли специальные предписания для сановников и государственных служащих, регулировавшие обязанности и права последних.

Для высших царских служащих было составлено несколько предписаний, из которых особо выделяется «Инструкция» для «господина пограничной охраны». Согласно «инструкции», ему подчинялись все пограничные крепости с боевыми отрядами, а также разные царские учреждения (в том числе так называемые «дома царя» — «дворцы» и т. д.), находившиеся в управляемой им области. «Господин пограничной охраны» должен был заботиться о постоянной готовности обороны. Кроме того, он руководил всеми работами в царском хозяйстве, вплоть до выделения новым депортированным земельным участкам. Он разбираал и судебные дела. В его обязанность входила и забота о содержании культа данной области (содержание в полной исправности

храмов и культового инвентаря, своевременное выполнение службы богам и т. д.).

Специальная «инструкция» обращена к «господам». «Господин» выполнял функции военного начальника, а также наместника царя определенной провинции. Одновременно он следил за выполнением разных предписаний по отношению к царю. Царя окружали «главные», для которых также составляли «инструкции»: они должны были обращать внимание на все, что происходило в стране, в особенности при царском дворе, а также у вельмож страны, и докладывать о всех злоумышлениях против царя.

Сохранились тексты предписаний для разных государственных служащих, в том числе для высших военных чинов, для городских управляющих, для жречества и служителей храма, «телохранителей» и т. д. Часть из них еще не обработана. Раскрытие особенностей источников, выявленных на основе лингвистического, правового и исторического анализа, позволяет ученым сделать ряд важных общих выводов относительно структуры государственного управления у хеттов.

«Иммуниетные грамоты». Под этим названием подразумеваются документы, составленные в период Новохеттского царства и касающиеся вопроса освобождения разных хозяйств («Домов»), переданных в качестве царского дара, от государственных обязательных работ и податей, а именно от натуральной и трудовой повинностей (т. е. согласно хеттской терминологии, от «саххана» и «луци»). Эти хозяйства вместе с их рабочим персоналом принадлежали храмам, а также отдельным частным лицам.

Изучение хеттского материала относительно освобождения отдельных хозяйств и частных лиц от государственных повинностей показывает, что определенные привилегии в связи с выполнением государственных обязательных работ выдавались с периода Древнехеттского царства, когда началось развитие института податно-повинностного иммунитета в хеттском обществе. Люди или хозяйства, получившие эти привилегии, освобождались от разных работ и податей в пользу государства, что делалось только по решению центральной власти. Однако в период Древнехеттского царства выдача иммунитета, по-видимому, не оформлялась специальным документом.

Начиная же с последующей эпохи в связи с выдачей иммунитета в практику вошло составленное документа, постепенно получившее определенную форму, со стандартной терминологией и фразеологией. Грамота имела «прямбу-

лу» с указанием имени составителя документа (царя или царицы), иногда с его полной генеалогией; в некоторых грамотах приводились мотивы составления текста, причины выдачи иммунитета. После этого следовала основная часть, где подробно перечислялись работы и подати, от которых освобождались хозяйства или отдельные лица. Эта часть имела вид трафаретной формулы, повторяющейся с незначительными изменениями почти во всех грамотах. Документ об иммунитете имел также заключительную часть, в которой запрещалось всякое игнорирование документа или изменение его содержания. В конце текста иногда появлялась формула проклятия с перечислением божеств хеттского пантеона.

Дарственные на землю. С «иммунитетными грамотами» тесно связаны царские дарственные на земельные участки, которые выдавались с эпохи Древнего царства отдельным государственным служащим за службу царю или отдельным государственным хозяйствам. В указанную эпоху именно такие земли, даваемые центральной властью в качестве «дара царя», получали податно-повинностный иммунитет (это отражено в § 47А хеттских законов). Однако в дальнейшем положение изменилось — земли этой категории больше не освобождались от выполнения государственных повинностей, если сам царь (или дворец) специально не выдавал документ об иммунитете. Именно о таких «иммунитетных» текстах шла речь выше. Что касается дарственных на землю, то в них нет речи об иммунитете.

Эти документы, которые обычно скреплялись царской печатью, имели целью, как это установил издавший в 1958 г. все дарственные на землю К. Римшнейдер, защитить право владения (или собственности?) над пожалованными царем землями.

Дарственные на землю составлялись по определенному образцу. Во вступительной части указывалось, что документ был составлен табарной — великим царем (имя не указывалось); далее перечислялось все, что было выдано в качестве «дара царя» (поля, сады, луга, разные постройки сельскохозяйственного назначения, рабочий персонал, скот и т. д.). После этого в документе специально подчеркивалось, что «великий царь» все перечисленное «взял» и тому или иному служащему «передал в дар». Вслед за этим приводилась клаузула о валидации с формулой проклятия, указывалось место составления документа, приводились имена свидетелей и писца.

Изучение дарственных на землю освещает вопросы, связанные с аграрной историей в хеттском обществе. В них засвидетельствованы социально-экономические, сельскохозяйственные, юридические термины, исследование которых так важно для определения социально-экономических отношений в Хатти. Согласно этим текстам, из нескольких индивидуальных хозяйств («домов») образовывались более или менее крупные хозяйства, принадлежащие одному определенному лицу (например, владение храмовой служительницы Куваталлы включало в себя 13 индивидуальных «домов»). Являясь объектами царского дара, каждый «дом» после дарения рассматривался как владение (или даже собственность?) отдельных лиц, имевших, очевидно, право свободного распоряжения ими. Непосредственные производители, сидевшие на дарственных землях, должны были самостоятельно вести хозяйство, держателями которого они являлись.

Отдельные вопросы, в частности связь дарственных текстов с «иммунитетными грамотами» и поземельными кадастрами, все еще недостаточно освещены в специальной литературе.

Поземельные кадастры. Для исследования аграрных отношений в Хеттском государстве немаловажную роль играет и данный вид источников. Дошедшие до нас тексты освещают некоторые стороны земельных отношений, существовавших, как полагают, в северной части Анатолии, по соседству с территорией, населенной каскейскими племенами. Следует предположить, что те же отношения развивались и в других частях Хеттского государства.

И эти документы составлялись по определенной схеме в следующей последовательности. В связи с каждым участком («полем») по отдельным параграфам были указаны категория земли, местоположение участка, количество семян, нужное для посева, имя владельца участка и размеры посевной площади.

Как явствует из текстов, интересующие нас земли являлись исключительно посевными полями, которые обрабатывались их держателями, людьми разных профессий (уцелели названия представителей только двух профессий — садовника и гончара), возможно, из числа депортированных, часть которых центральная власть сажала на земельные участки на условиях выполнения государственных повинностей.

Таким образом, все «поля», названные в поземельных текстах, были государственными землями. Поэтому можно

предположить, что рассматриваемые нами тексты были составлены с целью описи выданных государством земельных участков или же являлись простым перечнем полей, выданных центральной властью новым держателям из той же категории людей.

Наряду с интенсивным изучением рассмотренных видов источников проанализированы и другие хеттские тексты, которые нельзя игнорировать при разработке проблемы социально-экономической истории хеттского общества.

В первую очередь следует упомянуть тексты, содержащие сведения о депортированных людях — «навра». Особенно интересны тексты, рассказывающие о пожертвованных царя или царицы «домов» с депортированными в пользу храмов. Как известно, такие «дома» (хозяйства) центральная власть передавала и отдельным государственным (царским) учреждениям или лицам. Из текстов становится ясно, что хозяйства с депортированными — это искусственно созданные государственной властью небольшие экономические коллективы, наделенные средствами производства. Их принуждали нести соответствующие повинности в пользу государства (царя, храмов). В результате этого все члены коллектива становились непосредственными сельскохозяйственными производителями, хотя некоторые из них были заняты и ремеслами (при распределении депортированных применялись система распределения по десяткам). Являясь искусственно созданными экономическими ячейками, эти «дома» распадались при первом же удобном случае, так как их члены спасались бегством за пределы царства Хатти.

Обращают внимание разные «списки», в которых перечислены государственные служащие — так называемые управляющие, дается перечень военных отрядов, регулярно посылаемых разными поселениями страны для пополнения хеттского войска; в некоторых «списках» названы только женщины — «певицы» — и люди, находившиеся в зависимости от различных царских служащих. Сохранились также «списки», в которых перечисляются одни мужчины с указанием их профессий, названы населенные пункты, где находились отдельные царские служащие.

Термины социально-экономического содержания засвидетельствованы в коневодческих текстах, написанных на хеттском языке уроженцем Митанни — хурритом Киккули, а также другими лицами. Крупнейшей работой по хеттскому коневодству, вышедшей в 1961 г., является монография А. Камменхубер «Hippologia Hethitica». Автором ее был исчерпан весь хеттский материал относительно ко-

несводства, дан критический анализ текстов, целого ряда терминов. В книге А. Камменхубер рассмотрены наиболее дискуссионные проблемы (появление лошади и колесницы в Передней Азии, их применение в военном деле и др.).

§ 4. Тексты религиозного содержания

Основная масса сохранившихся хеттских клинописных текстов имеет религиозное содержание. В них дается описание обрядов, празднеств, торжественных шествий и т. д. Многочисленны записи сакральных формул, заклинаний и молитв. Встречаются литературные произведения — изложение мифов, плачи, песни. Документы религиозного содержания могут быть важным источником по социально-экономической истории. Так, например, можно выделить группу текстов, в которых подробно описываются божества, почитаемые в разных уголках страны хеттов. При этом перечисляется имущество, принадлежащее храмам этих божеств, — разнообразные предметы из золота, серебра, бронзы, меди, железа, дерева. Здесь же имеются сведения об организации культа и храмовом персонале.

Некоторые из памятников религиозной литературы содержат важную социальную терминологию. Об эволюции ряда политических институтов (собрание — панкус, например) приходится судить привлекая литературные и мифологические тексты о собраниях богов и т. д. В хеттских религиозных текстах описываются преимущественно официальные церемонии и празднества, в которых принимали активное участие придворные. Это дает возможность представить придворную иерархию, титулы и должности, сакральные функции царя и его окружения. Описание торжественных религиозных процессий, объездов царем своих владений с посещением храмов наиболее почитаемых божеств имеют большое значение для выяснения исторической географии Хеттского царства. Иногда в религиозных текстах встречаются и упоминания политических событий. Например, в молитвах Мурсила речь идет не только об эпидемии чумы, постигшей страну хеттов, но и рассказывается о войнах и усобицах предшествующего времени, которые, согласно оракулу, явились причиной появления губительной болезни. Соответствующие отрывки молитв напоминают хеттские анналы, и в целом бывает трудно провести четкую грань между текстом религиозного содержания и «историческим повествованием». Анализ мировоззрения хеттов и образности их литературы необходим для правильной ин-

терпретации текстов, посвященных политической истории.

Тексты мифологического и ритуального содержания порою непосредственно отражают политические события (скажем, упоминания о борьбе хеттских богов с богами страны Каска должны рассматриваться как свидетельство военных столкновений хеттов с касками и т. д.). Описания обрядов строительства дворца, дома и т. п. содержат информацию о бытовой стороне жизни хеттов.

Первостепенным источником для истории культуры Малой Азии в древности является хеттская клинописная литература. Более того, ее значение не ограничивается только хеттологией. Хеттские мифологические и литературные тексты нередко имеют архаичный характер. Их метрика, стиль, сюжеты в известной степени сохраняют древнейшую индоевропейскую традицию.

БОРЬБА ХЕТТОВ ЗА СЕВЕРНУЮ СИРИЮ В ПЕРИОД ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА

СЕРЕДИНЫ XVIII в. (ок. 1750 г. до н. э.)¹, когда во главе уже существовавшего в центральной части Анатолии Хеттского (неситского) государства² встал Лабарна из гор. Куссара, хетты начинают проводить широкую завоевательную внешнюю политику.

Эта политика, которую в эпоху Древнего царства осуществляли Лабарна и его ближайши наследники — Хаттусли I (= Лабарна II), Мурсили I и Хантили (все трое царствовали в период ок. 1700—1600 гг.), а также последний представитель этого царства — Телиппу (ок. 1550 г.), была направлена в первую очередь на утверждение господства Хатти над отдельными политическими объединениями Малой Азии. Та же политика, выражавшая интересы военно-рабовладельческой знати Хеттского государства, преследовала цель распространить хеттское влияние и за пределы Малой Азии³. Внимание хеттов было приковано к двум боль-

¹ Все даты старого летоисчисления в статье даны по так называемой «высокой» хронологии — см. B. L a n d s b e r g e r, *Assyrische Königsliste und edunkles Zeitalter*, JCS, 8, 1954, № 1, стр. 31—45; № 2, стр. 47—73; № 3, стр. 106—133; K. V a l k a n, *Observations on the Chronological Problems of the karum Kanesh*, Ankara, 1955, стр. 41 слл.; A. G o e t z e, *On the Chronology of the Second Millennium B. C.*, JCS, 11, 1957, № 2, стр. 53—61; № 3, стр. 63—73.

² Как выяснилось в последние годы, существование в центральной Малой Азии начала II тыс. индоевропейских (resp. неситских) племен уже не вызывает сомнения (см., например, H. O t t e n, *Zu den Anfängen der hethitischen Geschichte*, MDOG, 83, 1951, стр. 43 слл.; о н ж е, *Zur Geschichte des alten Anatolien*, «Zeitschrift für Kulturaustausch», Stuttg., 12, 1962, № 2—3, стр. 1; A. G o e t z e, *The Theophorous Elements of the Anatolian Proper Names from Cappadocia*, «Language», 29, 1953, № 3, стр. 263 слл.; H. Th. V o s s e r t, *Bild-Luwisches*, «Festschrift J. Friedrich», Heidelberg, 1959, стр. 61—90; A. K a m m e n h u b e r, *Zu den epichorischen Sprachen Kleinasiens*, «Das Altertum», 4, 1958, № 3, стр. 133; о н ж е, *Nominalkomposition in den altanatolischen Sprachen des 2. Jahrtausends*, «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung», 77, 1961, № 3—4, стр. 163 сл. и прим. 4). Следовательно, и созданное здесь при Амитте (ок. 1850—1800 гг. в результате завоевательных войн) царство было хеттским.

³ Тут же следует заметить, что при Лабарне и особенно при Хаттусили и Мурсили, хетты должны были иметь хорошо организованное войско (ERIN.MES), оснащенное повой по тому времени техникой. Это подтверждается применением хеттами двухколесной боевой, возможно, колпной колесницы (G¹³SIGIR). Наверное для военных целей хетты применяли и лошадей, о чем нередко идет речь в хеттских источниках, описывающих события времени Древнего царства. О войске хеттов Древнего царства, колпн и боевых колесницах см. A. K a m m e n h u b e r, *Hippologia hethitica*, Wiesbaden, 1961, стр. 27—33 (здесь же см. литературу и источники).

шим областям — стране Хурри, где на левобережной стороне Евфрат уже образовались довольно сильные политические объединения⁴, и Северной Сирии, где существовало одно из могущественных царств Ближнего Востока той эпохи — Халап (= Хальпа, Ямхад).

В хеттской экспансионистской внешней политике борьба за Северную Сирию занимает особое место. Ожесточенность ее еще более обострилась тем, что она сопровождалась борьбой за те районы, которые были расположены в юго-восточном углу Малой Азии и рассматривались как подступы к Северной Сирии (см. ниже).

Борьба за Северную Сирию приняла особенно широкие масштабы при Хаттусили I и Мурсили I. Хаттусили I, первым осуществивший военные экспедиции в эту страну, как выясняется, вероятно, умер от ран, полученных в боях за Северную Сирию (см. ниже), за которую (или за подступы к ней) также боролись (правда, не в таких масштабах, как во времена Хаттусили и Мурсили) Хантили и Телипиу. В период между правлением Хантили и Телипиу хетты не сумели совершить походы в Северную Сирию ввиду смут при хеттском царском дворе, сильно ослабивших государство Хатти⁵.

Правда, нигде в источниках прямо не говорится о целях хеттского вторжения в Северную Сирию, но нетрудно заметить, что причиной стремления хеттов к политической гегемонии в Северной Сирии было стратегическое местоположение этой страны. Это и неудивительно. Северная Сирия с этой точки зрения привлекала внимание не только Хеттского царства, но и других соседних (или несоседних) государств на всем протяжении существования древневосточных государств⁶. Действительно, и в интересующую нас эпоху по территории Северной Сирии пролегалли те большие торговые транзитные пути, которые связывали многие страны Ближнего Востока⁷, а северосирийские порты позволяли поддерживать связь между всей Передней Азией и странами Средиземноморья. Ввиду этих удобных географических условий Северная Сирия издревле была втянута в транзитную внешнюю торговлю.

Поэтому весьма сомнительно, чтобы хетты не заинтересовались стратегическим положением Северной Сирии. И это тогда, когда они начинали выходить на широкую политическую, экономическую и культурную арену в Передней Азии.

Также сомнительно, чтобы хетты не интересовались сырьевыми богатствами Северной Сирии (лесом, особенно кедром, металлами и т. д.), хотя в источниках трудно найти прямые указания на это.

Однако наибольший интерес хеттов к Северной Сирии был вызван (это нашло свое отражение и в письменных источниках) материальными богатствами этой страны. Действительно, к тому времени, когда хетты начинают вторгаться в Северную Сирию (приблизительно с 1700 г.), она представляла собой один из богатейших районов во всей Передней Азии. Наи-

⁴ Борьбе хеттов с хурритами в период Древнего царства мы намерены посвятить отдельную работу.

⁵ Э. А. Менабде, О характере придворных смут в Хеттском государстве (XVII—XVI вв. до н. э.), «Кавказско-ближневосточный сборник», II, Тб., 1962, стр. 35—44 (резюме на франц. яз.).

⁶ Как известно, с середины II тыс. за Северную Сирию ожесточенные бои вели египтяне, хетты, митаннийцы, в последующие периоды — ассирийцы, урартийцы и др.; см. В. И. Авдиев, История древнего Востока, М., 1953, стр. 352 и 366 слл.; «Всемирная история», I, АН СССР, 1955, стр. 395 сл.; С. М. Бацакева, Борьба между Ассирией и Урарту за Сирию, ВДИ, 1953, № 2, стр. 17—36; А. А. Барамидзе, К вопросу о значении Северной Сирии для Урарту, ВГМГ, XX-V, 1959, стр. 209—303.

⁷ W. A. Ward, Egypt and the East Mediterranean in the Early Second Millennium B. C., Or., 30, 1961, № 1, стр. 25 сл. и прим. 1 (здесь же см. литературу).

более ценные данные в этом отношении получены из обнаруженных в VII слое Алаха писемных источников, представляющих нам интересный материал по экономической и политической истории Северной Сирии ок. 1850 — 1650 гг. до н. э.

По данным письменных источников VII слоя Алаха, Северная Сирия представляется нам страной с высоким развитием земледелия¹ и скотоводства². Здесь на высоком уровне находилась и обработка металлов¹⁰.

Вышеупомянутые надписи содержат достаточный материал, указывающий на развитие ремесленного производства в Северной Сирии. Здесь фигурируют ювелиры, медники, ковзнеики, красильщики, ткачи, портные, плотники, «цирюльники» и др.¹¹.

В Северной Сирии рассматриваемой нами эпохи была весьма развита и торговля. По данным письменных источников предметами купли-продажи были всякого рода движимое и недвижимое имущество: поселения, дворцы, дома, виноградники, сады. В табличках не раз говорится о торговле мужчинами, женщинами и детьми (АТ, *61, *66—67, *69—70 и др.). Широко была развита также внешняя торговля.

Результатом значительного развития ремесленного производства и торговли было появление в Северной Сирии рассматриваемого нами периода многих экономически сильных городов, которые представляли собой в то же время политические центры независимых мелких царств (Халап, Алах, Каргамыш, Угарит и др.). В этих городах, в основном в дворцах местных правителей, как известно, сосредотачивались большие богатства.

¹ Здесь культивировали пшеницу, ячмень, явну, эммер и т. д. По данным этих источников в Северной Сирии разводили виноград (АТ, *62—64 и мн. др.), маслины, изготовляли разных сортов явну (АТ, *52; *56 и др.), растительное масло (АТ, *52; *54; *56; *59; *61 и мн. др.), пиво (*324b и др.) и т. д.

² В письменных источниках неоднократно упоминается мелкий рогатый скот — овцы и козы (АТ, *9, *10, *4; *98; *335 и особенно *349). Здесь часто идет речь о быках (АТ, *2, 33; *10, 5; *54; *73—74 и др.), ослах (*2, 33 и др.), лошадах (šisu: *2, 33; *54; *240—241; *243—245; *250; *255—258; *280 и др. Ср. I. G e l b, The Early History of the West Semitic Peoples, JCS, 15, 1961, № 1, стр. 41 и прим. 45). По всей вероятности, лошадь в здесь была применена для военных целей (о применении боевой, возможно, конной колесницы ср. АТ, *205—206; КВс, VII, 14, I, 15 и др. — см. К а т ш е н б е р г, Hippologia, стр. 28; W. F. A l b r i g h t, New Light on the History of Western Asia in the Second Millennium B. C., BASOR, 77, 1940, стр. 31). Население Северной Сирии в рассматриваемый период знало и верблюдов (ANSE.GAM.MAL: *269, 59) — см. W. G. L a m b e r t, The Domesticated Camel in the Second Millennium. Evidence from Alalakh and Ugarit, BASOR, 160, 1960, стр. 42 сл.; G e l b, ук. соч., стр. 27 и прим. 2 (здесь же см. литературу и ссылки на другие источники); H. K l e n g e l, Zu einigen Problemen des altvorderasiatischen Nomadentums, ArOr, 30, 1962, № 4, стр. 586 сл. и прим. 10 (здесь же см. литературу).

¹⁰ В клинописных табличках из Алаха VII слоя упоминаются следующие металлы: золото (GUSKIN), серебро (кашрум), медь (URUDU, erüm), бронза (ZABAR, širagrum) — разных сортов и в большом количестве; annakum (АТ, *414) и abaga (*414) явдимо, олово и свинец (?). Слово annakum Ю. Леви переводит как «свинец» (J. L e w y, Some Aspects of Commercial Life in Assyria and Asia Minor in the Nineteenth Pre-Christian Century, JAOS, 78, 1958, № 2, стр. 91 сл. и прим. 11; о и же, Arproso o a Recent Study in Old Assyrian Chronology, Or., 28, 1957, № 1, стр. 13, прим. 2). Однако по мнению большинства специалистов (Б. Ландсбергер, Г. Гютербок, К. Баллак, А. Гетце и др.), указанное слово следует переводить как «олово». См. также J. L e w y o b e, Akkadian annakum: «tin» or «lead»? «Acta Orientalia», 23, 1959, стр. 83—84; М. К. К р i k o r i a n, А Further Argument about annakum, там же, 24, 1960, стр. 171—172. В АТ, *410 (Вахамец дает только перевод текста, авторграфия которого нам неизвестна) речь идет о каком-то железе и о (!) оружии (400 шуги).

¹¹ АТ, стр. 12 сл.; см. также М. Л. Г е л ь ц е р, Новые тексты из древнего Алаха и их значение для социально-экономической истории древнего Востока, ВДИ, 1956, № 1, стр. 18 и прим. 6—10; стр. 19 и прим. 1—6.

В начале царствования Хаттусили I, когда хетты начали совершать походы на Северную Сирию, она наряду с экономическим подъемом пережила и период политического расцвета. Существовавшее здесь царство Халап (Ямхад) было не менее могущественным, чем при Яримлиме I, когда, по данным документов из Мари, двадцать царей следовали за этим правителем¹³. После царствования Яримлима I Ямхад все еще был гегемоном в Северной Сирии. Таковым оставался он, видимо, и при Яримлиме II, Никмепухе (I), Иркабутме и в начале правления Яримлима III¹³.

Прямое указание на политическое могущество Халапа сохранилось в одном хеттском тексте более позднего времени — КВо, I, 6.

В одном месте этого документа, который неоднократно привлекал внимание ученых¹⁴, лаконично, но весьма точно сообщается о действиях хеттов в Северной Сирии в эпоху Древнего царства (лиц. стор., стк. 11—14) и, в частности, в стк. 11 сказано: [i-na] ra-n[a] 3[ar]rān¹⁵ 3a māt¹⁶ 3[ar]ra-ut-ta rabitum¹⁷ 3a-ab-tum «Раньше цари страны Халап великое царство имели». Здесь особенно интересно то, что царство Халап причисляется к числу великих государств. Это обстоятельство ясно указывает на политическое могущество царства Халап в ранний период, о чем хетты сохранили сведения и в период Нового царства — в конце XIV и в начале XIII в. (т. е. во времена, когда был составлен, а потом возобновлен вышеприведенный документ, — при Мурсили II и Муваталли)¹⁵.

Принимая во внимание сведения, передаваемые в последующих строках (12—14, см. ниже), слово «раньше» — [i-na] ra-n[a] — имеет в виду тот период истории царства Халап, который, в частности, предшествовал появлению Хаттусили I в Северной Сирии. И здесь привлекает внимание то обстоятельство, что «великое царство» Халап, по представлениям хеттов, существовало не только в тот период, когда Хаттусили вел войны против Халапа (т. е. при Яримлиме III, современнике Хаттусили I), но и во времена, предшествовавшие этим войнам. Здесь, возможно, подразумевается эпоха со времен Яримлима I (современника Хаммураби, царя Вавилона), ибо именно в этот период Ямхад с полным правом можно назвать «великим царством» (3[ar]rūtum rabitum), за царем которого «следовало двадцать царей» (см. выше). На сравнительно длительное время существования могущества царства Халап указывает множественное число слова «царь», употребленное в цитированной надписи — «цари» (3[ar]rāni).

¹³ G. D o s s i n, Les archives épistolaire du palais de Mari, «Syria», XIX, 1938, стр. 117 сл.; S. S m i t h, Alalakh and Chronology, L., 1940, стр. 11; L. W o o l l e y, A Forgotten Kingdom, Baltimore, 1953, стр. 64 сл.; Т. В. Г а м к р е л д з е. Клинописная система аккадско-хеттской группы и вопрос о происхождении хеттской письменности, ВДИ, 1959, № 1, стр. 16, прим. 31; о н ж е, Передвижение согласных в хеттском (исетском) языке, ПАС, 1961, стр. 284 и прим. 230.

¹⁴ О последовательности этих царей см. A. G o e t z e, Alalah and Hittite Chronology, BASOR, 148, 1957, стр. 20—26; о н ж е, On the Chronology..., стр. 69 сл.; W. N a g e l, E. S t r o m m e n g e r, Alalah und Siegelkunst, JCS, 12, 1958, № 4, стр. 109—115; I. a n d s b e r g e r, ук. соч., стр. 51 сл.; ср. W. F. A l b r i g h t, BASOR, 144, 1956, стр. 26—30; о н ж е, Further Observations on the Chronology of Alalakh, BASOR, 146, 1957, стр. 26 сл.

¹⁵ E. W e i d n e r, Politische Dokumente aus Kleinasien, BoSt, 8, Lpz, 1923 (далее — PDK), стр. 82 сл.; A. G o t z e, Die historische Einleitung des Aleppo-Vortages (KVo, I, 6), MAOG, IV, 1, 1928, стр. 59 и 63 сл.; F. S o m m e r, A. F a l k e n s t e i n, Die hethitisch-akkadische Bilingue des Hattušili (Labarna II), ABAW, XVI, Münch., 1938, стр. 213 (далее — HAB); S m i t h, ук. соч., стр. 11; H. K l e n g e l, рец. на кн.: F. M. T o s c i, La Siria nell'età di Mari, OLZ, 57, 1962, № 11 12, стр. 598.

¹⁶ Интересно заметить, что по представлению хеттов периода Нового царства к числу великих держав Передней Азии относились: ири Сушиллуума — Египет, Вавлония (Кардушта), Муватли и Хатти (O. H. G u n n e y, The Hittites, L., 1952, стр. 77), а при Тудхалиа IV — Египет, Вавлония, Ассирия, Хатти и, возможно, Аххиява (G u n n e y, ук. соч., стр. 50).

Вышеприведенное прямое свидетельство хеттского источника о существовании «великого царства» Халап подтверждается и сведениями табличек Алалаха, согласно которым мы получаем возможность говорить о распространении политического влияния страны Халап на соседние мелкие княжества в эпоху после царствования Яримлима I.

Прежде всего не вызывает сомнения, что еще со времен правителя Халапа Абба-ила, наследника Хаммураби I, от Ямхада должен был зависеть Алалах, который был передан Абба-илом Яримлиму, «сыну Хаммураби, рабу Абба-ила»¹⁶, взамен гор. Ирриди. Сомнительно, чтобы после Яримлима (царя Алалаха) Алалах освободился от политического влияния Ямхада. И в интересующий нас период, т. е. ко времени появления хеттов в Северной Сирии, Алалах, видимо, находился в политической зависимости от Ямхада и, возможно, рассматривался как составная часть «великого царства».

Из некоторых данных табличек Алалаха, которые касаются более раннего времени, чем рассматриваемый период, хорошо видно, что политическое влияние Халапа распространялось на разные «страны» и города Северной Сирии, например, на Аразик (у р. Евфрат; см. АТ, * 55), Ирриди (восточнее Евфрата)¹⁷, Эмар (на верхнем Евфрате, между совр. Джераблусом и Мескене)¹⁸, Адрате, Мурар¹⁹ и др. (ср. АТ, *1; *456; *79 и т. д.). И нет никаких данных, которые заставляли бы предположить, что в период до 1700 г. это положение изменилось.

Хеттские же источники подтверждают, что к моменту начала борьбы с хеттами политическое влияние царства Халап распространялось и на районы, расположенные к северу от него. Вывод войск Халапа (Ямхада) для защиты Уршу и Хашшу во время их борьбы против хеттов²⁰ явно указывает на то, что в этих двух расположенных к северу от Халапа районах²¹ Ямхад защищал и собственные интересы (см. ниже). Политическое влияние Ямхада на эти районы должно было распространиться в более ранний период, в частности во времена Яримлима I, когда ассирійцы (после царствования Шамшиада I) уже не господствовали здесь²².

С этого времени Ямхад должен был утвердить свое политическое влияние в Каргамыше (совр. Джераблус), Заруаре и др. районах, которые были также расположены к северу от Халапа.

¹⁶ АТ, *1 и *456. Литературу см. G o e t z e, Alalah and Hittite Chronology, стр. 22 и 24; A l b r i g h t, Further Observations..., 27 сл.; D. J. W i s e m a n, Abban and Alalah, JCS, 12, 1958, № 4, стр. 124; An. D r a f f k o r n, Was King Abban of lamhad a Vizier for the King of Hattuša?, JCS, 13, 1959, № 3, стр. 94; N a g e l - S l o m e n g e r, ук. соч., стр. 110; L a n d s b e r g e r, ук. соч., стр. 51 сл.

¹⁷ W i s e m a n, ук. соч., стр. 124.

¹⁸ A. G o e t z e, The Syrian Town of Emar, BASOR, 147, 1957, стр. 22—27; J. H. K u r p e r, RAss, 52, 1958, стр. 37; W i s e m a n, ук. соч., стр. 124.

¹⁹ О местоположении этих последних городов см. W i s e m a n, ук. соч., стр. 124.

²⁰ КВо, I, 11 (H. G. G ü t e r b o c k, Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei Babyloniern und Hethitern bis 1200, ZAss, X, 1938, № 1—2, стр. 113 сл.); G u r n e y, ук. соч., стр. 178); КВо, VII, 14, I, 7; 15 («Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in Bogazköy im Jahre 1952»: H. O t t e n, Die inschriftlichen Funde, MDOG, 86, 1953, стр. 60 сл.; Г а м к р е л и д з е, Передаваемые сопоставляемые..., стр. 275 сл.); «Амхад» Хаттусил I, лиц. стр., сткк. 31 сл. («Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in Bogazköy im Jahre 1957»: H. O t t e n, Keilschrifttexte, MDOG, 81, 1958, стр. 82 сл.); работа А. Гетце относительно этих «Амхад», опубликованная в JCS, 16, 1962, № 1, осталась мне недоступной.

²¹ A. G o e t z e, Kizuwatna and the Problem of Hittite Geography, New Haven, 1940, стр. 42 сл. и 72; о н ж е, On the Chronology..., стр. 73, прим. 218; O t t e n, MDOG, 81, стр. 82, прим. 23 (здесь же см. литературу); J. G a r s t a n g, O. P. G u r n e y, The Geography of the Hittite Empire, L., 1958, стр. 55 сл.; см. ВДП, 1962, № 4, стр. 169.

²² S. S m i t h, Ursu and Hattušum. AnSt, VI, 1956, стр. 37.

Таким образом, в период, когда хетты начали наступление против Халала, владения его простирались на обширные территории в основном к западу от р. Евфрат. Вместе с тем царство Халала распространило свое влияние и к востоку от этой реки.

Политическое и экономическое усиление «великого царства» Халала после Яримлима I объясняется целым рядом причин. Вне всякого сомнения, усилению Халала способствовали прежде всего интенсивное использование природных богатств, быстрое развитие торговли и ремесленного производства и т. д., значительное развитие производительных сил и производственных отношений в стране (см. выше). Однако нельзя не отметить, что возвышению Халала способствовала и политическая обстановка, существовавшая в ту эпоху за пределами Северной Сирии, главным образом в ведущих странах Ближнего Востока (в Хатти, Ассирии, Вавилонии, Египте, Хурри). Так, например, пока существовавшее на дальнем севере, в центральной части Малой Азии государство хеттов не вышло еще на широкую политическую арену (приблизительно до 1700 г.), царство Халала не имело на севере сильного противника, который мог бы соперничать с ним. Оно пока не имело опасного противника и со стороны Хурри.

Вместе с тем в период после царствования Хаммураби I из Ямхада опасные для Халала противники на востоке — Ассирия и Вавилония — были значительно ослаблены. В интересующий же нас период, т. е. в начале борьбы с хеттами (а потом и на всем ее протяжении), Ассирия не играла крупной политической роли в Передней Азии.

К этому же времени утратили свое господство на восточной стороне среднего течения Евфрата и вавилоняне, а каситы, появившиеся на границах Вавилонии еще при Самсу-Илуве, значительно усилили свои позиции в этой стране. Несколько позднее, воспользовавшись разрушением Вавилона хеттами, каситы, как известно, захватили всю власть в стране²³ (ок. 1650 г.; см. ниже).

В период после царствования Яримлима I Ямхаду не грозила опасность с юга — из Египта²⁴. В то время как Ямхад переживал период политического и экономического расцвета, политическое влияние Египта в Передней Азии постепенно падало, так как во второй половине XVIII в. с по-

²³ Э. Н. Шарашенидзе, Из истории племен нагорного Загра (каситы и их владычество над Вавилонией), автореферат канд. дисс., Тб., 1956, стр. 6 слл.; Landsberger, ук. соч., стр. 65 слл.; Goetze, On the Chronology..., стр. 55 сл.; Каштенхубер, ук. соч., стр. 22.

²⁴ Как выясняется из новых исследований, Египет не имел власти над Северной Сирией (Ямхадом) и в более ранний период, в частности во времена XII династии, в эпоху Среднего царства (приблизительно со времени III династии Ура и до конца царствования Хаммураби вавилонского: 2150—1800 гг.). Как известно, часть исследователей (С. Смит, В. Олбрайт, Л. Вулл и др.) старается доказать, что при XII династии Сирия вместе с Палестиной входила в состав египетской так называемой азиатской империи. Однако другая группа ученых (А. Гетце, Б. Ландсбергер, Дж. Меллаарт и особенно И. Вард), как нам кажется, вполне справедливо отрицает как существование азиатской империи Египта, так и политическое или военное влияние последнего на Сирию, особенно на ее северные части (см. также Н. Клеинге, Zur Geschichte von Ugarit, OLZ, 57, 1962, № 9—10, стр. 453 сл.). Этот вывод подтверждается и тем, что в письменных источниках, отражающих период XII династии, нигде не говорится о походах на города Северной Сирии. Ничего не известно о господстве египтян в Северной Сирии в ранний период и из документов VII слоя Алалаха, которые содержат сведения о ранней истории Ямхада. Знаменательно, что архив из Мари вовсе не упоминает Египта. Широко же распространение египетских памятников искусства в Северной Сирии следует объяснить результатом лишь торгово-экономических и культурных взаимоотношений этих двух стран — см. W. A. Ward, Egypt and the East Mediterranean in the Early Second Millennium B. C., Or., 30, 1961, № 2, стр. 129—155 (здесь же см. обширную литературу).

явлением гиксосов²⁵ Египет был занят своими внутренними делами и не имел сил для организации военных походов на далекий север.

Таким образом, международная обстановка, возникшая в Передней Азии в период после царствования Хаммураби, своеобразно способствовала превращению Ямхада в одно из крупнейших государств на Ближнем Востоке. Это своеобразно выразилось в том, что Ямхаду не требовалось напряжения сил для преодоления сопротивления таких могущественных держав, как Ассирия, Вавилония, Египет. Поэтому все свои силы Ямхад мог приложить к достижению гегемонии в Северной Сирии, что ему и удалось сделать.

Однако ко времени выхода на политическую арену хеттов (ок. 1700 г.) уже сложившаяся политическая обстановка оказалась благоприятной именно для них.

Борьба за Северную Сирию, начатая при описанной выше международной обстановке, определялась стремлением хеттов господствовать в юго-восточной части Малой Азии, так как именно здесь проходили пути, которые связывали Анатолию и Северную Сирию. Поэтому экспансия в юго-восточной части Малой Азии служила также и целям овладения этими путями.

Хетты, вторгаясь в расположенные здесь районы, в основном шли по двум направлениям, — с одной стороны, дорогой, которая шла к югу (от Канеса) через Киликийские ворота по направлению совр. Мерсина, Тарсуса и Аданы, а с другой, — дорогой, шедшей к востоку от Канеса и сворачивавшей к югу. Последняя была частью того караванного пути, который связывал Месопотамию с центральной Анатолией еще во времена ассирийских колонизаторов (через линию Бурудум — Шимала — Хаххум (= Хахха) — Тпмелкия — Канес)²⁶.

Еще при Лабарне хетты, захватив гор. Туванува (= Туана позднейших времен; см. УТ, § 4), достигли стратегического пункта, откуда свободно можно было попасть в южные и юго-восточные страны Малой Азии. Лабарна, видимо, повел наступление и к югу от Туванувы, в направлении моря (ср. КУВ, XI, 23, VI, 8—11), однако неизвестно, удалось ли ему добиться завоевания тех областей, которые находились в районах Тарсуса, Мерсина и Аданы. В нашем распоряжении имеются сведения, что во времена Древнего царства хетты действительно проiakали в эти районы. Например, свидетельство УТ о том, что при Аммуна врагом хеттов стала Адания (совр. Адана, УТ, § 21), указывает, что до Аммуна эта страна не была враждебной хеттам. Видимо, до этого, после походов сюда хеттов (может быть, при Хаттусили или Мурсили), она подчинилась Хатти. Связь хеттов с этим районом подтверждается также упоминанием Адании во фрагменте одного текста на древнехеттском языке²⁷.

²⁵ Из новой литературы о гиксосах см. J. Koenig, *Aperçus nouveaux sur les Hyksos*, RAAS, 50, 1956, № 4, стр. 191—199; Z. Mauerl, *Les Hyksos et le monde de la Bible*, P., 1956; O. Tufnell, «Hyksos» Scarabs from Canaan, *AnSt*, 6, 1956, стр. 67—75; И. А. Липин, Новые данные о гиксосском владычестве в Египте, ВДИ, 1958, № 3, стр. 97—106 (здесь же см. литературу); она же, К вопросу о последовательности правления гиксосских царей в древнем Египте, ВДИ, 1959, № 1, стр. 84—88; см. также М. Л. Гельцер, Значение раскопок в Библе для истории древнего Востока, ВДИ, 1962, № 2, стр. 153, прим. 48, стр. 154 и прим. 63; M.-L. Erlenschauer, H. Erlenschauer, *Über Philister und Kreter*, III, *Or.*, 30, 1961, № 3, стр. 279 слл.

²⁶ О существовавших в юго-восточной Малой Азии дорогах подробно см. J. Lewy, *Studies in the Historic Geography of the Ancient Near East*, *Or.*, 21, 1952, № 3, стр. 268 слл.; A. Goetze, *An Old Babylonian Itinerary*, *JCS*, 7, 1953, № 2, стр. 64 слл.; J. Garstang, *Prehistoric Mersin. Jümük Tepe in Southern Turkey*, *Oxf.*, 1953, стр. 212; У. В. Аликим, Ein altes Wegenetz im südwestlichen Antikaurus-Gebiet, «Anadolu araştırmaları», I, 1959, № 2, стр. 208 слл.

²⁷ Во 6524: URU A-la-ni-[a-aš] — Goetze, *Kizuwatna*, стр. 57.

Во времена Древнего царства, видимо, имели место и походы хеттов в район совр. Тарсуса (Taḡza хеттских источников)²⁸, что подтверждается проведенными здесь археологическими раскопками. III слой среднебронзового периода, который датируется ок. 1700—1650 гг. (т. е. относится ко времени Хаттусили и Мурсила), разрушен до основания. Судя по обнаруженному в Тарсусе инвентарю (лощенные и обожженные монохромные сосуды типа центральной Анатолии), существует возможность установить связь между разрушением этого слоя среднебронзового периода и экспансией правителей Древнего царства в юго-восточном направлении²⁹.

В связи с походами хеттов в юго-восточные районы привлекает внимание и Мерсин. Как отмечает Дж. Гарстанг, обнаруженная здесь при раскопках крепость, вероятно, была связана с хеттами. Гарстанг предполагает даже оккупацию хеттами Юмюк-тепе, что, по его же мнению, произошло при Мурсиль I (Mersin, стр. 212). Мурсила должен был использовать дорогу, проходившую через Киликийские ворота и ведущую к Тарсусу (там же, стр. 212)³⁰.

В период Древнего царства особенно ожесточенный характер принимала борьба за те районы, которые были расположены на дорогах, ведущих от Канеса в восточном направлении и сворачивавших к югу. Именно в этот период объектами хеттской агрессии были Тагарамма (совр. Гюрюн)³¹, Тамалка (= Тимелия)³², Хеммуа³³, Хатра³⁴ и многие другие.

В районах, расположенных южнее вышеперечисленных (т. е. юго-восточной части Малой Азии), в результате активных действий хеттов со времен Хаттусили I был покорен целый ряд значительных политических объединений, среди которых были Тишхиния (= Тасхиния)³⁵, Цалпа³⁶, Хак-

²⁸ Тарша упомянута вместе с Adania и в одном тексте более позднего времени — KUB, XX, 52, 1, 17—21.

²⁹ H. Goldman, Excavations at Gözlü kule, Tarsus, 1956, Princeton, стр. 62 сл.; она же, The Relative Chronology of Southeastern Anatolia in кн.: R. W. Ehrlich, Relative Chronologies in Old World Archaeology, Chicago, 1955, стр. 76; J. Mellart, Anatolian Chronology in the Early and Middle Bronze Age, AnSt, 7, 1957, стр. 68.

³⁰ По интересующему нас вопросу обращает на себя внимание та часть новонайденных «Анналов» Хаттусили I (акк. вариант, лиц. стор., стк. 31 сл.), где речь идет о разрушении гор. Zaḡuntī (хеттск. вариант Zaḡuna) и об уничтожении войска гор. Хашшу (вместе с отрядами гор. Халап) в горах Adalur. В специальной литературе гор. Zaḡuntī (Zaḡuna) отождествляется с расположенным в юго-восточном углу Малой Азии (в пограничном районе Алалаха) Zaḡuna (по тексту Идрими — Otten, MDOG, 91, стр. 82, прим. 22), а Adalur — с Atalur «Анналов» Салмансара III, который локализируют к югу от Аманских гор, вблизи Средиземного моря около совр. Александретты — см. Otten, ук. соч., стр. 82, прим. 23; F. Cornelius, Die Annalen Hattušili I., O., 28, 1959, № 3, стр. 295.

³¹ KUB, XXXVI, 101, II, 9 (во время царствования Хаттусили I); KUB, XXXI, 64, II, 37; III, 14 (во время царствования Мурсила I); УТ, § 13, стк. 39 (при Халпилли).

³² Упоминание Тамалки рядом с Хатра, Цалпа, Тасхиния и Хеммуа в § 54 ХЗ дает основание предположить, что и этот район (вместе с указанными) был покорен хеттами в период Древнего царства.

³³ Упомянутая в связи с походами Хаттусили I в Северную Сприю: KUB, XXXVI, 100, 17; E. L. a g o s h e, Catalogue des Textes hittites, RHA, 14, № 58, 1956, стр. 34. См. также Otten, MDOG, 86, стр. 61; HAV, стр. 8, § 11, стк. 61; стр. 105; ср. § 54 ХЗ.

³⁴ Упомянута часто в источниках, описывающих походы Мурсила I: KUB, XXXI, 64, II, 8, 21; 64^a, 5 и др. (L. a g o s h e, ук. соч., стр. 35); см. также ВоТУ, 17 А, III, 15; ср. ХЗ, § 54.

³⁵ О покорении Тишхинии речь идет в «Анналах» Хаттусили I: Otten, MDOG, 91, лиц. стор., стк. 6 сл., прим. 15; ср. § 54 ХЗ. По этому документу Тишхиния следует искать в юго-восточном углу Малой Азии, поблизости от Уршу.

³⁶ По всей вероятности, не та Цалпа, которая была расположена в центральной части Малой Азии. О покорении интересующей нас Цалпы (акк. вариант Zalbar; хеттск. вариант — Zalpa) повествуется в «Анналах» Хаттусили I: Otten, ук. соч.,

ха³⁷ (= Хаххум), Лухуцантия³⁸ и др. Во времена Хаттусили и Мурсили хетты владели такими важными пунктами проходивших здесь дорог, как Хахха, Тамалки, Уршу (см. ниже) и другие. Таким образом, хетты господствовали над всей сетью существовавших здесь дорог.

Первый поход хеттов в Северную Сирию имел место во второй год царствования Хаттусили I (Cognelius, ук. соч., стр. 292), в «Анналах» которого сообщается: «На следующий год пошел я против города Алхалха и разрушил его»³⁹ — под Алхалхой (хеттский вариант Алалха) здесь подразумевается Алалак. Правда, с первого взгляда отождествление Алхалхи с Алалахом вызывает сомнение. Название URUAl-ha-al-ha неизвестно богазакскому архиву, в аккадских текстах которого читается ⁴¹A-la-la-ah⁴⁰, т. е. так же как и на табличках из Алалаха. Поэтому допустимо, что название Алхалха могло употребляться и для обозначения другого географического пункта, название которого по слою фонетическому звучанию близко к Алалаху. Подобные географические названия в достаточном количестве встречаются в богазакском архиве, причем пункты с этими наименованиями находились в основном в восточной или юго-восточной части Малой Азии: Алха (КВо, I, 1, I, 12 = PDK, I, стр. 4—5, стк. 12), Лалха (КВо, V, 8, IV, 17; KUB, XIX, 37, II, 52; КВо, II, 5, III, 51), Алахха⁴¹ и др.

Кроме того, внезапное появление хеттов в Алалахе — в столь отдаленном от Хатти районе — во втором году царствования Хаттусил, когда хетты еще не господствовали над юго-восточными районами Малой Азии (за исключением захваченных в первый год царствования Хаттусили Шахуитта и Цалбар)⁴², — не может не вызвать сомнения. Однако всем этим сомнениям противостоит тот факт, что в хеттском варианте «Анналов» Хаттусили I на месте названия Алхалхи аккадского текста стоит Алалха (URUAl-ha-al-ha)⁴³, обычное в хеттских текстах обозначение Алалаха⁴⁴.

Кроме того, в «Анналах» сообщается, что после «разрушения» Алхалхи Хаттусили переходит в Уршу — соседнюю с Алалахом область крайней юго-восточной части Малой Азии, что свидетельствует в пользу возможности появления хеттов и в Алалахе.

Но если, таким образом, Алхалха тождественно Алалах, быть может,

---

стр. 78, лиц. стор., стк. 1 сл. и И. М. Дьяконов, VII Международная встреча ассириологов, ВДИ, 1959, № 2, стр. 229. См. также ВоТУ, 10 в, 28—29 (упоминается рядом с Хассува и Хальпа, стк. 29 сл., см. ниже); § 54 ХЗ.

³⁷ O t t e n, ук. соч., об. стор., стк. 1 сл.; 18 сл.

³⁸ Лавацантия более поздней эпохи. О местоположении см. G o e t z e, Kizuwatna, стр. 71; L e w y, ук. соч., стр. 292; он же, Some Aspects of Commercial Life in Assyria and Asia Minor in the Nineteenth Pre-Christian Century, JAOS, 78, 1958, № 2, стр. 87 сл. Во время борьбы за Уршу Лухуцантия уже была покорена хеттами: G ü t e r b o s k, ук. соч., стр. 116 сл., стк. 21; стр. 136 (здесь же см. литературу и источники).

³⁹ O t t e n, MDOG, 91, лиц. стор., стк. 6 сл.

⁴⁰ См., например, PDK, II, фрагм. А, лиц. стор., стр. 136 сл., стк. 22.

⁴¹ O t t e n, MDOG, 91, стр. 81, лиц. стор., стк. 29 сл. О локализации этих пунктов см. G a r s t a n g, G u n n o u, ук. соч., стр. 41 и 45 сл.; Г. Г. Глоргадзе, К вопросу о локализации некоторых пунктов восточной периферии Хеттского царства, САНГ, XXIII, 1959, № 3, стр. 364.

⁴² O t t e n, MDOG, 91, стр. 78, лиц. стор., стк. 1 сл.

⁴³ O t t e n, MDOG, 91, стр. 78, прим. 14; Дьяконов, ук. соч., стр. 229.

⁴⁴ Ср., например, КВо, II, 9, I, 3; KUB, XV, 34, I, 54 и др., где URUAl-ha-al-ha, KUR URUAl-ha-al-ha упоминается рядом с другими политическими объединением Сирии, как Кипза, Угарит, Катана и др. См. также PDK, II, стр. 136 сл., прим. 5; KUB, XXXVI, 125, 5; J. P. R i t c h a r d, Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament Princeton, 1955, стр. 352.

имеются основания связать археологически засвидетельствованное разрушение VII слоя Алалаха с походом Хаттусили ⁴³?

Однако, согласно новым исследованиям, современником Хаттусили в Алалахе был Амитакумма, при котором, как это видно из найденных в Алалахе табличек, VII слой Алалаха еще не был разрушен. До разрушения VII слоя Алалахом правили также наследники царя Амитакуммы (Хаммураби, Иркабгум), которые упоминаются в письменных источниках VII слоя как последние правители Алалаха этого времени ⁴⁴. По всей вероятности, разрушение VII слоя произошло во время правления Иркабгума и, как предполагает Б. Ландсбергер, его следует связывать с походом Мурсили I в Вавилон и особенно в Халап (ок. 1650 г.; см. ниже) ⁴⁵. Таким образом, очевидно, что сообщение «Анналов» Хаттусили I о разрушении Алалаха преувеличено.

Исходя из этого, мы не должны понимать употребленное для обозначения поражения врага, т. е. Алалаха, слово «разрушение» как обозначение той катастрофы, при которой Алалах действительно был снесен до основания ⁴⁶. При Хаттусили хетты, видимо, вторглись в страну Алалах лишь с целью ограбления и захвата добычи.

Однако во время этого похода второго года царствования Хаттусили хетты основательно закрепились в расположенном на подступах к Северной Сирии стратегически важном районе Уршу — в «Анналах» (аккадский вариант) сказано: «следом отправился я против Уршу ⁴⁷, из Уршу пошел на Игакалиш, (а) из города Игакалиш я маршировал в Типшкинню. На моем обратном пути разрушил я страну Уршу и наполнил мой дом сокровищами» ⁴⁸. Борьбу за Уршу, несомненно, следует рассматривать как часть длительной борьбы против «великого царства» Халап ⁴⁹.

Этот ранее неизвестный текст не только дает науке первое прямое свидетельство о походе хеттов на Уршу, но и позволяет приурочить к этому походу известную легенду об «Осаде Уршу» (КВо, I, 11) ⁵⁰.

Рассматриваемый текст совпадает с этой легендой и в том, что взятие Уршу было для хеттов делом нелегким. В тексте об осаде Уршу, осадив город, хетты применяют все достижения военной техники того времени: осадные орудия, так называемые «башни» ⁵¹, «тараны» ⁵², «горы» ⁵³, а также ведут окопные работы ⁵⁴ и т. д.; в битве у хеттов действовало 80 боевых колесниц и «8 войск» ⁵⁵.

В «Анналах» же сказано, что Хаттусили, прибыв в Уршу, прежде чем покорить город, занимался опустошением близлежащих районов и лишь «на своем обратном пути» смог захватить Уршу.

Так как Хаттусили имел дело с хорошо укрепленной крепостью, то он, видимо, решил взять ее осадой. Именно в период этой осады, которая, как видно, продолжалась длительное время, Хаттусили устраивал на-

⁴³ O t t e n, MDOG, 91, стр. 78, прим. 14; M. M e l l i n k, Archaeology in Asia Minor, AJA, 63, 1959, № 1, стр. 76.

⁴⁴ G o e t z e, Alalah and Hittite Chronology, стр. 23.

⁴⁵ L a n d s b e r g e r, ук. соч., стр. 53; G o e t z e, On the Chronology..., стр. 70; см. же, Alalah and Hittite Chronology, стр. 23.

⁴⁶ W o o l l e y, ук. соч., стр. 80 слл.

⁴⁷ В хеттском варианте: URU Wa-ar-šu-wa. Дьяконов, ук. соч., стр. 229.

⁴⁸ O t t e n, MDOG, 91, стр. 78, лиц. стор., стк. 6 слл.

⁴⁹ S m i t h, Ursa and Hattum, стр. 35.

⁵⁰ G ü t e r b o c k, ук. соч., стр. 113 слл.; G i g l e y, ук. соч., стр. 178 сл.

⁵¹ Акк. dimtu — G ü t e r b o c k, ук. соч., стр. 118 сл., стк. 29 и 32.

⁵² Акк. IS ašurru — G ü t e r b o c k, ук. соч., стр. 116 сл., стк. 13; 15—16; стр. 118 сл., стк. 29; 32.

⁵³ Акк. ḫuršanu (?) — G ü t e r b o c k, ук. соч., стр. 116 сл., стк. 15.

⁵⁴ Там же, стр. 116 сл., стк. 16 слл., и стр. 131.

⁵⁵ Там же, стр. 122 сл., стк. 26.

бегли на соседние районы, захватив Игакалиш и Тишхинию. Возможно, что в это время хетты подчинили и Лухуцдаптию, которая, согласно тексту об осаде Уршу⁴⁸, уже находилась в руках хеттов. Только после завершения этих боевых операций Хаттусили смог покорить Уршу.

Умолчание «Анналов» Хаттусили об осаде не доказывает, что город Уршу не был осажден, и хетты ограничились лишь ограблением страны Уршу⁴⁹. По всей вероятности, это умолчание объясняется скорее тенденциозностью документа. Видимо, составитель текста не хотел упоминать о трудной осаде.

После захвата Уршу хетты начинают борьбу за Хашшу⁵⁰ — другое крупное политическое объединение и стратегически важный район на подступах к Северной Сирии. Особенно острый характер она приняла при Хаттусили; в исторических текстах этого времени Хашшу уделяется много внимания, и некоторые тексты посвящены только этим событиям.

Тот факт, что в ходе битвы за Уршу хетты смогли принести «большой тарап» (ašurri gabū) с горы Хашшу, как об этом сообщается в тексте об осаде Уршу⁵¹, возможно, говорит о том, что эта гора, которая была, очевидно, территориально связана с Хашшу, уже находилась в руках хеттов.

Прямое же наступление на Хашшу началось несколько позднее. Согласно «Анналам» Хаттусили, оно имело место на шестом году царствования этого царя (по Ф. Корнеллусу). События, связанные с походом в Хашшу, и конечный результат его кратко изложены в аккадской версии «Анналов», где читаем (лиц. стор., стк. 31 сл.): «На следующий год отправился я против города Зарути и разрушил Зарути. Против города Хашшу отправился я. Перед ним (=царем хеттов) выстроился враг, и вместе с ним (были) отряды города Халап. У горы Адалур совершил я его уничтожение... Великий царь, подобно льву, перешел реку Пуран, город Хашшу преодолел он, подобно льву со своими когтями...»⁵².

Теперь уже не следует сомневаться в том, что события, описанные в древнехеттской надписи, найденной в слое IV-С Богзакёя и опубликованной в КВо, VII, 14⁵³, имеют прямую связь с данными вышеприведенного отрывка «Анналов» Хаттусили⁵⁴. Как выясняется, эта надпись, вероятно, посвящена походу Хаттусили в страну Хашшу и содержала подробное описание сражения за этот край, хотя ввиду повреждения заключительной части текста нам не удается проследить весь ход борьбы.

Начало КВо, VII, 14 передает события, которые предшествовали приходу Хаттусили в Хашшу. Здесь говорится как раз о том моменте, когда идущий войной на указанную страну «царь», вне всякого сомнения Хаттусили I, сообщает «человеку (на) гор. Хашшу» (A-NA LU URUHa-aš-ši, стк. 3), т. е. царю Хашшу, чтобы он готовился к предстоящему сражению, которое имело место несколько позднее и описано в «Анналах». «Человек (на) гор. Хашшу» тоже идет на битву против «царя» (стк. 7). Именно после этого «выстроился враг» (т. е. войска Хашшу) перед царем хеттов, о чем сообщает аккадский вариант «Анналов».

Особенно интересен тот отрывок этой надписи (КВо, VII, 14), где говорится о выступлении войска из гор. Халап (стк. 14 сл.). Вне всякого сомнения, здесь мы имеем дело с теми отрядами войска Халап, которые

⁴⁸ Güterbock, ук. соч., стр. 116 сл., стк. 21.

⁴⁹ Otten, MDOG, 91, стр. 83.

⁵⁰ В хеттском варианте URUHaššuwa; Otten, MDOG, 91, стр. 82.

⁵¹ Güterbock, ук. соч., стр. 116 сл., стк. 16.

⁵² Otten, MDOG, 91, стр. 81 сл.; он же, Zur Geschichte des alten Anatolien,

стр. 2.

⁵³ Otten, MDOG, 86, стр. 80 сл.; Гамирелдзэ, Передвижению согласных..., стр. 274 сл.

⁵⁴ Otten, MDOG, 91, стр. 78, прим. 14.

выступили на помощь Хашшу, о чем идет речь и в «Анналах». На помощь Хашшу отправились Залуди — начальник отрядов Манда ⁶⁵, Зукраши — UGULA UKUŠ.SA.E.NE, т. е. предводитель отрядов UKUŠ ⁶⁶, и «[человек] (из) гор. Халапа» ⁶⁷, т. е. царь Халапа. Как видно, Залуди специальным письмом (= табличкой) сообщил «человеку (из) гор. Хашшу» (стк. 16) о выступлении войска из Халапа.

В свете такой интерпретации данных надписи KBo, VII, 14 нельзя не обратить внимания на фрагмент одного хеттского текста (KUB, XXXI, 5), в котором упоминаются Яримлим (III), царь Халапа (современник Хаттусили I), и его наследник Хаммураби (сткк. 1—2, 7) ⁶⁸. Теперь становится ясно, что события, описываемые в указанном фрагменте, тесно связаны с битвой за Хашшу. Это подтверждается прежде всего упоминаемым в этом фрагменте «человека (из) города Хашшу» (сткк. 3; 5). Кроме того, названный в данном отрывке Яримлим (стк. 1), — несомненно, царь Халапа, Яримлим III, — это и есть тот «[человек] (из) гор. Халапа» (= царь Халапа), который фигурирует в KBo, VII, 14, 1, 15. Этот вывод подтверждается также упоминанием в восьмой строке интересующего нас фрагмента UGULA UKUŠ.SA.E.NE («предводителя войск UKUŠ»), которого, без сомнения, можно отождествить с Зукраши текста KBo, VII, 14, 1, 14, который также был UGULA UKUŠ.SA.E.NE.

Таким образом, отображенные в вышерассмотренных двух хеттских надписях KBo, VII, 14 и KUB, XXXI, 5 события находятся в прямой связи с теми данными, которые имеются в аккадском варианте «Анналов» Хаттусили и отображают борьбу против Хашшу. Теперь уже нет сомнения, что войска, вышедшие из Хашшу, а также пришедшие им на помощь войска Халапа, и расположились лицом к лицу с хеттской армией перед битвой.

Коалиция, созданная против Хатти и, видимо, состоявшая, помимо Хашшу и Халапа, из других зависимых областей «великого царства» Халапа (в первую очередь Каргамыша), ставила целью остановить наступление хеттов на подступах к Северной Сирии. К этому времени в стране Халапа не могли не видеть той огромной опасности, которая грозила стране с севера. Именно поэтому на помощь Хашшу и выступило халапское войско во главе с самим правителем Яримлимом и полководцами Залуди и Зукраши ⁶⁹.

Результат борьбы за Хашшу, как мы уже видели, известен из вышеприведенного отрывка «Анналов». После разгрома отрядов из Хашшу и Халапа в горах Адалур, когда, видимо, погиб предводитель халапских

⁶⁵ В связи с Манда см. K l e n g e l, Zur Geschichte von Ugarit, стр. 460, прим. 3 (здесь же см. литературу).

⁶⁶ Об этих отрядах см. O t t e n, MDOG, 86, стр. 62; Г а м к р е л и д з е, ук. соч., стр. 278 и прим. 211.

⁶⁷ Не вызывает сомнения восстапвление: «[[и] человек] (из) гор. Халапа» (см. выше). Так реставрировал это место интересующий нас надписи Г. Оттен (MDOG, 86, стр. 61); см. также Г а м к р е л и д з е, ук. соч., стр. 276. Однако в MDOG, 91, стр. 78, прим. 14 Г. Оттен по-другому реставрирует указанное место надписи: Зукраши, генерал «[царя] (из) гор. Халапа». Также и L a n d s b e r g e r, ук. соч., стр. 52.

⁶⁸ G o e t z e, Alalah and Hitlito Chronology, стр. 22; L a n d s b e r g e r, ук. соч., стр. 52; G ü t e r b o c k, ук. соч., стр. 93.

⁶⁹ Как отмечалось выше, в тексте KUB, XXXI, 5, который действительно описывает события, связанные с битвой за Хашшу, фигурирует как Зукраши (= UGULA UKUŠ.SA.E.NE), так и Яримлим (тот же человек (из) гор. Хашшу) — по этой же надписи, сткк. 3 и 5). Поэтому не вызывает сомнения, что и в KBo, VII, 14, 1, 15, который отображает борьбу за Хашшу, должен фигурировать, кроме (Залуди и) Зукраши, и Яримлим. Именно поэтому нам кажется правильной вышеприведенная реставрация: «[[и] человек] (из) гор. Халапа» или же «[[и] царь] (из) гор. Халапа».

отрядов UKUŠ Зукраши ⁷⁰, хеттское войско по пятам преследовало противника и нанесло ему поражение в его собственной стране. Хетты разрушили город Хашшу и предали его огню ⁷¹.

После этих боев гор. Хашшу признал господство Хатти и дал клятву верности Хаттусили, которому, однако, пришлось еще раз вернуться в Хашшу тогда, когда «человек (из) гор. Хассува» нарушил свою клятву покорности хеттскому дарю, что хорошо видно из одного отрывка древнехеттского текста BoTU, 10 β: ²⁹ «Человек (из) гор. Хассува слово отца отверг. ³⁰ Вот и этот гор. Хассува (Ha-aš-šu-wa-aš)».

Нарушение правителем Хашшу(ва) своего обязательства должно было повлечь новый поход Хаттусили в эти края и новый разгром Хашшу, о чем свидетельствует смысл 30 стк. (по аналогии с гор. Цалпа, «человек» которого также нарушил обязательство покорности, за что и был разгромлен Хаттусили — см. тот же текст, сткк. 28 сл.) ⁷².

Таким образом, в первые 10 лет царствования Хаттусили хетты нанесли чувствительные удары царству Халап. Победив Алалах, они выбили из рук Халапа два важных района на подступах к Северной Сирии. Если в этом же районе действительно следует локализовать и гор. Хахха, о покорении и разгроме которого подробно говорится в аккадском варианте «Анналов» Хаттусили ⁷³, то это значит, что в интересующий нас период хетты уже смогли прочно закрепиться в юго-восточной части Малой Азии. В итоге дорога на Халап должна была быть открытой.

В «Анналах» Хаттусили, в которых говорится о раннем периоде военной деятельности этого даря, отсутствие упоминания битвы непосредственно против Халапа явно указывает на то, что в этот период (в первые 10 лет правления Хаттусили) хетты не вступали на территорию Халапа. Крупные военные экспедиции против Халапа имели место лишь в последующие годы, когда, по всей вероятности, и были разгромлены Каргамыш, Заруар, Хурпана, Аштата — северные союзники Халапа.

С этого времени Хаттусили, видимо, наносил царству Халап непрерывные удары. Теперь уже можно говорить, что все внимание хеттов было приковано к этой борьбе, когда главным девизом хеттского войска стал «поход на Халап». Правда, имеющиеся данные не позволяют подробно говорить о ходе этой борьбы, но, опираясь на те же материалы, удастся приблизительно установить некоторые моменты и основные итоги этой борьбы.

Есть основания предполагать, что Хаттусили, прежде чем непосредственно приступить к боевым операциям против Халапа, должен был ве-

⁷⁰ Об этом сообщается в хеттской надписи KUB, XXXVI, 100, где в начале упоминается «человек (из) гор. Хашшу» (стк. 3), а потом прямо говорится о смерти Зукраши (стк. 9): ¹Zu-uk-ra-ši-iš BA.U[G₆] «Зукраши умер». Таким образом, судя по этим данным, и в этой надписи речь идет о борьбе хеттов за Хашшу. Ср. также дубликаты указанного текста — KUB, XXXVI, 101, об. стор., стк. 5: [LÜ^{URU}]Ha-aš-ši; стк. 14: [LÜ^{URU}]uk-ra-aš-ši-iš п KUB, XXXVI, 102, стк. 5: A-NA LÜ^{URU}[Ha-aš-ši]; стк. 7: ¹Zu-uk-ra-[aš-ši-iš]. См. также KUB, XXXVI, 126, IV, 17: ^URUHa-aš-ši. G o e t z e, On the Chronology..., стр. 70; Г а м к р е л и д а в, ук. соч., стр. 279 сл.

⁷¹ O t t e n, MDOG, 91, стр. 83, об. стор., 18 слл. и прим. 29.

⁷² По BoTU, 12 A, § 5, в гор. Хашшу находился «сын двора» (II. Фридрих переводит: Hofjunker) Саида, «человек (из) гор. Хурма» (стк. 24: ^{URU}Ha-aš-šu-i ¹Sa-an-da-aš DUMU.E.GAL LÜ^{URU}Hu-ur-ma e-eš-la). Вполне допустимо, что это тот же Саида, который принимал участие в битвах за Урну и качестве полководца хеттов (G ü t t e r b o c k, ук. соч., стр. 133 сл.). Помимо этого же его и Хашшу дает нам основание полагать, что Саида был чиновником, назначенным хеттами в Хашшу после покорения этого города. Пока не удалось установить, кем был [Хашшис, который «завладел гор. Хашшу» (BoTU, 12A, § 6, стк. 26: ¹Ha-[ni-iš ^{URU}Ha-aš-šu-an har-la).

⁷³ O t t e n, MDOG, 91, стр. 83 слл., об. стор., сткк. 1 слл. и 18 слл.

сти дипломатические переговоры с «человеком (из) гор. Халап» (т. е. с царем Халапа). Это, видимо, имело место после того как Халап, выступая главным членом антихеттской коалиции, потерпел одно за другим поражение в Уршу и Хашшу(ва). Указание на это, возможно, дано в KUB, XXXVI, 103, хеттском документе, в котором упоминают Яримлима (стк. 8), без сомнения, тот же царь Халапа Яримлима III, который упоминается также вместе со своим наследником Хаммураби и в вышеприведенном хеттском источнике (KUB, XXXI, 5). В этом документе привлекает внимание то, что, наряду с Яримлимом, современником Хаттусили, здесь речь идет также и о каких-то «послах» (стк. 5: [DUMU].MEŠ ŠI-IP-RI-ŠU). Если это послы Яримлима, то, возможно, в их лице мы имеем дело с упомянутыми в BoTU, 21, обор. стор., III, 4 «послами царя гор. Халап» (DUMU.MEŠ ŠI-IP-RI-ŠU ŠA LUGAL URU^UHa-la-[ar])⁷⁴, что еще раз подтвердило бы вышеприведенное предположение.

О походе Хаттусили на собственно Халап интересное указание дает, как нам кажется, BoTU, 19 (=KBo, III, 56 = VAT, 6699), на что в этом аспекте специалисты до сих пор не обращали внимания. Этот вывод можно сделать, по всей вероятности, при сравнении этой надписи с вышеупомянутым хеттским текстом KUB, XXXVI, 103, в котором назван Яримлима. Здесь наше внимание привлекает тот факт, что последние строки этого текста (₁₀[...-aš-šu-aš]-wa-aš hur-la-aš ₁₁[...-aš-ši-iš] ša-aš-kán) являются явной параллелью начала BoTU, 19 (₄[...]-aš-šu-aš-wa-aš hur-la-aš-ša [...]. ₄[.....]-aš-ši-iš ša-aš-kán). Это же дает возможность увязать друг с другом эти два текста, что и делается уже в научной литературе⁷⁵.

После этого обращает на себя внимание вопрос: к какому историческому периоду следует отнести события, описанные в обоих этих хеттских документах? Так как упоминание в KUB, XXXVI, 103, Яримлима, современника Хаттусили, дает хорошую точку опоры для отнесения событий, описываемых в этом тексте, ко времени указанного хеттского царя, то и BoTU, 19, ввиду его близости по содержанию к KUB, XXXVI, 103, следует относить к числу подобных же текстов.

Все вышеуказанное интересно постольку, поскольку в BoTU, 19, речь идет об отправлении в Халап (стк. 6: [...]-iš ŠA URU^UHa-la-ra-it) и о каком-то хеттском царе (стк. 12). Если рассмотренные выше наблюдения близки к истине, то упомянутый в 12 стк. этой надписи «царь гор. Хатти» (LUGAL URU^UHa-at-[ti]) не может быть никем иным, как Хаттусили, а поврежденная стк. 6 должна быть реставрирована следующим образом: [H-at-tu-ši-DINGIR-LIM]-iš ŠA URU^UHa-la-ra-it «[Хаттусил]я, который пошел на гор. Халпа».

Особое внимание специалистов привлекает вопрос уточнения результатов борьбы против собственно Халапа при Хаттусили, что по-разному освещено в научной литературе. Согласно широко распространенному мнению, разгромив Халапа, Хаттусили лишил его независимости и превратил в «вассала» Хатти⁷⁶. Однако существует диаметрально противополож-

⁷⁴ См., также Gü t e r b o s k, стр. 106 сл., стб. III, стк. 5. В таком случае хеттский текст BoTU, 21 или же часть его (III, сткк. 1—14) следует рассматривать как надпись, в которой описываются события, относящиеся ко времени царствования Хаттусили, а не Мурсили I; ср. F o r r o g, BoTU, стр. *10—*11; H a r d y, The Old Hittite Kingdom. A Political History, AJSL, 58, 1941, № 2, стр. 203; Gü t e r b o s k, ук. соч., стр. 112 и 135.

⁷⁵ L a g o s c h e, Catalogue..., стр. 34; G o e t z e, On the Chronology..., стр. 70, прим. 186.

⁷⁶ H A B, стр. 213; H a r d y, ук. соч., стр. 193; 213; G u r n e y, ук. соч., стр. 23; Л. В у л я н, В И М К, 1957, № 1, стр. 108.

ное миссио, что Хаттусили потерпел поражение в битвах с Халапом⁷⁷. Высказана также и другая мысль, согласно которой Хаттусили, не потерпев поражения в этих боях, Халапа, однако, не смог разгромить; Хаттусили лишь начал, но не закончил разгром Халапа, хотя и добился определенных успехов⁷⁸.

Все эти соображения опираются в основном на два сообщения хеттских источников, в одном из которых (КВо, I, 6, лиц. стор., стк. 11 сл.) повествуется, что «Царствование их (т. е. царей Халапа) Хаттусили, царь великий, царь страны Хатти, сделал полным»⁷⁹, а в другом (ВоТУ, 20, II, 10—11) говорится: «[И (Мурсили)] пошел на [гор. Хальпа] и он (за) отца своего (т. е. Хаттусили) [кровь] отомстил»⁸⁰.

Сравнение с другими данными хеттских источников показывает, что слова «сделал полным» (ul-tam-li=malū, III²), на которые опирается определенная группа специалистов, допускающая разгром Халапа и его превращение в «вассальную» хеттам страну, несмотря на то, что буквальный перевод ul-tam-li действительно дает возможность подобного толкования, все же не указывает на ликвидацию царствования в Халапе, т. е. на разгром (до основания) Халапского царства (Hardy, ук. соч., стр. 213). Если обратиться к данным последующих строк рассматриваемого нами текста (стк. 12 сл.) — «После Хаттусили, царя страны Хатти, Мурсили, царь великий, вук великого царя Хаттусили, царствование (царство) страны Халап и страну Халап разгромил»⁸¹ — и сравнить их со стк. 11 сл. этого же документа, то получим следующую картину. Прежде всего бросается в глаза, что Хаттусили «сделал полным» лишь «царствование» (царство) правителей Халапа (šar-ru-zu-nu [šarḡüssunu] = *šarut-šunu, акк.), в то время как Мурсили «разгромил» как «царствование страны Халап» (šar-ru-tam ša māt-ḡa-la-ar), так и «страну Халап» (māt-ḡa-la-ar). Этот отрывок составленного позднее текста повествует, по всей вероятности, об исторической действительности: если Хаттусили завершил лишь известный этап борьбы с Халапом, то Мурсили довел это дело до самого конца.

При сравнении указанных строк следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. Употребление различных глаголов — «сделать полным» (относительно действий Хаттусили) и «разгромить» (относительно действий Мурсили) — для обозначения результатов проведенной борьбы ясно указывает на то, что эти результаты были действительно различны (ср. Hardy, ук. соч., стр. 213). И раз о Мурсили сказано, что он «разгромил» Халап, то это ясно подразумевает, что Хаттусили не разрушал его. Действительно, согласно ВоТУ, 10 β, I, 31, призыв Хаттусили в последние годы его царствования (после того как «человек (из) гор. Хальпа» отбросил «слово отца», т. е. Хаттусили) — «И гор. Хальпа погибнет» (URUḡal-ra-aš-ša ḡa-ḡa-ak-zi) — прямо свидетельствует о том, что он не разрушал Халап. Завершение («исполнение») этого дела было завещано Мурсили, о чем мы и узнаем из ВоТУ, 20, II: «¹⁰[И он (Мурсили)] пошел на [гор. Хальпа] и (за) отца своего (т. е. Хаттусили) и [кровь]

⁷⁷ Landsberger, ук. соч., стр. 52, прим. 89; Otten, MDOG, 91, стр. 84; H. G. Güterbock, The Hurrian Element in the Hittite Empire, «Cahiers d'histoire Mondiale», 2, 1954, № 2, стр. 384.

⁷⁸ Smith, Ursu and Ḥaššum, стр. 36; о нем же, Alalakh and Chronology, стр. 12.

⁷⁹ šar-ru-zu-nu ḡa-at-tū-ši-li šar-ru rabū šar māt-ḡa-la-at-ti ul-tam-li — PDK, стр. 82 сл., стк. 11 сл.; Güterbock, Die historische Einleitung des Aleppo-Vertrages, стр. 59 сл.; Hardy, ук. соч., стр. 213.

⁸⁰ ¹⁰[nu URUḡal-pa pa-it nu-za ša A-DI-ŠU и [e-š-ḡar EGI]R-an ša-an-aj-ta — НАВ, стр. 213; Landsberger, ук. соч., стр. 52, прим. 89.

⁸¹ PDK, стр. 82 сл., стк. 12 сл.; Güterbock, ук. соч., стр. 59; 61; Hardy, там же.

отомстил. ¹² Так как [Хаттус] или ¹³ [царство (царствование) гор.] Халап на исполнение дал ему, ¹⁴ [Мурсили] страну гор. Халап ²² разгромил ²³.

Как видим, в ходе борьбы с Халапом Хаттусили не смог окончательно сломить сопротивление этой страны. Однако не вызывает сомнений, что он все же добился определенных успехов, которые вынудили человека (на) гор. Хальпа» взять «слово отца» (= Хаттусили), т. е. дать клятву покорности (Hardy, ук. соч., стр. 213). Иначе нельзя толковать сообщение BoTU, 10 β, 30—31, откуда мы узнаем, что «шли же и человек (на) гор. Хальпа слово отца отверг» (ṣa-pa-aš-ša LU URUḫal-pu-u-ša-aš-ša₁ [at-t]a-aš ut-tar ri-eš-ši-at).

Ясно, что раньше, чем сделать это, царь Халапа должен был принять обязательство о покорности хеттскому царю. Отсюда следует вывод, что борьба, развернувшаяся где-то на территории Халапа (а не собственно в гор. Халап), очевидно, закончилась победой Хаттусили. Удовлетворенный успехами в борьбе (за которыми и последовала клятва покорности, принятая «человеком (на) гор. Хальпа»), или ввиду какой-то необходимости ²⁴, Хаттусили должен был возвратиться в гор. Хаттуси.

Именно после этого «человек (на) гор. Халап», видимо, и отказался от данного им слова покорности, которое означало, по-видимому, выполнение известных обязательств. Так как соответствующих обязательств царь Халапа не выполнил, то он, конечно, не мог считаться «вассалом» Хатт. Действительно (т. е. «вассальной») страной Халап в последние годы жизни Хаттусили действительно не был, поскольку больной царь завещал своему наследнику разгромить и покорить Халап.

Таким образом, по нашему мнению, в эпоху Хаттусили не может быть и речи об окончательном разгроме Халапа и превращении его в «вассала» Хатт. Трудно представить, чтобы разгром такой крупной политической единицы не нашел бы ясного отражения в исторических документах. В то же самое время вполне допустимо, что Хаттусили своими ударами значительно ослабил Халап. Разгромив союзников своего противника, в том числе и вспомогательные отряды Халапа, а потом атаковав собст-

²² По дубликату KUB, XXVI, 72, I, 9 вместо «страна города Халап» — «царь города Хальпа».

²³ Мы считаем вполне оправданным предложение Э. Форрера, что знак ḫa в слове ḫaḫ-ni-ik-ta (сти. 14), как это и дано в подлиннике BoTU, 20, II, следует читать как ḫaḫ, вследствие чего получаем ḫaḫ-ni-ik-ta «(он) разгромил (его)». Видимо, знак ḫaḫ ошибочно написан вместо ḫaḫ. Ту же ошибку допустил писец и в 16 стк. того же текста. Здесь, как указывает Э. Форрер (BoTU, стр. 34, приписка на полях), при повествовании о разгроме царем Мурсили хурритов, слово, обозначавшее «разгромить» (ḫaḫ-(ni)-ik-ta), он начал писать знаком ḫaḫ, а затем переправил на ḫaḫ. Незамыслительность писца проявилась и в том, что при написании слова ḫaḫ-(ni)-ik-ta в той же стк. 16 он пропустил знак ni. Принятая нами поправка (ḫaḫ-ni-ik-ta — стк. 14) оправдана и другими данными параллельных источников. Например, KUB, XXVI, 74, 8—11 (параллельное место BoTU, 20, II, 14—20) после восстановления соответствующих слов (L a n d s b e r g e r, ук. соч., стр. 64, прим. 155) явно говорит именно о р а з г р о м е Халапа, а не о ḫaḫ-ni-ik-ta, ибо там же говорится о р а з г р о м е хурритов (стик. 15 сл.) и Вавилона (стик. 19 сл.). Чтение ḫaḫ-ni-ik-ta делает непонятным содержание данного места текста. По интересующему нас вопросу обращает на себя внимание и чередовавшие знаки ḫaḫ и ḫaḫ в слове «кровь»: ešḫaḫ и i-e-aš-ḫaḫ — см. НАВ, стр. 161; И. Фридрих, Краткая грамматика хеттского языка, М., 1952, стр. 46, § 10; Т. В. Гамкрелидзе, Хеттский язык и ларингальная теория..., ТИЯАНГ, сер. вост. яз., III, 1960, стр. 83. О другой интерпретации соответствующего места см. BoTU, 20 см. НАВ, стр. 213; N a g d u, ук. соч., стр. 213; L a n d s b e r g e r, ук. соч., стр. 52, прим. 89.

²⁴ Возможно, что это было вызвано восставшем, речь о котором идет в УТ, § 7, когда возмущались рабы царевичей (при Хаттусили). Ср. также предположение, выдвинутое ниже.

венно Халап, Хаттусили действительно приблизил окончательное поражение этого царства, что и было осуществлено хеттами при Мурсили.

Согласно всему вышесказанному, не может быть также речи и о поражении Хаттусили во время борьбы против Халапа, так как подобный вывод, не говоря уже о других сведениях хеттских источников, не соответствует данным КВо, I, 6, I, 11—12, которые говорят явно в пользу Хаттусили. Цитированное выше сообщение о походе Мурсили в Халап и о «мщении за кровь его отца» вовсе не доказывает поражения Хаттусили в Халапе. Опираясь на этот источник, можно предположить, что Хаттусили действительно «пролил свою кровь», однако это безоговорочно не означает, что хеттский царь был убит на поле битвы во время борьбы против Халапа. По нашему мнению, можно допустить, что Хаттусили был тяжело ранен в одном из сражений за Халап, и это ранение стало роковым для него (ср. НАВ, стр. 214). Возможно, поэтому Хаттусили и вернулся в гор. Хаттуса, что и не дало ему возможности завершить разгром Халапа. Допустимо также, что это стало причиной его «болезни», упоминаемой им в своей «Билинго»⁸⁵, которая, вне всякого сомнения, является обращением царя к народному собранию Хатти и к знати по вопросу о назначении наследника престола Мурсили I⁸⁶ и была, очевидно, составлена в последние дни жизни Хаттусили.

Предсказание Хаттусили I — «И гор. Хальпа погибнет» — было осуществлено молодым Мурсили. В источниках, отражающих его царствование, — в исторических, политических и религиозных документах, — важнейшие места из которых были приведены нами выше, вполне ясно говорится о победе, одержанной над Халапом.

Привлекает внимание то обстоятельство, что в источниках, повествующих о царствовании Мурсили, почти совсем не говорится о битве и подступы к Северной Сирии. Правда, текст, повествующий о походах Мурсили, — КUB, XXXI, 64, II, 34 — упоминает город *Ha-aš-šu-wa-aš*, но в совершенно непонятном контексте, что не дает возможности сделать какой-либо вывод. Молчание, связанное с этим вопросом, объясняется, возможно, тем, что в начале царствования Мурсили подступы к Северной Сирии вновь находились под политическим контролем хеттов. Во всяком случае, здесь Мурсили уже не пришлось вести таких ожесточенных боев, как Хаттусили, который первым проложил путь к этим районам. Это последнее обстоятельство значительно облегчило задачу Мурсили, который теперь мог всеми силами атаковать Халап.

Мы не располагаем подробными данными и о битвах этого периода. Почти каждый хеттский источник, в котором идет речь о боях с Халапом, весьма скупо, но вполне ясно говорит о конечном итоге этой большой и длительной борьбы⁸⁷.

⁸⁵ НАВ, I, § 1, стк. 2; Gurney, ук. соч., стр. 171.

⁸⁶ В. В. Иванов. Проклонение и история хеттского термина *paḫki-«сообщение»*, ВДИ, 1957, № 4, стр. 29 сл.

⁸⁷ О борьбе хеттов против Халапа, кроме рассмотренных выше источников, см. УТ, § 9, стк. 28 сл.; КUB, XXVI, 74, II, 8: «[Мурсили] пошел на гор. Халап и гор. Халап разрушил» (L a n d a b e g e r, ук. соч., стр. 64, прим. 155). Сообщение о разрушении гор. Хальпа (и Вавилона) засвидетельствовано в одном хеттском источнике религиозного характера: КUB, XXIV, 3, II, 46 (O. R. Gurney, *Hittite Prayer of Mursili II*, AAA, 27, 1940, стр. 30 сл.; Pritchard, ук. соч., стр. 396). Обращает наше внимание в текст мифологического или ритуального содержания — *BoTU*, 143 (= КUB, XXXI, 4). Строки 19—23 этого источника содержат сообщение исторического характера, так как здесь сказано «Идите в гор. Хальпа»: стк. 19 — *URU Hal-pa it-te-en*; стк. 22 — *[URU Ha-a]l-pa it-te-en*; стк. 23 — *[URU Ha-a]l-pa it-te-en*; стк. 24 — *URU Hal-pa it-te-en*; ук. соч., стр. 113; Haldy, ук. соч., стр. 214; Fohrer, *BoTU*, стр. 7 сл. и т. д.

Несмотря на то, что появление Мурсили в Северной Сирии не могло быть неожиданным, Халап все же не смог отразить наступление хеттов. И это в то время, когда Халапу должны были помогать не только страны, находившиеся под его политическим влиянием (Каргамыш, Алалах, Аптата и др.), но и Хурри и Вавилон, которым, вне всякого сомнения, необходимо было объединиться с Халапом для борьбы против приближающегося общего врага. Как видно, собственно Халап в результате длительной борьбы с Хаттусили был значительно ослаблен, что не могло не сказаться на дальнейшем ходе событий.

После разгрома собственно Халапа, имевшего место ок. 1650 г., хетты могли разгромить и входившие в это царство области, в первую очередь Алалах. Поэтому именно с битвами этого периода следует связать разрушение VII слоя Алалаха (см. выше). С борьбой против Халапа, очевидно, был связан также поход Мурсили I в Вавилон и разгром хурритов. Нет сомнения в том, что все эти походы необходимо рассматривать как удары по бывшим союзникам Халапа⁸⁸.

Таким образом, только к 1650 г. хетты смогли разгромить Халап, за чем, разумеется, и последовала утеря независимости этого царства и превращение его в «вассальную страну» Хатти. Возможно, подтверждением этого и является «отправление» бога бури города Халап в Хатти. Такой вывод следует сделать из сообщения текста BoTU, 14a, 8, повествующего о событиях после Мурсили I, по которому бог бури Халапа находился уже в Хатти, хотя он «собирался уходить» в гор. Халап — URUHal-ra-aš 'ISKUR-aš an-zi-ta-ag ħu-u-wa-a-i «Бог бури (города) Хальпа от нас (г. е. хеттов) уйдет»⁸⁹.

Военные операции Мурсили в Халапе и Вавилоне, а также против хурритов имели известное влияние на ход событий на всем Ближнем Востоке. Например, своей победой в Халапе Мурсили, как уже отмечалось (Вулли, ук. соч., стр. 108), заложил основы хеттского господства в Северной Сирии. С этих пор, когда только хетты располагали силой для ведения завоевательных войн, вопрос о Северной Сирии всегда фигурировал во внешней политике Хатти. Именно этот вопрос и вызвал известные противоречия между Хатти и Египтом в период Нового царства. Вместе с тем удары Мурсили оказались роковыми для самого Халапа, который долгое время не мог оправиться и никогда уже не был столь могущественным, как до появления хеттов.

Победа же Мурсили над Вавилоном, положившая конец почти 200-летию царствованию династии Хаммураби, оказала прямое содействие захвату власти касситами⁹⁰.

Разгромив одного из сильных потенциальных противников на востоке — хурритов, которые уже со времен Хаттусили I соперничали с хеттами в борьбе за восточные районы Малой Азии⁹¹, Мурсили смог временно обеспечить безопасность восточных районов Хеттского царства. Даже временная приостановка наступления Хурри была весьма выгодна хеттам.

Эти три крупные военные операции вообще имели огромное значение для хеттов: с этого времени государство Хатти стало в ряд великих держав

⁸⁸ Smith, Alalakh and Chronology, стр. 24.

⁸⁹ В период Нового царства бог бури города Халап уже входил в состав «1000 богов» хеттов: J. Friedrich, Staatsverträge des Hatti-Reiches in hethitischer Sprache, II, Lpz., 1930, стр. 78, § 20, стк. 4; стр. 110, § 7, стк. 42 и др.

⁹⁰ Landsberger, ук. соч., стр. 65 сл.; Goetze, On the Chronology..., стр. 55 сл.; Smith, Alalakh and Chronology, стр. 24. Ср. Вулли, ук. соч., стр. 108.

⁹¹ Otten, MDOG, 91, стр. 78, лиц. стор., стк. 10 сл.

Ближнего Востока. Более того, к рассматриваемому времени Хатти превратилось в могущественную в военном отношении державу, с которой не смогли справиться такие государства Передней Азии, как «великое царство» Халап и Вавилония.

Когда возвратившийся после этих военных операций победоносный Мурсили был убит в гор. Хаттуса в результате возникших в период походов придворных интриг (УТ, § 11)⁹², начался период постепенного упадка военного могущества Хатти. Это не могло не вызвать ослабления политического влияния Хатти на Северную Сирию. Правда, Хантили I совершил успешный поход в Северную Сирию против Каргамыша, Аштаты, Хурпаши и др.⁹³, но сам факт, что этот царь в начале своего царствования появляется в этих районах, указывает на ослабление позиций хеттов в этих княжествах Северной Сирии. То же следует сказать и о собственно Халапе.

Политические объединения, расположенные на подступах к Северной Сирии (Уршу, Хашшу(ва), Хаха и др.), или же отдельные политические образования Северной Сирии, в том числе и Халап, должны были добиться полного освобождения от хеттской зависимости сразу же после правления Хантили I, когда в хеттском царском доме началась кровопролитная борьба за захват престола (Менабде, ук. соч., стр. 39 сл.). После того как хеттское войско потерпело ряд поражений (УТ, § 21), от Хатти одно за другим отпали целые районы собственно в Малой Азии (к этому времени хеттам вновь стала враждебной Адакия — УТ, § 21). Разумеется, в такой обстановке хетты должны были потерять свои владения и в Северной Сирии.

Сразу же после своего воцарения Телипину уделил внимание юго-восточной части Малой Азии. Он сумел, однако, восстановить старые позиции хеттов только на подступах к Северной Сирии, в частности в областях Хашшу (= Хассува, УТ, § 24) и Лаваццантия (УТ, § 25). В это время он захватил и Циццилпия (УТ, § 24). Возможно, ему удалось восстановить также господство хеттов в Уршу и в других районах юго-восточной части Малой Азии (например, в Хаха, Адакия и т. д.).

В этот период большой победой хеттов в юго-восточной части Малой Азии следует считать заключение договора с Ишгутахшу, царем страны Киццуватна⁹⁴. Это указывает на то, что Киццуватна уже с этого времени берет ориентацию на Хатти и начинает отмежевываться от стран Хурри и Халапа⁹⁵.

В районы же, расположенные к югу от Лаваццантии и Хассувы (Хашшу), в мелкие княжества Северной Сирии, если судить по источникам, Телипину не проникал. Он не был и в Халапе⁹⁶. Однако это не доказывает, что и в этот период Халап оставался хеттским владением⁹⁷, ввиду чего Телипину будто бы не считал нужным идти походом в эти края. По нашему мнению, к этому времени хетты должны были утратить свои позиции в Халапе, чему способствовало, вероятно, с одной стороны, постепенное усиление мелких царств Северной Сирии (что ускоряло процесс освобождения от хеттского ига), а с другой, — усиление страны Хурри

⁹² A. Goetze, The Problem of Chronology and Early Hittite History, BASOR, 122, 1951, стр. 20; Менабде, ук. соч., стр. 34.

⁹³ УТ, § 12; Goetze, On the Chronology..., стр. 55 и прим. 30.

⁹⁴ Goetze, Kizzuwatna, стр. 73 сл.; он же, On the Chronology..., стр. 72.

⁹⁵ Небольшого козленка с Киццуватной, которой правил Пиния, заключил договор и хеттский царь Цидлакта II — Н. Otten, Ein althethitischer Vertrag mit Kizzuwatna. JCS, V, 1951, № 4, стр. 129—132; Goetze, On the Chronology..., стр. 72.

⁹⁶ И по КВо, I, 6 хорошо видно, что из правителей Древнего царства Хатти только Хаттусили и Мурсили боролись против собственно Халапа.

⁹⁷ Ср. Götze, Die historische Einleitung des Aleppo-Vertrages, стр. 64.

(в частности, Хангальбата), которая с этого же времени, очевидно, начинает наступление на Северную Сирию.

Хатти должно было сохранить свои позиции в юго-восточной части Малой Азии и в последующий период (ср. заключение договора между Циданта II и Пилли). Но ни в Халапе, ни в мелких княжествах Северной Сирии хетты, видимо, не появлялись и в этот период. Только Тудхалпа II (ок. 1450 г.) возобновил походы в Северную Сирию, разгромив страну Халап и Хангальбат⁹⁴. Однако это событие имело место уже в период Среднего царства Хатти, и на нем сейчас не будем останавливаться.

---

⁹⁴ КВо, I, 6, I, 15—18; PDK, стр. 82 сл., лиц. стор., стик. 15 сл.; G ö t z e, Die historische Einleitung des Aleppo-Vertrages, стр. 59 сл. и 64.

ХЕТТЫ И ХУРРИТЫ ПО ДРЕВНЕХЕТТСКИМ ТЕКСТАМ

В одной группе дошедших до нас из Богазкейского архива клинописных текстов, составленных на древнехеттском и аккадском языках и описывающих исторические события раннего периода существования Хеттского царства¹, видное место занимают сведения, касающиеся контактов хеттов с хурритами² — одной из крупных этнических групп Передней Азии II тыс. до н. э.³

Сведения древнехеттских исторических текстов являются особенно важными для специалистов потому, что они относятся к тому раннему, непосредственно предшествующему образованию мощного хурри-митаннийского государства периоду истории хурритских племен, который довольно слабо отражен в других древневосточных источниках. Данные о хурритах для этого времени можно почерпнуть в основном из текстов VII слоя Алахла.

Данные древнехеттских текстов относительно хетто-хурритских связей, никак не обработанные специально, дают возможность восстановить лишь общую картину контактов, существовавших между хеттами и хурритами в период царствования Хатту-силли I, Мурилли I и Хантилли. В текстах, касающихся других представителей Древнехеттского царства, сведений по интересующему нас вопросу почти не сохранилось.

Если судить по малочисленным известиям о царствовании Лабарим, который смог значительно расширить границы ослабленного после правления Аянтты Куусарского царства, то хеттам этого времени не приходилось бороться против хурритов. Согласно

¹ Клинописные копии большинства этих документов найдены в КВо, III. Транслитерация текстов, помещенных в КВо, III, опубликованы Э. Форрером в VoTU. Тексты на древнехеттском и аккадском языках, рассказывающие об отдельных моментах истории Древнего царства хеттов, найдены также в разных номерах КВо (например, КВо, I, VII, X₁) и KUB (см. KUB, III, XI, XXVI и в особенности XXXVI).

² Название хурритов передано в древнехеттских текстах двумя формами: *ḫurla-* и *ḫurli-*. Первая из них, которая часто употребляется только в текстах на хеттском языке (как правило, без детерминатива, лишь иногда с детерминативом страны), является хеттской формой названия «хуррит» (им. и род. п. ед. ч. *ḫurlaš*, вып. п. *ḫurlan*, дат. п. *ḫurli / ḫurla*; им. п., а также вин. п. мн. ч. *ḫurluš*). Этот термин часто выступает и в качестве собирательного названия «хурриты», ввиду чего в ряде древнехеттских текстов, приводимых ниже, *ḫurlaš* переводится как форма множественного числа (в разных падежах). *ḫurla-*, главным образом, этнический термин и лишь один раз употребляется как название географического (KUB, XXVI, 72, 10), указывающее на страну хурритов. Вторая форма *ḫurli-* встречается в надписях на древнехеттском языке реже (как без детерминатива, так и с детерминативом города). В текстах же на аккадском языке, относящихся к периоду Древнего царства Хатти, употребляется только эта последняя форма, известная и по другим древневосточным документам для обозначения этноса или страны хурритов.

³ О хурритах см. F. I m p a r a t i, I *ḫurriti*, Firenze, 1964. Там же библиография.

данным «Указа Теллишну»⁴, Лабарна устраивал военные походы не только в близлежащие с городом Куссара районы, где были расположены Хупишна, Туванува, Ненасса, Ланда, Цаллара, Парсуханга и Лусна⁵, но и в направлениях Черного и Средиземного морей⁶. Однако в восточные (приевфратские) области, во всяком случае, во время действия хурритов (см. ниже), так же как и в юго-восточные районы от Куссарского царства, Лабарна явно не прожигал⁷.

Положение в корне меняется после воцарения Хаттусили I. Придерживаясь в основном той же внешней политики, что и Лабарна, Хаттусили расширил масштабы завоеваний. Хеттское войско появилось теперь не только в центральной, южной и северной частях Малой Азии, но и в районах к востоку и юго-востоку от Хатти, а также в Северной Сирии. Именно в связи с овладением восточными, главным образом юго-восточными районами, когда были предприняты походы и в города Северной Сирии⁸, начинаются столкновения хеттов и хурритов. С этого периода начинаются также и вторжения хурритов в страну хеттов, о чем мы находим прямые указания в источниках.

Первые контакты военного характера между хеттами и хурритами, засвидетельствованные документально, следует отнести к третьему (?) году царствования Хаттусили I, когда, покорив Алалах, хеттский царь вел борьбу против осажденного города Варсува/Уршу⁹, расположенного в Северной Сирии, по соседству с Кициуватной¹⁰. Во время борьбы против гор. Уршу, осада которого детально описана на [накладском языке в тексте об «Осаде Уршу», хеттам, видимо, пришлось бороться и против тех хурритов, которые пришли на помощь Уршу вместе с войсками Аруара (Заруара), Халаша и Цунпы (?)¹¹.

Не исключено, что хетты боролись против хурритских отрядов даже в Алалахе, так как, судя по данным табличек VII слоя Алалаха, в числе жителей этого города, так же как и других пунктов Северной Сирии интересующий нас элемент, несомненно были и хурриты. Предполагается существование хурритского элемента и в самом Уршу, если судить по тому факту, что один из первых правителей этого города носил хурритское по происхождению имя Sannaš¹². Появление же хурритов у стен осажденного города дает возможность предположить, что среди хурритов, прибывших на помощь Уршу, были и те, которые проживали в Северной Сирии¹³.

Первое известие нам крупное нашествие хурритов в страну хеттов произошло в начале (на четвертом году?) царствования Хаттусили I, в хеттском варианте «Анналов» которого мы читаем¹⁴:
EGIR-az-ja-za-ma-mu-kán LÚKUR SA URU Ğur-ri KUR-e an-da ú-it a₂nu-mu KUR.KUR.MES ħu-u-ma-an-da me-na-aĥ-ĥa-an-da ku-ru-ri-aĥ-ĥi-ir a₂na-aš-ta URU Ğa-at-tu-ša-aš-pit URU-ri-aš i-aš a-aš-ta LUGAL.GAL ta-ba-ar-na-aš

⁴ BoTU, 23 A (КВо, III, 1) + BoTU, 23 B (KUB, XI, 1) + BoTU, 23 C (КВо, III, 67), §§ 1—4 (далее — УТ).

⁵ Там же, § 4. О локализации этих городов см. в работе: J. Garstang, O. R. Gurney, *The Geography of the Hittite Empire*, L., 1959, стр. 64.

⁶ УТ, § 3. См. также KUB, XI, 23, VI, 8—11.

⁷ См. также Н. G. Güterbock, *The Hittite Element in the Hittite Empire*, «Sahlers d'Histoiré Mondiales», 2, 1954, стр. 383.

⁸ Г. Г. Гюргадзе, *Борьба хеттов за Северную Сирию в период Древнего царства*, ВДИ, 1964, № 1, стр. 3 слл.

⁹ КВо, X, 2, I, 16 сл.; КВо, X, 1, I, 6 слл.

¹⁰ Garstang, Gurney, *указ. соч.*, стр. 56; Н. Klenge l, *Geschichte Syriens im 2. Jahrtausend v. u. Z.*, В., 1965, стр. 258 слл. (там же литература).

¹¹ КВо, I, 11, обор. строк, стр. 25; Н. G. Güterbock, *Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei Babylonianern und Hethitern bis 1200*, ZAss, X, 1938, 1/2, стр. 122 слл.

¹² G. Dossin, *Les archives économiques du Palais de Mari et Syrie*, 20, 1939, стр. 97 слл. (см. также ВДИ, 1940, № 1, стр. 43); Klenge l, *Geschichte Syriens...*, стр. 262 слл.

¹³ Хурритским по происхождению является и имя царя Заруара: Aniš-ġurpi — см. Dossin, там же.

¹⁴ КВо, X, 2, I, 24 слл. Транскрипция и перевод интересующего нас места «Анналов» см. также F. I m p a r a t i, *L'autobiografia diattušili I (Redazione Ittita)*, SCO, XIV, 1965, стр. 46 слл.

NA-RA-AM DUTU URU¹⁵A-ri-in-na ²⁰mu-tu-za-kán D[UTU URU¹⁵A-ri-in-na .....]
²⁰mu-tu [.....]mu ME-ja ri-ga-an ³⁰ju-u-ua-a-iš ⁴⁰ Однако за моей спиной враг Хурри-
 (акк. вар. Ханикальбат) в страну пришел ²⁰и против меня все страны стали враж-
 довать. ³⁰И лишь гор. Хаттуса, единственный город, остался (верным, т. е. не стал
 враждовать). ⁴⁰Великий царь, *табарна*, любимец бога Солнца (из) гор. Ариана ²⁰и мне
 меня) бог [Солнца (из) гор. Ариана .....] ³⁰и мне (меня) [..... и] мне он в бою
⁴⁰помог¹⁵.

Судя по контексту, в «Анналах» Хаттусили речь идет о зевфратских хурритгах, живших в Северной Месопотамии, так как название «Хурри» хеттского варианта соответствует «Ханикальбат» аккадской версии¹⁵. Исходя из этого, хурриты должны были появиться в страну хеттов из районов верхнего течения реки Евфрат, к востоку от которой, судя по данным хеттских текстов периода Нового царства, простиралась их территория.

Однако сказанное выше отнюдь не означает, что в этом нашествии не могли принять участия и хурриты из разных пунктов Северной Сирии¹⁷. Это участие тем более вероятно, что вторжение хурритов произошло, как видно из «Анналов», именно после совершенного в начале царствования Хаттусили похода в Северную Сирию и в области к востоку и юго-востоку от Хатти, во время которого хетты покорили Сахултту, Цалцу (Залбар аккадской версии «Анналов»), Алалах, Инакали, Тасхшипо (Тисхшипо) и Варсуву (Уршу аккадской версии)¹⁸.

Правда, нам не известны подробности описанного здесь вторжения хурритов в страну хеттов, однако можно предполагать, что оно охватило всю территорию Куссарского царства и началось в тот момент, когда хеттское войско во главе с царем находилось в походе против страны Арцава (Лувия)¹⁹. Не исключено, что хурриты нанесли удары тогдашней столице — Куссаре, а также другим крупным городам хеттов. Поэтому не исключено также, что именно это послужило решающим поводом для перенесения политического и административного центра хеттов из Куссары в Хаттусу, тем более, что по приведенному выше отрывку текста, составленного самим Хаттусили I, гор. Хаттуса, оставался верным, не последовал другим подвластным странам и не стал враждовать с хеттами во время вторжения врага²⁰. Таким образом, судя по интересующему нас тексту, в момент появления хурритов хетты еще рассматривали гор. Хаттусу как один из подвластных городов Куссарского царства. Это наблюдение

¹⁵ В аккадском варианте (КВо, X, 1, I, 11 слл.) читаем: $11...u EGIR-ja a-na m\ddot{a}ti^{11} ja LU\check{K}UR URU\check{H}a-ri-in-na-t-ke-ru-up^{11} m\ddot{a}te^{11} A ka-lu-ku-nu it-ti-ja it-ta-ak-ru alum^{11} URU\check{K}\ddot{U}.BABBAR-it isten^{6n} tr-te-ja^{15} barru rabu ta-ba-ar-na na-ra-am D\check{s}am\check{s}i a-na ju-u-ni-ku is-ku-un-ku^{15} q\ddot{a}l-su is-bat-ma t-na pa-ni-ku tr-ru-up a-la-kam$. Перевод см. Н. О т т е н, MDOG, 91, 1958, стр. 78 сл. Транслитерацию и перевод аккадского варианта «Анналов» см. С. S a r o g e t t i, L'autobiografia di Hattusili (versione accadica), SCO, XIV, 1965, стр. 77 слл.

¹⁶ Об этом см. также J.-R. К у р р е г, Northern Mesopotamia and Syria, САН, II, гл. I, 1963, стр. 39 (отдельный выпуск).

¹⁷ Существует мнение, согласно которому под Хурри / Ханикальбат подразумеваются исключительно хурриты, жившие на западе от р. Евфрат (в Хашшу / Хассуве, Уршу / Варсуве и Халале), — см. Н. S c h m \check{b} k e l, H. O t t e n, V. M a a g, Th. V e g a n, Kulturgeschichte des Alten Orient, Stuttg., 1961, стр. 346. Согласно О. Герни, Ханикальбат всегда обозначает хурритскую державу, расположенную к востоку от Евфрата. Однако, полагает он, так как население Северной Сирии в интересующую нас эпоху было преимущественно хурритским (однако это мнение О. Герни малосостоятельно, ибо, как выясняется, в Северной Сирии хурриты были в меньшинстве именно в период VII слоя Алалаха), то в нашествии хурритов в страну хеттов должны были принять участие, по его мнению, царства Северной Сирии, — см. О. R. G u r n e y, Anatolia c. 1750—1600 В. С. САН, II, гл. VI, 1962, стр. 17 (отдельный выпуск). По нашему же мнению, видеть в Хурри / Ханикальбате исключительно хурритов Северной Сирии не оправдано, так как употребление термина «Ханикальбат» прямо указывает на конкретную географическую обстановку.

¹⁸ КВо, X, 2, I, 4 слл.; КВо, X, 1, I, 2 слл.

¹⁹ КВо, X, 2, I, 22 слл.; КВо, X, 1, I, 10 слл.

²⁰ Так понимает это место «Анналов» Хаттусил и Куппер — К у р р е г, Northern Mesopotamia..., стр. 39.

подтверждает предположение, что во время вторжения хурритов гор. Хаттуса еще не был столицей хеттов. Хаттуса становится столицей, видимо, после отражения хеттами нашествия хурритов и усмирения царем Хаттусили ряда подвластных стран (Невассы, Улмы/Улламы и Салахсуны)²¹. Лишь после этого Хаттусили, возвращаясь из похода в Хаттусу, рассматривал ее как «свой» город: «... и я в гор. Хаттуса, «в мой город, возвратился» («... lu URUJa-at-tu-ši URU-ri-mi-it EGIR-ra ú-ša-lu-un)²².

Конечно, трудно допустить, что лишь одно рассматриваемое нами вторжение хурритов — подробностей его мы не знаем, знаем лишь, что оно было отражено хеттами (ср. указание приведенного отрывка на помощь бога Солнца гор. Ариана), — послужило поводом для окончательного перенесения культурно-политического и административного центра хеттов. Видно, для хеттов здесь сыграла роль и общая ситуация того времени, а именно то, что территория хеттов (в особенности гор. Куссара) находилась под постоянной угрозой вторжений с востока и юго-востока, главным образом, со стороны хурритов. В пользу такого предположения свидетельствует доказуемая документально связь хурритов с пунктами, расположенными на востоке и юго-востоке от хеттов и ставшими позднее владениями этих последних.

Прежде всего следует остановиться на данных хеттской надписи КВо, III, 46, II, 14 слл. (ВоТУ, 17А, III). Не сомневаясь в том, что этот текст²³, составленный на древнехеттском языке, действительно рассказывает о военных деяниях какого-то хеттского царя эпохи Древнего царства, возможно, Хаттусили I или Мурсили I²⁴, мы приведем здесь лишь краткое содержание того места надписи, которое хорошо отражает интересующую нас ситуацию (при восстановлении текста учтены данные дубликата КВо, III, 53). Сообщив о вторжении в страну Хатти какого-то врага, возможно хурритов (LÚKUR ... I-NA KUR URUJa)-at-ti ú-it — стк. 14), текст далее подробно описывает события, развернувшиеся на востоке и юго-востоке от территории хеттов в течение следующего года (ta-a-ša ú-it-ti — стк. 14). После того как Хатра (KUR URUJa)-at-ta-a-š — стк. 15)²⁵. Сукция/Суакция ((KUR URUS)u-ug-zl-a-š — стк.

²¹ КВо, X, 2, I, 30 слл.; КВо, X, 1, I, 14 слл.

²² КВо, X, 2, I, 44 сл. Ср. III, 9 сл. См. также H o u w i n k t e n C a t e, The Ending -d of the Hittite Possessive Pronoun, RHA, XIV, 79, 1966, стр. 125 (здесь отмечено, что притяжательное местоимение -med (-mit) стк. 45 выступает в функции локатива). Данным же началу «Анналов» Хаттусили, где сказано, что этот последний воцарился в «стране Хатти» (в аккадском варианте — URUKU.BABBAR-ti), по нашему мнению, не противоречат такому предположению. Во-первых, в момент составления «Анналов» (т. е., видимо, после похода в Хассусу — см. ниже) Хаттусили бесспорно рассматривался как царь страны Хатти, а не Куссары. Во-вторых, судя по тексту, Хаттусили воцарился не в гор. Хаттуса, а в «стране Хатти», которая уже включала в себя и Куссару. Примечательно, что в УТ о Хаттусили (как и о Лабарне) не сказано, что он стал царем в Хаттусе. Первым из ранних правителей хеттов в Хаттусе воцарился, согласно УТ, лишь Мурсили I.

²³ Документ сохранился в двух версиях, одна (более пространная) из которых представляет собой КВо, III, 46 (ВоТУ, 17А) с фрагментом дубликата КВо, III, 53 (ВоТУ, 17В, а). Большой фрагмент второй версии, явно параллельной, но не вполне идентичной (см. также мнение Э. Ляроша в книге: J. B o t t e r o, *jabiru*, P., 1954, стр. 72, прим. 1), сохранился в виде КВо, III, 54 (ВоТУ, 17В, б), также с фрагментом дубликата КВВ, XXVI, 75. Все эти тексты имеют общий параграф о наеме (?) 3000 людей *zaniuru*.

²⁴ События, описанные в этом тексте, относятся к тому времени, когда столицей хеттов уже был гор. Хаттуса (КВо, III, 45, II, 10; 54, I, 11), а Хатти рассматривалась как страна хеттов (КВо, III, 46, II, 14). Это ясно говорит против причисления его к текстам, относящимся к эпохе до Хаттусили I. Появление здесь [A]-*ši* LUGAL (КВо, III, 46, III, 2) дает возможность причислить этот текст к тем древнехеттским надписям, в которых встречается данное выражение, т. е. к текстам, отображающим военную деятельность главным образом Хаттусили I и Мурсили I, а возможно и Телишпау. Э. Лярош (E. L a r o s h e, Catalogue des textes hittites, RHA, 14, 1956, 58, стр. 35, надпись № 12 А), а вслед за ним и А. Камменхубер (A. K a m m e n h u b e r, Hippologia hittica, Wiesbaden, 1981 (далее — K a m m e n h u b e r, НН, стр. 28 сл.) относят интересующий нас текст ко времени царствования Мурсили I (Э. Лярош — под вопросительным знаком).

²⁵ В § 54 ХЗ Хатра упоминается рядом с городами Тамалия, Цалпа, Тасхия и Хеммува. Местоположение этих городов к востоку (Тамалия, Хеммува) и юго-востоку (Цалпа, Тасхия); ср. выше данные «Анналов» Хаттусили относительно Цалпа /

16) ²⁰ и другие страны, названия которых не сохранились, обратились за помощью, видимо против хеттов, к хурритам (ġur-li ne-ja-an-ta-ti — стк. 16) ²¹, хурриты появились и в других пунктах. Поправившись через какую-то реку, название которой оканчивалось на -на ([ġ...]-na zi-pu-e-ir — стк. 19) ²², хурриты поставили под угрозу крупные пункты Кицдуваты — Хуруму/Хурму (URU ġu-ru-ma, URU ġu-ur-ma — стк. 21 и 26) ²³ и Лухудцантию ([URU]Lju-ġu-uz-za-an-ti-ja — стк. 24) ²⁴. Однако под Лухудцантией, по всей вероятности, хурриты были разбиты ²⁵, но продолжали угрожать городу Хуруму.

Далее в надписи рассказывается, видимо, о том, как обратились к хурритам еще какие-то населенные пункты ²⁶. Не исключено, что к хурритам относятся и выраженные «серно, хлеб (в) вид[о... уничтожают они]» ²⁷. Судя по тому месту текста, где сказано — «(боги) Хуруму защитили» ²⁸, хурритам не удалось овладеть Хурумом. В конечном счете они были уничтожены и здесь, на что указывают следующие слова текста: «И они (т. е. боги) хурритам чуму (смерть) определили (?)» ²⁹. В это время возникла эпидемия (ġinġan), вследствие чего погибло несколько предводителей («владык») войск (tuzziġaš EN-aš/išġaš) (стк. 34 и 37 сл.). В конце интересующего нас отрывка действие переходит вновь в Суцию (стк. 35 сл.).

Таким образом, согласно рассмотренному выше тексту, в зону действия хурритов входила обширная территория, расположенная к западу от р. Евфрат, т. е. к востоку и юго-востоку от хеттов, в частности, районы, находящиеся восточнее и южнее совр. Гюрюна, включая отдельные пункты Кицдуваты (Лухудцантию, Хурму). Исключительно интересен факт обращения к хурритам Хатры, Суции (она во время царство-

Залбар и Тасхвиля / Тисхилия) от хеттов не вызывает сомнения. В «Молитве Мувааттала» (KUB, VI, 45 + 46, II, 64 сл.; см. G a r s t a n g, G u r n e u, ук. соч., стр. 119) бог бурн гор. Хатра назван вместе с «богами, богинями, городами и реками страны Исува»; страна Исува была расположена в районе совр. Элякмы; для более позднего времени известно, что ее населяли хурриты.

²⁰ Локализация Суции / Суцинии в районе к востоку или юго-востоку от Хатры также не вызывает сомнений. Судя по жертвенному списку КВо, IV, 13, I, 34 сл. (см. A. G ö t z e, Bemerkungen zu dem hethitischen Text AO 9608 des Louvre, RHA, I, 1930, I, стр. 23), Суцию следует искать в стороне Хурмы, где находился также Саллахасува (возможно, Саллахсува «Анналов» Хаттусли, см. выше), Карахна и другие пункты восточной периферии (Питварина, Самуха и т. д. — стк. 36, 38). Карахна и Суциния названы рядом и в KUB, VI, 45, II, 6 сл. (а в стк. 9 — Лихсиа). Суция встречается и в текстах из Рас-Шамры в форме Sukki, что как будто указывает на юго-восточное от Хатты местоположение. Э. Лярош доказывает этот последний пункт в Северной Сирии (B o t t e r o, J a b i r u, стр. 72, прим. 1). О локализации Суции см. также F. S o g n e l l i a, Or, 27, стр. 227 сл.; H. T h. W o s s e r t, Or, 28, стр. 273.

²¹ Тут же заметим, что по КВо, III, 54, 1 сл. и KUB, XXVI, 3 сл. «к хурритам обратились» (ġur-line-ja-an-ta-ti) также города Кассара, Инцалуха, Хурсамма, Ивасха] и другие, названия которых не сохранились полностью. В КВо, III, 48, III, 12 в неясном контексте написано: ġur-li ra-a-ir «(к?) хурритам обратились они».

²² Возможно, ġurġuna (хетт. вар.) = ġurġan (акк. вар.) «Анналов» Хаттусли. Относительно этой реки см. O t t e n, MDOG, 81, стр. 82, прим. 24; H. G. G ü t e r b o s k, Sargon of Akkad Mentioned by ġattušili I of ġatti, JCS, 18, 1964, 1, стр. 3.

²³ См. G a r s t a n g, G u r n e u, ук. соч., стр. 53; В. L a n d s b e r g e r, Assyrische Königsliste und «dunkles Zeitalter», JCS, 8, 1954, 2, стр. 48 и прим. 70. Хурма находилась по соседству с Лаваццантией и Кумманя. По КВо, IV, 13, I, 33 сл. близкими соседями гор. Хурма были Ухлява и Саллахасува, на которых последние граничили также, как мы уже отметили, с Суцией.

²⁴ G a r s t a n g, G u r n e u, ук. соч., стр. 53; L a n d s b e r g e r, ук. соч., стр. 48. Лухудцантия (Лаваццантия) и Хурма / Хурма упоминаются вместе с Шахшувой (возможно, Саллахсува хеттских источников) в «накладных» табличках — см. J. L e w y, Old Assyrian Evidence Concerning Kuššara and its Location, HUCA, 33, 1962, стр. 48, прим. 17.

²⁵ ġa-an ġu-ul-li-it «и он разбил (победил) его» (стк. 25).

²⁶ Сохранилось только следующее место: [URU...]-kar(?)-aš-ša ġur-]li ne-ja-an-ta-ti(?) (стк. 30).

²⁷ ġal-ki-in NINDA-an GESTI[N-an] [... kar-ap-pi-an-zi] (стк. 31).

²⁸ [DINGIR.MES URU]ġu-ru-um-ma-an PAB-aš-ša-nu-ir (стк. 32).

²⁹ ġur-la/li-ma-aš-ša-an ġé-en-kán ġi-ja-ir (?) (стк. 33).

вания Хаттили вновь становится арапой действий хурритов, см. ниже), а также Кассары, Индалухи, Хурсамы и многих других. Подтверждая территориальную близость хурритов с названными пунктами, этот факт, возможно, служит аргументом и в пользу предположения, что до появления здесь хеттов интересующие нас пункты входили в сферу влияния хурритов.

Трудно сказать, в какой степени это предположение верно. Известно только, что в районы как юго-восточнее Хатти, так и западнее — в Каппадокию — хурритский элемент проникал еще с древнейших времен. Так, в Хураме (Хурме/Хурумме) проживал, судя по одной «каппадокийской» табличке, писец, имя которого *Ḫaiḫ-paḫar* рассматривается специалистами как хурритское по происхождению³⁶. Более того, Ю. Левин в названии *Ḫuḡata* видел хурритское слово *ḫuḡta*, засвидетельствованное в текстах из Нузи в собственном имени *Aḡir-ḫuḡta*³⁷. Хурритское имя *Anum-ḫirbi* носил царь страны Мама, расположенной где-то в юго-восточном районе от Каниша³⁸. Согласно «каппадокийским» табличкам, хурритские по происхождению имена носил целый ряд лиц, упоминаемых в связи с торговлей³⁹. Если судить по названию божества *Katiti/Nikatiti* и гор *Aḡaḫarḫanni*, во времена Хаттусили I хурритский элемент засвидетельствован даже в гор. Улма/Уламма/Узлумма⁴⁰.

Указывая на территориальную близость названных в рассмотренном выше тексте местностей хурритов, данные этого же документа дают возможность допустить, что в лице хурритов мы имеем дело не только с теми, которые проживали к востоку от среднего или верхнего течения Евфрата, но и с хурритами из Северной Сирии. Один из главных центров этих последних находился, по всей вероятности, в городе Хассува/Хашшу, локализованном подавляющим большинством специалистов именно на западе от р. Евфрат — в Коммагене, на севере от Уршу/Варсуа⁴¹.

Что же касается наличия хурритов в Хассуве, то оно доказывается данными древнехеттских источников, ввиду чего можно допустить, что, отправившись походом в этот город, где хетты вели тяжелые бои⁴², Хаттусили пришлось сражаться и против хурритов Хассувы.

Так как хурритский характер божества гор. Хассува не вызывает сомнений, на что первым обратил внимание А. Гетце в связи с рассмотренным данными «Анналов» Хаттусили⁴³, то уже один этот факт достаточно свидетельствует о наличии в Хассуве

³⁶ Güterbock, *The Hittite Element...*, стр. 383 (там же литература).

³⁷ J. L. E. W. y., *Old Assyrian Evidence Concerning Kuššara*, стр. 55.

³⁸ K. V. a. l. k. a. n., *Mama kirali Anum-ḫirbi'nin Kaniḫ kirali Waḫḫama'ya gönderdiği mektup*, Ankara, 1957, стр. 37 слл. Названия *ḫuḡata* и *Mama* (а также *Taišama*, *Tai'a*) рассматривает как хурритские по происхождению и Хильдегард Левин. См. ее работу — H. L. e. w. y., *Anatolia in the Old Assyrian Period*, САН, I, гл. XXIV, § VII—X, 1965, стр. 13.

³⁹ P. G. a. r. e. l. l. i., *Les Assyriens en Cappadoce*, P., 1963, стр. 155 слл. (там же ссылки на источники и литературу).

⁴⁰ КВо, X, 2, I, 33 слл., 38 сл.; КВо, X, 1, I, 15 слл. Ввиду сказанного, Уламму следует локализовать где-то к востоку или юго-востоку от Хатти, а не на юге страны хеттов (см. Г. Г. Г. и о р г а д а е, «Текст Ахитты» и некоторые вопросы ранней истории хеттов, ВДИ, 1965, № 4, стр. 98 и прим. 41, там же литература). К названию *Katiti / Nikatiti* ср. хурритские имена *Urutitti*, *Uḫanti* (см. ниже). В названии *Aḡaḫarḫanni* хурритский суффикс *-anni*.

⁴¹ Литературу о локализации Хассувы см. K. l. e. n. g. e. l., *Geschichte Syriens...*, стр. 269, прим. 1 (на стр. 272). Данные «Анналов» Хаттусили, подробно рассказывающие о походе Хаттусили в гор. Хассува, все же скорее свидетельствуют в пользу локализации Хассувы к западу, нежели к востоку от р. Евфрат. Главным аргументом для этого служит то, что река Пур а н аккадского варианта «Анналов», которой соответствует П у р у н а хеттского варианта, как полагаем, не является рекой Евфрат. Если Пур а н — это Евфрат (см. Güterbock, *Sargon of Akkad...*, стр. 3 сл.), то почему тогда не употреблено в хеттском варианте текста хеттское же название реки Евфрат *Māla*? Видимо, Пурал/Пурува, которая упоминается и в других хеттских текстах (см. O. t. e. n., *MDOG*, 1958, 91, стр. 82 и прим. 24) и не тождественна *Māla*, — совершенно другая река, за которой простиралась, судя по тем же «Анналам», территория Хассувы.

⁴² КВо, X, 1, I, 34 слл.; 2, II, 11 слл.; VII, 14, I, 1 слл.; КУВ, XXXVI, 100, I, 1 слл.; XXXI, 5, I, 1 слл. и т. д. Подробнее см. Г. и о р г а д а е, *Борьба хеттов . . .*, стр. 13 слл.

⁴³ A. G. o. e. t. z. o. (рец. на КВо, X), *JCS*, 16, 1962, 1, стр. 27 слл.

хурритской этнической группы, тем более, что один из ранних царей Хашшу еще в начале II тыс. до н. э. носил хурритское по происхождению имя Aniš-ḫurri⁴⁴. Кроме того, указание на существование хурритов в Хассуе, видимо, содержится в одном фрагментарном тексте на древнехеттском языке — КВо, III, 56 (ВоТУ, 19), по всей вероятности, времени Хаттусили I⁴⁵, в стк. 4 которого сохранился следующий отрывок: [... URU]ja-aš-šu-aš-ḫa-aš ḫur-la-aš-ša [...] «И хурриты [города Х]ассуа [...]»⁴⁶. О тех же хурритах, должно быть, идет речь и в стк. 8 этого же текста, где в непонятном контексте стоит: [...] ka-r-riḫ ḫur-lu-uš... «[...] уничтожили они. Хурриты...».

Аналогичный вывод можно сделать и из данных одного фрагмента хеттского текста⁴⁷, составленного, очевидно, Мурсили I, в котором упомянуты URU]ja-aš-š[и-ц]а] (стк. 3) и ḫur-la-aš-ša (стк. 4), что как будто указывает на известный поход хеттов в Хассуу. Хеттское выражение at-da-aš-mi-iš] «отец м[ой]» (стк. 5) этого же фрагмента должно подразумевать Хаттусили I⁴⁸.

Наличие хурритов в Хассуе подтверждается и косвенными данными «Дворцовой хроники» — древнехеттского текста КВо, III, 34, I (ВоТУ, 12А, § 5), в приведенном ниже отрывке которого повествуется одна история, имевшая место в Хассуе лишь после покорения этого города хеттами: URU]ja-aš-šu-i] Sa-an-da-aš DUMU E.GAL LU URU]ju-ur-ma e-eš-ta ḫur-la-aš-ša²⁴ [na(?)]-a]ḫ-ta nu-eš-ḫé p[í]-an-ni-iš A-BI L[UGAL] IŠ-PUR ša-an ku-uk-ku-ri-eš-ki-ir «В городе Хассуа Санда, человек (на) гор. Хурма, „сыном дворца“ был. И он хурритов²⁵ боялся (?) и (я) господину поехал. Отец ц[аря] написал (приказ) и его (т. е. Санду) изувечили (т. е. наказали)»⁴⁹.

⁴⁴ D o s s i n, Les archives..., стр. 97 сл. (см. также ВДИ, 1940, № 1, стр. 43); K l e n g e l, Geschichte Syriens..., стр. 269 и прим. 3 на стр. 272. Относительно сильного хурритского влияния в Хашшу еще со времени Марк см. Н. K l e n g e l, Der Wettergott von Halab, JCS, 19, 1965, № 3, стр. 90 и прим. 28 сл.

⁴⁵ О принадлежности этого текста царю Хаттусили подробно см. Г п о р г а д з е, Борьба хеттов..., стр. 16.

⁴⁶ Возможен и иной перевод: «И хурриты [города Х]ассуа». В дубликате (?) КUB, XXXVI, 103, 10 уцелели только: [...] -ḫa-aš ḫur-la-aš. В КВо, III, 56, 4 не вызывает сомнения восстановление начальной части названия города, которое принадлежит В. В. Иванову, указавшему нам на это в 1963 г. в отзыве на нашу тогда еще не опубликованную работу о борьбе хеттов за Северную Сирию в эпоху Древнего царства, напечатанную позднее в ВДИ (см. выше). В написании названия города сомнительно только появление после šu клипосопного знака aš, на что обратили наше внимание Т. В. Гамкрелидзе, ознакомившийся с рукописью настоящей статьи и сделавший нам ряд ценных замечаний, за что автор настоящей работы приносит Т. В. Гамкрелидзе глубокую благодарность. Не исключено, что знак aš представляет собой опisku.

⁴⁷ КUB, XXIII, 117. См. также L a g o s h e, Catalogue..., стр. 37, надпись № 28f.

⁴⁸ В связи с хурритами Хассуа упоминается также в одной древнехеттской надписи — КUB, XXXI, 64, II, 31—34, которую специалисты относят ко времени царствования Мурсили I (см. выше). Не исключено, что в этом тексте рассказывается о походе хеттов в Хассуу во времена Хаттусили.

⁴⁹ Определенные трудности вызывает восстановление начала стк. 25 приведенного текста, а также определение значения глагола reppa- этой же строки (по НВ, стр. 167, указанный глагол имеет значения «гнать; ехать (на колеснице); хранить; вести; заблудиться»). Мы придерживаемся мнения Ф. Зоммера и Г. Гутербоба (см. G ü t e r b o s k, Die historische Tradition..., стр. 134 и прим. 1), которые восстанавливают интересующее нас место как [na-a]ḫ-ta «он боялся, испугался», а глаголу reppa- придают значение «ехать, ездить». См. также R. H a r d y. The Old Hittite Kingdom. A Political History, AJSL, 58, 1941, 2, стр. 195). Нам не удовлетворительны перевод О. Герни (см. О. G u n d e y, The Hittites, Harmondsworth, 1961, стр. 172), который § 5 «Дворцовой хроники» переводит так: «Сапта, человек (на) Хурма, был служащим дворца в Хассуе. Хурритам он служил, и отправился повидать своего господина (т. е. царя хурритов). — Г. Г.». Царь услышал об этом, и они изувечили его». Отождествление «господина» Санды с царем хурритов малоубедительно. «Господина» Санды прожилвал, видимо, в стране Хатти, а возможно и в Хурме, ведь Санда был родом из этого города. В ВоТУ, 12А, 25 Э. Форрер восстанавливал начало указанной строки как [ARAD]-aḫ-ta, однако в комментариях к ВоТУ, которые были опубликованы позже, в 1926 г., Э. Форрер указал, что в начале стк. 25 вместо ARAD(İR) следует восстановить знак tar. Но в дальнейшем специалисты не поддержали и это соображение Форрера. См. G ü t e r b o s k, Die historische Tradition..., стр. 134, прим. 1, там же литература.

Если правлен перевод «И он хурритов [боя]лся и (к) господину покаял, то получается, что Санду, хеттского чиновника в Хассуве, наказали по приказу самого царя (возможно, Хаттусили I) за то, что он боялся хурритов и вынужден был уехать из указанного города. Такое действие рассматривалось хеттами как противозаконное, тем более, что оно было совершенно официальным лицом хеттов — «сыном дворца». По вашему мнению, здесь прежде всего речь идет о хурритах, живших в самом городе Хассува, где они, по всей вероятности, часто угрожали появившимся здесь хеттам, борьба с которыми продолжалась и в дальнейшем. Интересен сам факт, что действия хурритов вызывали страх даже у отдельных чиновников хеттов; это как будто указывает на суровость этих действий.

В связи с наличием хурритов в Хассуве привлекает внимание и следующий, шестой параграф «Дворцовой хроники»⁶⁰, где упоминают должностное лицо, проживавшее, вне сомнения, в том же городе, название которого — Эваршатуни — является явно хурритским: [Ḫa(?)]-ni-i-iš URU Ḫa-a-š-šu-an ḫar-ta [E-ḫa-a-ri-š]a-tu-ni-ša ZABAR. DIB e-eš-ta «[Ха]ни(?) занимал гор. Хассува, а [Эварш]атуни был чашеносцем»⁶¹.

Правда, мы не располагаем данными о наличии хурритов в гор. Иланцура⁶², расположенном где-то к западу от р. Евфрат, в направлении гор Хальба⁶³, однако связь Иланцуры с хурритами хорошо видна из отрывка древнехеттского текста КВо, III, 60, III (BoTU, 21, III)⁶⁴, видимо, тоже относящегося ко времени Хаттусили I⁶⁵. ...ma-a-an ut-ni-e ta-me-eš-šu-u-eñ 14 LUGAL URU I-la-an-zu-ra^{KI} A-NA LUGAL. MES ERIN.MES ḫur-ri[.?] 15 Ḫu-an-ti Ḫu-ti-ti-ti Ḫa-ka-[.?] 16 Ḫu-ga-az-zani-ja nu-uš-ma-aš GAL^{HI.A} GUSKI[N.?] «...Когда мы (т. е. хетты) страну (Иланцуру) притеснили (?), 15 царь (яв) гор. Иланцура к царям войска Хурри [...] — 16(к) Увакти, Урутитти, Арка [...] и Увагаццани (обратился?). И (он) им золотые кубки(?) [послал(?)].»

Позволяя предполагать, что во время вторжения врага соседние страны обращались к хурритам за помощью, приведенный отрывок текста содержит перечень неизвестных по другим источникам имен ранних «царей войска Хурри» — правителей отдельных политических образований, видимо, заевфратских хурритов, живших до создания государства Митанни. Предметом специального изучения должно стать выражение LUGAL.MES ERIN.MES ḫur-ri «цари войска Хурри», авалогичное выражение текстов Алалаха LUGAL ERIN.MES ḫur-ri⁶⁶ и табличек из Амары LUGAL.ḫI.A ja LUGAL ERIN.ḫI.A ḫur-ri «цари царя войска Хурри»⁶⁷, ибо оно является термином, имеющим определенное значение для выяснения особенностей хурритского общества. Видно, к одним из таких «царей» хурритов относится и лицо, о котором идет

⁶⁰ КВо, III, 34, I, 26 (BoTU, 12A, I, 26) + КВо, III, 35, I, 2 (BoTU, 12B, I, 2).

⁶¹ «цари / иури / иври «царь; господин». Вторую часть имени (ša-tu-ni) можно сравнить со словом ša-tu-un, которое встречается в текстах на хурритском языке, найденных в Мари (см. F. Thureau-Dangin, Tablettes hurrites provenant de Mari, RA, XXXVI, 1939, 1/2, текст № 1, стк. 6 и др.). Значение его не установлено. В интересующем нас имени обращает на себя внимание специфическое написание знака ца (КВо, III, 35, I, 2), который употреблялся, как известно, исключительно в текстах на хеттском (протохеттском) и хурритском языках.

⁶² Это название напоминает нам имя хурритского бога Алланцу.

⁶³ Относительно Иланцуры см. W. F. Albright, New Light on the History of Western Asia in the Second Millennium B. C., BASOR, 77, 1940, стр. 29 сл.

⁶⁴ Güterbock, Die historische Tradition..., стр. 108 сл.

⁶⁵ Э. Лярош относит КВо, III, 60 к архаической эпохе (Landsberg, Catalogue..., стр. 34, надпись № 4). По Б. Ландсбергеру, давший текст, который составлен Мурцил I, описывает события, имевшие место при Хаттусили I (Landsberg, ук. соч. стр. 58, прим. 120). Это предположение кажется более вероятным и автору настоящей работы (ВДИ, 1964, № 1, стр. 16 и прим. 74; там же литература). См. также Güterbock, The Hittite Element, стр. 384 и прим. 12.

⁶⁶ Ат, 2, 73 сл.

⁶⁷ Landsberg, ук. соч., стр. 53.

речь в стк. 8 упомянутого выше древнеегипетского текста КВо, III, 54 (BoTU, 17 B) ⁸²: [LUGAL ERIN.MES ġur-ri BA-US адарь войска Хурри скончался] ⁸³.

Воцарившемуся в гор. Хаттуса Мурсили I не пришлось уже отражать нашествия хурритов в Хатти ⁸⁰, так как, по-видимому, их пресекли военные действия хеттов на востоке и юго-востоке во времена Хаттусили и еще более интенсивные наступления на юго-восток от Хатти в начале царствования самого Мурсили ⁸¹. В древнеегипетских текстах, описывающих события времени Мурсили I, рассказывается о борьбе хеттов с хурритами, в основном, в связи с военными операциями против городов Халап/Хальпа и Вавилон.

Так, в КВо, III, 57 (BoTU, 20), I, 15 сл. вслед за рассказом о разгроме ⁸² страны Халап (стк. 12 сл.) читаем: ₁₃[... LO.MES KUR URU ġur-la-aš-ša ₁₄[... ġu-u-m]a-an-da ġar-(ni)-ik-ta ₁₅И он (т. е. Мурсили) [людей (на) страны хурритов ₁₆[... полнотью разбил] ⁸³. Относительно разгрома хурритов при Мурсили говорится и в § 9 УТ (КВо, III, 1, I, 29): [?] ġur-lu-uš-ša ġu-ul-li-it «И он (т. е. Мурсили) хурритов победил» ⁸⁴. Однако в данном тексте об этом сообщается лишь после рассказа о разрушении городов Халап и Вавилон. Об интересующем нас событии речь идет еще в одной надписи — KUB, XXVI, 74, I, 7—11, составленной, по всей вероятности, с учетом данных КВо, III, 57 (BoTU, 20) и § 9 УТ: ₇[...]a-ra-a-aš-ša šar-ku-uš ₈[LUGAL-uš e-eš-ta la-aš URU ġal-pa-ra-it nu URU ġal-pa-an] ġar-ni-ik-ta ₉[EGIR-pa-ma-aš URU Sa-an-ġa-ra-ra-it nu URUSa-an-ġa-ra-an] ġar-ni-ik-ta ġur-la-aš-ša ₁₀[ġu-ul-li-it...?] URUSa-an-ġa-ra ₁₁[...?] URU ġa-at-tu-ši pi-e [ġar-ta] ₁₂[...] И этот (т. е. Мурсили) сильным ₁₃[царем был. И он в гор. Хальпа пошел и гор. Хальпа] разрушил. ₁₄[Потом он в гор. Шанхара (т. е. Вавилон) пошел и гор. Шанхара] разрушил. И он хурритов ₁₅[победил...?] гор. Шанхара ₁₆[...?] в гор. Хаттуса у[нес] ⁸⁵.

⁸⁰ Относительно этой надписи см. выше прим. 23. Ни в фрагменте дубликата этого текста (KUB, XXVI, 75), ни в главной версии его (КВо, III, 46, II; III, 53) данное место не сохранилось.

⁸¹ Идеографическое написание BA.US «умер, скончался» встречается в текстах реке. Ср. например, KUB, XIV, 4, IV, 23. См. F. J o s e p h o n, *Pronominal Adverbs of Anatolian: Formation and Function*, RHA, XXIV, 79, 1966, стр. 139. Упомынутый выше текст об осаде Уршу содержит одно весьма интересное место, которое можно интерпретировать в связи с хурритами времени Хаттусили, если, конечно, *mār DISKUR* «сын бога бурь» (т. е. Темула) в стк. 7 и 30 оборотной стороны текста действительно означает дара Хурри, как можно полагать, поскольку данное выражение обозначало дара Митанни (Хурри) в более позднее время (G ü t e r b o s k, *Die historische Tradition...*, стр. 135). Так, слова некоего Кулет *māri*^{MES} *mār*^{DISKUR} *al-šum šar-ru-šim im-ta-ġa-sū* «Сыновья сына бога бурь борются между собой за царствование» (стк. 7) явно описывают создавшееся при царском дворе хурритов положение, когда сыновья неизвестного нам по имени царя хурритов боролись между собой за захват царской власти.

⁸² Если текст КВо, III, 46, II (BoTU, 17A, III), 14 слл. (см. выше) действительно не относится ко времени Мурсили I.

⁸³ Подробнее см. Г и о р г а д з е, *Борьба хеттов...*, стр. 3 слл. (там же литература и источник); K l e n g e l, *Geschichte Syriens...*, стр. 159 слл.

⁸⁴ Относительно *šarnikta* / *ġarnikta* в стк. 14 этой надписи см. Г о р г а д з е, *ук. соч.*, стр. 18, прим. 83.

⁸⁵ Восстановлено по дубликату KUB, XXVI, 72: ₁₃[...L]U.MES KUR URU ġur-la-aš-ša ₁₄[... ġu-u-ma-an-da ġar]-ni-ik-ta. Иначе в работе: K l e n g e l, *ук. соч.*, стр. 149.

⁸⁶ Здесь мы имеем дело с бесспорным случаем, когда слово *ġurluš*, обычно употребляемое для обозначения именительного падежа мн. ч. (см., например, КВо, III, 56=BoTU, 19, 8; КВо, III, 1=BoTU, 23A, I, 42) является формой и внятного падежа мн. ч. Этот пример подтверждает правильность мнения А. Камменхубер о том, что в древнеегипетском языке форма именительного падежа мн. ч. (общего рода) может обозначать внятный падеж мн. ч. (общего рода). Подробнее см. А. К а м м е н х у б е р, *Die hethitischen Vorstellungen von Seele und Leib, Herz und Leibesinnerem, Kopf und Person*, ZA, 23, 1965, стр. 216 и прим. 127 сл.

⁸⁷ Интересующий нас текст восстанавливает и Б. Ланцберггер (*L a n d s b e r g e r*, *ук. соч.*, стр. 64, прим. 155). Тут же заметим, что вместо [ġu-ul-li-it] в стк. 10, возможно, следует восстановить [ġu-u-ma-an-da ġar-ni-ik-ta] (так в КВо, III, 57=BoTU, 20, I, 16).

Как видим, кроме упоминания о борьбе Мурсилли с хурритами, в названных источниках не говорится ни о месте, ни о дате сражения с ними. В этих текстах даже нет согласованности в порядке перечисления трех главных событий времени Мурсилли. Если, например, по КВо, III, 57 (ВоТУ, 20), а также по дубликату KUB, XXVI, 72, Мурсилли побеждает хурритов после разрушения города Халап, то согласно УТ, § 9 и KUB, XXVI, 74 хеттский царь наносит им поражение в конце своего похода в Вавилон.

Однако нам представляется вероятным, что, находясь на территории, расположенной где-то около р. Евфрат, по дороге на Вавилон, хетты нанесли поражение хурритам сразу же после разгрома города Халап⁶⁶. Иначе трудно допустить, что, имея в тылу такого грозного соперника, как хурриты, Мурсилли мог бы отправиться походом из Халапа прямо в Вавилон. По нашему мнению, разгромленные хеттами хурриты были союзниками Халапа, их отряды прибыли для борьбы против хеттов. Судя по выражению LU.MES KUR URU^{URU} Jurlašša «и людей (из) страны хурритов» (KUB, XXVI, 72, 10), в котором как будто явно сделан акцент на выражении страна и на этих же людях, что обозначает коренную территорию хурритов, расположенную к востоку от Евфрата, Мурсилли разгромил аравфратских хурритов (по не на территории Хурри/Митанни). Однако и в этом случае вполне можно полагать, что Мурсилли имел дело также и с отрядами тех хурритов, которые проживали в Северной Сирии⁶⁷.

Упоминание хурритов еще в нескольких древнехеттских источниках (KUB, XXXI, 64; КВо, III, 55), которые Э. Лярош относит ко времени царствования Мурсилли⁶⁸, явно указывает и на другие связи хеттов с хурритами, хотя невозможно восстановить картину этих контактов. Трудно интерпретировать, например, данные KUB, XXXI, 64, II, 27—30, где читаем: ²⁷ Jurla-aš URU^{URU} U-š-šu-[-...?] ²⁸ Jurla-an kat-la-an [-...?] ²⁹ Jurla-aš-ša me-im-ma-[-...?] ³⁰ LU.MES URU^{URU} Ta-[-...?]. Можно лишь полагать, что как в приведенном отрывке текста, так и в продолжении его, где также в непонятном контексте упомянуты хурриты (стк. 31), гор. Хассува (стк. 34), гор. Хурумма (стк. 35) и другие пункты, названия которых не сохранились, отражаются события, имевшие место до отправления Мурсилли в Халап. В нашем распоряжении нет данных, указывающих на то, что в рассматриваемом отрывке речь идет о том сражении Мурсилли с хурритами, о котором мы говорили выше⁶⁹.

Несмотря на борьбу против хурритов, Хаттусили и Мурсилли не смогли окончательно ликвидировать опасности их вторжений в страну Хатти. Доказательством этого является полное нашествие хурритов в Хатти, которое имело место при следующем царе — Хаттили и по своим масштабам не уступало рассматриваемому выше вторжению при Хаттусили. Однако прежде чем перейти к описанию действий хурритов при Хаттили, следует вкратце остановиться на данных отрывка древнехеттского текста КВо, III, 40 (ВоТУ, 142), I, 12—17. Здесь описываются события, происшедшие, вне сомнения, после разгрома хеттами Халапа, хотя мы не уверены, что эти события предшествовали именно тому вторжению хурритов в страну Хатти, о котором будем говорить ниже⁷⁰.

⁶⁶ Однако ср. Gü t e r b o s k, The Hittite Element..., стр. 385; K i r r e g, Northern Mesopotamia..., стр. 40 и др. работы, в которых отмечается, что Мурсилли победил хурритов после разгрома Вавилона. Согласно мнению В. В. Струве, столкновение с хурритами было вызвано тем, что хурриты были в союзе с Вавилоном. — В. В. Струве, Хеттское общество, как тип военного рабовладельческого общества, в кн.: В. В. Струве, Очерки социально-экономической истории древнего Востока, М. — Л., 1934, стр. 51.

⁶⁷ Существует мнение, что Мурсилли разгромил только хурритов, проживавших на западе от Евфрата, а именно, в Хашшу, Уршу и Халапе. — см. S c h i b k e l и др., ук. соч., стр. 346.

⁶⁸ L a g o s h e, Catalogue..., 14a, b.

⁶⁹ Поэтому не исключено, что в сткк. 31—35 указанного текста рассказывается о походе Хаттусили в Хассува, где он сражался и против хурритов (см. выше). В КВо, III, 55 (ВоТУ, 18), обор. стор., 10 в непонятном контексте написано: [...] ша-пу-шš Jurl-i-i [...] когда они (х) хурритам (?).

⁷⁰ Слова стк. 8 этого текста {URU^{URU} Jal-pa-aš DISKUR-aš an-zi-ta-az ju-u-qa-a-i «Бог бури города Хальца от нас (т. е. хеттов) уходит (убегает)» указывают на то, что в

Отрывок указанного текста, где речь идет о хурритах, начинается так: ¹¹ [jur-la-aš pa-ú-i ú-iz-zi nu ra-ra-a MU.4.KAM [pa-iz-zi?] 2 LU.MES hu-ul-ju-li-ja-an-te-eš ¹² hu-uz-za iš-[h]a-ma-i-iš-ki-iz-zi «¹²Хуррит(ы) еще не приходит (приходят). И 4 года [продут]. Двое воинов — ¹³и они поют (бука. поет)». Вслед за этим приводится текст одной архаической песни, в которой упоминаются тмяи города Неса ¹⁴. Далее известное нам лицо задает военный какой-то вопрос (ú-ku-uš ru-nu-uš-ki-mi «я их спрашиваю» — стк. 15), на который они отвечают: ¹⁵...UM-MA-SU-NU-MA ERÍN.MES [jur-r]i(?) ut-ni-ja ú-iz-zi ¹⁷[...U]R.ZÍR-aš ku-iš-ki ta-[...]z-zi ut-ni-UR.ZÍR-li ца-ак-ки-и-[š-ki-iz-zi] «¹⁶...Так (говорят) они: «Воиско [Хурр]и(?) в страну придет. ¹⁷[...] собака, которая..., страну по-собачьи уку[сит]» ¹⁸. В конце отрывка сохранились отдельные слова «придет», «стране» и др., которые были употреблены, возможно, в связи с хурритамц (стк. 18 сл.).

Даже из этого беглого обзора отрывка видно, что в надписи речь шла о будущем вторжении хурритов, которое ожидалось, как правило, с востока или юго-востока от страны хеттов. Видимо, в пограничных пунктах указанного края специально вели наблюдения для отражения внезапных набегов хурритов, которые напоминают набег каскейцев с севера и северо-востока ¹⁹. Не исключено, что на характер этих набегов указывают слова текста «собака... страну по-собачьи уку[сит]» (стк. 17).

Сведения о новом вторжении хурритов, а также о его последствиях сохранились в §§ 14—17 УТ. Правда, хеттский вариант указанного места УТ сильно поврежден, а часть его вообще не уцелела, однако сохранившиеся части аккадского версици дают все же общее представление о нашествии хурритов ²⁰.

Рассказ о вторжении хурритов в Хатти начинается в хеттском варианте УТ сразу же после повествования о прибытии Хаттилы в Тагараму (§ 13), куда он отправился на Северной Сирий в конце своего успешного похода в Аштату, Хурпана и Каргамини (§ 12). В КВо, III, 1 (ВоТУ, 23А), I, 42—45 (§ 14) далее рассказывается: «[.....] [jur-lu-uš KA₂(?)A.ḫI.A-uš ⁷⁸ ḫa-[..... ú]-e-ri-ir «[... LU.KUR A-JWA K[UR] URU ḫa-надписи рассказывалось о событиях, происшедших после известной халапской операции, в результате которой бог бурри Хальпа оказался, исходя из данных стк. 8, в Хатти. Намек на то, что этот бог уже собирался уходить от хеттов, как будто указывает на ослабление позиций хеттов в Хальпе, когда при царском дворе началась кровопролитная борьба за престол. Появление в КВо, III, 40,9 некоего Писени дает основание отождествить его с сыном Хаттилы, который носил то же самое имя (УТ, § 18), а КВо, III, 40 причисляет к текстам эпохи Хаттилы (см. также ВоТУ, стр. 8*). Это подтверждается и нашествием хурритов, имевшем место при указанном хеттском царе. Однако утверждать это с полной уверенностью все же трудно, так как не хватает вполне достоверных данных.

⁷¹ Относительно этой песни см. В. Н г о з и ъ, L'invasion des indo-européens en Asie Mineure vers 2000 av. J.-C., *ArOr*, I, 1929, 3, стр. 297; N. van В г о с к, Les thèmes verbaux à redoublement du hittite et le verbe indo-européen, *RHA*, XXII, 75, 1964, стр. 135; В. В. И в а н о в, Общепролептическая, праславянская и алаотийская лязковские системы, М., 1965, стр. 16 и прим. 27 (там же ссылка на литературу); о н ж е, Предисловие к книге: В. З а м а р о в с к и й, Тайны хеттов, М., 1968, стр. 3 сл. и прим. 2.

⁷² В стк. 16 слово [jur-r]i восстановлено по Э. Форреру (с вопросительным знаком). Вместо ца-ак-ки-и-[š-ki-iz-zi] Форрер в ВоТУ ошибочно читал ца-ал-ки-и-[š-ki](?).

⁷³ Богатый материал относительно каскейцев собран и обобщен в новой работе: E. von S c h u l e r, Die Kaškéer. Ein Beitrag zur Ethnographie des Alten Kleinasien, В., 1965 (там же и литература).

⁷⁴ Данные хеттского и аккадского вариантов §§ 14—17 УТ относительно вторжения хурритов впервые убедительно сопоставил А. Гетце: A. G o e t z e, On the Chronology of the Second Millennium В. С., *JCS*, 11, 1957, 2, стр. 55 сл. и прим. 31 сл. Об отдельных местах аккадского варианта указанных параграфов УТ см. также S c h u l e r, ук. соч., стр. 24 и прим. 58 сл.

⁷⁵ Слозу KA₂(?) A. ḫI.A-uš, которое Э. Форрер читал как LUB.A.ḫI.A-uš (бука. «лисыны» — мн. ч.; согласно Б. Грозному, здесь следует видеть NAR(?)A.ḫI.A-uš «певцы» — Ф. Н г о з и ъ, Hethitische Keilschrifttexte aus Boghazköi, *BoSt*, 3, 1919, стр. 108 сл.), явно соответствует, как увидим ниже, слово ANSU.ḫI.A «воиски» аккадской версици этого места УТ (КВВ, III, 89, 1, 4). Однако, если сохранившаяся часть первого столбца нового фрагмента УТ, а именно, КВВ, VII, 15, 1, действительно явля-

at-ti ú-it n[u.....]ta₄₄{.....ut}-ne-e ú-e-ḥa-at-ta-[at .....] ₄₄{.....} ú-e-ri-ir
 ba-a[ḫ.....] *₄₄{.....} Хурриты, мчащиеся галопом (?) [.....к]ричали они.
 [Враг] в ст[раву] Хатти пришел и [.....] ₄₄{.....} в ст[ране] враждал[ся он...
 .....] ₄₄{.....}, кричали они и [.....]».

Интересующее нас место (§ 14) УТ в аккадском переводе было передано следующим образом (сохранилась лишь правая половина надписи). KUB, III, 89, 1: [.....] LU.MES Ḥur-ri ANSU.ḫI.A₄{.....} t-na e-it-tu-nu ša ta-ḫi-ti-zu
₄₄{.....} [š]-šá-an-gú-nim KUR URU Ḥa-at-ti₇{.....} à t-na lib-[bi] mástim^{im}
 iḫ-ru₉{.....} a-bi-ik-ta[.] a-na e-it-tu-nu₉{[i]-ku-un(?)...} *₄{.....} Хурриты
 на ослах⁷⁰ [.....] над теми, которые сражались (?) ₄{.....} прибыли они.
 Страна Хатти₉{.....} и в стране враждались они ₄{.....}. Разгром их₉{.....} [совершил
 он (?)...] (возможно, Хантыш).

§ 15 хеттского варианта УТ, в котором рассказывалось о дальнейших действиях хурритов, не сохранился. Однако об этих действиях мы узнаем из параллельного места аккадского варианта УТ (KUB, III, 89, 1, 10 слл.), где отмечено: ₁₀{.....}LU.MES)
 Ḥur-ri iḫ-tu mást-ja ú-ká-aš-ší-du₁₁{SAL.LUGAL^{SAL} Ḥa-ra-ap-ší-iti qa-du mári^{MES}
 -ia t-na URUŠu-gas-ti-ja₁₁{šu-tu-tu-nu-iti^{SAL} Ḥa-ra-a]p-ší-iti SAL.LUGAL im-ta-
 ra-šs-ma₁₁{.....} [I]-ia-iš-u-um-ma mářkallim[.] a-na ma-ar-kt-tu₁₁{.....} GAL (?)
 LU(?)MES škallim URU[Šu-ga]z-zí-ja₁₁{...} *₁₉{.....} людей (страны) Хурри из
 моей страны изгнали. ₁₁{Царицу Харакси]и вместе с ее сыновьями в Сунацию
₁₁{увели они (т. е. хурриты). Хара]псили, царца, захворала. ₁₁{.....} Илалитума,
 сын дворца, после этого ₁₁{.....} начальник (?) людей (или сыновей) дворца гор.
 Сунация ₁₁{...}».

Продолжение этих событий было передано, по всей вероятности, в § 16 хеттского варианта УТ (КВо, III, 1, 1, 52—56), однако до нас дошли лишь отдельные слова и знаки текста⁷¹. Последние строки этого места УТ, и то не полностью, сохранились на другой табличке хеттского варианта УТ — КВо, III, 87 (BoTU, 23C), II, 1 сл., а также на табличке, составленной на аккадском языке — КВо, I, 27 (KUB, IV, 50b, II), 1 слл.⁷². Принимая за основу КВо, III, 87, II, 1 сл., ниже приводим конец яв-

ется параллельным местом интересующего нас § 14 хеттского варианта УТ (G o e t z e, On the Chronology..., стр. 55, прим. 31; в первом столбце этого фрагмента, в стк. 3 сл., уцелели слова ú-it «пришел» и úd-ne-e «страна», ср. КВо, III, 1, 1, 43 и 44), то можно будет допустить, что идеографическое написание KA₄(?)A.ḫI.A-uš соответствует, судя по КВо, VII, 15, 1,2, фонетическому raḫ-ḥa-an-du-uš «мчащиеся (скачущие) галопом (от слова raḫ-), которое является термином для обозначения быстрого аллюра напряженной в колесницу лошади — K a m m e n h u b e r, НН, стр. 342). Исходя из сказанного, мы воздерживаемся от буквального перевода выражения KA₄(?)A.ḫI.A-uš и лишь условно переводим его как «мчащиеся (скачущие) галопом», хотя бы очень убеждены в правильности этого отождествления KA₄(?)A.ḫI.A-uš и raḫandūš. Тут же заметим, что перед ḫurlūš стк. 42 рассматриваемого нами параграфа УТ Э. Форрер читал DINGIR.M[ES], что неправильно, так как в аккадском варианте этого места (KUB, III, 89, 1, 4) написано LU.MES ḫurli (см. выше). А. Гетце восстанавливает интересующее нас место как [UM-MA]-AN MES (G o e t z e, там же). В хеттском варианте мы не восстанавливаем детерминатива, так как перед ḫurlūš (или ḫurlāš) он обычно не употребляется.

⁷⁰ Однако, исходя из того, что слово ANSU (ANSE) иногда употреблялось вместо ANSU.KUR.RA (K a m m e n h u b e r, НН, стр. 354), слово ANSU интересующего нас места можно переводить как «лошадь, конь». Правильность такого предположения подтвердится, если будет доказано, что KA₄(?)A.ḫI.A-uš, которому соответствует ANSU.ḫI.A аккадского варианта УТ, фонетически читается как raḫandūš (см. выше).

⁷¹ da-a-iš (стк. 53), [GAL DUMU(?)].MES E.GAL «начальник(ы) дворца» (стк. 54), [te]-it «он сказал» (стк. 55), [ku-š]n-nir «убили они» (стк. 56).

⁷² LUḪUR-ja «враг мой» (стк. 1), [I]-ia]-a-iš-u-ma mářkallim^{im} «[Ила]итума, сын дворца» (стк. 2), SAL.LUGAL «царца», iḫ-bi «он сказал» (стк. 3), iḫ-ba-tú-ma qa-du mári^{MES} «шу схватили они(и) вместе с ее сыновьями» (стк. 4). Отдельные слова интересующего нас места УТ (§ 16) сохранились также в указанном выше другом тексте на аккадском языке — в KUB, III, 89, 1, 17 слл.: LUḪUR-ka «твой враг» (стк. 17 и 20), à ta-an-ni[um] «я кто» (стк. 18), [I]-ia]-a-iš-u-ma (стк. 19).

тересующего нас параграфа УТ, восстановленного на базе названных выше параллельных источников: *ra-ga-a du-ut-da-mi-li u-i-e..(?)* [..... *na-aš te-it*] SAL. LUGAL URU *Su-uk-zi-la-ja a-ku ša-an-k[án iš-BA-TŪ-MA QA-DU DUMU.MES-SU ku-en-nir*] «тайно посла [л(?)] ..... И он сказал:» „Царница-де в городе Сукция пусть умрет!“. И ее [схватили они (п) вместе с ее сыновьями убили]»⁷⁹.

О последствиях, выванных казнью царицы Хара писли с сыновьями (кроме Писени, сына Хаттили), рассказывается в § 17 хеттского и аккадского вариантов УТ⁸⁰. После того как Хаттили узнает о случившемся, он мстит тем, кто был замешан в убийстве членов царского рода⁸¹ (имена не сохранились). Винозники были схвачены вместе с их родственниками⁸², которых увезли в гор. Тагалаха(?)⁸³ и «загнали в кустарник (?)»⁸⁴.

Таким образом, из приведенного материала можно заключить, что, возвращаясь из Северной Сирии, Хаттили прибыл в Тагараму, видимо, в связи с нашествием хурритов в Хатти, хотя нам не совсем ясно, принимал ли он участие в падении хурритов из страны. Слова аккадского варианта УТ — «разгром их [совершил он]», возможно, подразумевают Хаттили.

Враг вторгся в Хатти и разорил страну, на что указывает употребление в текстах специфического выражения: «в стране вращались они». Судя по сохранившимся фрагментам УТ, в которых ни разу не упоминается Хаттуса, хурриты не достигли самой столицы, где, во всей вероятности, находилась Хараписли вместе с царевичами. Факт похищения хурритами этих последних не противоречит сказанному: видимо, нашествие хурритов было использовано оппозицией внутри царского рода, не без помощи которой хурриты увели в Сукцию царшу с сыновьями. Одним из представителей этой оппозиции, воспользовавшись отсутствием Хаттили, был, видимо, некий «сын двора» Илаллума, часто упоминаемый в текстах в связи с рассказом о похищении царицы. Хаттили расправился, по нашему мнению, именно с представителями этой оппозиции, имевшими прямое отношение к похищению и казни названных выше лиц. Не исключено, что оппозицию еще тогда вдохновлял Циданта, убивший после смерти Хаттили наследника этого последнего — Писени с сыновьями (УТ, § 16) и вступавший на царский престол.

Хурриты были паганы, как и раньше, из страны хеттов (ср. KUB, III, 89, I, 8, 10). В результате их нашествия больше всех пострадали, очевидно, восточные районы Хатти. Отправление хурритов вместе с царицей прямо в Сукцию — хорошее доказательство в пользу высказанного выше предположения о существовании в указанном городе хурритского влияния. Во всяком случае, факт нападений на царицу в Сукцию наглядно свидетельствует о слабой позиции хеттов в этом городе уже во время правления Хаттили.

⁷⁹ При восстановлении текста учтен ряд поправок А. Гетце (G o e t z e, *On the Chronology...*, стр. 55 сл. и прим. 31 сл.). Не удается восстановить лишь окончание глагола в стк. 1. Трудно сказать, кому принадлежит слова «Царница-де в городе Сукция пусть умрет», хотя вполне ясно, что это говорит не Хаттили. Прав А. Гетце, переводивший SAL.LUGAL URU *Sukzi[a* не как «царица Сукция», а как «царица (которая находится) в Сукции» (G o e t z e, там же, стр. 56, прим. 38).

⁸⁰ KBo, III, 67 (BoTU, 23 C), II, 3—7 (хетт. вариант); KBo, I, 27 (KUB, IV, 50 b) II, 5—10 (аккад. вариант).

⁸¹ KBo, III, 67, II, 4: *ku-iš-za-ra-aš-kán ku-[an-ta]* «кто-де их убил»; KBo, I, 27, II, 6: *ma-an-nu-um i-du-uk-bu-nu-iti* «кто их убил».

⁸² *an-da ta-ru-up-ri-ir* «они [их] собрали» (KBo, III, 67, II, 6); *ki-tm-ta-šu iš-sá-áb-bá-tš-šu[-nu-iti]* «людей его рода (хетт. *LÚḫaššannaššaš*) схватили [они]» (KBo, I, 27, II, 8).

⁸³ *nu-uš URU Ta-ga-[.]* «в их в гор. Тага[...]

(KBo, III, 67, II, 6); [^{URU}...]-*ja-ša ub-lu-šu-nu-iti* «[в гор. ...]лаха их увели они» (KBo, I, 27, II, 9) — см. G o e t z e, *On the Chronology...*, стр. 59 и прим. 39.

⁸⁴ *nu-uš-za-an ḫa-nḫ-ḫal-la-aš rag-ḫi-ir* «в их в кустарник(?) загнали» (KBo, III, 67, II, 7); *i-na ká-šá-si-ri* «в кустарник» (KBo, I, 27, II, 9). Если судить по контексту, выражение «загнать в кустарник» обозначает одну из форм наказания виновных. Однако трудно судить, в чем именно выразилось это наказание, которое должно было быть довольно суровым.

Нам не известно, предпринимали ли еще хурриты набеги в Хатти при жизни Хаттисли. Строительная деятельность этого последнего, выражавшаяся в укреплении Хаттусы, а также в строительстве крепостей (URU^{DIDLİ} BÄD) в стране Хатти⁴⁵, очевидно, способствовала временному прекращению дальнейших нашествий врага, в первую очередь хурритов. Нам ничего не известно также относительно действий хурритов в тяжелый период истории Хатти, когда при хеттском царском дворе шла кровопролитная борьба за захват престола. Можно лишь предполагать, что поход Телпшшу в Хассуву (УТ, § 24) и Лаваццантию (УТ, § 25) был походом и против хурритов. Новая фаза хетто-хурритских отношений в последующие периоды существования Хеттского государства должна стать предметом специального исследования.

Таким образом, согласно рассмотренным выше данным, которые безусловно далеко не полны, можно парировать следующую картину. Если по данным скападолийских табличек допустимо говорить о пропиховевии хурритского этнического элемента в юго-восточные районы Малой Азии (а также в Каппадокию) еще с древнейших времен, что происходило, видимо, параллельно с постепенным движением хурритов к Северной Сирии, то из древнехеттских источников (начиная с правления Хаттусли I) мы узнаем уже о военных действиях хурритов не только в городах, расположенных на востоке и юго-востоке от хеттов, но и в самой стране хеттов. Так как трудно сомневаться в существовании хурритов в Хассуве (Хашшу), а также в наличии хурритского элемента в Варсуве (Уршу) и в других близлежащих от хеттов городах Северной Сирии интересующей нас эпохи, то можно полагать, что уже с раннего периода хетты (неситы) находились под постоянной угрозой вторжений хурритов как с востока — с верхнего течения р. Евфрат (к востоку от нее начиналась территория расселения хурритов), так и с юго-востока, со стороны Северной Сирии (в особенности из Хассувы). Это тем более правдоподобно, что в раннюю эпоху основные районы расселения неситских племен (с центром в Куссаре), как полагает ряд специалистов, находились именно восточнее или юго-восточнее Хаттусы⁴⁶, т. е. ближе к районам, входившим в зону действий хурритов.

Исходя из факта, согласно которому в сравнительно короткий период (между Хаттусли I и Хаттисли) хурриты устраивали набеги в Хатти несколько раз, можно допустить, что они вторгались на территорию Куссарского царства еще до Хаттусли. Поэтому резонно предполагать и то, что перенесение культурно-политического и административного центра из Куссары в Хаттусу было осуществлено, главным образом, с целью защиты столицы от будущих нашествий хурритов, а также других стран, расположенных на востоке и юго-востоке от Куссары.

Судя по древнехеттским источникам, хетты еще не совершали походов в самую страну Хурри. О внутренней жизни хурритов древнехеттские источники сведений не содержат. Однако, если в дальнейшем подтвердится, что КВо, III, 1, 1, 42 и КВо, VII, 15, 1, 2 действительно являются параллельными и КА₁(?) А. ḫi.A-uš представляет собой идеографическое написание слова raḡ-jandūš (мчащиеся (скачущие) галопом), тогда можно будет говорить о наличии у хурритов коневодства. Из этих текстов можно только заключить, что у них были правители отдельных политических образований — «цари войска Хурри»; следовательно, в период Древнехеттского царства у хурритов, видимо, еще не существовало единого сплывшего государства, которое образовалось немного позднее под гегемонией Митанни.

Отражая ранние контакты военного характера между хеттами и хурритами, древнехеттские тексты не содержат сведений о существовании других связей между ними. Основываясь на том, что Хаттусли I отправил из Хассувы в свою страну статуи божества явно хурритского происхождения, а также ряд ценных предметов⁴⁷, можно

⁴⁵ КВо, III, 57 (ВоТУ, 20), III, 12 слл.

⁴⁶ В связи с этим обращает на себя внимание предположение Ю. Леви о локализации Куссары на месте современного Кемер, к западу от Эльбистана (см. J. L e w y. Old Assyrian Evidence, стр. 45 слл.), хотя данное предположение все же не может быть доказано окончательно.

⁴⁷ КВо, X, 1, 1, 37 слл.; КВо, X, 2, II, 27 слл.

предполагать влияние хурритской религии и культуры на культуру и религию хеттов уже с ранних времен. Учитывая этот факт, а также существование контактов военного характера, можно допустить, что корни влияния хурритского мира на хеттский, которое так отчетливо видно в эпоху Нового царства, уходят в древнехеттский период.

HITTITES AND HURRIANS IN OLD HITTITE TEXTS

The article presents a selection of passages from Old Hittite texts which shed light on Hittite-Hurrian relations in the reigns of Hattusili I, Mursili I, and Hantili. The texts are translated and provided with commentaries.

If the data contained in the «Cappadocian» tablets allow the inference that a Hurrian element had begun to penetrate the southeastern parts of Asia Minor (and also Cappadocia) in earliest times — a process which was evidently concurrent with the gradual movement of the Hurrians towards Northern Syria — from Old Hittite sources we learn of Hurrian military operations not only in cities to the east and southeast of the Hittites (in Hatra, Sugziya/Sukazziya, Hurumma/Hurma, Luhuzantiya, etc.), but in the land of the Hittites itself. Since the existence of Hurrians in Hassuwa (Hashshu) can hardly be doubted, and during the period under review a Hurrian element was certainly present in Warsuwa (Urshu) and in the other cities of Northern Syria near Hittite territory, we may suppose that the Hittites (Nesites) were in constant danger of invasion by Hurrians, both from the east, from the upper reaches of the Euphrates (Hanikalbat), and from the southeast, from the direction of Northern Syria (especially from Hassuwa). This is all the more likely to have been the case in view of the fact that the Nesite tribes (whose principal city was Kussara) were settled in the early period, according to several specialists on the subject, mainly to the east of Hattusa, i. e. closer to the sphere of Hurrian activities.

The fact that in a relatively brief period (between Hattusili I and Hantili) the Hurrians made several incursions into Hatti permits the inference that they had been invading the territory of the Kussara kingdom even before the reign of Hattusili. This allows the further conjecture that the transfer of the Hittite political and administrative centre from Kussara to Hattusa was made in order to protect the capital city from future attacks by the Hurrians and from other «lands» to the east and south-east of Kussara.

Judging by Old Hittite sources, the Hittites had not yet begun their campaigns against the Land of Hurri proper. While it is possible that neighbouring lands employed Hurrian troops in conflicts with their enemies, the Old Hittite texts shed no light on Hurrian economic organisation. Hurrian political life also finds little reflection in these sources. Although the Hurrians had rulers — «kings of the army of Hurri» — there apparently did not yet exist in the period of the Old Hittite Kingdom a Hurrian state of the type that took shape a little later under the hegemony of the Mitanni.

While the Old Hittite texts reflect early contacts of a hostile character between Hittites and Hurrians, they yield no information on other types of relations between the two peoples. The fact that Hattusili I sent home from Hassuwa statues of divinities of obviously Hurrian origin, as well as other valuable objects, lends weight to the hypothesis that Hurrian culture and religion exercised an influence on the culture and religion of the Hittites from very early times. Taking into account, besides this, the military contacts between the two peoples, we may suppose that the beginnings of Hurrian influence on the Hittites, so plainly visible in the epoch of the New Hittite Kingdom, reach back to the period of the Old Kingdom.

RABI SIMMILTIM «КАППАДОКИЙСКИХ» ТАБЛИЧЕК

В довольно многочисленных «каппадокийских» табличках, отражающих в основном торговую деятельность иноземных и малоазийских купцов¹ в пределах и за пределами Анатолии начала II тыс. до н. э., засвидетельствована исключительно ценный материал по отдельным вопросам истории местного населения.

Эти таблички, составленные на староассирийском диалекте анкадского языка, сохраняли важные сведения, например, о равных местных государственных (царских) должностных лицах, общее число которых по имеющимся в нашем распоряжении материалам достигает около тридцати². Правда, не все эти должности засвидетельствованы в административном аппарате всех без исключения царств — городов-государств Малой Азии, о существовании которых мы узнаем из «каппадокийских» табличек. Как известно, подавляющее большинство упомянутых в этих документах должностных лиц фигурирует в надписях, происходящих из Каниша (Канеса хеттских текстов, современного Нюль-тепе). Однако нет сомнения в том, что кроме Канишского царства они существовали и в других, во всяком случае, крупных соседних городах-государствах Анатолии начала II тыс. до н. э.³

Детальное изучение характера должностей, упоминаемых в «каппадокийских» табличках, отсутствующее пока в специальной научной литературе, крайне важно для воссоздания картины управленческого аппарата равных государственных образований на территории Малой Азии. Не приходится говорить о важности специального изучения указанного института и для ранней истории хеттов (неситов), в особенности для изучения характера государственного строя Куссары — одного из главных центров консолидации хеттских племен.

¹ Подробно см. фундаментальную работу P. G a r e l l i, *Les assyriens en Cappadoce*, P., 1963 (там же источники и литература). О характере торговых поселений Апатодии и взаимоотношений их с Ассирией см. Н. Б. Я ц к о в с к а я, *Международное торговое объединение Каниша*, ВДИ, 1965, № 3, стр. 179 слл.

² Пространный перечень этих должностей см. G a r e l l i, *ум. соч.*, стр. 216 слл.; см. также A. G o e t z e, *Kleinasiens*², Münch., 1957, стр. 76, прим. 1.

³ К числу таких городов-государств следует отнести Бурушкаттум (поздняя Пуруханда), Кушар/Кушара (Куссара хеттских источников), Амкува, Хаттуш (поздняя Хатгуса), Залпа (Цалпа поздней эпохи) и Неша (если Канес и Неса разные города). Краткие данные по истории некоторых из этих царств см. K. V a l k a n, *Matn kirali Ansh-Hirbi'nin Kaniş kirali Warşama'ya gönderdiği mektup*, Ankara, 1957, стр. 58 слл. (далее — V a l k a n, *Ansh-Hirbi*).

Из всех упомянутых в «каппадокийских» табличках должностей особенно важной была должность *gabi simmiltim*⁴, букв. «глава (начальник, управитель) лестницы»⁵.

На выяснение характера этой должности давно было обращено внимание специалистов. Однако довольно странное название ее, а также отсутствие достаточных данных письменных источников, не давало возможности точно определить функции, возлагавшиеся на занимавшее эту должность лицо. В настоящей работе мы попытаемся выявить те данные, которые дают для решения этого вопроса «каппадокийские» таблички, чему до сих пор еще никто специального исследования не посвящал.

При первом ознакомлении с материалами относительно *gabi simmiltim* бросается в глаза, что данная должность была характерна для государственного аппарата нескольких городов-государств Анатолии указанного выше времени. Ее существование в управленческом аппарате Каппадокийского и Кушшарского царств не вызывает никаких сомнений, так как уже давно известны имена лиц, занимавших должность «главы лестницы»: Халкпашу⁶ (в период правления царя Каппа Вараши⁷), Анигта⁸ (при царствовании своего отца, царя Куссары, Питханы) и Пирува⁹.

Существование в Каппадокии других (кроме Халкпашу) «глав лестницы» можно допустить без особых затруднений, если, конечно, не сомневаться в том, что происходившие на Каппадокию тексты (в которых выступают «главы лестницы» Турупани¹⁰ и еще несколько «глав лестницы», не названных поименом)¹¹, действительно описывают события, связанные с этим городом. Как известно, среди специалистов нет разногласий по этому вопросу¹².

Если в научной литературе в будущем подтвердится мнение, согласно которому Каппадокии и Меша (Канос и Несы) рассматриваются как разные города, то можно будет до-

⁴ *ga-bi₄ si-mi-il₂-tim* (a/k 805, 2); *gabi si-mi-il₂-tim* (TC, III, 254, 2; b/k 95, 17; EL, 273, 4, 8; g/t 36, 31; EL, 188, 23; EL, 3, обор. стор. 11; EL, 189, 22); *gabi si-mi-il₂-tim* (Gelb, 49 B, 28; TCL, XXI, 214, 22); *gabi si[m-]i-il₂-ti-im* (Gol, 14, 24).

⁵ Относительно аккадского слова *simmiltum* «лестница» см. В. L a n d s b e r g e r, H. G. S ü t e r b o s k, Das Ideogram für *simmiltu* («Leiter, Treppe»), AfO, XII, 1937, 1/2, стр. 55—57. Данные «каппадокийских» текстов, касающиеся «лестничных», известной до 1937 г. по написанию *gabi simmiltim*, в указанной работе не рассматриваются. О *simmiltum* см. также В. L a n d s b e r g e r, ZAss, 7, 1933, 1/4, стр. 230 сл.

⁶ КТР, 43 = EL, 189, 21 сл.; EL, 3 = TCL, IV, 122, 10 сл. Транслитерация и перевод этих текстов даются ниже.

⁷ По К. Балкану, Варша и Варшама (Варсама) — одно и то же лицо (В a l k a n, Avsh-Nirbi, стр. 48 сл.). П. Г а р е л и н выступает против отождествления этих личностей (G a r e l l i, ук. соч., стр. 62, 68 сл.).

⁸ TCL, XXI, 214 = TC, III, 214 A, 21 сл. См. ниже.

⁹ Во время правления Анигты, царя Куссары (и Несы). Gelb, 49 A, 25; B, 27 сл. См. ниже.

¹⁰ g/t 36, стк. 30 сл. См. ниже, прим. 25.

¹¹ a/k 805 (из архива Адад-Цулуш, II слоя *kārum Kanib*), стк. 2: *kunuk Sa-ḫa-a a-ḫu-ú ga-bi₄ si-mi-il₂-tim* «Печатать Сахн, брат(а) „главы лестницы“»; TC, III, 254, стк. 2: *kunuk Tá-r-ḫu-a-lá a-ḫu gabi si-mi-il₂-tim* «Печатать Тархуалы, брат(а) „главы лестницы“»; b/k 95: 1₁... *ḫu-ba-tám* 1₂ *iš-ti-in ú ší-na* 1₃ *na gabi si-mi-il₂-tim* 1₄ *ki-bi-sá-ma ed-lu-tum* 1₅ *i-mu-tá* «1₁... одежду, 1₂ одну или две, 1₃ главе лестницы 1₄... (чтобы) заключенные (в тюрьме) 1₅ не умерли (отрывки из этих надписей приводятся по книге В a l k a n, Avsh-Nirbi, стр. 46, прим. 60. Имя «главы лестницы» не упоминается также в EL, 188 = Gol, 11, стк. 23 и EL, 273, стк. 4; об этих текстах см. ниже). Грамматическая форма *ki-bi-sá-ma*, а также значение этого слова в интересующем нас контексте не ясны.

¹² Однако можно лишь предполагать, что в некоторых из перечисленных выше «глав лестницы» (имена которых остаются неизвестными) подразумеваются Халкпашу или Турупани.

путить наличие должности *gabī simmiltim* и в Нисе. В таком случае одним из «глав лестницы» Нисы будет указанный выше Пирува, занимавший интересующую нас должность при царском дворе Ашшты. Как хорошо видно из текста этого правителя, царской резиденцией Ашшты после его вступления на престол становится именно город Неса¹³, в котором, как следовало бы ожидать, должен находиться и один из его высших сановников, в данном случае — Пирува¹⁴.

Должность главы лестницы выделена еще в одном из городов-государств Анатолии начала II тыс. до н. э. Правда, прямых указаний на это в скампадокийских табличках нет, однако анализ текста Gelb, № 5 (см. ниже) показывает, что «гла[ва лестницы]» (стк. 12 данного же документа) проживал (вместе с царшей) в городе, расположенном на месте современного Алишар-хюьвэ, где вел свои торговые дела Наби-Эйляль, которому и адресовано указанное письмо Gelb, 5. Как неоднократно отмечалось в научной литературе, на месте Алишара следует искать город Амкува/Амува (часто упоминаемый в скампадокийских и хеттских текстах), в котором правил некая царь и царича (*rubā'um* и *rubātum*)¹⁵.

Наличие должности главы лестницы в нескольких городах-государствах Анатолии дает основание допустить ее существование и в некоторых других царствах Малой Азии, в первую очередь, в Бурунхатумо, Залпе и Хаттуше. И вообще можно полагать, что она существовала также в тех местах Анатолии, где по письменным источникам выступают «царь», «царича» или «дворец» (в Шалахшувэ, Вахшумане и других местах), так как рассматриваемая должность связана с царем, царичей или дворцом — резиденцией правителя города-государства. Это тем более допустимо, что уже в данный момент можно говорить об известном сходстве структуры государственного аппарата всех царств Анатолии, одновременно предполагая, что города-государства Малой Азии до хеттского периода находились приблизительно на одинаковых ступенях общественного развития.

В связи с вышеотмеченным особенно примечательно, что характерную для управленческого аппарата нескольких городов-государств Анатолии должность встречаем в позднюю эпоху именно в Хаттусе. В одной хеттской надписи периода Нового царства, KUB, XVI, 19¹⁶, интересующий нас термин передан уже в шумерской форме: EN GIBI.LU «господин лестницы»¹⁷. Ниже приводим транслитерацию и перевод этого текста (стк. 5—12), податель клинописной копии которого (А. Вальтер) причисляет его к надписям, предсказывающим будущее: MUD an-dur-[a-a] ku-iš [SIX SĀ-at.... ?] | 9nu LU^{MEŠ} KAR-TAP-PU-ma MUD-an-si [NU-SE-DU?] | 10nu EN^{GIBI}.LU-ma MUD-si NU-SE-DU | 11nu EREM^{MEŠ} LUGAL-ma ku-iš-ki MUD-si NU-S[Ē-DU] | 12 MUD ku-iš a-ra-ep-si-ja-aš SIX SĀ-at EN GIBI.LU [...?] | 13nu EN-ma ku-iš-ki MUD-si NU-SE-DU | 14nu SES.LUGAL-ma ku-iš-ki MUD (!)-si NU-SE-DU | 15nu DUMU.LUGAL-ma ku-iš-ki

¹³ Г. Г. Г н о р г а д з е, «Текст Ашшты» и некоторые вопросы ранней истории хеттов, ВДИ, 1965, № 4, стр. 90 слл.

¹⁴ О существовании в Несе «дворца» (*ékallum*) — резиденция местного правителя см. текст Вилкаевых, 7, приведенный Х. Левин: Н. L e w y, Neša, JCS, XVII, 1963, № 4, стр. 103 сл.

¹⁵ О существовании в Амкуве царя и царичи см. Г н о р г а д з е, ун. соч., стр. 107, прим. 112 и 117.

¹⁶ На существование этого термина в указанной хеттской надписи еще в 1938 г. обратили внимание Ф. Зоммер и О. Гурки: Н. G. G ü t e r b o c k, Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei Babyloniern und Hethitern bis 1200, ZAss, X, 1938, 1/2, стр. 88.

¹⁷ Можно полагать, что этот термин по-хеттски читался как *ilanaš išhaš*, если слово *ilap-* действительно означало «лестница». Относительно этого последнего слова см. HAV, стр. 140, прим. 2; E. von S c h u l e r, Hethitische Dienstweisungen für höhere Hof- und Staatsbeamte, AfO, Beiheft 10, Graz, 1957, стр. 53; HW, 82. Для обозначения лестницы ср. также хеттское слово *harita* (?).

MUD-si NU-SE-DU¹⁸ || «Кто из своих провь [(по оракулу) установил (?)...]: «И (если) озиц (?) окроваит — [нехорошо]. «И (если кто-либо) господина лестницы окроваит — нехорошо. «И (если) кто-либо отряды (войско?) царя окроваит — нехорошо. «Кто из чужих кровь (по оракулу) установил (?): Господня лестница [...?] «И (если) кто-либо господина окроваит — нехорошо. «И (если) кто-либо брата царя окроваит — нехорошо. «И (если) кто-либо царевича окроваит — нехорошо»¹⁹.

Упоминание должности господина лестницы в хеттской надписи, относящейся к новохеттскому периоду, дает основание предполагать ее существование и в период Древнего царства. Поэтому можно допустить, что интересующий нас политический институт существовал в Малой Азии на протяжении почти всего II тыс. до н. э., хотя в течение этого времени функции, возлагаемые на занимавшее эту должность лицо, как увидим позже, явно менялись.

Как известно из «нашадоккйских» табличек, в качестве должности управленческого аппарата торговых организаций (kāḡum или rabartum) rabi simmlitim не встречается. Правда, одно лицо, занимавшее должность «главы лестницы», упомянуто в тексте EL, 273 = Јепа, 368 в связи с kāḡum'ом²⁰, однако, как хорошо видно из содержания этой надписи, его нельзя рассматривать как исполняющего обязанности должностного лица торговой организации. В данном документе, который является судебным решением kāḡum'a, «глава лестницы» выступает лишь в качестве должника кредитора Икунума. Согласно решению kāḡum'a впредь никто из членов торговой общины не должен был отдавать в долг какую-либо сумму некому (не известному нам по имени) «главе лестницы», видимо потому, что этот последний отказался вернуть долг (серебро) кредитору (видимо, за неоплаченные покупки). В случае нарушения судебного постановления одним из членов торговой общины нарушитель должен был, по-видимому, в качестве уголовного штрафа, погасить и сумму, взятую «главой лестницы» у кредитора Икунума²¹.

¹⁸ Комментарий к транслитерации: с т.к. 5 — в восстановлении ср. стк. 9; с т.к. 6 — восстановление последнего слова не вызывает сомнений, ср. окончания последующих строк; с т.к. 7 — в слове NU-SE-DU вызывает сомнение лишь последний знак DU, который можно передать и как du; с т.к. 11 — вместо MUD-si- (=HU-HI-si) написано HU-si.

¹⁹ Комментарий к переводу: с т.к. 5 — andurišā буквально «уземный; внутренний»; SI × SĀ-at = хетт. ḡandāttat (Med., Prt. G) от ḡandāi; с т.к. 6 — относительно LUKARTAPPU «возница» подробно см. A. G o e t z e, Hittite Courtiers and Their Titles, RHA, XII, Fasc. 54, 1952, стр. 9; MUD-anzi = хетт. eḡḡarumanzī (Akt., Prt. Pl. 3) от глагола eḡḡarumāi- «окроваить»; с т.к. 7 — «господня» — представитель привилегированной группы людей Хатти; «господа» выступают в отчетах о военных действиях царей (G o e t z e, Kleinasien², стр. 104 и прим. 4, 5; там же ссылки на другие источники). Они принимали активное участие в разделе богатой добычи, что должно указывать на их принадлежность к военной верхушке общества; с т.к. 8 — EREM^{MES} LUGAL «отряды (войско?) царя»; A. Гетце переводит как «царские слуги» — (royal servants) — G o e t z e, Hittite Courtiers..., стр. 7 и прим. 68), что является, по нашему мнению, неудачным, здесь явно подразумеваются отряды (войско?) личной охраны царя; относительно EREM^{MES} хеттских источников см. A. K a m m e r h u b e r, Hippologia bethitica, Wiesbaden, 1961, стр. 31 сл. и прим. 128; с т.к. 9 — arahzišā букв. «внешний, иностранский»; остается непонятным, в каком контексте упомянут здесь «господня лестница».

²⁰ lā-ru-um di-nam si-di-in-ma zimma šu-um-šu ma-ma-an a-na rabi si-mi-il₂-tim «la i-da-an ša i-du-nu ma-la kaspim rabi si-mi-il₂-tim a-na i-ku-nim loḡa-bu-lu ni-ša-qal e, Kāḡum (следующее) судебное решение принял: «Никто (пусть) ничего «главе лестницы» не выдает. «Кто выдает, (то) сколько серебра глава «лестницы» Икунуму задолжен, «(пусть) он столько ответит».

²¹ Тут же заметим, что rabi simmlitim явно не религиозная должность. Одной из таких должностей являлась, по всей вероятности, raiḡum gabūm города Амкува (Geib,

Среди специалистов не существует разногласий в том, что «глава лестницы» являлся одним из высших должностных лиц города-государства. И действительно, судя по общей картине, данной в «каппадокийских» табличках, «глава лестницы» — должность, которую занимало лицо, располагавшееся по иерархии лишь ниже верховного правителя страны. Иначе нельзя толковать достаточно надежные, хотя и малочисленные, данные, согласно которым исполнителем интересующей нас должности выступает человек, подписывающий документы разного содержания вместе с царем²² или же решающий некоторые внутригосударственные вопросы вместе с царицей²³. Не вызывает сомнения в его административная деятельность в самом дворце правителя города-государства²⁴.

Определенные связи «главы лестницы» с правителем страны видны и на вышерассмотренного хеттского текста, в котором «господин лестницы» упоминается вместе с лицами, связанными родством или службой с царем: «царскими отрядами» (т. е. «войском (?) царя», стк. 8), «братом царя» (стк. 11) и «царевичем» (стк. 12). Однако по данным этого же текста «господин лестницы» нельзя рассматривать как высокого по рангу человека, что подтверждается и другими многочисленными хеттскими источниками, в которых «господин лестницы» нигде не выступает как высокопоставленное лицо.

Смазанов выше относительно общественного положения «главы лестницы» хорошо согласуется с данными недавно опубликованной «каппадокийской» таблички g/t 36, по которой «главу лестницы» Турупани следует рассматривать как человека, выделявшегося своим имущественным положением, ибо в его личной собственности было 40 слуг (aštipirum ečeladya)²⁵. Если допустить, что в собственности этого высокопоса-

49A, сткк. 10 и 15; см. ниже), если слово ruḡullu по происхождению действительно связано с ruḡullu- хеттских источников. Согласно последним, религиозные торжества EZEN ruḡullijaš устраивались в честь праздника Нового года (G o t z e, Kleinasien², стр. 139; В. В. И в а н о в, Хеттский язык, М., 1963, стр. 28).

²² К числу таких документов относятся КТР, 43 = EL, 189, сткк. 19 слл.; TCL, XXI, 214 = TC, III, 214 A, сткк. 19 слл.; EL, 3 = TCL, IV, 122, обор. стор., сткк. 9 слл.; Gelb, 49 A, сткк. 24 слл.; В, сткк. 26 слл. В тексте EL, 188 = Gol, 11, в котором повествуется о продаже нескольких своих подданных царем и царицей, в качестве свидетеля (вместе с жрецом (божества) Хякиша) выступает «глава лестницы» (стк. 23). Транслитерация и переводы этих текстов см. выше. К сожалению, не удастся более точно определить взаимоотношения между царем и «главой лестницы», так как в источниках нет больше фактов, говорящих о других сторонах этих взаимоотношений.

²³ Gelb, 5, сткк. 9 слл.

²⁴ Там же, сткк. 17, 21. Если по сткк. 9—13 этого же документа Наби-Эдилли должен был обратиться к «царице» и «главе ле[стницы]» (стк. 12), то по сткк. 17 и 21 он должен был иметь дело уже с «дворцом». Таким образом, царица и «глава лестницы» по представлению Эйна-Ашшуря, автора письма Gelb, 5, олицетворяли «дворец».

²⁵ См. E. В и л г и ц, Three Tablets from the City Mound of Kültepe, «Anatolia», VIII, 1964 (Türk tarih kurumu basimevi, Ankara, 1965), стр. 148 сл. Транслитерацию текста Kt g t 36 приводим по копии, опубликованной Е. Вильгичем в конце своей статьи. Лич. стор.: 11 Ku-ra-ri i I-na-ar 1 I-na-ar-ma 1 Ha-ar-ša i Sa-ḫi-šu-nu-me-in 1 Ki-pá-nu i Ha-nu-ḫa i Ha-pu-ḫa-šu 8 a-ḫi-lu a-nu-tum 9ur-ki Ha-al-ki-a-šu 7abi ru-ur-ša-tim 1 Ma-ma-ru-ḫa-ti-a 7a rabi pá-tim 1 i-na-a-lim^{KI} Pa-ḫa-a 11 Ru-ḫa-ti-a 7a rabi pá-tim 11 i-na-a-lim^{KI} Sa-pá-lá 11 Pi-ru-ḫa 7a rabi pá-tim 11 i-na-a-lim^{KI} Ua-ar-ša-ma 14 Ha-pu-ḫa-šu na-ga-ru-um (Обор. стор.) 15 i-na-a-lim^{KI} Ku-lu-na 16 Ku-lá-na-lá 7a-pl-ru-um 17 ú 3 qá-qá-da-tum 18 7a-ti-šu i Ma-lá-ḫa-lá 19 ú i Hu-ti-a i-na 20 a-lim^{KI} Tù-mi-iš-na 21 Pi-ru-ḫa ú um-nu-šu 22 i-na-a-lim^{KI} Ka-sá-na 23 qá-qá-da-tum i-na 24 a-lim^{KI} Ni-ḫa-á-7a-ra 25 12 qá-qá-da-tum i-na 26 a-lim^{KI} Ma-sí-ká 27 2 na-pá-ḫu i-na Ka-ni-iš 28 ŠU.NIGIN 40 mi-ma a-nim 29 7a-ti-pl-ru-um 30 7a Tù-ru-pá-ni 31 rabi sí-mi-il₂-tim 32 Курари, Инар, а другой Инар, Харша, 3 Шахшунумен, 4 Кипану, Ханува, Хануваму — эти 8 человек — (находятся) 5 у Халкишау, 6 главы амбара, 7 Мамаруватна, (человек) главы округа,

вленного лица находились и другие слуги, по всей видимости, работавшие в его хозяйстве, то станет ясным, что «глава лестницы» являлся крупным собственником. Все это ему не противоречит приведенный выше случай, когда один из «глав лестницы» предстает перед нами как должник. Важнее займа, как это видно из скапнадокийских текстов, не всегда означало затруднительное положение должника, особенно тогда, когда было известно, что этот последний занимал высокий пост в государстве.

Среди специалистов нет единого мнения в определении значения рассматриваемого нами термина, что в известной степени вызвано и отсутствием сравнительного материала из других стран. Так, Ю. Левх, один из первых специалистов, обративший внимание на *gabi simmiltim*, перевел буквально этот термин как «великий (глава) лестницы» («grand de l'escaliers»), предполагал, что *gabi simmiltim* — это чиновник, следивший за подступами (=большой лестницей) ко двору (ахролюю) царя²⁴. По И. Гельбу, допущающему связь *simmiltim*'а с цитаделью, *gabi simmiltim* — «глава цитадели»²⁵. Приблизительно этого же мнения придерживался и Р. Харди, хотя он при этом подчеркивал, что *gabi simmiltim* остается терминном наивысшего значения²⁶. Г. Гютербок, говоря о EN^{G18}I.LU (=EN^{G18}KUN₄) указанного выше хеттского источника и воздерживаясь от перевода и определения функций его, полагал, что этот чиновник занимал в обществе приблизительно такое же высокое место, как и *gabi simmiltim* скапнадокийских таблиц²⁷.

А. Гетце при выяснении значения должности EN^{G18}I.LU, которую он сравнивал с *gabi simmiltim* скапнадокийских текстов, решающее значение придавал тому месту одной хеттской надписи мифологического характера (Во 2865, II, 28)²⁸, где сказано: *na-aš-kán ša-aš-ti še-er iš-tu* EN^{G18}KUN₄ *ra-l[ti]* «И он (т. е. Гурпаранцаха. — Г.Г.) на кровать по лестнице поднялся». По А. Гетце, EN^{G18}I.LU — это «chamberlain»²⁹, а именно — «должностное лицо, помогавшее принцу подняться на свою кровать посредством лестницы»³⁰. То же самое значение придает Гетце *gabi simmiltim* и в другой своей работе, где этот термин истолкован как «Groß-Kämmerer» (Kleinvasen³, стр. 76, прим. 1).

Вопроса об определении значения *gabi simmiltim* вкратце коснулись и Е. Биллинг, первым обративший внимание специалистов на данные неопубликованного документа Кёлторе С₄³¹, по контексту которого он старался выяснить сущность *simmiltim*³².

⁹(находится) в городе Парваа. ¹⁰Рувагна, (человек) главы округа, ¹¹(находится) в городе Сапапа. ¹²Ппрува, (человек) главы округа, ¹³(находится) в городе Варшама. ¹⁴Халу-вашу, плотник, ¹⁵(находится) в городе Кузуна. ¹⁶Кузапала, посельный, ¹⁷и 3 души (головы), ¹⁸ вместе с ним Малавала ¹⁹и Хутна, (находится) в ²⁰городе Тумяшна. ²¹Ппрува и мать его ²²(находится) в городе Касана. ²³6 душ (находится) в ²⁴городе Хасушара. ²⁵12 душ (находится) ²⁶в городе Машка. ²⁷2 кузанаца (находится) в Кавише. ²⁸Итого 40. Все это — ²⁹слуги (челядь) ³⁰Турупани, ³¹главы лестницы. К сткя. 28—31 см. также В а l k а n, *Anu-Hürbi*, стр. 3 сл.

²⁴ J. L e w y, *La chronologie de Bithāna et d'Anitta de Kuššara*, RHA, III, 1934, 17, стр. 1 и прим. 8. См. также EL, I, стр. 202; II, стр. 169 сл. («Oberster über die Stiege»).

²⁵ I. J. G e l b, *Inscriptions from Alshar and Vicinity*, Chicago, 1935, стр. 52. См. также индекс, стр. 83.

²⁶ R. H a r d y, *The Old Hittite Kingdom. A Political History*, AJSL, 58, 1941, 2, стр. 180 и прим. 12.

²⁷ G ü t e r b o c k, *Die historische Tradition...*, стр. 88.

²⁸ Там же, стр. 86.

²⁹ Бука, «управляющий двором царя; камергер».

³⁰ G o e t z e, *Hittite Courtiers...*, стр. 6 и прим. 87.

³¹ *mimma* (annim) *anāku ammišam uššilakku[m]* *ina simmiltim tumaḫḫirma ina tamalakkim taškanma tamalakku kunukkūka ašar tušḫiḫizini šaknu* «Все [это] я туда (наверх) тебе доставил. Ты на лестницу принес (и) в дарец положил. Ларцы и печати твои (на) месте, которое ты выбрал, лежат».

³² Это слово указанного текста он переводит как «какое-то место, какой-то район».

Согласно ранней работе Е. Бильгича, *gabi šimmištim* — «глава (города или) района»²², в дальнейшем, в указанной выше его новой статье он считает, что «глава лестницы» был «принадлежит к политическим и юридическим функциям» (стр. 161), которому подчинялась вся административная организация (стр. 163).

Именно на основании приведенного Е. Бильгичем «аппалдокийского» текста К. Баллак выдвинул собственные предположения; которое, к сожалению, все еще не привлекло должного внимания специалистов. Совершенно справедливо переводя *šimmištim* как «лестница», К. Баллак отождествил ее с той лестницей, существование которой во дворце (акрополе) местных правителей подлагал еще Ю. Левки (см. выше). Обращая внимание на упоминание о печатах, К. Баллак увидел в указанной «лестнице» ту часть дворца правителя, где осуществлялось судопроизводство. Существование аналогичного места он находит в *kāšum'e* (в виде «открытого суда»), а также в Вавилоне (ср. *bāb šim* «врата бога») и Ашшуре (ср. *muššālum* «ступенчатые городские ворота» — *Trepentor*). В свете всего сказанного К. Баллак считает возможным видеть в *gabi šimmištim* «главного судью»²³, одновременно объявляя его, как и большинство других специалистов, наследником престола.

И, наконец²⁴, следует отметить соображения П. Гарелли, который в своей обширной монографии вкратце резюмирует взгляды отдельных ученых о *gabi šimmištim*. Критикуя А. Гетце (по нашему мнению совершенно справедливо), он считает более приемлемым видеть в этой должности военного командира или правителя укрепленного места, выполнявшего также функцию главы рода. Принимая во внимание предположение К. Баллака, П. Гарелли заключает, что по своим «юридическим» и военным функциям *gabi šimmištim* играл ту же роль в муниципальном масштабе, какую играл сам «князь» в «национальном»²⁵.

Для того чтобы выяснить, какому именно из приведенных выше предположений можно отдать предпочтение, обратимся к текстам, в которых упомянуты «главы лестницы». Правда, в этих документах, большинство которых давно известно специалистам (лишь некоторые недавно вошли в научный оборот), нет прямых указаний относительно функций или обязанностей «главы лестницы», однако анализ текстов дает возможность, по нашему мнению, определить основные стороны деятельности этого должностного лица.

Одна часть изучаемых нами документов по интересующему нас вопросу ничего существенного не дает, так как в них «главы лестницы» не выступают как активно действующие лица. К этой категории текстов относятся лишь самые, уже известные нам фрагменты, в которых «главы лестницы» упомянуты только в качестве братьев некоторых местных граждан, например, Сахи или Тархуалы (см. выше, прим. 11). Здесь же следует упомянуть и сильно разрушенный текст Gelb, 46²⁶, по которому невозможно установить, относительно какого дела неизвестное нам лицо должно было явиться к «главе лестницы». Безусловно интересен хорошо сохранившийся документ EL, 188 =

Gel, 11, повествующий о слуге, когда царь и царяца (возможно, Канеса) некому

²² Работа Е. Бильгича (в DTGFD, 6, стр. 506, прим. 79) осталась нам недоступна (см. В а л к а н, Anum-Īrībi, стр. 46, прим. 60).

²³ В а л к а н, Anum-Īrībi, стр. 46, прим. 60.

²⁴ Некоторые ученые только переводят термин *gabi šimmištim*, воздерживаясь от выяснения функций этой должности — см. J. F r i e d r i c h, HW, стр. 271, 276 («лестница = камергер»); H. O t t e n, Zu den Anfängen der hethitischen Geschichte, MDOG, 83, 1951, стр. 38 («глава (великий) лестницы»); H. L e w y, Notes on the Political Organisation of Asia Minor at the Time of the Old Assyrian Texts, Or, 33, 1964, 2/3, стр. 180 и др.

²⁵ G a r e l l i, ук. соч., стр. 215 сл.

²⁶ Обор. стор.: 1[.....] 2a-b1-a-[tim ...]; Z1-kt-ū-[...] amahar gabi šif-[mi-il-g-tim] 2a-b1-[ik ...] 4[1[.....] 2velk[ue(?)...]] 3[.....] 4перед главой дес[тицы] 5(пусть) он палт[ся (?)].

Итур-или продают своих подданных (?) Карию, его жену и его сыновей за 40 мнн серебра⁴⁰. Однако в этом тексте «глава лестницы» выступает лишь в роли свидетеля, хотя можно обратить внимание и на то, что рядом с ним в качестве свидетеля фигурирует жрец (божества) Хикша (Hikiša). Хорошо сохранился и текст EL, 273 = Jena, 368 (см. выше, прим. 20), в котором, однако, «глава лестницы» выступает только как должник.

Очень скудные данные о некоторых, правда, не совсем ясных сторонах деятельности «главы лестницы» находим в другой группе документов: в приведенном выше (прим. 11) фрагменте б/к 95, все еще недостаточно интерпретированном специалистами, и в тексте Gelb, 5, который неоднократно привлекал внимание ученых. Так, в фрагменте б/к 95 существенно упоминается rabi šimiltim в связи с заключенными в тюрьме⁴¹.

Это согласуется и с данными текста Gelb, 5⁴², в котором «глава лестницы» выступает вместе с царцей. Согласно этому документу, в тюрьме дворца, в котором проживали царца и «глава лестницы», находились люди ḫabīru, задержанные по неизвестным причинам неким Гадгали, возможно, чиновником на охраны местного дворца.

⁴⁰ 1[a-na 40] maḫā'ē kaspiḫ Kà-ri-a 2[a-š]a-sú ù me-er-e-šu 3ru-ba-um ú ru-ba-tum 4a-na I-tur-ili i-di-nu 5a-na 20 maḫā'ē kaspiḫ 6Su-ru-na-aḫ-šu meḫ Sa-ra-ma 7rabi a-lá-ḫi-nim 8a rabi si-ki-tim 9qá-ta-tum iš-tu 10arab 11[ḫi-ir-im li-mu-um 10]ḫu[r]-ma 10 ma-nā'ē kasraḫ 11a-na ḫa-ar-pi-im 12i-ša-qal 10 maḫā'ē 13kasraḫ a-na ḫa-ni-ú-tim 14ḫa-ar-pi i-ša-qal-ma 15a-na ší-ti kaspiḫ 20 maḫā'ē^{em} 16Kà-ri-a a-ša-sú ú me-er-e-šu 17Su-ru-na-aḫ-šu a-na ḫa-nu 18ú-ta-er-ma 20 maḫā'ē kasraḫ 19i-ša-qú-lu-ma kasraḫ i-na 20qá-qá-ad Kà-ri-a a-ší-ti-šu 21me-er-e-šu 22iḫi^{bi-cl}-šu-nu 23ú a-lá-ni-šu-nu ra-ki-iš 24maḫar rabi si-mi-li²-tim 25maḫar ku-um-ri 26ḫi-ki-ša 27[3a 40] mīn sēbera Karīu, 28ego [že]ny и его сыновей 29царя и царца 30Итур-или отдали. 31За 20 мнн серебра 32Шупунахшу, сын Шарама, 33глава alāḫinim 34главы siktum'a, 35(оест) поручитель. С 36месяца 37ip'um, при эпохе 38Хур[ша], 3910 мнн серебра 40урожаю 41он отвесит. (т. е. Шупунахшу) отвесит, а 4210 мнн 43серебра — ко второму 44урожаю он отвесит. 45За остальное серебро, 20 мнн, 46Карию, его жену и его сыновей 47Шупунахшу Хаку 48вернет и 20 мнн серебра 49он отвесит. А серебро на 50голову Карии, его жены, 51его сыновей, с их домами 52и их alā-ḫi-nim 53амх ложится. 54Перед главой лестницы. 55Перед жрецом (божества) Хикша. Точное значение rabi alāḫinim, rabi siktum (см. G a r e l l i, ук. соч., стр. 217 слл.) и alāḫiш не известно. Детально изучив интересующую нас табличку, Н. Б. Яковская полагает, что имя эпохи стк. 10 следует читать как ḫu[r]-ma, а не Su-ma (ср. Ю. Л е в и, EL, 188, стк. 10).

⁴¹ Невозможно установить, по какой причине были задержаны эти заключенные. Не вызывает сомнения, что они были людьми, связанными с купцами, так как именно купцы были заинтересованы в сохранении их жизни.

⁴² Эйна-Ашур пишет Наби-Элиаму в городе, расположенном на месте современного Адишар-хюка (возможно, в Амкузе): (лиц. стор.) ... 1a-ḫu-mi a-ḫi-lil ḫa-bi-ri 2a ek[allim] 3a Sa-lá-aḫ-šu-ḫa 4a i-na ki-šil-[ir-šil-im] 5[ḫa]-āš-bu-ni āš-ru-ra-ku-um a-[li-ik-ma] 6[pi]-i ru-ba-ti ú rabi si-[mi-li²-tim] 7[š]a-a-al-ma 8u-ma 9[hu-nu-ma] 10ú-ta-ru-šu-nu 11u-up-r[ā-ḫu-nu] (обор. стор.) 12[ḫu]-ma lá ú-ta-ru-šu-nu 13a-ḫi-lil 14u-nu-ti ru-tū-ur 15[m]i-ma ip-ḫi-ri-šu-nu 16a ekallum^{idm} 17e-ri-šu-kā-ni i-na na-āš-pé-er-[ti-kā] 18ú-df-a-ma lu-še-bi-á-lá-ku-um ú a-ḫi-[li] 19ḫu-nu-ti Ga-ad-ga-li is-ba-at 20mi-ma na-pá-al-tám 21a ekallum^{idm} 22a-ḫu-mi a-ḫi-lil 23u-nu-ti e-pu-lu-kā 24i-na na-āš-pé-er-ti-kā ú-df-a-am 25a-ḫi-lu ip-ḫi-ri ma-df-iš 26i-šu-ú... (лиц. стор.)... 27Относительно людей 28ḫabīru дворца 29Шалахшуву, которые в тюрьме 30находятся, а пишу тебе: И[дн] 31[Ре]шение царши и главы ле[стницы] 32знай. Если о[ни] 33вернут их (обратно), (то) вышли их мне. (обор. стор.) 34[Е]сли они не вернут их, 35(то) тех людей выкупит. 36Какую выкупную плату дворец 37потребуется (от) тебя, в [твоем] письме [ме] 38сообщи мне, и я вышлю тебе. А людей 39тех задержал Гадгали. 40Дворец какую доплату 41за тех людей потребует (от) тебя, 42сообщи мне в твоём письме. 43(Эти) люди много выкупной платы 44имеют...».

Совершенное или преступление, видимо, не было тяжелым, так как людей *gabiru* можно было без особого труда освободить или же выкупить. Однако это можно было сделать лишь после получения согласия со стороны царя или «главы лестницы»⁴³, что хорошо было известно и представителям торговой общины.

Таким образом, по существу скудные сведения фрагмента В/К 95 и текста Gelb, 5 все же указывают, если верить нашей интерпретации, на одну сторону деятельности «главы лестницы»: высокопоставленное должностное лицо, имеющее какое-то отношение к судьбе заключенных, или же полномочия которого давали ему возможность выдать разрешение на освобождение или выкуп заключенных, должно было быть связано либо с судебным органом, либо же с охраной дворца (акрополя, цитадели). О других функциях «главы лестницы», судя по этим данным, не может быть и речи.

Наконец, третья группа текстов (их всего четыре), упоминающих разных «глав лестницы», исключительно важна для выяснения функций *gabī šimlītīm*. Эти документы особенно примечательны тем, что все они подписаны *gabā'ūsh'amīn* («царями») и «главами лестницы». При этом по структуре и содержанию данные документы являются явно судебными решениями. В первом из них, документе Gelb, 49 (А и В), подписанном Анитой и «главой лестницы» Пирувой, читаем⁴⁴: (лиц. стор.) «Харшумалка, Шупунуман, Ианшка, Зума, Илаллолка и Пирува младший, всего 6 душ (букв. голов), в Акуве, в доме Халувалы, великого *rigūlum'a*, находятся. Шупунахшу, (оборот. стор.) их родственник, пришел, и он сообщил им: «У Халувалы, великого *rigūlum'a* Амкувы, 17 ови служили. Своих людей Халувала к Шупунахшу отпустил. Они решили: один против другого (пусть с претензией) не вернет[ся]. Кто вернется, (то он) [одну мну] серебра выдает, или убьют его. Рукой Аниты, великого царя, (и) Пирувы, главы ле[стницы]»⁴⁵.

Некоторые стороны дела, описанного в этом тексте, все еще остаются необъяснимыми и требуют специального исследования, однако для интересующего нас здесь вопроса данные его достаточно ясны. Перед нами документ правового характера — договор, регулирующий отношения между двумя сторонами (Халувалой и Шупунахшу), что подтверждается появлением свидетелей (в дубликате) и клаузулы о ненарушении договоренности в будущем (сткк. 20—24).

К аналогичному выводу приводит нас и анализ следующих трех документов, правовой характер которых был замечен специалистами со дня их опубликования⁴⁶. В двух из этих текстов разбираются дела о разводе супружеских пар из числа местных жите-

⁴³ Стк. 12 рассмотренного текста можно переводить и так: «[Решение] царши или главы ле[стницы]».

⁴⁴ А (лиц. стор.): 1 *Ha-ar-šu-ma-al-ga* 2 *Su-pu-nu-ma-an* 3 *I-a-ni-ga* 4 *Zu-ma* 5 *I-lá-li-el-ga* 6 *ú Pí-ru-qa* 7 *ahrum* 8 *ša eš-tí-ni-ib* 9 *qá-qá-da-tu* 10 *na A-ku-qa* 11 *na bi-lit* 12 *Ha-ru-qa-lá* 13 *pu-ru-lim gabīm* 14 *uš-bu Su-pu-[na-ah]-šu* (оборот. стор.) 15 *ni-šu-ta-šu-nu* 16 *li-kam-ma* 17 *ú-dí-šu-nu-ma* 18 *í-ti* 19 *Ha-ru-qa-lá pu-ru-lim* 20 *gabīm* 21 *ša Am-ku-qa* 22 *ni-ig-ru-ma ni-ší-šu* 23 *Ha-ru-qa-lá a-na* 24 *Su-pu-na-ah-šu* 25 *ú-ta-ší-ir* 26 *ta-ru-sú a-ḫ(u-um)* 27 *na-na a-ḫí-lim lá i-tu-qa* 28 *ar* 29 *ša i-tù-ru* 30 *š kasram* 31 *i-da-an* 32 *ú i-du-ku-šu* 33 *i-qá-ti A-ni-ta* 34 *ru-ba-im gabīm* 35 *Pí-ru-qa* 36 *ḡabí* 37 *š[i-mi-il-gá-ti]*. В дубликате *gabí sí-mi-il-gá-ti* сохранилось полностью (см. Gelb, 49B, стк. 28).

⁴⁵ В дубликате текста (Gelb, 49B) имеются некоторые дополнения и незначительные расхождения. Например, в начале дубликата (сткк. 1—6) названы свидетели (6 человек), большинство из них сильно повреждено. В стк. 13 появляется некий Зугалка, неизвестный по основному тексту. После клаузулы о ненарушении договора (сткк. 20—24) добавляется: [Su-pu-na-ah-šu] 28 [iq-bi a-na H]a-ru-qa-lá 29 {.....} 30-šu lá i-tù-ru «Шупунахшу, [сказал]: К Халувале 30 {.....} они не вернутся». Кроме того, вместо *ni-šu-ta-šu-nu* «их родственник» основного текста (стк. 12), в дубликате читаем *a-ḫi-šu-nu* «их брат».

⁴⁶ Два из этих текстов попали в сборник правовых документов, изданный И. Девин и Г. Эйссером (EL).

лей; один контракт (EL, 3 = TCL, IV, 122) составлен в Канеше во время правления Варшы, а другой (TCL, XXI, 214) — в Куссаре при царствовании Питханы.

В документе EL, 3 = TCL, IV, 122⁴⁷, рисуящем некоторые стороны семейно-брачных отношений в среде местных жителей Анатолии, читаем⁴⁸: «(лиц. стор.) 1Хумадашу 2и Хакалуван, 3муж и жена, 4решили: Жена куда хочет (пусть) уходит; 5особо-дене же 6он ей дал. Хакалуан 7ребенка-[ana]rhal[um] 8[родит]. (макуна) (обор. стор.) 1(По этому судебному) делу к 2[Х]умадашу (пусть с претензией никто) [не] звернется. Один 3против другого 4(пусть) не вернется. 5Кто вернется, 6(то он) 75 миш серебра 8выдаст (или) убьет его. 9Рукой Варшы, 10царя, (и) Халкисашу, 11главы лестницы. 12Перед Инарком (?). 13Перед Шухур[шаи]. 14Перед Пиру[вои].»

Аналогично содержание документа⁴⁹ TCL, XXI, 214 (= TC, III, 214 A)⁵⁰: «(лиц. стор.) 1Никилат 2и Шамалика, 3муж и жена, 4решили: 5Шамалика ребенка-ana[rhalum] 6родит. Куда (она) 7хочет (пусть) уходит. 8Если (по этому судебному) делу — 9tuzi-nim ли, 10кто-нибудь (?) ли, 11uratinum ли, 12никто его кучец — 13и Шамалике (с претензией) 14вернется, 15(то) он 5 миш серебра 16выдаст (или) же убьет его. 17Рукой Питханы, 18царя, (и) 19Ашты, 20главы лестницы. 21По вине Никилата. (обор. стор.) 22Печать Пирувы, жреца бога бури 23karutum'a. Печать Елали (?), 24главы еглашатаев. 25Печать Шухурши, жреца бога бури. 26[Печать] Хадуваншатума. 27[Печать] Шпары.»

Последний из указанных выше четырех документов — КТР, 43 = EL, 189⁵¹, подписаный царем и «главой лестницы», обрисовывает иную сторону жизни местного населения Канеше во время царствования Варшы — в нем говорится о продаже рабыни Зибзэбе и ее дочери⁵²: «1Рабыню Зибзэ[ибэ] 2и Тенукунан — 3ее [д]очь, 4Тархуан, 5[Лабаданка, жена Пирувы, 6Пирувахшу (и) Шарпа, 7ее сикова, 8продали и за 91/2 мины 71/2 сикля серебра, 10Шантаманика (их) 11купила. 12Если! по этому (судебному) делу 13относительно Зибзэбе 14и ее дочери 15(кто-либо) к [Шантаманике

⁴⁷ См. также B a l k a n, Anum-Hirbi..., стр. 49 сл.; G a r e l l i, ук. соч., стр. 68, прим. 2.

⁴⁸ (Лиц. стор.): 1Hu-ma-da-šu 2ú Ha-ha-lu-ya-an 3mu-tum 4a-šu-tum 5i-tar-ru-sú 6ššutum a-šar li-bi-[ša i-lá-ak] 7e-zil-lb-ta-ša 8[i-dí]-ší-ma 9Ha-ha-lu-an 10(a-na-a)-r-ha-l[am] 11(tú-lá-ad) (Лакруна) (обор. стор.) 1[a-ma-tí-ma ša a-na] 2[H]u-ma-da-šu [lá] i-tú-ar a-šu-um 3a-na a-ši-im 4lá i-tú-ar 5ša i-tú-ru-ni 65 manā'ē kaspam 7i-da-an [ú] i-du-ku-šu 8i-qá-tí 9Ua-ar-pá 10ru-ba-im [H]al-ki₂-a-šu 11rabi sí-mi-il₂-tim 12maḥar I-na-ar (?) 13maḥar Pè-ru-ur-[pi-a] 14maḥar Pè-ru-[ya]. Значение слова ana[rhalum] точно не установлено (см. ANW, стр. 50)

⁴⁹ См. также B a l k a n, Anum-Hirbi, стр. 49 сл.; G a r e l l i, ук. соч., стр. 69.

⁵⁰ (Лиц. стор.): 1Ni-ki-li-it 2ú Sa-ša-li-ká 3mu-tum 4a-šu-tum 5i-tar-ru-sú 6Sa-ša-li-ká 7a-na-ar-ha-lam 8ú-lá-ad a-šar 9li-bi-šu i-la-ak 10šu-ma a-ma-tí-ma 11lu ú-pá-tí-nim 12lu ma-ma-an 13lu ú-pá-tí-nu 14lu tamkār-šu 15ša a-na Sa-ša-li-ká 16i-tú-ya-ar 175 manā'ē kaspam 18i-da-an 19ú i-du-ku-šu 20i-qá-tí 21Pi-lt-ḥa-na 22ru-ba-im 23A-ni-ta 24rabi sí-mi-il₂-tí 25ar-nu ša Ni-ki-li-it (обор. стор.) 26kunuk Pi-ru-ya kumrim ša 27Adad 28ša kà-ru-tim kunuk E-lá-li(?) 29rabi na-gi-ri 30kunuk Su-ḥu-ur-pi-a kumrim ša 31Adad 32aku[nuk] 33ḥa-du-ya-an-ša-tim 34[kunuk] 35li-a-ra. Комментарий к транслитерации: с т к 1 — У Балкана (ук. соч., стр. 40) Na-ki-li-it; с т к 10 — вместо uratinum должно быть tuzinum (ошибка писца); с т к 23 отсутствует у Балкана; (обор. стор.) с т к 3: nāgrum еглашатаев — полнцейский или судебный исполнитель (см. ЗВАХ, стр. 299); с т к 6 — у Балкана [S]á-du-ya-an ša Pè-ru-ya; значение слов uratinum и tuzinum не известно.

⁵¹ См. также B a l k a n, Anum-Hirbi, стр. 49 сл.; G a r e l l i, ук. соч., стр. 69.

⁵² 1am-tám Zi-be-z[i-be] 2ú Te-pu-ku-ni-a-an 3[mē]rat-sú 4Tár-hu-a-an 5La-ba-da-ni-ká 6a-ša-at Pè-ru-ya 7Pè-ru-ya-aḥ-šu 8ar-pá 9me-er-ú-šu a-ší-mi-im 10i-dí-nu-ma a-na 111/2 manā'ēm 71/2 šiqil kaspam 12Sa-áp-ta-ma-ni-ká 13ú a-am-ma 14šu-ma a-ma-tí-ma 15a-šu-mi Zi-be-zí-be 16ú mēriti¹⁻⁴-šu 17ša a-na Sa-áp-ta-ma-ni-ká 18i-tú-ru 195 manā'ē kaspam i-da-an 20ú i-du-ku-šu 21i-qá-tí 22Ua-ar-pá 23ru-ba-im 24[Hal-ki₂-a-šu] 25rabi sí-mi-il₂-tim 26maḥar Ga(?)-lá-zi 27[maḥ]ar Pè-ru-ya 28[mē]r I-na-ar maḥar 29Pè-ru-ya 30mēr Na-pé-ri.

(с претенаей) ¹⁰вернется, ¹¹(то) он 5 ми́н серебра выдаст, ¹²или же убьют его. ¹³Рукой Варш, ¹⁴царя, (и) ¹⁵Халкнашу, ¹⁶главы лестницы. ¹⁷Перед Галази. ¹⁸Перед Пирувой, ¹⁹(с)ином Инара. Перед ²⁰Ппрувой, ²¹сыном Напарш.

Если приведенные выше четыре документа действительно являются судебными решениями, то мы должны особо обратить внимание на факт подписания этих документов лично царем и «главой лестницы», ибо лица, подписывавшие документы правового содержания, должны были иметь прямое отношение к правовой сфере. И действительно, подписание документов самим царем дает твердое основание полагать, что указанные выше четыре документа являются решениями царского суда, существование которого можно допустить как в Кушаре и Кашше, так и во всех других городах-государствах Анатолии начала II тыс. до н. э., в которых правила *gubā'um'm* — «цари» ⁸².

Подписывался первым царь, которого, видимо, следует считать «верховным судьей», к которому обращались, как это можно заключить из приведенных выше текстов, по разным делам (относительно освобождения заключенных, развода, продажи рабов). Можно полагать, что в таких случаях судил сам царь — «верховный судья».

С царским судом следует связывать и деятельность «главы лестницы». О других сторонах его деятельности и эта третья группа документов сведений не дает.

Таким образом, анализ опубликованных до настоящего времени известий относительно должности «главы лестницы» показывает определенную связь «главы лестницы» с царским судом ⁸⁴, на существование которого в Анатолии в начале II тыс. до н. э. специалисты до сих пор не обращали внимания. Факты подписания им решений царского суда после царя наводят на мысль о том, что «глава лестницы» был непосредственным помощником «верховного судьи». На него, видимо, возлагались функции, в основном, повседневного ведения судебных дел, в том числе и функции контроля исполнения решений царского суда ⁸⁵.

Эти выводы хорошо согласуются с данными еще одной «каппадокийской» таблички, на которую любезно обратила наше внимание Н. В. Янковская. В документе, публикуемом ею под номером 20 (= Gol., 14) вместе с другими «каппадокийскими» текстами, находящимися в собраниях СССР ⁸⁶, Шу-Иштар сообщает представителям торговой общины (Хананаруму, Итур-или и Ашшур-малку), что он идет судебного разбирательства одного известного им дела. Для нас особенно интересно то, что по этому судебному делу Шу-Иштар лично обратился именно к «главе лестницы» (стк. 24 сл.) ⁸⁷, видимо, города Кашша. Это явно говорит в пользу предположения, согласно которому *gubā'um'm* являлся должностным лицом, обладающим судебными полномочиями в городе-государстве ⁸⁸.

⁸² Как известно, царские суды насчитывались во многих странах древнего Востока (относительно Вавилоны времен Хаммураби см. ЗВАХ, стр. 298, там же литература), в том числе и у хеттов (ЗВАХ, стр. 307 сл.) как в древнехеттском, так и в позднететтском периодах. Относительно царских судов см. также И. С. Д о и н д в е, Древневосточное право, Тбилиси, 1960, стр. 0148 сл. (на груз. яз.).

⁸⁴ Существование царского суда подразумевает, конечно, и наличие других видов суда. Не исключается, что и в Анатолии интересующего нас времени судебными функциями обладали, например, главы отдельных городских общин, хотя по этому вопросу пока нет достаточных и надежных данных.

⁸⁵ Остается неясным вопрос: назначался ли «глава лестницы» лично царем или выбирался народным собранием. Судя по данным текста EL, 188 = Gol., 11, стк. 23 (см. выше), «глава лестницы» мог выступать на суде и в качестве свидетеля.

⁸⁶ Работа Н. В. Янковской находится в печати.

⁸⁷ Стк. 24: [a-n]a gubā' s[ī(?)]-m[ī(?)]-[ī]l₂(?)-tī-īm, а не [a-n]a gubā' s[ī-ki]-tī-īm как полагал Ю. Левн.

⁸⁸ Если должностное лицо *tuzimim* действительно имело какое-либо отношение к судебным органам (см. E. B i l g i c, Die einheimischen Appellativa der kappadokischen Texte und ihre Bedeutung für die anatolischen Sprachen, Ankara, 1954, стр. 48), то его следует рассматривать лишь как одного из судебных исполнителей.

После всего этого нетрудно интерпретировать данные рассмотренных выше фрагмента b/k 95 п текста Gelb, 5. Упоминание «главы лестницы» в связи с лицами, заключенными в тюрьме, следует объяснить, по нашему мнению, не тем, что *gabi šimmitim* выполнял функции охраны дворца и контролировал тюрьму, а тем обстоятельством, что освобождение заключенных людей зависело от юрисдикции интересующего нас должностного лица. На основании самого названия рассматриваемой должности естественно предполагать, что в функции *gabi šimmitim* мог входить лишь контроль над большой лестницей дворца правителя⁶⁰, возможно, как места, где вершился суд.

Как нам кажется, основные функции охраны дворца или же контролирования дворцовой тюрьмы выполнял *gabi mašartim* «глава охраны» (гарнизона, укрепленного места), если правлен перевод слова *mašartum*, принятый в литературе.

Таким образом, все отмеченное выше в определенной степени согласуется с предположением К. Балкана, который, согласно интерпретации слова *šimmitum* текста Kültere C₁ (см. выше), считает возможным видеть в *gabi šimmitim* должностное лицо, исполняющее и судебные функции. Однако следует отметить, что совершенно не рассматривая в интересующем нас аспекте приведенные выше «каппадокийские» документы, хорошо известные самому К. Балкану, он допускает возможность определения *gabi šimmitim* лишь как «главного судьи» вообще. Если под этим последним К. Балкан подразумевает судью, который стоял выше всех остальных судей страны, то отождествление с ним «главы лестницы» будет неправильным, ибо таким судьей считался, как это было во многих странах древнего Востока, только глава государства — верховный судья.

Наши выводы относительно функций «главы лестницы», основанные на анализе письменных источников, со своей стороны, находят в определенном согласии и с предположением К. Балкана о существовании специального места — *šimmitum'a*, «лестницы» для ведения судебных дел (на основе, по всей вероятности, обычного права), которое можно отождествить с предполагаемой Ю. Левки лестницей дворца местного правителя. В городах-государствах Анатолии начала II тыс. до н. э. монументальная лестница дворца местного правителя служила, видимо, тем местом, где разбирались судебные дела, по всей вероятности, царским судом, а может быть, в определенных случаях и народами собраньем. Тот факт, что интересующее нас должностное лицо обозначается термином, происходящим от слова «лестница», явно свидетельствует, что это лицо распоряжалось именно такой лестницей. Все это как будто убедительно объясняет, почему носила такое, с первого взгляда странное, название интересующая нас должность.

Аналогичным местом в Двуречье, как полагает К. Балкан, возможно, служили *bāb šim* и *mišlālum* (см. выше), а также *šā-mi-la-ti* «лестницы» (мн. ч.) — определенная часть города, существование которой узнаем из одного плана, найденного в Ниневуре, на что первым обратил внимание Ю. Левки⁶⁰, хотя нам не известно, разбирались

⁶⁰ Согласно вышерассмотренному хеттскому тексту, «господин лестницы» выступает рядом с «царскими отрядами» (= «царским войском») и «возницами» (видимо, тоже царскими), что явно указывает на его отношение к личной охране царя в период существования Хеттского царства. Исполнял ли господин лестницы при хеттском царском дворе судебные функции, по данным указанного хеттского текста установить невозможно. Однако судя по тому факту, что «господин лестницы» в других хеттских источниках не упоминается (в том числе и в текстах правового содержания), он, видимо, в хеттском государственном аппарате вообще не имел отношения к судебной практике.

⁶⁰ EL, II, стр. 170. Там же ссылка на источник. В Месопотамии существовал и *bīt šimmiti* «дом лестницы» (E. I. LU) (см. A. S a l o n e n, Die Türen des alten Mesopotamien, Helsinki, 1964, стр. 17 и 58, где даются также ссылки на литературу и источники).

ли на ¹³si-mi-la-ti судебные дела. Наряду с этим, пока все еще остается открытым вопрос, существовала ли в Давурче (или в других странах древнего Востока) должность с указанными выше функциями и аналогичным названием. Письменные источники, происходившие из разных стран древнего Востока, такой должности не упоминают ⁶¹.

Как нам кажется, после всего сказанного трудно допустить, что «глава лестницы» был «должностным лицом, помогавшим принцу подняться на свою кровать посредством лестницы, или «главой (города или) района», «начальником цитадели» или же «военным командиром» и т. д. Все это не подтверждается анализом соответствующих источников.

Нам не представляется убедительным и распространенное в научной литературе мнение, которое рассматривает главу лестницы как помощника царя по всем государственным (политическим) делам. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы пока не подтверждают такого предположения. Можно полагать, что таким помощником царя был не «глава лестницы», а šaḥiḥum (ТС, III, 75, стк. 7), о котором мы собираемся написать отдельную работу с привлечением данных хеттских источников.

Вместе с тем, определенное сомнение вызывает также довольно распространенное мнение, рассматривающее каждого gabi šimiltim одновременно и как наследного принца. Единственным подтверждением этого является хорошо известный факт, по которому «глава лестницы» Анитта становится царем Кушары после смерти своего отца Птханы ⁶². Однако из источников не известно, стали ли gubā'um'ами другие «главы лестницы» — Халкишу, Пирува и Туруани, и занимали ли все известные нам gubā'um'ы должность «главы лестницы» до того, как они становились правителями. Более того, нам даже не известно, были ли все они царевичами. Анализ даже очень скудных данных, по нашему мнению, говорит о том, что не все «главы лестницы» были царевичами. Так, в приведенных выше фрагментах, как например, «Печать Сахи, брат(а) главы лестницы» или же «Печать Тархуалы, брат(а) главы лестницы» или Саха, или Тархуала не были, видимо, царевичами, так как в противном случае они называли бы себя не братом «главы лестницы», а, конечно, «сыном царя» (māg gubā'im). ⁶³ Но если Саха и Тархуала не были царевичами, то и их братья, носившие титул «главы лестницы», естественно не следует считать сыновьями царя. Знаменательны данные указанного выше хеттского текста, согласно которому «господин лестницы» явно не включен в категорию «сыновей царя»: «Господин лестницы» упоминается здесь рядом с «господином, братом царя» и, что особенно важно для нас, «сыном царя» (царевичем).

Таким образом, если не все «главы лестницы» были царевичами, то не все они могли стать царями, если, конечно, в Анатолии интересующего нас времени строго действовал закон престолонаследия, по которому царская власть переходила от отца к сыну ⁶⁴. В таком случае можно допустить, что правителями страны становились лишь те «главы лестницы», которые были сыновьями царя.

⁶¹ Насколько нам удалось проверить, должность gabi šimiltim не засвидетельствована в текстах из Месопотамии, а также в текстах из Мари и Алаха. Ее не видно и в архивах из Нузи и Угарита, как это любезно сообщили нам Н. Б. Янковская и М. Л. Гельцер, за что приношу им глубокую благодарность. Эту должность не упоминают и ассирийские источники позднего времени. Сказанное выше, конечно, не означает, что в странах древнего Востока (кроме Анатолии) вообще не существовало должностного лица, обладавшего вышеуказанными функциями.

⁶² Ср. данные «шапшадокшского» текста TCL, XXI, 214, стк. 19 слл. (см. выше) и «Текста Анитты», стк. 1.

⁶³ Ссылки на источники см. К. В а л к а н [Ред. на кн.: L. Matouš, Inscriptions cunéiformes du Kultérf. Vol. II], OLZ, 60, 1965, N 3/4, стр. 152.

⁶⁴ Согласно известным нам источникам, такой закон действовал в Кавише, где после Инара царем стал его сын Варсама, и в Кушаре, где царская власть перешла от Птханы к его сыну Аниitte. Ср. также слова правителя гор. Вашиханна: «Я занял трон своего отца» (КТР, 14), что указывает на наличие такого закона и в гор. Вашиханна.

Однако если с появлением новых данных и в дальнейшей исследовательской работе будет доказано, что в городах-государствах Малой Азии все без исключения главы лестницы действительно становились правителями страны, то будет возможным допустить, что царями могли стать не только сыновья верховного правителя, но и другие лица, ибо, как мы уже видели, среди глав лестницы находились также лица, не связанные с царской семьей.

«Свободные люди» в хеттском обществе. Для обозначения человека социально высокого положения, которому противопоставлялось IR, т. е. лицо, имевшее социально низкое положение, в хеттских документах правового и политического содержания обычно употреблялся не просто «человек» (по-хеттски *antuḫṣa-*, по-шумерски LU, по-аккадски *awilum*), как это имеем в некоторых месопотамских правовых источниках, а выражение «свободный человек» — LU ELLU(M) (варианты LU. ULULU ELLU(M), UKU ELLU(M) = хетт. *agawa antuḫsas). Оно соответствовало хеттскому слову *agawani* — «свободный (человек)».

Появление прилагательного ELLU/agawa- «свободный; (ритуально) чистый» в сочетании с LU «человек» обычно понимается последователями как бесспорное доказательство лишь с оциальной свободы этого «человека», в чем сомневается автор данной работы. Сопоставление данных ряда хеттских текстов показывает, что выражение «свободный человек» включало в себя и определенный экономический аспект, подразумеваемый, от чего именно этот «человек» был «свободный».

Относительно представлений хеттов о понятии «свободный человек» можно судить по некоторым данным политических договоров, заключенных между Мурсили II и правителями «вассальных» стран хеттов — Хапалли и Миры-Кувалли (KBo V 4. I 35—40 = Friedrich, SV, I, стр. 58 и сл.; KUB VI 44 IV 34—45 = Friedrich, SV, I, стр. 138 и сл.). В этих документах обращает внимание прежде всего деление беглецов на две категории: на [...] SA LU^{G1S}TUKUL GID. DA и LU ELLU «свободный человек», с одной стороны, и на людей, не являвшихся ни LU ELLU, ни [...] SA LU^{G1S}TUKUL GID. DA, — с другой. В числе последних находились плугарь; ткач, плотник, кожевник и какой бы то ни было ремесленник, т. е. люди, занятые сельско-хозяйственным или ремесленным трудом. Общее название сопоставленных с LU ELLU и [...] SA LU^{G1S}TUKUL GID. DA людей в тексте отсутствует. Однако, по аналогии с договором хеттов с каскеевскими племенами (KUB XXIII 77 I 52—56 = Schuler, Kaskäer, стр. 120), в котором также дается деление беглецов на две категории, а именно на IR и LU ELLU (а также на IR и LU^{G1S}TUKUL), можно заключить, что противопоставленные со «свободным человеком» люди (плугарь, ткач и т. д.) являлись IR — «несвободными» («рабами»). Становится бесспорным, что деление беглецов соответствовало делению людей, существовавшему в хеттском обществе (в X3 LU ELLU обычно противопоставл IR).

В договорах хеттов с правителями вышеназванных «вассальных» стран также обращает внимание другая, более важная в данном случае, сторона деления беглецов, которая поставлена на первом плане в самих же договорах. Это деление беглецов на тех, кто был занят трудовой деятельностью вообще (плугарь, ткач и др.), но по неизвестным нам причинам отказывался от нее — «не выполнял работы» (KIN U-UL u-da-l) и убегал, с одной стороны, и на тех, которые, противопоставляются им, т. е. на людей, не занимавшихся производительным трудом, свободных от трудовой деятельности вообще, — с другой. Именно одни из представителей этих последних назван в договорах как LU ELLU «свободный человек» (наряду с [...] SA LU^{G1S}TUKUL GID. DA). Отсюда можно высказать предположение, что человека, не занятого производительным трудом, т. е. освобожденного от всякой трудовой деятельности, хетты называли «свободным человеком» — LU ELLU, а остальных людей, несших трудовые или натуральные повинности, т. е. не освобожденных от производительного труда, «несвободными» («рабами») IR.

Все это приводит к мысли, что появление прилагательного ELLU(M)/agawa- «свободный» в сочетании с «человеком» предполагает в первую очередь именно свободу от трудовых или натуральных обязанностей в пользу царя (дворца) вообще, что подтверждается рядом других хеттских текстов. Так, например, согласно данным § 50, 51 и 56 X3, прилагательное ELLU(M)/agawa- употребляется по отношению к таким хозяйствам или людям, которые были освобождены от государственных обязанностей, а именно от *sakkam* (т. е. натуральной повинности) и *lucci* (т. е. трудовой повинности).

ста). Те хозяйства или лица, которые центральной властью лишались этой «свободы», переставали быть «свободными» (в экономическом смысле) и начинали выполнять *саггана* и *луцци*. В таких случаях «свобода» выражалась в освобождении от обязанностей выполнения *саггана* и *луцци*. Аналогичная картина отображена и в так называемых «двуупитетных грамотах» (КВо VI 28, 29; КУВ XXVI 58, 43 и т. д.), согласно которым «освобождающие» («освобождать», «стать свободным») выражалось именно в свободе выполнения разных повинностей в пользу царя или царских служащих.

Суммируя все вышесказанное, можно констатировать, что выражение *LU ELLU* с самого начала включало в себя экономический аспект, обозначая лицо, освобожденное царем (дворцом) от государственных повинностей. Лишь постепенно этот термин стал указывать на высокое социальное положение людей. Наряду с этим обращает внимание то обстоятельство, что лицо, освобожденное от *саггана* и *луцци* в пользу царя, «господина страны», «начальника области» и «начальника города», не всегда становилось «свободным человеком» — *LU ELLU*. Статус такого человека не получал освобожденный от выше указанных *саггана* и *луцци* непосредственный производитель, так как он оставался не освобожденным от выполнения обязанностей в пользу храма или культовых учреждений. В таких случаях непосредственный производитель, правда, получал определенную привилегию, однако он не становился лицом социального высокого положения. Поэтому в отношении таких людей при освобождении от государственных повинностей употреблялось только прилагательное *ELLU/agawa*, а *LU ELLU* — никогда. «Свободным человеком» становился тот, кто лично (а не рабочий персонал его хозяйства) освобождался от *саггана* и *луцци* не только в пользу царя (дворца) или крупных государственных служащих, но и в пользу храма, а также отдельных культовых учреждений. «Свободный (от всех повинностей) человек» рассматривался как «знатный, благородный, привилегированный», т. е. как лицо, занимавшее в обществе высокое положение, для которого трудовая деятельность была позорным занятием или одной из форм наказания.

* * *

«Свободные люди» довольно часто упомянуты в хеттских законах, определенная часть параграфов которых посвящена рассмотрению лишь правонарушений, связанных со «свободными». Кроме того, в ХЗ нет прямых указаний на многие вопросы, касающиеся социальной, политической или экономической сфер жизни «свободных людей». В них нет данных и о том, кто конкретно подразумевался под «свободным человеком» (термином явно собирательного значения) и чем занимались «свободные». Ответы на эти вопросы частично можно найти в других хеттских источниках.

Исходя из данных упомянутого выше договора хеттов с касками, термин *LU ELLU* хетты могли иногда заменять термином, *LU GIB TUKUL*. Возможно, это доказательство того, что последний входил в понятие «свободный человек», тем более что он, согласно ХЗ, действительно обладал большими правами (все это можно сказать и в отношении *LU ILKI*, выступающего в ХЗ как лицо, равное в правовом отношении с *LU GIB TUKUL*).

Небезынтересно, что правители «вассальных» стран, а именно Купанта и Масхулува из страны Мира-Кувалии, Таргасналли из Хапалли и Манана-Датта из страны р. Сеха, названы в договорах как «свободные люди» (*LU MEZ ELLU/ELLUTIM*: Friedrich, SV, I, стр. 60—61, § 9; стр. 144—145, § 27). Вслед за И. Фридрихом можно полагать, что в данном случае термин «свободные люди» употреблен явно в значении «знатные люди». В таком же смысле употребляется этот термин и в договоре между Супиллулиумой и Хужжаной из Хапасы (Friedrich, SV, II, стр. 126, § 31), а также в одной «Инструкции» для «главных» (Schuler, HDA, стр. 16), где по отношению к «дворцовой женщине» дается деление на «знатную, благородную» женщину (*ELLU*) и на противопоставленную ей женщину низкого ранга (*SAL. SUHUR. LAL*).

В одном аккадском тексте из Угарита (PRU 4, 83, 52) «свободный человек» из Хатта (LU *ellu*) назван рядом с царевичем (*mār Jarrī*), т. е. этот последний не рассматривался как «свободный», видимо, по той причине, что представлял царской семьи образовали самый привилегированный слой хеттского общества. В связи с царевичем «свободный человек» упомянут и в документе, составленном от имени Хаттусили III по поводу его конфликта с Урхи-Тесупом (КВо VI 29 III 34—37) и являвшемся параллельным текстом «Автобиографии Хаттусили». Согласно этому документу, царь имел право пожаловать царевичу не только депортированного (NAM.RA), но и «свободного человека» (LU *ELLU*), по-видимому, для какой-то службы у царевича. Поэтому предполагается, что до пожалования тот же «свободный человек» служил самому царю, т. е. являлся каким-то должностным лицом. Следовательно, и царские служащие рассматривались как «свободные люди». По всей вероятности, такими могли быть царские служащие как высшего, так и среднего или даже низкого рангов («господа страны», начальники округа», «градона начальники и т. д.), разные представители дворцовой администрации — придворные (не только «великие *meshedi*», «великие (над) сыновьями дворца и другие, названные в текстах общим термином LU^{MEŠ} GAL-GAL — «великие люди», по-аккадски *KABOTI*, но и сами *meshedi* и т. д.).

К числу «свободных людей» могли относиться и «люди (служители) храма», в основном жречество — «великие (или священные) жрецы» и «малые» жрецы, а также «матери богов» и другие лица. С уверенностью можно предположить, что «свободными людьми» были представители знати многочисленных поселений, входившие в общее название LU^{MEŠ} URU «люди поселений» и т. д.

Не вызывает никаких сомнений и причисление к «свободным» военно-служилых людей разного ранга, в первую очередь так называемых «господ» (EN^{MEŠ} = *BE LU^{MEŠ} I.A*), «почтенных» (LU^{MEŠ} DUGUD) и др. Однако если отнесение этих высокопоставленных лиц к «свободным» все же и не доказывается документально, то мы имеем прямое указание (КВВ XXIII 68, обор. стор., 1—3) на то, что именно на рядов «сынов свободных» (DUMU^{MEŠ} *ELLUTIM*) формировался определенный вид хеттского войска — отряды тяжеловооруженных (ERIN^{MEŠ} UKU.US), в состав которых не могли входить ни «свободный» («раб» — IR), ни наемник (LU^{MEŠ} *kusanattalla*). Разумеется, начальники таких отрядов, названные в текстах как GAL^{MEŠ} ERIN^{MEŠ} UKU.US, также были бы «свободными».

Круг людей, названных хеттами «свободными», был, вне сомнений, более широким. Однако пока не удается выявить с точностью каждого представителя «свободных» слоев, входивших в хеттском обществе, как это видно из ХЗ, социально-высокое положение. Дальнейшее изучение данных хеттских источников безусловно прольет больше света на интересующий нас вопрос.

DIE BEGRIFFE «FREIE» UND «UNFREIE» BEI DEN HETHITERN

In einem unlängst erschienenen Artikel hat H. G. Güterbock¹ versucht, eine zu unserem Beitrag in direkter Beziehung stehende Frage zu lösen, nämlich die Frage, was unter den Ausdrücken *ELLU(M)* und *İR* in den hethitischen Texten im allgemeinen und in den hethitischen Gesetzen insbesondere verstanden wurde. Obwohl wir mit H. G. Güterbock vollkommen einverstanden sind, daß es wesentlich leichter ist eine solche Frage zu stellen, als sie zu beantworten, wollen wir doch unsere Meinung über diese Frage darlegen — über diese Frage, die wahrscheinlich noch lange eine Streitfrage unter den Hethitologen bleiben wird.

Es ist äußerst bemerkenswert, daß zur Bezeichnung des sozial freien Menschen, dem die sozial unfreie, abhängige Person — *İR* gegenübergestellt wurde, in den hethitischen Dokumenten juristischen und politischen Inhalte gewöhnlich nicht einfach das Wort «Mensch»² benutzt wurde (akkadisch *asulum*, sumerisch *UKÜ, LÜ* oder *LÜ.ULÜLU*, hethitisch *antuhša-*), wie das z. B. in den mesopotamischen juristischen Quellen geschieht, sondern der

* Г. Гюргадзе.

¹ H. G. GÜTERBOCK: Bemerkungen zu den Ausdrücken *ellum, wardum* und *asulum* in hethitischen Texten. Gesellschaftsklassen im Alten Zweistromland und in den angrenzenden Gebieten, XVIII. Rencontre assyriologique internationale (München, 29. Juni bis 3. Juli 1970). München 1972, S. 93—97. Die uns interessierende Frage ist auch in den neuesten Arbeiten von V. KOROŠEC und F. CORNELIUS erwähnt. S. z. B. F. CORNELIUS: Das Hethiterreich als Feudalstaat. Gesellschaftsklassen im Alten Zweistromland . . . S. 31—34; V. KOROŠEC: Einige Beiträge zur gesellschaftlichen Struktur nach hethitischen Rechtsquellen. Gesellschaftsklassen . . . S. 105—III.

² In den hethitischen Gesetzen (J. FRIEDRICH: Die hethitischen Gesetze. Leiden 1959; F. IMPARATI: Le leggi ittite. Roma 1964) sind nur vereinzelt Fälle enthalten, in denen nur das Wort «Mann» (*LÜ*) oder «Frau» (*SAL*) zur Bezeichnung von Personen sozial freier Abstammung benutzt wird. S., z. B., § 1. Dies läßt sich aus der Tatsache feststellen, daß *LÜ* oder *SAL* schon im nächsten Paragraphen (§ 2) den Termini *İR* und *GEME* gegenübergestellt wird. Manchmal ist aber unter dem Terminus *LÜ.ULÜLU* (oder *UKÜ*) der «Mensch» gemeint, anscheinend sowohl sozial freier, als auch unfreier Abstammung (§§ 6; 10; 19A; 25 usw.). In solchen Fällen werden sowohl dieser Terminus, als auch das Wort *kuiški* «irgendem; jemand», die einen Sammelbegriff darstellen, in der Regel, dem Terminus *İR* nicht gegenübergestellt.

Ausdruck «freier Mensch» — LÚ *ELLU(M)*,³ der akkadisch als *ayīlu(m)*⁴ *llu(m)* gelesen werden muß.

Als Varianten dieses Terminus treten in den hethitischen Gesetzen LÚ.ULÚLU *ELLU(M)*,⁵ oder UKÜ *ELLU(M)*⁶ auf. Geht man von der Schreibweise LÚ.ULÚLU *-aš ELLU(M) -aš* und anderen aus, in denen die uns intersiezierenden Sumero- und Akkadogrammen zusammen mit den hethitischen phonetischen Komplementen *-aš* oder *-an* (d.h. den Endungen des Nominativs oder Akkusativs)⁷ geschrieben werden, so wird es klar, daß der Terminus LÚ *ELLU(M)* (mit Varianten) hethitisch wörtlich als *arayaš antuḫšaš* «der freie Mensch» gelesen wurde. Aber diese letzte Form wurde in den hethitischen Texten nicht benutzt, jedenfalls als juristischer Terminus. Wie bekannt, entsprach dem Ausdruck LÚ *ELLU(M)* die hethitische Form *arayani* — «der (die) Freie», die in den hethitischen Gesetzen gleichfalls dem Ausdruck *İR*, d.h. dem «unfreien (Mann)»⁸ gegenübergestellt wurde.

Das Vorkommen des Adjektivs *ELLU(M) / araya* «frei» in Verbindung mit LÚ «Mensch» (oder UKÜ und LÚ.ULÚLU) wird von den Forschern als unumstößlicher Beweis der sozialen Freiheit dieses «Menschen» verstanden, woran wirklich nicht zu zweifeln ist.⁹ Allerdings reicht unserer Meinung nach allein die Feststellung dieser Tatsache nicht aus, um den Grund des Vorkommens des Wortes «frei» in Bezug auf den Ausdruck LÚ *ELLU(M)* zu erklären. Der Vergleich von Angaben einer ganzen Reihe hethitischer Texte bestätigt, daß der Ausdruck «freier Mensch» außer dem sozialen, auch einen bestimmten ökonomischen Aspekt enthielt, da damit u. E. gemeint war, wovon dieser «Mensch» «frei» war, oder aber, warum und wann er als sozial frei angesehen werden konnte.

All dies ist äußerst wichtig zur Klärung der für uns nicht weniger wichtigen Frage: wen nannten die Hethiter «Unfreie», d.h. *İR*? Drückte diese «Unfreiheit» nur die soziale Unfreiheit einer abhängigen Person aus, oder schloß sie gleichzeitig einen ökonomischen Aspekt ein?

Die Vorstellungen der Hethiter von dem Begriff «freier Mensch» kann man z.B. nach einigen Angaben der zwischen Muršili II und den Regenten der

³ LÚ *ELLU(M)* oder SAL *ELLU(M)* werden in folgenden Paragraphen der hethitischen Gesetze benutzt: §§ 3; 17; 31; 35 usw.

⁴ Diese letzte Form ist in den hethitischen Texten, soweit uns bekannt, nicht anzutreffen.

⁵ §§ 7; 11 und seine Variante; § 13 mit der Variante; § 15 usw.

⁶ S., z.B., die Varianten der §§ 11 und 15.

⁷ Vgl. § 11, 13 mit den Varianten usw.

⁸ S. §§ 101; 191; 194; 195 B.

⁹ Daher wird LÚ *ELLU(M) / arayani* in Wörterbüchern und verschiedenen hethitologischen Arbeiten als «Freie, Adlige; Vornehmer; noble» übersetzt. S., z.B., F. SOMMER: Die Ahhijavā-Urkunden, München 1932. S. 344 ff.; E. H. STURTEVANT: Hittite Glossary. Philadelphia 1936, S. 14, 17; J. FRIEDRICH: Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg 1952. S. 29, 307 usw. S. auch «The Assyrian Dictionary». Chicago 1956. E. S. 105; W. v. SODEN: Akkadisches Handwörterbuch. Wiesbaden 1960. Lief. 3, S. 205 u. a. (in den obengenannten Arbeiten sind Hinweise auf die frühere Literatur enthalten).

Hethiter-Vasallenstaaten Ḫapalla und Mirā-Kuḫaliḫa abgeschlossenen politischen Verträge beurteilen. Im Vertrag zwischen Muršili und Targasnalli von Ḫapalla lesen wir:¹⁰

35. [ŠA] LŪMU-NAB-TI-ma ŠA-PAL NI-IŠ DINGIRLIM QA-TAM-MA
ki-it-ta-ru ma-a-an-kán LŪMU-NAB-TUM IŠ-TU KUR[URUḪa-at-ti]
36. [LŪptt-t]i-ḫa-an-ti-li ú-iz-zi na-an ḫa-ra-a da-a na-an-mu pa-ra-a pa-a-i
ma-a-an-kán IŠ-TU KUR URUḪ[a-pal-la]
37. [...] ŠA LŪ GIŠTUKUL GÍD.DA na-aš[-ma] LŪEL-LU(M) I-NA
KUR URUḪa-at-ti ku-iš-ki LŪptt-ti-ḫa-an-ti-li ú-i[-z-zi]
38. [na-an-t]a EGIR-pa Ū-UL pt-ib-ḫi IŠ-T[U KUR] URUKŪ.BABBAR-ti
LŪMU-NAB-TUM EGIR-pa pt-ḫa-an-na Ū-UL a-a-ra
39. [ma-a-na]-aš LŪAPIN.LAL-ma na-aš-ma-aš LŪ[UŠ.BAR] LŪNAGAR
LŪAŠGAB ku-i-ḫa-aš im-ma ku-iš EN QA-TI nu-za-kán KIN Ū-UL
ú[-da-i]
40. [na-aš] ḫu-u-ḫa-a-i na-aš I-NA KUR URUḪa-at-ti ú-iz-zi na-an ḫa-ra-a
da-aḫ-ḫi na-an-ta EGIR-pa pt-ib-ḫi]
35. «[Betreffs] eines Flüchtlings aber soll es ebenso unter Eid gelegt sein:
Wenn ein Flüchtling aus dem Lande [Ḫatti]
36. [flüch]tenderweise kommt, so nimm ihn fest und liefere ihn mir aus.
Wenn aus dem Lande Ḫ[apalla]
37. [ein...] eines LŪ GIŠTUKUL GÍD.DA oder irgendein freier Mensch in
das Land Ḫatti flüchtenderweise ko[mmt],
38. [so] gebe ich [ihn d]ir nicht zurück: Au[s dem Lande] Ḫatti einen Flücht-
ling zurückzugeben ist nicht recht.
39. [Wenn] er (d.h. der Flüchtling) aber ein Pflüger, oder ein Weber, Zimmer-
mann, Lederarbeiter (oder) was immer für ein Handwerker (ist) und
er keine Arbeit l[iefert (?)]
40. [und er] flieht und er in das Land Ḫatti kommt, so nehme ich ihn fest
und gebe ihn dir zurück.»

Dieser Paragraph aus dem obengenannten Vertrag ist beinahe wörtlich im Vertrag zwischen Muršili II und Kupanta-^dKal, dem Regenten von Mirā und Kuḫaliḫa¹¹, angegeben.

In den angeführten Stellen der Verträge ist die Teilung der Flüchtlinge in zwei Kategorien¹² bemerkenswert, nämlich in erster Linie in LŪ ELLU(M)

¹⁰ KBo V 4 Vs. 35—40 (Cat. 87) = J. FRIEDRICH: Staatsverträge des Ḫatti-Reiches in hethitischer Sprache. I. Teil. Leipzig 1926, S. 58 f., § 7.

¹¹ KUB VI 44 IV 34—35 (Cat. 68) = J. FRIEDRICH: Staatsverträge . . . , I, S. 138 ff., § 23 (S. auch KUB XLIX 54 I 3—7). Einzelne Wörter des Schlußteiles dieses Paragraphen blieben im KBo IV 7 IV 1—3 erhalten.

¹² Darauf machte schon J. FRIEDRICH, der erste Herausgeber der uns interessierenden Verträge, aufmerksam, nach welchem die Teilung der Flüchtlinge in «vornehme» und «geringe» Leute der im Vertrag mit Ramses II bezugten Teilung der Flüchtlinge entsprach: J. FRIEDRICH: Staatsverträge . . . , I, S. 85.

freier Mensch» und in... ŠA LÚ GISTUKUL GÍD.DA, einerseits, und in Menschen, die weder LÚ ELLU(M), noch ... ŠA LÚ GISTUKUL GÍD.DA¹³ waren, andererseits. In der Zahl dieser Menschen waren die Pflüger, Weber, Zimmermann, Lederarbeiter und «was immer für einen Handwerker», d.h. Leute, die mit landwirtschaftlichen oder Handwerksarbeiten beschäftigt waren, enthalten. Wie man sieht, fehlt im Text eine allgemeine Bezeichnung der mit LÚ ELLU(M) verglichenen Menschen.

Die Teilung der Flüchtlinge in zwei Kategorien ist auch in anderen hethitischen Texten bezeugt, von denen wir unten eine Stelle aus dem Vertrag der Hethiter mit den Kaškäern anführen, wo bemerkt ist:¹⁴

52. [ma-a-an-kán IŠ-TU KUR URUḪa-at-ti] pít-te-ja-an-za I-NA KUR URUKa-aš-ga ták-šu-la-aš URU-ja ú-iz-zi
53. [na-aš ma-a-an IR-iš nu] ŠA BE-LI-ŠU a-aš-šu-u ú-da-i na-aš-ma-aš LÚ GISTUKUL nu ŠA LÚTAP-PI-ŠU a-aš-šu-u ú-da-(i)
54. [nu a-aš-šu-u EGIR-pa pí-i]š-ten a-pa-a-ša pít-te-ja-an-za šu-ma-a-aš e-eš-tu ma-a-an-kán a-pi-e-iz-zi-ja ták-šu-la-aš.
55. [I-NA KUR URUḪa-at-ti ku-iš-ki ú-iz-zi] na-aš-ma-an I[R-iš] nu ŠA BE-LI-ŠU Ū-NU-TEMEŠ ú-da-i na-aš-ma-aš LÚEL-LU(M) nu ŠA LÚTAP-PI-ŠU
56. [Ū-NU-TEMEŠ ú-da-i nu] Ū-NU-TEMEŠ EGIR-pa pí-i[-ú-e-ni] pít-te-an-da-an-na-aš-ma-aš EGIR-pa Ū-UL pí-i-ú-e-ni
52. «Wenn aus dem Lande Ḫattji ein Flüchtling ins Kaška-Land in eine befreundete Stadt kommt,
53. [und wenn er ein Unfreier (ist) und] das Gute seines Herrn (mit)bringt, oder (wenn) er ein LÚ GISTUKUL (ist) und das Gute seines Gefährten (mit)bringt,
54. [so ge]bt [das Gute zurück], aber jener Flüchtling soll euch gehören. Und wenn von dort [ein] Befreundeter
55. [ins Ḫatti-Land komm]t, und wenn er ein Un[freier] (ist) und die Geräte seines Herrn (mit)bringt, oder (wenn) er ein freier Mensch (ist) und seines Gefährten
56. [Geräte (mit)bringt, so werden wir euch die] Geräte zurückgeben, und den Flüchtling werden wir euch nicht zurückgeben.»

In dem betrachteten Text interessiert uns besonders jene Tatsache, daß bei der Teilung der Flüchtlinge folgende Gegenüberstellung gegeben wird:

¹³ Aus Z. 37 des Vertrages von Muršili und Targašnalli ist gut zu sehen, daß ... ŠA LÚ GISTUKUL GÍD.DA nicht LÚ ELLU(M) ist, da sie nebeneinander aufgezählt sind. Wer tatsächlich unter ... ŠA LÚ GISTUKUL GÍD.DA gemeint ist, läßt sich vorerst nicht bestimmen.

¹⁴ KUB XXIII 77 Vs. 52—56 (Cat. 138) = F. SOMMER—A. FALKENSTEIN: Die hethitisch-akkadische Bilingue des Ḫattušili I. (Labarna II), München 1938. S. 130; E. v. SOHLER: Die Kaškäer, Berlin, 1965. S. 120 (§ 24).

die Flüchtlinge aus Ḫatti in das Land der Kaškäer sind in *İR* «Unfreie» und in *LÜ GIŠTUKUL* geteilt, während Menschen, die aus dem Land der Kaškäer nach Ḫatti geflohen waren, in *İR* «Unfreie» und in *LÜ ELLU(M)* «freier Mann» geteilt wurden. Ein Vergleich dieser Angaben zeigt, daß *İR* «den Unfreien» im ersten Fall der *LÜ GIŠTUKUL*, im zweiten — *LÜ ELLU(M)* «der freie Mann» gegenübergestellt wird. Daraus wird erstens klar, daß die *LÜ GIŠTUKUL* von den Hethitern nicht als «unfreie» Person angesehen wurden und zweitens, *LÜ GIŠTUKUL* beim Vergleich durch den Terminus *LÜ ELLU(M)* ersetzt werden kann.

Dies alles spricht zugunsten der Annahme, daß die Hethiter im Prinzip *LÜ GIŠTUKUL* zu den «freien» und nicht zu den «unfreien» Personen zählten, was, zum Beispiel, auch durch andere Angaben hethitischer Quellen, darunter auch hethitischer Gesetze,¹⁵ bestätigt wird und worauf wir hier nicht weiter eingehen.

Die Teilung der Flüchtlinge in «unfreie» (*İR*) und «freie» (*LÜ ELLU(M)* ODER *LÜ GIŠTUKUL*), wie sie im Vertrag mit den Kaškäern gegeben ist, ist nicht ohne Interesse in Verbindung mit der Teilung der Flüchtlinge in den oben betrachteten Verträgen der Hethiter mit den Regenten der Vasallenländer — Ḫapalla und Mirā-Kuḫalija. Auf Grund der Analogie des Vertrags mit den Kaškäern kann man auch hier darauf schließen, daß der Pflüger, Weber, Zimmermann und andere Leute der Verträge mit Kupanta-^dKAL und Targasnalli, die in denselben Texten dem «freien Menschen» *LÜ ELLU(M)* (und auch... *ŠA LÜ GIŠTUKUL GIŠ.DA*) gegenübergestellt sind, «unfreie» — *İR* waren. Folglich werden in den Verträgen mit Ḫapalla und Mirā-Kuḫalija die Flüchtlinge gleichfalls in zwei Kategorien — «freie Männer» und «unfreie»¹⁶ geteilt.

Auf Grund des Gesagten ist es unbestreitbar, daß die Teilung der Flüchtlinge, die sich in den oben betrachteten politischen Verträgen widerspiegelte, der in der hethitischen Gesellschaft bestehenden sozialen Teilung der Menschen entsprach. Anschauliche Beispiele einer solchen Teilung der Gesellschaft blieben, wie bekannt, in den hethitischen Gesetzen erhalten, in denen dem «Freien» [*LÜ ELLU(M)*] gewöhnlich der «Unfreie» (*İR*)¹⁷ gegenübersteht.

Nach all hier Vermerkten zieht eine andere, in diesem Fall wichtigere Seite der Teilung der Flüchtlinge, die auch in den Verträgen selbst an erster Stelle steht, die Aufmerksamkeit auf sich. Dies ist — die Teilung der Flücht-

¹⁵ Vgl., z.B., die Angaben der Paragraphen 40–41 einerseits und §§ XXX–XXXI andererseits, woraus folgt, daß der Terminus *LÜ GIŠTUKUL* durch den Terminus *LÜ ELLU(M)* ersetzt werden kann. H. G. GÜTERSOCK zählt *LÜ GIŠTUKUL* zur Gruppe der unfreien Leute (GÜTERSOCK: Bemerkungen . . . S. 95). Nach V. KOROŠEC muß noch festgestellt werden, ob sie zu den freien oder halbfreien gehörten (KOROŠEC: Einige Beiträge . . ., S. 106). Unserer Meinung nach gehörten zu den Unfreien nicht *LÜ GIŠTUKUL*, sondern Personen, die einfach *GIŠTUKUL* genannt wurden.

¹⁶ Der Verfasser des Textes zählt alle Vertreter der «Unfreien» auf, statt sie einfach mit dem gemeinsamen Terminus *İR* zu kennzeichnen.

¹⁷ Vgl. §§ 3–4; 7–8; 11–12 und viele andere.

linge in solche, die, anscheinend infolge Arbeitspflicht (Pflüger, Weber usw.) beschäftigt waren, aber aus uns unbekanntem Gründen sich davon absagten — «keine Arbeit lieferten» — und wegliefen,¹⁸ einerseits, und solche, die ihnen gegenübergestellt waren, d.h. Menschen, die sich nicht mit produktiver Arbeit beschäftigten, frei von jeder Arbeitstätigkeit überhaupt waren. Gerade die Vertreter dieser letzteren sind in den Verträgen LÚ ELLU(M) «freier Mann» (oder auch ...ŠA LÚ GIŠTUKUL GÍD.DA) genannt.

Folglich können wir auf Grund einer Analyse der Angaben der von uns untersuchten Stellen verschiedener Verträge die Annahme aussprechen, daß die Hethiter einen Menschen, der nicht mit produktiver Arbeit beschäftigt, d.h. frei von jeglicher Arbeitstätigkeit war, einen «freien Mann» — LÚ ELLU(M), nannten, während die übrigen Menschen, die Arbeits- oder sonstige Pflichten leisteten, d.h. von produktiver Arbeit nicht frei waren — «unfreie» (İR) waren.

All dies führt uns dem Gedanken nahe, daß das Vorkommen des Adjektivs ELLU(M)/araya-«frei» in Verbindung mit «Mensch» außer der sozialen Freiheit einer bestimmten Person auch deren Freiheit von Pflichten überhaupt (darunter auch Arbeitspflicht) voraussetzt, was durch eine Reihe anderer hethitischer Texte bestätigt wird.

Zu diesem Zwecke wenden wir uns in erster Linie an die §§ 50, 51 und 56 der hethitischen Gesetze. In § 50 lesen wir:

58. LÚ UK-KI-E ku-iš URU Ne-e-ri-ik-ki ta-ru-uš-zi ku-iš URUA-[ri-in-na]
 59. [k]u-iš URUZi-ip-la-an-ti LÚSANGA-eš I-NA URUDIDLİ hu-u-ma-an-t[i]
 60. ÉHI-A.ŠU-NU EL-LU Û LÚMESŠ HA.LA.ŠU-NU lu-uz-zi kar[-pt-ja-an-zi]
 61. ma-a-an URUA-ri-in-na II ITU-aš ti-iz-zi nu a-pt-e[-el É-ZU]
 62. ku-e-la GIŠe-ja-an a-aš-ki-iš-ši ša-ku-ya-a-an a[-ra-a-u-ya-an]
 58. «Der UKKĒ, der in Nerikka mächtig (?) ist, wer in A[rinna],
 59. wer in Ziplanta Priester (ist), in allen Städten
 60. (sind) ihre Häuser frei, und ihre Teilhaber le[isten] luzzi.
 61. Wenn in Arinna der II. Monat eintritt, so (ist) desse[n Haus],
 62. an dessen Tore GIŠeia- sichtbar (ist), f[rei]».¹⁹

Ein besonderes Interesse erweckt § 51:

3. ka-ru-ú ku-iš URUA-ri-in-na LÚUŠ.BAR ki-i[-ša-at Û É-ZU a-ra-u-ya-an
 LÚMESŠ HA.LA.ŠU]

¹⁸ Die Flucht von den Dienstpflichten war auch für die anderen altorientalischen Gesellschaften eine charakteristische Erscheinung. Für das Alte Babylon s. J. RENGEL: Flucht als soziales Problem in der altbabylonischen Gesellschaft. Gesellschaftsklassen . . . , S. 167—182.

¹⁹ Für Text und Übersetzung dieses Paragraphen (und auch der §§ 51 und 56) s. FRIEDRICH: Die hethitischen Gesetze und IMPARATI: Le leggi ittite.

4. *Û LÛMES NI-SÛ-Û-SÛ a-ra-u-e-eš ki-n[u-na Ê-ZU-pát EL-LU(M) LÛMES HALA-SÛ]*
 5. *Û LÛMES NI-SÛ-Û-SÛ ša-ab-ša-an lu-u[z-zi kar-pí-an-zi]*
 6. *URUZi-ip-pa-la-an-ti-ja QA-TAM-[MA-pát]*
 3. «Früher, wer in Arinna (als) Weber wu[rde, (war) sein Haus frei, seine Teilhaber]
 4. und seine Menschen (waren auch) frei. [Und] je[tzt (ist) nur sein Haus frei. Seine Teilhaber].
 5. und seine Menschen [leisten] *šaḫḫan* (und) *lu[zzi]*.
 6. Auch in Zippalanda (ist es) eben[so]». ²⁰

Hier führen wir auch 56 an:

24. *A-NA BÂD-ni KASKAL LUGAL [tak-šu]-ya-an-zi GIŠSAR.GEŠTIN tuš-šu-u-ya-an-zi [ŠA LÛURUDU.NAGAR]*
 25. *Û-UL ku-iš-ki a-ra-u-ya-aš L[ÛMES GIŠ.NU].SAR (bu-u-ma-an-ti-ja-pát lu-uz-zi [kar-pí-an-zi])*
 24. «Gegen eine Festung einen Königszug zu [untern]ehmen, einen Weingarten abzuernten, ist [von den Kupferschmied(en)]
 25. niemand frei. Auch die Gärtner gänzlich leisten *luzzi*». ²¹

Wie zu sehen, wurde das Adjektiv *ELLU(M)/arayya- «frei»* in Bezug auf solche Wirtschaften (Ê — «Häuser») oder Personen benutzt, die von Staatspflichten, und zwar von der *šaḫḫan* (d.h. Naturalleistung) und *luzzi* (d.h. Arbeitspflicht) befreit waren. Jene Wirtschaften oder Personen, denen durch die zentrale Macht diese Freiheit entzogen wurde, hörten auf «frei» zu sein und begannen die *šaḫḫan* und *luzzi* zu leisten, d.h. wurden «unfrei». Es besteht kein Zweifel, daß sich die «Freiheit» in der Befreiung von den Pflichten zur Ausführung der *šaḫḫan* und *luzzi* äußerte, ²² was aus dem Vergleich der Angaben des § 51 gut zu sehen ist. Nach diesem Paragraph waren die Wirtschaft eines Webers und dessen Teilhaber oder «Menschen» «früher frei», während «jetzt» nur noch die Wirtschaft des Webers selbst frei war, alle übrigen aber die von den *šaḫḫan* und *luzzi* gemeinten Pflichten auszufüllen begannen. Folglich

²⁰ *LÛMES NIŠU* der ZZ. 4—5 übersetzen wir wörtlich — «Menschen; Leute». Zu diesem s. G. G. GJORGADZE: Очерки по социально-экономической истории хеттского государства. Tbilisi 1973, S. 26 ff.

²¹ *bu-u-ma-an-ti-ja-pát* (auch gänzlich).

²² Eine Reihe von Forschern schenkte auch diesem Beachtung. Nach ihnen bestand die «Freiheit» in einer Befreiung von (Arbeits-)tätigkeit (FRIEDRICH: Hethitisches Wörterbuch, S. 29) oder von verschiedenen Pflichten (s. z. B., GÜTERBOCK: Bemerkungen . . . , 96; H. FREYDANK: Zu den §§ 54/55 der hethitischen Gesetze. Beiträge zur sozialen Struktur des Alten Vorderasien. Berlin, 1971, S. 106). Bezüglich der Befreiung von den Verpflichtungen überhaupt s. A. GOETZE: Kleinasien. München 1957, S. 108; E. v. SCHÜLER: Staatsverträge und Dokumente hethitischen Rechts. Neuere Hethiterforschung (herausg. von G. WALSER.) Wiesbaden, 1964, S. 50 und andere.

waren sie nicht mehr «frei», waren «unfrei» (IR) geworden. Als solche verblieben die Kupferschmiede und Gärtner (§ 56), da niemand von ihnen während der Feldzüge des Königs von der *luzzi* befreit wurde.

Ein analoges Bild zeichnet sich auch in den sogenannten «Freibriefen»²³ ab. Nach diesen Dokumenten äußerte sich die «Befreiung» («frei werden») gerade in der Freiheit von der Ausführung verschiedener Pflichten zugunsten des Königs oder der königlichen Angestellten u.a.²⁴ Durch einen speziellen Erlaß des Königs (oder Palastes) wurden von verschiedenen *šahḫan* und *luzzi* befreit, z.B., das sogenannte Steinhaus mit dem Arbeitspersonal, die Wirtschaft religiöser Bestimmung Ḥekur-Pirwa (anscheinend gleichfalls mit dem Personal), die der Göttin Ištar (von) Šamuḫa gehörige Wirtschaft («Haus»), die Wirtschaften einzelner bedeutender königlicher Angestellten usw. (Das Arbeitspersonal der Wirtschaften der königlichen oder Tempelangestellten wurde, anscheinend, nicht befreit. Befreit wurden nur die Inhaber der Wirtschaften. Vgl. z. B. die Angaben der §§ 50 und 51 der hethitischen Gesetze.)

Faßt man alles oben gesagte zusammen, so kann man feststellen, daß der Ausdruck LÜ *ELLU(M)* «freier Mensch» von Anfang an — vom alten Hethiterreich her — gerade den ökonomischen Aspekt einschloß, indem er Personen bezeichnete, die vom König (Palast) von den Staatspflichten *šahḫan* und *luzzi* befreit waren. Anscheinend begann dieser Terminus nur ganz allmählich auch auf die soziale Lage der Menschen hinzuweisen und verwandelte sich im Weiteren in einen Ausdruck zur Bezeichnung, in der Hauptsache, sozial freier Personen. Gerade aus ihnen bestand die oberste herrschende Schicht der Gesellschaft.²⁵ Das waren, aller Wahrscheinlichkeit nach, die königlichen Angestellten, verschiedene Vertreter der Administration, Tempelangestellten und andere, die, wie H. G. Güterbock auf Grund eines Vergleichs der Angaben der §§ IV und 6 der hethitischen Gesetze bemerkt, Großgrundbesitzer sein konnten.²⁶

Neben dem obengenannten muß der Umstand beachtet werden, daß ein Mensch, der von der *šahḫan* und *luzzi* zugunsten des Königs (*šahḫan luzzi ŠA LUGAL*), «des Herren des Landes» (*šahḫan luzzi ŠA EN KUR*), des Grenzschutzkommandanten (*šahḫan luzzi ŠA EN MADGALTI=ELKI EN MADGALTI*) und Stadtvorstehrs (*ELKI MAŠKIM URUKI*) befreit ist, nicht immer zur sozial freien Person — LÜ *ELLU(M)* wurde. Den Status eines sozial freien Menschen erhielt in der Regel der von den obengenannten *šahḫan* und *luzzi* befreite unmittelbare Produzent nicht (z.B. die Bediensteten der Tempelwirtschaften, des Steinhauses oder anderer religiöser Anstalten), da

²³ KBo VI 28 Rs. 22—27; 29 III 18—27; KUB XXVI 58 I 7—13; 43 II 8—14 usw.

²⁴ Bezüglich dieser «Freibriefe» s. SCHULER: Staatsverträge . . ., S. 49 f.

²⁵ Die oberen Gesellschaftsschichten wurden von den Staatspflichten, wie bekannt, schon in den frühen Epochen befreit. Als Beispiel kann die altbabylonische Gesellschaft angeführt werden. S., z.B., RENGEB: Flucht als soziales Problem, S. 168, Anm. 3.

²⁶ GÜTERBOCK: Bemerkungen . . ., S. 97.

er nicht frei von der Ausführung der Pflichten zugunsten der Tempel oder kultischer Anstalten, d.h. von den *šahhan* (und) *luzzi* des Gottes» (*ŠA DINGIR LIM šahhan luzzi*), blieb.

In solchen Fällen wurden die unmittelbaren Produzenten (Pflüger, Hirten, Schafhirten usw.), nach ihrer Befreiung von der *šahhan* und *luzzi* zugunsten des Königs und anderer Personen, den obengenannten Wirtschaften der kultischen Anstalten angeschlossen, wobei sie als sozial unfreie Menschen — *İR* betrachtet wurden, obwohl sie nicht als Sklaven galten. Damit ist es zu erklären, daß das Adjektiv *ELLU(M)/araya-«frei»* oder die Verben *araya-«frei»* werden» und *arayaḫḫ-«befreien»* oft in Bezug auf Menschen benutzt wurden, die überhaupt nicht sozial frei waren. Gerade deswegen wurde in Bezug auf solche Leute bei der Befreiung von den königlichen Pflichten nur das Adjektiv *ELLU(M)/araya-«frei»* und die *LÚ ELLU(M)* «freier Mann» benutzt.

Zum sozial freien Menschen wurde, höchstwahrscheinlich, nur der, der persönlich (und nicht das Arbeitspersonal seiner Wirtschaft) von den Pflichten nicht nur zugunsten des Königs (Palastes) oder bedeutender Staatsangestellten, sondern auch zugunsten des Tempels und einzelner kultischer Anstalten befreit wurde. Der «(von allen Pflichten) freie Mann»²⁷ wurde zum «angesehenen, ehrenvollen Edelmann», für den die Arbeitstätigkeit schon zur schändlichen Beschäftigung oder zu einer der Strafformen wurde (einen Menschen von sozial freier Abstammung, der sich an etwas vergangen hatte, konnte der König dadurch bestrafen, daß er ihn zum Pflüger oder Hirten machte).²⁸

Im Lichte dieser Darlegungen, müßte man als «Unfreie» (*İR*) einen Menschen ansehen, der von der Erfüllung wenn auch nur einer der oben genannten Staatspflichten nicht befreit ist und daher auch sozial unfrei ist. Die «Unfreien», die weite Kreise der arbeitenden Bevölkerung umfaßten (Pflüger, Hirten, Handwerker, Gärtner und viele andere), stellten die unterste soziale Schicht von *Ḫatti* dar.

Dasselbe ist sehr wesentlich auch für die Klärung des Inhalts des Terminus *İR* «Unfreie», dessen eindeutige Auslegung als «Sklave» oft zu Mißverständnissen und Verwicklungen führt, denn man erfährt, daß solche *İR* — die unmittelbaren Produzenten — Staatspflichten trugen, juristische Personen — Subjekte des Rechts, Besitzer von «Häusern» (Wirtschaften) waren, die ihre Familien, bewegliches Eigentum, darunter Sklaven im engeren Sinne des Wortes, besaßen usw. Solche *İR* sind klar als Hörige anzusehen.

²⁷ Unsere Annahme in Bezug auf den Begriff «freier Mensch» stimmt vollkommen mit der Meinung von E. NEUFELD überein, der schrieb: «... a man was only *EL-LUM* if he was completely free without being subject to any obligations...» (E. NEUFELD: *The Hittite Laws*. London 1951. S. 121, Anm. 37). Vgl. aber F. CORNELIUS: *Das Hethiterreich als Feudalstaat*, S. 33: «Der *ELLU* der Hethiter ist ebenso wie der Marianni der Hurriter der Mann, der ein Kriegspferd besitzt».

²⁸ Vgl., z. B., die Angaben § 26 im «Telipinu-Erlass». Vgl. auch (?) KUB XXVI 43 Vs. 49 ff.

Daraus darf natürlich nicht geschlossen werden, daß unter dem Terminus *İR* «unfreie» ausschließlich diese letzteren gemeint sind. Wie bekannt, gibt es nicht wenige Anhaltspunkte, die darauf hinweisen, daß die *İR* auch Sklaven mitumfassen. Dies läßt sich so erklären, daß das Sumerogramm *İR* bei den Hethitern verschiedene Formen der Abhängigkeit, ²⁹ einschließlich Sklaverei, Hörigkeit, Miete u.a. bezeichnete.³⁰

²⁹ Von den letzten Arbeiten weisen wir hier nur noch auf die Arbeiten von V. KOROŠEK und F. CORNELIUS hin. In dem Artikel von V. KOROŠEK ist bemerkt, daß der Terminus *İR* in den hethitischen Gesetzen nicht nur in engerem Sinne zur Bezeichnung von Sklaven benutzt wurde, sondern in seiner umfassenderen Bedeutung zur Bezeichnung der «halbfreien» (KOROŠEK: Einige Beiträge . . ., S. 111. Ibidem, Hinweise auf Quellen und andere Arbeiten). Nach F. CORNELIUS bezeichnet *İR* einen untergeordneten Menschen jeglicher Art, in den Rechtsdokumenten aber — einen «Hörigen» und nicht Sklaven (CORNELIUS: ibidem, S. 31).

³⁰ Bezüglich der verschiedenen Formen nach Angaben in der hethitischen Gesetze s. GIORADZE: *Освѣта . . .*, S. 259 ff.

É^(MRS) LUGAL in den hethitischen Keilschrifturkunden*

Neben dem Sumerogramm É.GAL (akkad. ekallum) „Palast“, dessen Gebrauch in hethitischen Keilschrifttexten zur Bezeichnung eines politischen und gerichtlich-administrativen Zentrums des Landes in der Hauptstadt der Hethiter Ḫattuša (É.GAL UR^UPA-ti), verschiedener ökonomischer Zentren der Palast- bzw. Königswirtschaft in peripheren Siedlungen (É.GAL^{UL}A, É.GAL UR^UX)¹ sowie einer Residenz des Königs der Hethiter in der Hauptstadt üblich war, ist in hethitischen Dokumenten verschiedenen Inhalts auch der Ausdruck É LUGAL (LUGAL-waš É-ir) „Haus (des) Königs“, „Königshaus“ des öfteren anzutreffen, wahrscheinlich in derselben Bedeutung wie É.GAL.² Auf ein deutliches Beispiel für die Identität dieser beiden Termini im Sinne von „Königsresidenz“, „Königshof“ hat bereits A. Archi hingewiesen, der als erster fast alle Angaben der hethitischen Urkunden zum Terminus É LUGAL gesammelt und ihn in Verbindung mit É.GAL gebracht hat. A. Archi hat eine Stelle aus dem hethitischen Text KUB IX 2 IV 5ff. angeführt, derzufolge die uns interessierenden Begriffe sich offensichtlich als synonym erweisen: „... Am Tage [gehen sie in das Haus des Königs (É-LUGAL) hinauf, jeder wäscht sich, und so geht man in den Palast (É.GAL) hinauf.“³

Eine Reihe von hethitischen Texten bietet als ein Synonym für den Ausdruck É LUGAL nur den Terminus É „Haus“, was auch von H. G. Güterbock und A. Archi bemerkt wurde.⁴ So entspricht dem in den sog. „Zehnjährigen“ und „Ausführlichen“ Annalen des Muršili II. mehrfach wiederholten Satz „... ins Haus

* Herrn Prof. H. Klengel danke ich für den Nachweis von Belegstellen für É^(MRS)LUGAL aus dem Material des Berliner Hethitischen Thesaurus.

¹ A. Goetze, Kleinasien, München 1957, 109 und 118. Zum „hethitischen Palast“ s. auch H. G. Güterbock, The Hittite Palace, in: Le Palais et la Royauté, Paris 1974, 305-314.

² KUB I 1 I 56, III 14; 5 I 27. - KUB IX 2 IV 5; 15 III 17. - KUB XI 6 II 10. - KUB XIII 35 I 48. - KUB XIV 3 I 3; 4 I 10; 7 I 16. - KUB XV 22 V. 9. - KUB XVI 46 I 10. - KUB XVII 6 IV 10; 19 Ra. 2. - KUB XX 33 I 7. - KUB XXI 30 Z. 1; 48 Z. 9(?). - KUB XXII 38 I 8 IV 15; 70 Vs. 46, 48, Ra. 24, 26. - KUB XXV 25 I 12. - KUB XXVI 1 a Z. 6; 1 IV 30, 31(?), 36(?). - KUB XXXI 87 II 14. - KUB XXXVIII 2-II 13(?), 16; 3 I 17; 25 I 20. - KBo III 4 II 41, III 33, 52, IV 41. - KBo V 6 III 42. - KBo VI 28 Ra. 18. - KBo XX 74 III(?) 7. - IBoT I 33 Vs. 21, 33; 38, 48, 71, 98(?). - HT 97 Z. 9, und weitere Belege.

³ KUB IX 2 IV 5ff.: [...]x UD.KAM-ti I-NA É LUGAL šn-ra-a (0) [pa-an-z]i(?) nu-za hu-u-ma-an-za wa-ar-ap-zi (7) nu-aš I-NA É.GAL^{UL}A šu-ru-a QI-TAM-MA pa-iz-zi: A. Archi, L'organizzazione amministrativa ittita e il regime delle offerte culturali, in: OA 12 [1973], 212.

⁴ Güterbock 305; Archi OA 12 [1973], 211f.

des Königs (É LUGAL) habe ich gebracht"⁵ (die Rode ist von Deportierten und Kindern) der Ausdruck „... in mein Haus (É-JA) habe ich gebracht“. Es handelt sich in allen derartigen Fällen um ein „Haus (des Königs“, das sich – ebenso wie das „Haus (oder der Palast) der Königin“ (É SAL.LUGAL, É.GAL SAL. LUGAL) – in Ḫattuša befand.⁶ Es besteht kein Zweifel, daß in allen diesen Fällen ein „Königspalast“ bzw. „Königshof“, in dem sich auch die Residenz des Königs nebst den offiziellen Räumlichkeiten befanden, gemeint ist, obwohl in den erwähnten Annalen des Muršili II. der Terminus É.GAL überhaupt nicht verwendet wurde. Das dürfte wohl ein weiterer Beweis dafür sein, daß É LUGAL und É.GAL zusammenfallen.⁷

Als gleichwertige Ausdrücke für É LUGAL müssen auch É.GAL DUTUŠI „Palast (der) Sonne/Majestät“⁸ und ŠA LUGAL É.GAL „Königspalast“⁹ betrachtet werden. Sie bezeichnen nicht das Gebäude allein, in dem der König in Ḫattuša wohnte, sondern auch verschiedene königliche Bauten sowohl in der Hauptstadt selbst als auch in einzelnen Siedlungen des Staates. Gerade solche verschiedenen Königsgebäude in Siedlungen Ḫattis werden in KUB IX 5 III 10–14 unter dem ŠA LUGAL *kuitti watummar* „irgendein Gebäude des Königs“ zu verstehen sein, dem im selben Text Z. 17f. É LUGAL *kuitti* „irgendein Haus (des) Königs“ völlig entspricht. In diesem Fall wird É LUGAL parallel zu ŠA LUGAL *watummar* gebraucht.¹⁰

Aller Wahrscheinlichkeit nach hat auch das hethitische *labarnaš É-ir (pir)* „Herrscherhaus“, „Königshaus“ eine Form des Terminus É LUGAL dargestellt.¹¹

Eine dem oft anzutreffenden „Haus (des) Königs“ entsprechende volle hethitische Form ist in den Texten nicht überliefert. Doch wird die Schreibung des Sumerogramms É LUGAL zusammen mit einigen phonetischen Komplementen bezeugt, wodurch die entsprechende hethitische Form rekonstruiert werden kann. So ist es beispielsweise möglich, auf Grund der Schreibung LUGAL-*wa-an É-ir-za* (KUB XXVIII 79 Z. 6) und LUGAL-*wa-an É-az* „aus dem Hause des Königs“ den hethitischen Ausdruck *haššuwān pirza, *haššuwān parnaz zu erschließen, falls das hethitische **haššu-* tatsächlich „König“ bedeutet. É LUGAL war hethitisch demnach **haššuwān pir-/parn-* bzw. **haššuwāš pir-/parn-* „Haus

⁵ KBo III 4 II 41; III 33, 52; IV 41.

⁶ KUB XIV 16 III 20; XIX 37 II 42; KBo V 7 Vs. 8; KBo VII 42 IV 12; KBo XV 37 III 34, 36.

⁷ Siehe auch einige hethitische Orakeltexte, in denen É LUGAL als Bezeichnung des „Palastes“ (É.GAL) gebraucht wird: KUB XXII 38 I 8, IV 16; IBoT I 33 I 21, 33, 38, 48, 71, 98(?) , s. E. Laroche, in: RA 62 [1956], 151ff.; KUB XXII 70 Vs. 48, 48, Rs. 24, 28, s. A. Ünal, Ein Orakeltext über die Intrigen am hethitischen Hof (KUB XXII 70 = Bo 2011), Heidelberg 1978, 68ff., 88f., 152.

⁸ KUB VI 40 II 47; XXXVIII 12 III 5; KBo XIII 241 Rs. 13; HT 2 I 2f.; s. auch Archi OA 12 [1973], 211.

⁹ Güterbock 310f. (Š[A LU]GAL-*ma-kán* [ŠA É.G.]ALIM KÁ. GAL-*aš šu-ra-a*, „up to the gate of the palace of the king“). Vgl. jedoch KUB XLVIII 113 I 5': ŠA LUGAL É.GAL *Kar-ga-miš*.

¹⁰ V. Souček, in: MIO 8 [1963], 375f.; Archi OA 12 [1973], 212 Anm. 20.

¹¹ KUB XXXVI 110 Rs. 13', s. A. Kammenhuber, Materialien zu einem hethitischen Thesaurus Jfg. 3, Heidelberg 1970, 22. Vgl. auch KBo XIII 238 II 10'.

des Königs“ zu lesen.¹² Jedoch sind diese vollen Formen in den hethitischen Texten – ähnlich wie das hethitische Wort für „Palast“ (É.GAL) – nicht belegt.¹³

Der Ausdruck É LUGAL wurde und wird in der Fachliteratur oft als „Palast“ übersetzt,¹⁴ ein Komplex verschiedener königlicher Räumlichkeiten, darunter auch die Königsresidenz. Außerdem wird der uns interessierende Ausdruck oft wörtlich mit „Haus (des) Königs“ bzw. „Königshaus“¹⁵ sowie „Palast (des) Königs“ bzw. „Königspalast“¹⁶ wiedergegeben. In einer Reihe von Fällen wird É LUGAL als „Hof“ oder „Königshof“¹⁷ interpretiert, worunter man den Königshof in Hattuša versteht.

Betrachten wir dazu einige Angaben, die aus dem hethitischen Material im Hinblick auf das Verständnis von É LUGAL zu gewinnen sind:

Nach dem bereits erwähnten Text KUB IX 15 III 10ff., 17ff. war das „Haus des Königs“ ein sich in irgendeiner Siedlung befindendes Gebäude (*wetummar*), in dem man ein religiöses *lila*-Fest feiern konnte, falls in der Siedlung kein Tempel (É.DINGIR) vorhanden war; im vorliegenden Fall handelte es sich um ein Fest zu Ehren des Sohnes des Wettergottes (Z. 9ff.). Nach der Instruktion für den *BEL MADGALTI* waren die alten „Häuser (des) Königs“ (É^{MEŠ} LUGAL, É^{ŠI} LUGAL), die sich in verschiedenen Siedlungen des Landes befanden, periodisch zu restaurieren.¹⁸ Nicht eingeschlossen hat das „Haus (des) Königs“ solche Bauten wie z. B. die Tempel verschiedener Gottheiten (É.DINGIR),¹⁹ das „Siegelhaus“ (É^{NA}.KIŠIB = É.GAL *šijanaš*), das „Haus der (kultischen) Waschungen“ (É^{ŠI} *arnueš*),²⁰ wahrscheinlich auch nicht das „*halentuwa*-Haus“ (É^{ŠI} *halentuwa*), das man von den „Palästen“ unterschieden hat (vgl. „*halentuwa*-Haus und Paläste“),²¹ vielleicht auch nicht das „*hešta*-Haus“ (É^{ŠI} *hešta*),²² das „Felsheiligtum“ (É^{NA}.*hekur*)²³ usw. Die „Häuser (des) Königs“ dürften in der Regel von einer festen Mauer – vgl. etwa die „Mauer der Königshäuser“ (BÄD É^{MEŠ} LUGAL) in der Stadt Attarimma²⁴ – umgeben gewesen sein.

¹² J. Friedrich, *Die hethitischen Gesetze*, Leiden 1959, 93 (hier É LUGAL als „eine vereinzelt andere Bezeichnung für É.GAL“ [H. Otten]). Zu *haltuwan neben *haltuwaš s. H. Eichner, *Untersuchungen zur hethitischen Deklination*, Erlangen-Nürnberg 1974, 7.

¹³ Zu É^{ŠI} *halentuwa* als „palace as building“ s. Güterbock 308f.; vgl. aber V. G. Ardzinba, in: VDI 3/1973, 201ff.

¹⁴ A. Goetze, *Die Annalen des Muršiliš*, Leipzig 1933, 57, 77 u. ö.; H. G. Güterbock, in: JCS 10 [1956], 95; E. H. Sturtevant-G. Bechtel, *Hittite Chrestomathy*, Philadelphia 1935, 87 und 75; Laroche RA 52 [1958], 151 und 153ff.; A. Ünal, *Hattušili III. Teil I*, Heidelberg 1974, 141, usw.

¹⁵ E. von Schuler, *Hethitische Dienstanweisungen*, Graz 1957, 10, 16, 44; L. Rost, in: MIO 8 [1961], 176, 183; H. Otten, in: MDOG 94 [1964], 19; R. Werner, *Hethitische Gerichtsprotokolle*, Wiesbaden 1967, 6 (StBoT 4); V. Haas, in: OA 16 [1977], 227, usw.

¹⁶ Goetze *Annalen* s. Anm. 14) 79 und 137; Souček MIO 8 [1961], 376; Ünal *Orakeltext* 69, 71, 89; F. Imparati, in: SMEA 18 [1977], 32.

¹⁷ A. Goetze, *Hattušiliš*, Leipzig 1925, 13 und 25; *Archi* OA 12 [1973], 212.

¹⁸ Von Schuler 44f.

¹⁹ KUB IX 15 III 17f., s. Souček MIO 8 [1961], 376.

²⁰ Von Schuler 44 Z. 13f.

²¹ Ebd. 51 Z. 13 Anm. 13.

²² KUB XX 33 I 2, 7. Zum *hešta*-Haus s. V. Haas-M. Wäfler, in: UF 8 [1976], 65ff.

²³ Vgl. KUB XXII 70 Vs. 46f., s. Ünal *Orakeltext* 68f. Zum É^{NA}.*hekur* s. jetzt Imparati SMEA 18 [1977], 19ff.

²⁴ KUB XIV 3 I 2, s. auch F. Sommer, *Die Alḫijawä-Urkunden*, München 1932, 2f.

Die „Häuser (des) Königs“ enthielten Räumlichkeiten (Speicher), in denen man verschiedene landwirtschaftliche Produkte, darunter auch Mehl, Bier, Käse, Knoblauch und mehrere Brotsorten,²⁵ sowie andere Erzeugnisse (Kleidungsstücke, Gewebe, Teppiche, Gerätschaften)²⁶ aufbewahrte.

Im „Haus (des) Königs“ befand sich ein Opfertisch (ZAG.GAR.RA, hethit. *išanana*),²⁷ ebenso auch der „Gott Zawalli des Hauses (des) Königs“²⁸; letzteres deutet darauf hin, daß die Königshäuser ihre eigenen Gottheiten bzw. Tempel besaßen (vgl. auch die Hinweise hethitischer Texte auf die „Götter und Göttinnen des Palastes der Majestät“).²⁹ Wie bereits erwähnt wurde, hat man das sich in einer Siedlung befindende „Haus (des) Königs“ gegebenenfalls zum Vollziehen religiöser Ritualhandlungen genutzt; so auch das „Haus (Palast) der Königin“ in Ḫattuša.³⁰ Das „Haus (des) Königs“ tritt in verschiedenen Orakeltexten auf, in denen man prophezeit, in welchem Jahr z. B. dem König ein Unglück zustoßen werde,³¹ usw.

In den „Häusern (des) Königs“ sowie in den „Palästen“ wurden gerichtliche Prozesse geführt. Im „Haus (des) Königs“ der Hauptstadt wurde eine Beschuldigung gegen die Königin Danuḫepa, wohl die Gattin des Muršili II., vorgebracht,³² die dann ihres Ehrenamtes als Tawananna enthoben wurde. Die Göttin Ištar verteidigte den zukünftigen König Ḫattušili (III.) während seines Aufenthaltes in Nerik als Oberhaupt dieser Stadt gegen das „Wort (des) Hauses (des) Königs“ (INIM É LUGAL = INIM^{KUB} DUTU^{ŠI} oder INIM LUGAL).³³ Als das „Haus (des) Königs“ eine Anklage gegen Ḫattušili erhob, hat ihm erneut diese Göttin ihre Hilfe gewährt.³⁴

In den „Häusern (des) Königs“ wie auch in den „Palästen“ haben sich die sog. „Frauen des Königs“ (SAL^{TUM} ŠA LUGAL, vielleicht SAL É LUGAL; vgl. ŠA É.GAL^{LIM} SAL^{TUM} „Frau(en) des Palastes“) aufgehalten, unter denen man sowohl „Hierodulen“ (SAL.SUHUR.LAL), d. h. Frauen von niederem sozialem Stand, als auch die „Freien“ (ELLU), d. h. von hohem gesellschaftlichem Status, verstand.³⁵

²⁵ KUB XX 33 I 6, 8f.; KUB XXV 25 I 12; KUB XXXVIII 25 I 20; KBo XX 74 III(?) 7, usw.

²⁶ KUB XIII 35 I 48, s. Werner (s. Anm. 15) 6f.; KUB XX 33 I 6; KUB XXXVIII 3 I 10–18, s. Rost MIO 8 [1961], 182f., usw. Für Gerätschaften s. KUB XXII 70 Vs. 46, vgl. Ünal Orakeltext 68f.

²⁷ KUB XXV 25 I 12.

²⁸ KUB XVI 46 I 10 (DZa-wa-al-li-š ŠA É LUGAL); vgl. auch KBo XIII 234 I 1 (DZa-wa-al-li-š ŠA ¹Mur-šil-i); KUB XVI 16 Rs. 1 (DZa-wa-al-li ^{BAL}Danu-ḫé-pa), s. Ünal Ḫattušili (s. Anm. 14) 142 und Anm. 110, 166 und Anm. 208f., ferner zu ^DZawalli jetzt A. Archi, in: AoF VI [1979], 81ff.

²⁹ KUB VI 46 II 47, u. a. Belege.

³⁰ Vgl. etwa Ardzinba VDI 3/1973, 201f. mit weiteren Literaturhinweisen.

³¹ IBoT I 33 I 21, 33, 38, 48, 71, 98(?) , s. Laroche RA 52 [1958], 161ff.; KUB XXII 70 Vs. 46, 48, Rs. 24, 26, s. Ünal Orakeltext 88ff. und 89f.

³² KUB XIV 7 I 16f., s. H. G. Güterbock, Siegel aus Boğazköy I, Berlin 1940, 13; J. G. Macqueen, in: AnSt 9 [1959], 185f.; Ünal Ḫattušili 141f.

³³ KUB I 1 I 56f. (= KUB I 5 I 27), s. Goetze Ḫattušiliä (s. Anm. 17) 12f.; Sturtevant-Bechtel (s. Anm. 14) 66f.

³⁴ KUB I 1 III 14f., s. Goetze Ḫattušiliä 24f.; Sturtevant-Bechtel 74f.

³⁵ Von Schuler 18 Z. 30f. (hier SAL^{TUM} ŠA [É] LUGAL); vgl. J. Friedrich, Staatsverträge des Ḫatti-Reiches in hethitischer Sprache II, Leipzig 1930, 126 Z. 44f. (hier ŠA É.GAL^{LIM} SAL^{TUM}).

Die Texte bestätigen zudem für das „Haus (des) Königs“ auch einen „Vornehmen, Würdenträger“ (L^DDUGUD),³⁶ obwohl unbekannt ist, womit er sich beschäftigt hat.

Gemäß einer ganzen Anzahl hethitischer Texte – insbesondere den „Annalen“ des Muršili II. – stellte das „Haus (des) Königs“ einen Ort dar, wohin der König nach seinen Feldzügen die Deportierten (NAM.RA) brachte. Allein im Laufe der ersten zehn Jahre seiner Herrschaft hat Muršili II. 88 000 Deportierte ins „Haus (des) Königs“ in Ḫattuša geschickt.³⁷ Es besteht kein Zweifel, daß sich gerade dieses „Haus“ in Ḫattuša mit der Verteilung der Deportierten auf die einzelnen Tempel- und Palastwirtschaften in verschiedenen Siedlungen des Landes befaßte.

Auf Grund des erwähnten Belegmaterials darf die Existenz eines „Häuses (des) Königs“ in Ḫattuša als gesichert gelten. In den „Annalen“ des Šuppiluliuma I. sowie des Tutḫalija (?) finden sich weitere Bestätigungen dafür.³⁸ Besonderes Interesse verdient in dieser Hinsicht ein im Namen Ḫattušilis III. und seiner Gattin Puduḫepa zusammengestellter Text, in dem es heißt: „In Ḫattuša war das Haus (des) Königs klein geworden (hat sich verkleinert)“.³⁹ In einigen Texten, die das „Haus (des) Königs“ erwähnen, ist darunter offenbar das in Ḫattuša zu verstehen, da dort auch „die Sonne/Majestät“ genannt wird.⁴⁰ Einige Texte erwähnen „Häuser (des) Königs“ außerhalb von Ḫatti, z. B. in Attarimma und Išūwa,⁴¹ womit Residenzen (É.GAL) der lokalen Herrscher gemeint sind.

Eine ganze Reihe von Belegen weist darauf hin, daß es „Häuser (des) Königs“ ebenso wie „Paläste“ außerhalb von Ḫattuša in verschiedenen Orten des hethitischen Staates gab. Die betreffenden Ortsnamen sind in den Texten meistens nicht angegeben, aber es dürfte unbestreitbar sein, daß man in solchen Fällen immer ein „Haus (des) Königs“ in irgendeiner Siedlung des Landes gemeint hat. Vgl. etwa den §32 des althethitischen „Textes von Telipinu“, der den Fall einer möglichen Besitzergreifung der „Häuser (des) Königs“ (nicht aber der „Häuser [der] Königs-söhne“)⁴² durch verschiedene Angehörige des königlichen Personals behandelt, wofür die Urheber bestraft worden waren. Nach den „Instruktionen“ (insbesondere für den *BEL MADGALTI*) haben sich „Häuser (des) Königs“ in den Grenzgebieten von Ḫatti befunden.⁴³ Der erwähnte Text KUB IX 15 III 17f. setzt das Vorhandensein von „Häusern (des) Königs“ außerhalb der hethitischen Hauptstadt voraus.

In einigen Texten werden allerdings die uns interessierenden „Häuser“ in Verbindung mit Ortsnamen genannt. So kann z. B. aus KUB XXXVIII 3 Z. 17 ge-

³⁶ IBoT I 33 I 38, s. Laroche RA 52 [1958], 153.

³⁷ Goetze Annalen (s. Anm. 14) 58f., 76f., 78f., 136f., 170f. (Z. 8: É LUGAL.GA[L, „Haus (des) Großkönigs“).

³⁸ KBo V 6 III 41f., s. H. G. Güterbock, in: JCS 10 [1956], 95; KUB XXIII 26 + 65 Z. 7f., s. O. Carruba, in: SMEA 18 [1977], 174.

³⁹ KBo VI 28 Ra. 18: URUKÛ.BABBAR-ši-ma É LUGAL te-pa-u-e-eš-ta. Vgl. H. Otten, in: MDOG 94 [1964], 19f.; Imparati SMEA 18 [1977], 39.

⁴⁰ Siehe etwa KUB XV 22 Z. 5, 8, 9; KUB XXII 70 usw.

⁴¹ KUB XIV 3 I 1f.; KUB XLIV 4 Va. 20.

⁴² KBo III 1 II 03 (...)]LUGAL da-an-na i-da-la-li-ja-an-zi nu ki-iš-ša-an (da)-ra-an-zi); KUB XI 6 II 10 (ÉMEŠ LUGAL da-an-na i-la-[(i)-ja-an-zi). Bei Sturtevant-Bechtel 190 unrichtig ÉMEŠ DUMU.LUGAL.

⁴³ Von Schuler 41ff.

geschlossen werden, daß sich ein „Haus (des) Königs“ in Teliura befand, während KUB XXXVIII 25 I 20 auf ein solches in Nerik deutet.⁴⁴ Es ist möglich, daß es sich in KUB XXVIII 79 Z. 6 um ein „Haus (des) Königs“ in der Stadt Tuḫumijara handelt.

Die Gleichbedeutung von „Haus (des) Königs“ und „Palast“ läßt sich also in jenen Fällen erschließen, in denen es um einen Aufenthaltsort, eine Residenz des Königs in Ḫattuša oder in peripheren Gebieten, ein gerichtlich-administratives oder ökonomisches Zentrum in der Hauptstadt selbst oder im Randgebiet geht. In jenen Zeugnissen wird das „Haus (Palast) des Königs“ dem „Haus (der) Königin“ (É SAL.LUGAL) gegenübergestellt;⁴⁵ letzteres mußte als Residenz nur der Königin erkennbar sein. Das „Haus (der) Königin“ ist in den Texten gewöhnlich mit dem Terminus „Palast (der) Königin“ (É.GAL SAL.LUGAL)⁴⁶ bezeichnet, was noch einmal die Gleichbedeutung von É „Haus“ und É.GAL „Palast“ bestätigt.

Es gibt jedoch auch Belege, in denen die Bedeutungen „Haus (des) Königs“ und „Palast“ (auch des Königs) nicht zusammenfallen, und zwar dann, wenn „Haus (des) Königs“ für die Bezeichnung einer „Wirtschaft (des) Königs“ gebraucht wird. Bekanntlich hat „Palast“ eine solche Bedeutung nicht, obgleich er über eine Wirtschaft verfügte, vgl. etwa die „Palastfelder“ (A.ŠÀ É.GAL), „Palastarbeiter“ (KIN^{ŠLA} É.GAL), usw. Die Gegenüberstellung von „Wirtschaft (des) Königs“ und „Wirtschaft (der) Königin“ wird durch einen Text bestätigt, in dem notiert wird: „[... *Ḫapunu* Bergland, von der Wirtschaft der Königin abget[rennt].“⁴⁷

Wenn unter dem Ausdruck „Haus (des) Königs in Ḫattuša“ im erwähnten Text auch „Wirtschaft (des) Königs in Ḫattuša“ zu verstehen ist, so kann letzteres mit der „Wirtschaft von Ḫattuša“ (É URUḪatti) der hethitischen Urkunden verbunden werden. Mit deren Filialen war das Ḫatti-Land bedeckt, vgl. z. B. die „Wirtschaft von Ḫattuša in der Siedlung Šarišša“.⁴⁸ Eine detaillierte Untersuchung der „Wirtschaft“ dieses Typs dürfte die Frage der Königs- bzw. Palastwirtschaft bei den Hethitern weiter aufklären helfen.

⁴⁴ Roet MIO 8 [1961], 182f. und 9 [1963], 181; Arohi OA 12 [1973], 226 Anm. 85.

⁴⁵ KBo V 7 Vs. 8; KBo VII 42 IV 12; KBo XV 37 III 34, 66; Ardzinba VDI 3/1973, 201f.

⁴⁶ KBo XIII 241 Rs. 16, usw.

⁴⁷ KBo V 7 Vs. 8: [... *Ḫa-pu-nu* ḪUR.SAG IŠ-TU É SAL.LUGAL-*kán* šar[-ra-an . . .], s. K. Riemenschneider, in: MIO 6 [1958], 348f.

⁴⁸ Riemenschneider MIO 6 [1958], 360 (Nr. 3 Rs. 31, Nr. 4 Rs. 13 und 5fter).

EINIGE BEMERKUNGEN ZUM HETHITISCHEN TEXT KUB 48, 105

Die ziemlich grosse Anzahl hethitischer Keilschrifttexte, in denen NAM.RA "Zivilgefangene, Deportierte" (heth. *anna-wala-*) erwähnt werden, ist noch durch ein umfangreiches Dokument bereichert worden, das über Wirtschaftsstiftungen mit Zivilgefangenen (aber auch von Hornvieh, Dreschplätzen, Saatgetreide und verschiedener Geräte) an die Gottheiten verschiedener Städte Hattis berichtet. Dieser hethitische Text wurde in einer Keilschriftkopie 1977 von H. Klengel im KUB 48 unter der Nummer 105 veröffentlicht.¹ Neben anderen heth. Texten, die einzelne Seiten der hethitischen Tempelwirtschaft darlegen, ist das uns interessierende Dokument eine wichtige Quelle nicht nur für das Studium von Deportiertenproblem in der heth. Gesellschaft überhaupt, deren Schicksal I.M. Diakonoff unentwegt interessierte,² sondern auch für das Studium zu Fragen der Tempelwirtschaft Hattis, insbesondere ihres Arbeitspersonals.

Der Abfassung des Textes KUB 48,105 lag wahrscheinlich die Absicht zugrunde, die Königsstiftungen schriftlich zu fixieren und die Festsetzung einer bestimmten Norm dieser Stiftungen für jede Gottheit dieses oder jenes bevölkerten Punktes zu dokumentieren. Unter denen gab es auch Stiftungen in Form von lebender Arbeitskraft, die sich "ehemalig" (heth. *annallis, annales, annallas*)³ im Besitz von Privatleuten (verständlicherweise von Königspersonen) oder auf irgendwelchen Staatswirtschaften befanden. Folgedessen hielt es der König für nötig, bei Stiftungen nicht nur neue Fonds, sondern auch ehemalige Grundbestände zu benutzen und somit zu einer Neuverteilung seines alten Besitztums in Form von Deportierten, Vieh usw. zu verwirklichen.

Von dem uns interessierenden, im Moment seiner Abfassung wahrscheinlich mehr als 32 Paragraphen umfassenden, grossen einkolumnigen Text, sind nur einige Stellen fast völlig unversehrt. Vollständig oder Teilweise sind 12 Paragraphen auf der Vorderseite und 20 Paragraphen auf der Rückseite, im Ganzen 91 Zeilen umfassend, erhalten geblieben. Der Anfang der Vorderseite und das Ende der Rückseite des Dokuments sind nicht bewahrt. Nach der Meinung des Textherausgebers H. Klengel sind nur zwei Drittel der Keilschrifttafel geblieben.⁴ Ungeachtet dessen, geben uns die erhaltenen Teile die Möglichkeit, über das Prinzip der Textzusammenstellung, das sich folgendermassen äussert, zu urteilen.

Den Anfangszeilen der unversehrt oder nur teilweise erhalten gebliebenen Paragraphen nach (es sind mehr als 20), fing jeder Abschnitt mit den Worten an: "In der Stadt x stiftete die Sonne für die Gottheit y (oder für Götter) folgendes".⁵ Diese Worte wiederholten sich stereotyp wahrscheinlich am Anfang jedes Paragraphen, danach folgte die Aufzählung der gestifteten "Häuser" (Wirtschaften) mit ihren Deportierten (mit Angabe ihrer Anzahl und ihres Berufes), der Menge des Viehes, der Gerätschaften usw.

Wie aus dieser stereotypen Formel hervorgeht, wurde am Anfang jedes Abschnittes auf die Stadt mit ihrer Gottheit (Götter) hingewiesen; Sieben Städtenamen sind unversehrt erhalten geblieben. Das sind: Nenasga (Vs. 29'), Uwalma (Vs. 31'), Wizidasa (Vs. 36'), Pattanijasa (Vs. 38'), Kalasmita (Rs. 14), Tamettaja (Rs. 16) und Durmitta (Rs. 20). Weiterhin haben sich Endungen einiger Siedlungsbezeichnungen erhalten: -sina (Vs. 19'), -taskurija (Vs. 42'), -ratta (Rs. 12). Nach dem Prinzip der Zusammenstellung urteilend (jeder

Abchnitt war einer Stadt gewidmet), waren im Text wahrscheinlich mehr als 32 Städte aufgezählt, die, wie aus den obengenannten Aufzeichnungen hervorgeht, in den verschiedenen Gegenden des Hethiterreiches lagen. In allen diesen Städten befanden sich Filialen der Tempelwirtschaften, für deren Wohlergehen der König - oberster Priester selbst - sorgte und, den Umständen entsprechend, verschiedene Stiftungen an die Tempel machte (was aus anderen hethitischen Quellen auch zu ersehen ist).

Die Stiftungen wurden einer bestimmten Gottheit oder Göttern gewidmet (in einigen Fällen ist der genaue Name des Gottes nicht angegeben). Im Text sind der Wettergott (in den Städten -sina, Tamettaja; Vs. 19' und Rs. 16), Pirva (in Wizidasa, Pattanijasa, -ratta: Vs. 36', 38', Rs. 12), Nanaja (in -taskurija: Vs. 42'), Dlana (=Innara), Ala (beide in Kalasmita: Rs. 14), Anzili (in Tamettaja: Rs. 16) und "Gottheiten" (in Uvalma, Durmita: Vs. 31', Rs. 20; sowie in 2 anderen Städten, deren Namen nicht erhalten geblieben sind: Rs. 6,9) erwähnt.⁶

Nach dem uns interessierenden Text wurde das Ausmass der Stiftungen von der "Sonne" (dem König), dessen Namen nicht genannt wird, bestimmt. Zweifellos war es ein Herrscher des Neuhethitischen Reiches (wahrscheinlich Mursili II., der im Laufe der ersten Zehn Jahre seiner Herrschaft aus den verschiedensten Gebieten Kleinasiens 88 Tausend Deportierte vertrieb,⁷ oder Hattusili III., während dessen Regierungsperiode verschiedene Stiftungen und Schenkungen gemacht wurden⁸. Vielleicht war es auch Tutḫalija IV.⁹

Zu dieser Schlussfolgerung lässt uns auch der sprachliche Charakter des Textes kommen, in dem jegliche Merkmale der althethitischen Sprache fehlen. Ausserdem wurden Dokumente mit analogen Inhalten üblicherweise im Neuhethitischen Reich abgefasst (siehe, z.B. KBo 52,53 und andere).¹⁰

Nach den obengenannten stereotypen Formeln, folgen im Dokument Aufzeichnungen mit der Anzahl gestifteter "Häuser" mit Deportierten. Die auf die erhaltenen Textzeilen basierende Rechnung zeigt, dass für die Gottheiten (Tempel) ungefähr 130 "Häuser" mit NAM.RA bestimmt wurden. Ebenfalls wie auch in anderen hethitischen Dokumenten wurde hier bei der Aufteilung der Deportierten das Dezimalsystem angewandt.¹¹ (Wie bekannt, wurden im späten Sparta die Heloten ebenfalls zu 10 oder 15 Personen verteilt). Auf diese Weise befanden sich in den genannten "Häusern" ungefähr 1300 Deportierte. Die Anzahl der Gestifteten musste jedoch weit grösser gewesen sein, da von mehr als 130 Wirtschaften in den nicht erhaltenen Teilen die Rede gewesen sein müsste (nach H. Klengel erreichte die Zahl der gestifteten "Häuser" ungefähr 150, die der Deportierten - 1500).¹²

In dem uns interessierenden Dokument wurden verschiedenen Stellen auf die Herkunft der Deportierten hingewiesen. Es waren Menschen aus Azzi, Kazaja, Sarmanzana, Suluppasija, Aparivasa, womöglich aus Happala, Arzawa und aus anderen Nachbargebieten ḫattis,¹³ in welche die Hethiter Kriegszüge unternahmen. (Nur Anfangsteile einiger geographischer Benennungen sind geblieben: Zip-, ḫatta-, Daja- und andere).¹⁴ Zweifellos stammten die Vertriebenen, die in der Folge den hethitischen Göttern in Form von Arbeitskräften zur Verfügung standen aus ebendiesen Siedlungen.

Im Text finden wir Angaben bezüglich der Beschäftigung dieser NAM.RA Menschen. Einige von Ihnen waren Rinderhirten (LU^{MES} SIPAD.GUD),¹⁵ andere - Weber des Königs (LU^{MES} UŠ.BAR ŠA LUGAL),¹⁶ dritte - "Speerleute" (LU^{MES} GIŠ ŠUKUR),¹⁷ noch andere fertigten "lange Waffen" an (NAM.RA^{MES} GIŠ TUKUL GÍD.DA).¹⁸ Der Text nennt Pferdehirten (LU^{MES} SIPAD.ANŠE.KUR.RA)¹⁹ usw. Das alles bestätigt die Meinung der Fachleute, die sich darauf berufen, dass in ḫatti die "Häuser"

mit Deportierten gewöhnlich nach deren Tätigkeit aufgestellt wurden.

In dem betrachteten Text werden öfter "*upati*-Leute" (LÜ^{MES} *upatijas*)²⁰ erwähnt. An einigen Stellen des Dokumentes (Vs. 26', Rs. 7) stehen vor diesem Ausdruck die zweifellos kleinasiatischen Personennamen - Daduili und Gasgaili (Kaskaili), auf der Vs. 23' aber war wahrscheinlich ebenfalls irgendein Name geschrieben, der auf -zina endete. Es ist nicht ausgeschlossen, dass diese Namen gerade die "*upati*-Leute" oder deren Oberhäupter trugen. Wer jedoch diese Leute waren und welche Tätigkeit sie ausführten, geht aus dem Text nicht hervor, da es seine Beschädigung unmöglich macht, über die Bedeutung des Terminus "*upati*-Leute" genauer zu urteilen. (In anderen hethit. Quellen wird dieser Terminus ebenfalls in einem unverständlichen Kontext gebraucht).²¹ Von den Angaben KUB 48,105 ausgehend, kann man nur schlussfolgern, dass die "*upati* Leute" aus den Reihen der Deportierten stammten und irgendeiner (Berufs?) Gruppe von Leuten angehörten.

Die Erläuterung der Bedeutung des uns interessierenden Terminus wird noch dadurch erschwert, dass es bisher nicht gelang die genaue Bedeutung des Wortes *upati*- (Genitiv *upatijas*) zu finden. Man nimmt an, dass es "Lehen, Lehensgut (?)" und mit dem ebenfalls unbekannt Bedeutung habenden Wort *uppa*- (irgendein Art der Leistung?) zusammenhängt.²² Möglich wäre auch, dass *upati*- mit dem ugaritischen *ubdy* ('*bdj*) "Lehensgemeinschaft; Dauerpacht; Dauerpächter" im Zusammenhang steht²³ (*ubdy* wird manchmal als "Lehensland" übersetzt, das in Ugarit den Königsangestellten zugeteilt wurde).²⁴ Jedoch wahrscheinlicher ist die Annahme, dass das hethitische *upati*-, sich dem Wort *upatinnum* der "kappadokischen" Tontafeln nähert und das irgendeine Organisation von Lehensträgern, oder aber eine Gruppe Einheimischer (kleinasiatischer) Herkunft bezeichnete, die auf dem Gemeindeland lebten und arbeiteten. (Nach I.M. Diakonoff ist *upatinnum/ubadinnum* ein akkadisiertes Wort hurrischer Herkunft *ubadinna "service" oder "obligation connected with the holding of communal land"²⁷). Es ist auch nicht ausgeschlossen, dass die "*upati*-Leute" Eigentümer irgendeiner Landkategorie waren.

Die im Text aufgezählten Stiftungen wurden nicht nur vom König sondern auch von ihm untertänigen Personen gemacht. Im Text sind folgende, den Gottheiten stiftende, Personen aufgezählt: eine Person, deren Namen auf -uwa endete (Vs. 5'), Innarawa (Vs. 11'), Piḫananaja (Vs. 14', siehe auch KBo XII 53, Vs. 13', 15') und viele andere stark beschädigte Namen. Auf Befehl der "Majestät" ("Sonne") sollte ein uns dem Namen nach unbekannter König vom Land Tumma(n)na, das im Norden oder Nordosten Kleinasiens lag und mindestens seit den Kriegszügen Mursilis II. (AM, 152 ff.) zu Ḫatti gehörte, grosse Viehbestände stiften. Den Stiftungen des Königs Tumma(n)na an die verschiedenen Gottheiten Ḫattis sind 13 Abschnitte im Text gewidmet, an deren Ende jedesmal beigefügt wurde, dass die bestimmte Menge von Vieh "der König des Landes Tumma(n)na gibt" (der Gottheit einer Stadt) - LUGAL KUR URU Tumma(n)na pāi.²⁸ Dieser König stellte den Göttern über 50 Rinder, 400 Schafe und 20 Kühe zur Verfügung. Weshalb so grosse Stiftungen an Vieh von dem König Tumma(n)na, das wahrscheinlich reiche Viehbestände hatte, gefordert wurde, geht aus den Aufzeichnungen des Textes nicht hervor. Ausserdem ist ungeklärt, wie es praktisch möglich war, die Stiftungen des Königs Tumma(n)na an Vieh den Gottheiten der verschiedenen Städte des Landes, insbesondere, der im Süden des Hethiterlandes gelegenen, zu verwirklichen.

In einer ganzen Reihe von Fällen ist im Text die ehemalige Abhängigkeit der Deportierten vor ihrer Übergabe an die Gottheiten unterstrichen. Einige gehören den Wirtschaften verschiedener Institutionen oder Privatpersonen, wie auch dem König persönlich an. So sind im Text genannt: Deportierte, die dem "Hau-

Cazzinarija" angehört, ²⁹ "3 Häuser, darin 30 Deportierte des Palastes", ³⁰ "1 Haus, darin 10 Deportierte (des) GIS^{TUKUL} CID.DA", ³¹ "1 Haus, darin 16 Deportierte der Bergbewohner", ³² "1 Haus, darin 10 Deportierte - Sklaven (Diener) des Innara", ³³ "1 Haus, darin 4 Deportierte des Priesters", ³⁴ "1 Haus, darin 10 Deportierte - Weber des Königs" ³⁵ usw. Somit wird klar, dass bis zur Stiftung an die Götter diese Leute nicht unter das Tempelpersonal fielen, sie befanden sich unter der Herrschaft des Palastes oder von Privatpersonen, die wiederum dem Herrscher des Landes untertan waren.

Besonders werden im Text die den Gottheiten gestifteten Wirtschaften unterstrichen, die sich schon früher im Besitz der Tempelwirtschaften befanden. Es sind erwähnt: "140 (?) Deportierte, die früher einer Gottheit angehört", ³⁶ "2 Häuser (darin 20 Deportierte) - ehemalige Sklaven Gottes" ³⁷ usw. (das Wort "ehemalig" war auch an anderen Stellen fixiert, die jedoch beschädigt sind - Vs. 20', 34').

Auf diese Weise wurde ein Teil der Deportierten, früher den Wirtschaften einzelner Königsangestellten oder verschiedener Königswirtschaften angehörend, auf Entschluss des Königs zum Tempelpersonal gezählt. Nur darin bestand der Wechsel ihrer persönlichen Abhängigkeit. In anderer Hinsicht gab es keine Veränderungen, da die soziale- und ökonomische Stellung sowie die Ausbeutungsform die alte geblieben war. Anstelle für ihre ehemaligen Herrn zu schaffen, arbeiteten sie von nun an zugunsten des Tempels.

Einige Angaben des Textes KUB 48, 105 lenken unser Augenmerk auf die soziale Stellung der Deportierten. Wie schon oben konstatiert, wurde in Bezug auf die Zivilgefangenen in einer Reihe von Fällen festgestellt, dass sie "Sklaven (Diener des Innara)" (IR^{MES} SA^I Innarā), "Sklaven (Diener) des Gottes" (IR^{MES} DINGIR^{LIM}) usw. waren. Vom rechtlichen Standpunkt aus, waren diese sowie auch andere, die im Text nicht als "Sklaven" genannten, im gegebenen Fall tatsächlich staatliche Sklaven, die letzten Endes als Königseigentum anerkannt werden konnten. Gerade deshalb hatte er das Recht der Aufteilung von staatlichen Deportierten, die nicht selten in vervulsteten Gegenden (URU.DUG - im Text sind 3 solche Siedlungen erwähnt; Vs. 20') angesiedelt wurden. Beispiele in KUB 48, 105 zeugen dafür, dass der König manchmal eine Aufteilung der Arbeitskräfte vornehmen konnte.

Obgleich vom rechtlichen Standpunkt aus als Sklaven angesehen, kann man Deportierte vom ökonom. Gesichtspunkt aus kaum als solche anerkennen, da sie im Produktionsprozess einer unsklavischen Ausbeutung unterworfen waren. Nach den Angaben anderer hethitischen Texte zu urteilen, bekamen die auf dem Land angesiedelten Deportierte Grundstücke ("Felder"). Gleichzeitig gab man ihnen Saatgut und Rinder sowie Kleinhornvieh, verschiedene Gerätschaften usw. Anfangs bekamen diese Deportierte Milchprodukte und Wolle. ³⁸ Das alles hatte eine selbstständige Wirtschaftsführung zum Ziel und schuf die Bedingungen für einen bestimmten materiellen Anreiz und für wirtschaftliche Initiative von Seiten der Deportierten. Die aus den eroberten Gebieten vertriebenen Leute waren jedes Eigentumsrechtes, auf die ihnen von der zentralen Macht zur Verfügung gestellten Produktionsmittel, entzogen, da sie nicht frei über diese verfügen konnten und nur Benutzungsbefugnisse hatten. Nach Erhaltung des Landes waren die Deportierten zu Naturalleistungen (*sabhan-*), wahrscheinlich auch zu Arbeitsleistungen (*luzzi-*) verpflichtet. Sie brauchten allerdings nicht gleich vom Moment der Erhaltung der Grundstücke die Leistungen erfüllen, sondern erst nach Verlauf einer bestimmten Frist - 3 Jahre (wenn die restaurierten Wörter (NAM.RA^{HI};) am Anfang des Paragraphen 112 der hethitischen Gesetze richtig sind). ³⁹ Erst vom 4. Jahr an waren sie verpflichtet, die Naturalleistungen zu den Beding-

ungen zu erfüllen, die von den "Leuten ^{GIS}TUKUL" gefordert wurden. Von diesem Moment an wurden sie wohl kaum als Sklaven, im eigentlichen Sinne des Wortes, angesehen. Sklaven blieben die Deportierte, die kein Land erhielten und nur als Hilfsarbeitskräfte auf Wirtschaften lebten.

In einigen Textabschnitten KUB 48, 105 (Vs. 13', 27', 28', 37', 41'; Rs. 1, 22, 23), standen gewöhnlich nach den Aufzählungen der Stiftungen (entweder am Anfang oder in der Mitte der Abschnitte) folgende Sätze: ^{GIS}TUKUL DU-(am)zi x Parisu NUMUN KISLAH DU-(am)zi "sie werden ^{GIS}TUKUL machen, sie werden einen Dreschplatz (für) x Parisu (Saat) Getreide machen" (manchmal war nur der erste Satz geschrieben - Rs. 22,23, manchmal nur der zweite- Vs. 37', 41'; Rs. 1). Der Sinn des ersten Satzes ist nicht ganz verständlich, weil erstens, ^{GIS}TUKUL nicht im eigentlichen Sinne des Wortes gebraucht wird, nämlich im Sinne von "Waffe (Gerät)", zweitens ist unklar, wer mit "sie" gemeint ist. Von Angaben einiger hethitischen Texte ausgehend, in denen dem Wort ^{GIS}TUKUL die Bedeutung "Dienst (Dienstleistung)" beigegeben wird,⁴⁰ kann man jedoch annehmen, dass im gegebenen Fall ^{GIS}TUKUL eben die Bedeutung "Dienst" hat, dessen Erfüllung wahrscheinlich nur den gestifteten Deportierten (im Text im Plural angegeben) zur Pflicht gemacht wurde. Deshalb übersetzen wir den oben zitierten ersten Satz folgendermassen: "Sie (d.h. die Deportierte) werden den Dienst leisten" (buchstäblich "machen"). Wahrscheinlich sollte damit die Verpflichtung zur Erfüllung der Arbeiten in "Häusern", einschliesslich der Pflege des Viehs, der Zubereitung von Milchprodukten und die Teilnahme an landwirtschaftlichen Arbeiten usw. unterstrichen werden. Die Richtigkeit dieser Vermutung muss jedoch noch durch weiteres Studium des von uns betrachteten Textes, mit dessen Hilfe wir unser Wissen bezüglich des Deportiertenproblems vertiefen konnten, bewiesen werden.

AM = A. Götze, *Die Annalen des Marsilis* (MVAG 38 [1933]).

HG = J. Friedrich, *Die hethitische Gesetze* [1959].

HW¹ = J. Friedrich, *Hethitisches Wörterbuch* [1952].

SMEA = *Studi micenei ed egeo-anatolici* (Roma).

StBoT = *Studien zu den Boğazköy-Texten*, herausg. von H. Otten.

1 Der Text wurde von H. Freydank nach dem Original kopiert.

2 S.z.B., I.M. Diakonoff, MIO XIII [1967] 363 f.

3 Vs. 20', 29', 34', 40'; Rs. 15, 20.

Betreffs dieses Wortes siehe J. Friedrich & A. Kammenhuber, *Hethitisches Wörterbuch*, Lief. 1 [Heidelberg, 1975] 74 ff.

4 H. Klengel, SMEA XVI [1975] 195. Bezüglich des Textes KUB 48, 105 s. auch H. Otten & Vl. Soucek, StBoT 1 [1965] 43 u. 48.

5 INA URU x ANA ^D(ANA DINGIR (MES)) UTU ^{SI}ki ME-iš (āris). Vs. 6', 9', 10', 16', 19', 29', 31', 36', 38', 42'. Rs. 3, 6, 9, 12, 14, 16, 20, 23, 25, 2, 31, 34, 37, 43. Diese Formel wird im Text mit analogem Inhalt angeführt - KBo XII 53.

6 Auf der Vs. 29', wo die Stadt Nenašša erwähnt wird, ist wahrscheinlich vom Schreiber vergessen worden, die Gottheit anzugeben.

7 A. Götze, AM, 56f., 64f., 70f., 76f., 78f., 136f.

- 8 H. Otten & Vl. Souček, StBoT 1.
- 9 Bezüglich der Zugehörigkeit des Textes in die Regierungszeit des Tutthalia IV. siehe S. Heinhold-Krahmer - I. Hoffmann - A. Kammenhuber - G. Mauer, *Probleme der Textdatierung in der Hethitologie* [Heidelberg 1979] 233.
- 10 Ibid., 233.
- 11 G.G. Giorgadze, *Očerki po sotsial'no-ekonomičeskoj istorii khettskovo gosudarstva* [Tbilisi 1973] 77 ff.; H. Klengel, SMEA XVI [1975] 195; Vl. Souček, ArOr 47 [1979] 79f.
- 12 H. Klengel, SMEA XVI [1975] 195.
- 13 Vs. 21', 25', 39'; Rs. 5, 15, 38-39.
- 14 Vs. 22', 39'; Rs. 6 und andere. Eventuell könnte Daja- so rekonstruiert werden wie Daharijatta im Text KBo XII 52 II 6, in dem ebenfalls Königsstiftungen aufgezählt wurden.
- 15 Vs. 24': "3 Häuser, darin 30 Deportierte - Rinderhirten".
- 16 Vs. 34': ". . . 1 Haus, darin 10 Deportierte - Weber des Königs".
- 17 Rs. 4: "1 Haus, darin 10 Deportierte - Speerleute".
- 18 Vs. 32': ". . . 1 Haus, darin 10 Deportierte - (Hersteller) der langen Waffen"; Rs. 3: "2 Häuser, darin 20 Deportierte - (Hersteller) der langen Waffen".
- 19 Vs. 37': ". . . 4 Häuser, [darin 40] Deportierte - Pferdehirten".
- 20 Vs. 23', 26'; Rs. 7, 28, 29.
- 21 Dem Text KUB XIII 4 I 4h zufolge, wurden "Feste der upati-Leute" veranstaltet - EZEN x SEMES LUMES upati^{ti}jas. Im KUB XIII 9 I 11 sind sie (in Form von upati^{ti}.A) gleichzeitig mit den "leuten sarikawas" erwähnt. Bezüglich des Wortes upati- siehe ebenfalls KBo IV 10 I 30; KUB XXXII 87 II 20.
- 22 HW¹, 235.
- 23 HW¹, 235; J. Aistleitner, *Wörterbuch der ugaritischen Sprache*, B. [1967] 3
- 24 M. Heltzer, *Orientalia Lovaniensia Periodica* 8 [1977] 49f. u. Anm. 15.
- 25 HW¹, 235.
- 26 L. Matouš, ArOr 47 [1979] 38 f. u. Anm. 14-17.
- 27 I.M. Diakonoff, ArOr 47 [1979] 40 f.
- 28 Vs. 30', 35', 37', 41'; Rs. 2, 5, 10, 13, 19, 21, 24, 26, 29. "Der König des Landes Tumman(n)a" ist auch im Zusammenhang mit Vieh im KBo XII 53 Rs. 9 erwähnt.
- 29 Vs. 7': NAM.RA^{MES} ŠA É *Gassimarija*
- 30 Vs. 9': 3 É^{TU}₄ ŠA 30 NAM.RA^{MES} É.GAL.
- 31 Vs. 31' f.: 1 É^{TU}₄ ŠA 10 NAM.RA^{MES} (ŠA) GIS^Y TUKUL GÍD.DA.
- 32 Vs. 32': 1 É^{TU}₄ ŠA 16 NAM.RA^{MES} ŠA LÚ^{MES} HUR.SAG.
- 33 Vs. 32' f.: 1 É^{TU}₄ ŠA 10 NAM.RA^{MES} IR^{MES} ŠA I¹ InnarE.
- 34 Vs. 33': 1 É^{TU}₄ ŠA 4 NAM.RA^{MES} ŠA LÚ SANGA.

- 35 Vs. 33^r f.: 1 É^{TU} ŠÂ 10 NAM.RA^{MES} LÚ^{MES} UŠ.BAR ŠA LUGAL.
- 36 Vs. 29^r: 1 ME 40 (1) NAM.RA^{MES} *annalliš* ŠA DINGIR^{LIM}.
- 37 Rs. 14^r f.: 2 É (ŠÂ 20 NAM.RA) *annalliš* IR^{MES} DINGIR^{LIM}.
- 38 Giorgadze, *Očerki* . . . , 81 ff.
- 39 J. Friedrich, HG [Leiden 1959] 64^r f.; F. Imparati, *Le leggi ittite* [Roma 1964] 124 f.
- 40 H. Otten & Vl. Souček, StBoT 1, 29 f.; Giorgadze, *Očerki* . . . , 123 f.

Two Forms of Non-Slave Labour in Hittite Society

1 Introduction Among the Hittite cuneiform texts excavated since the beginning of this century at Hattušaš (now Boğazköy, Turkey), the capital of the Hittite Kingdom from about the middle of the seventeenth to the early part of the twelfth century BC, there are a number that preserve data on the existence of various forms of non-slave labour in Central Asia Minor during this period. In this paper we deal with two of these forms: hired labour and what is usually called corvée labour.

2 Hired Labour The existence of hired labour among the Hittites is attested by a number of forms in the vocabulary of the language: *kuššan-*, "pay for hire" or "wage," *kuššanija-*, "to hire," *kuššani tija-*, "to be hired," *kuššan ija-*, "to enter into an agreement about hiring," ^{L6}*kuššanattalla-*, and ^{L6}*kuššanijatalla-*, "hired man" or "hired labourer."

Rules regulating labour under conditions of hire are laid down in the Hittite Laws [Friedrich 1959, cited below as HL] and seem actually to have been applied in real life. The Hittite Laws indicate that men were hired primarily for agricultural work and for military service. HL §150 seems to mention hire of labour for another type of production, but the passage in question is too damaged to draw any certain conclusions.

2.1 Agriculture Hired labour in agriculture seems to have been primarily of a seasonal nature, being especially important during the harvest when there was more demand for manpower. Men were hired to bind sheaves, load carts, and store grain, as well as to prepare the threshing floor [HL §158]. Other agricultural work is not mentioned in the Hittite Laws in connection with the hiring of labourers. It is possible, however, that additional labour was required for such tasks as spring field work, or whenever domestic animals like oxen, mules, or donkeys were hired [HL §78, 151, 152, 157].

2.2 Military It is especially interesting that the Hittite Laws [§42] permit the hiring of a man for a military campaign, presumably as a warrior. Apparently those who were themselves liable to military service had the right to hire for pay (*kuššan*) men to fulfill their duties during the campaign. The same paragraph envisages the possibility of the death of the hired man, in which case the person who had hired him is required to pay compensation to his family or to the "house" where the man had worked before going on the military campaign.

Judging from the text of the treaty between the Hittite king and the land of Išmeriga [Kempinski and Košak 1970:196f.:2ff.], hirelings could not be employed for all kinds of military duties. The treaty expressly forbids the enlistment of a "hireling" (¹⁶*kuššanatalla-*) or a "slave" (ARAD₂, i.e., and unfree dependent) in any detachment of heavy armed warriors (ERIN₂.MEŠ.AGA.ÚS, ¹⁶AGA.ÚS) formed to aid the Hittites. The reason for this is not explained in the text, though it is probable that the same restriction obtained in the Hittite kingdom itself.

2.3 Duration of Hire and Wages The Hittite Laws indicate the normal periods of hire and the average compensation for hire. It seems that a month was the most common period of hire [HL §150,158], but two and even three months are attested [§158]. The duration of service for a hired warrior is not mentioned in the Hittite Laws.

Payment for hire was made both in advance and after completion of the period of hire. Compensation is usually calculated in silver or in grain [HL §42,150,158]. The rate of compensation depended not only upon the kind and duration of labour but also upon the qualification of the labourer, including sex: a woman received less than a man [HL §158]. For three months of work associated with harvest time, including binding sheaves, loading carts, storing grain, and preparing the threshing floor, a man was paid thirty measures of grain. For two (a variant reads "three") months of the same kind of labor, a woman received only twelve measures of grain. Thus, a man received ten measures per month to a woman's six (or four, if the variant is correct). For purposes of comparison, one measure of grain would buy a bronze axe weighing one mina; the loan of a bronze axe for one month cost one shekel of silver [HL §161]; a ploughing ox, a horse, a mule or a donkey could be hired for a month for one shekel [HL §151,152,157].

Special conditions obtained when a person hired for service perished during military operations [HL §42]. If the payment had been received by the hireling in advance, then there was to be no further compensation. If, on the other hand, the hireling had not received payment in advance and if the hireling was a man, the employer was required to hand over "one head" (i.e., person) plus twelve shekels of silver. For a woman, the compensatory payment was half that amount, i.e., six shekels.

2.4 Status and Role of Hirelings in Hittite Society The Hittite Laws provide no direct evidence for determining the social status of these hired men and women. The Laws themselves distinguish only "freemen" (¹⁶*ELLU*) and "slave" or "unfree men" (ARAD₂), the latter including various people of low standing. It would seem, therefore, that hirelings could come from either "free" or "unfree" groups, i.e., "free," being those who had the legal right to dispose of their own labour and "unfree," those who were in either a temporary or permanent (slave) state of subjugation to someone else. In the case of these dependent persons it would have been the person exercising authority over them who hired them out. Noteworthy in this respect is the Išmeriga treaty mentioned above (§2.2), which, though it ranks dependent persons ("slaves") alongside hirelings, nevertheless, distinguishes the two.

In spite of the fact that temporary exploitation of a hired labourer must have been economically of more advantage than the buying of a slave, hired labour does not seem to have reached the level of development in the Hittite kingdom comparable to that of Babylonia in the Old Babylonian period (c. 2000-1600 BC) [Klengel 1976:72ff.; Klüma 1964:130f.]. In Babylonia special written contracts for hire of labour existed, whereas nothing of the kind has been discovered in the archives of the Hittite capital. A significant expansion of the dependent labour force through the Hittite policy of deportation may in part account for the lack of evidence for hired labour. These deportees, attested in considerable numbers and denoted in the texts by the sumerogram NAM.RA, were incorporated into the society partly as real slaves and partly as persons working independently in individual "houses," being subject to non-slave type exploitation [Goetze 1933:56f., 64f., 76f.; Diakonoff 1967:363f.; Giordagze 1973:70ff.]. Another reason, however, for the comparatively undeveloped character of hired labour in Hittite society may have been the existence of the so-called *corvée*, to which we now turn our attention.

3 Obligatory Labour Service The system of production usually termed *corvée* labour pertained in Hittite society to the direct producers in the palace and temple economies. It is a non-slave type of production that presupposes a disjunction in time and space between necessary and surplus labour. By "necessary" I mean labour required to produce the necessities of life for the labourer, and by "surplus" I mean what was left over after the necessities had been satisfied. It is this surplus labour that is consumed by the obligatory labour service usually called *corvée*. Half of the total labour output of the direct producer seems to have been expended in surplus labour (see below 3.1).

The Hittite term for obligatory labour service seems to have been *luzzi*. We encounter the use of this labour service for king (i.e., palace, *šahḫan luzziya* ŠA LUGAL), god (i.e., temple ŠA DINGIR^{UM} *šahḫan luzziya*), as well as for high state officials, such as "Lord of the Land" (EN.KUR^{UM}), "Lord of the March" (EN MADGALTI), and "Mayor of the Township" (MAŠKIM URU.KI) [KUB 26 43 ii 7ff., 58 i 8ff.; KBo 6 28 rev.22ff., 29 iii 19ff., etc.]. This labour was owed, presumably in return for holding land, which the state awarded to individual direct producers of material wealth. It was obligatory, and the holders of land could not be freed from such work except by royal decree. Thus, this obligatory work constituted a kind of rent paid in labour: the state provided the land, and the holders of this land paid the state for their use of it by performing labour service. The obligatory work itself consisted of agricultural labour, repairing fortresses, construction works, and other state projects.

3.1 Evidence for the Nature of Obligatory Labour Service Though the specific relationships outlined above are nowhere spelled out in detail, the inferences we have made are supported by a number of Hittite documents. One of the Hittite "Instructions" [KBo 16 54 ii 2-6; cf. Riemschneider 1965:337] prescribes: if there is only "one man" in a "house" (i.e., economic unit), he must perform the "work of the palace" (ŠA É.GAL^{UM} [KIN]) for the duration of four days, the next four days being free for the "work of his (own) house" (KIN ŠA É.^{UM}-ŠU). Thus, we are dealing with a

situation where a "man," whether agricultural labourer or craftsman, must work for (and on) the palace estate at another time and place than that which he works for himself. The work is divided half and half, four days of his labour going to the palace and four for himself.

Another Hittite document [ABoT 53:5-10] implies the same half and half division of labour between palace and worker. It notes that, if there are four men in one "house," two of them must work for the palace and two for the "house" [Otten 1961:375; Archi 1977:14]. Thus, what I have called "necessary" labour, being that spent working for oneself on one's own land or craft, equalled the amount of "surplus" labour spent on state obligations.

Other Hittite documents confirm the distinction and relationship between the household of the palace on the one hand and the household of the tenant on the other. Thus, one broken text [KUB 31 112:rev.19-23] mentions "in thy house" (INA É-KA) and someone "who [r]uns away from work" (*kuiški ištū* KIN arḫa ḫu [wai]) in connection with the "works of the palace" (ŠA É.GAL^{LM} KIN.ḫI.A). A text fragment [Bo 4.007; cf. Souček 1963 :380 nt.49a] mentioning people designated by the Akkadian term *muškēnūtum* again shows the distinction between "works of the king" (LUGAL-waš KIN.ḫI.A) and "work of the house" (É KIN). The "works of the king," which also occur elsewhere [e.g., KUB 36 112:rev.14], are certainly identical with the "works of the palace" noted above.

Draft animals were also liable to service obligations. One text [KUB 31 57 i 16-19] prescribes that whoever owns six oxen must send two, whoever owns four must send one, and he who owns more must send a person—obviously to work for the king [cf. Archi 1973:20, 1977:14; Giorgadze 1980:53 n.8].

Other texts draw a distinction between fields pertaining to palace or temple and those pertaining to tenants. A text written in the name of the king in connection with a royal donation of considerable landed property contrasts "fields . . . of the palace" (A.ŠA . . . É.GAL) with "fields of the ploughmen" (A.ŠA ŠA LÚ.MEŠ APIN.LÁ^{TM}) [Riemschneider 1958 no.3:6, 11, etc.]. That these fields are distinct is indicated by the fact that they are listed in the document as different objects of royal donation.

That the same type of distinction was drawn between the "field of the god" (A.ŠA DINGIR^{LM}) and the "field of the ploughman" (A.ŠA LÚ APIN.LÁ) is illustrated by the following passage from the Instruction for Temple Officials ¶16: "(If) you plant much but say before the priest (that) it (was) little; or (if) the god's field (is) productive and the field for (you) farmers is injured, and you call the god's field yours and call your field the god's field; or (if) when you store the grain you declare half but make no mention of (the other) half, and afterwards you come (and) divide it among yourselves and it is nevertheless finally discovered . . . that is a sin for you . . ." [Sturtevant and Bechtel 1935:162f.].

Conclusion Though hired labour existed as an economic factor in Hittite society, the greater role in production was probably played by the type of labour usually referred to as *corvée*. Actually the latter seems to be a kind of rent paid in the form of labour service on land held from the crown or temple, whereby the crown or temple tenant was expected to render the same amount of labour to the palace or temple as was necessary to his own economy [for more detail, see Giorgadze 1977].

- Archi, A. 1973: "Bureaucratie et communautés d'hommes libres dans le système économique hittite" in *Festschrift H. Otten* (Wiesbaden).
- Archi 1977: "Il 'feodalismo' ittita," *Studi Micenei ed Egeo-Anatolici* 18:7-18.
- Diakonoff, I.M. 1967: "Die hethitische Gesellschaft," *MIO* 13:313-366.
- Friedrich, J. 1959: *Die hethitischen Gesetze* (Leiden).
- Giorgadze, G.G. 1973: *Ocherki po sotsialno-ekonomicheskoi istorii khettsskogo gosudarstva* (Tbilisi).
- Giorgadze 1980: "Nekotorye formy nerabskoi ekspluatatsii v khettsskom obshchestve," *Kavkazsko-Blizhnevostochnyi sbornik* (Tbilisi) 6:48-56.
- Goetze, A. 1933: *Die Annalen des Muršiliš* (Leipzig).
- Kempinski, A. and Košak, S. 1970: "Der Išmeriga-Vertrag," *WO* 5:191-217.
- Klengel, H. 1976: *Hammurabi und seine Zeit* (Berlin).
- Kllma, J. 1964: *Gesellschaft und Kultur des alten Mesopotamien* (Prag).
- Otten, H. 1961: "Das Hethiterreich" in H. Schmökel, *Kulturgeschichte des Alten Orient* (Stuttgart) p.311-446.
- Riemschneider, K. 1958: "Die hethitischen Landschenkungsurkunden," *MIO* 6:321-381.
- Riemschneider 1965: "Zum Lehnwesen bei den Hethitern," *ArOr* 33:333-340.
- Souček, V. 1963: "Randnotizen zu den hethitischen Feldertexten," *MIO* 8:369-382.
- Sturtevant, E.H. and Bechtel, G. 1935: *Hittite Chrestomathy* (Philadelphia).

ПРОИЗВОДСТВО И ПРИМЕНЕНИЕ ЖЕЛЕЗА
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АНАТОЛИИ ПО ДАННЫМ
ХЕТТСКИХ КЛИНОПИСНЫХ ТЕКСТОВ

После выхода в свет работ А.Гётце /Goetze, 1955; 1957/, Э.Лароша /Laroche, 1957/, Л.Якоб-Рост /Jakob-Rost, 1961-1963/ и других хеттологов в распоряжении широкого круга исследователей (историков, филологов, археологов) оказались почти все доступные науке в период опубликования указанных работ данные хеттских клинописных текстов относительно появления и применения железа (шум. AN.BAR, хатт. и хетт. ḫaralki-, акк. pazziššu) в Центральной Малой Азии хеттской эпохи. Исходя из этих данных, делалось заключение, что железо в Анатолии указанного периода не было металлом повседневного пользования и его применяли в основном для изготовления украшений, идолов, культовых предметов, имевших символическое значение (прочности, вечности, чистоты) во время ритуалов, религиозных празднеств и т.д. /Laroche, 1957, с.12-14/. Археологические данные всецело подкрепляли отмеченное выше заключение, которое неизменно повторяется во многих последующих работах исследователей.

Одновременно с этим Э.Ларош в своей статье подчеркивал, что в интересующую нас эпоху железо не применялось исключительно для перечисленных выше целей, так как, судя по текстам, его использовали и для изготовления предметов утилитарного назначения, отдельных орудий труда или видов боевого оружия, и что в период Новохеттского царства железо не являлось предметом только роскоши /Laroche, 1957, с.12, 14/. Указывая на изготовление хеттами большого количества железа в период Нового царства, А.Гётце одновременно предполагал применение в Хатти как метеоритного, так и неметеоритного, или металлургического (рудничного), железа /Goetze, 1957, с.120/. Предположение о применении в Анатолии земного железа подтвердилось лишь в начале 70-х годов. Как показал металлографический анализ, известный железный кинжал из Аладжа-Хююка (в 35 км к северу от Богазкёя/Хаттусы), датировемый

специалистами приблизительно 2100г. до н.э., был изготовлен из земного железа, совсем свободного от никеля /Wertime, 1973, с.682, прим.17; Waldbaum, 1980, с.71; Иванов, 1976, с.77; Иванов, 1983, с.40/. Естественно допустить, что этот вид железа вместе с метеоритным применялся на территории Хатти и позднее, в период Хеттского государства¹.

Опубликованные в течение двух последних десятилетий новые хеттские клинописные тексты в сериях KBo и KUB, которые касаются железа, всецело поддерживает вышеуказанные предположения А.Гётце и Э.Лароша. Более того, наряду с выявлением подобных свидетельств о применении железа для изготовления ритуальных предметов или отдельных идолов, предметов роскоши и т.д. в распоряжении исследователей оказались совершенно не известные ранее факты применения железа, пока еще не использованные широким кругом специалистов. Вместе с известными ранее данными хеттских текстов об этом металле новый хеттский письменный материал с достаточной убедительностью подтверждает существование довольно развитой железной металлургии у хеттов интересующего нас периода и опровергает мнение об ограниченности производства железа в Хатти. Поэтому сперва остановимся на рассмотрении этих новых данных, после чего можно будет сделать некоторые общие выводы с учетом известных ранее хеттских текстов, а также археологических материалов. Сразу же отметим, что сегодня ни один из древневосточных архивов так не богат сведениями о железе, как Богазкёйский. Применение железа в Анатолии, по данным хеттских источников, четко отличается от того, что известно из других клинописных архивов древнего Ближнего Востока.

В некоторых опубликованных ритуалах, инвентарных списках или отдельных фрагментах религиозного содержания, большая часть которых датируется периодом Новохеттского царства, упоминаются вновь "железный трон", на этот раз в связи с тавананной (AN.BAR-aš GIŠ-DAG= хетт. ḫalmasuitt-)², изображения "девушки (из) железа" (DUMU.SAL AN.BAR) и "овцы (из) черного железа" (UDU AN.BAR GE₆)³, "железного неба" (/AN.B/AR-aš periš) и "языка (из) железа" (lalaš AN.BAR-aš)⁴. В одном, видимо храмовом, строительном ритуале перечислены 12 цалла- (возможно, "подставки") из железа, 10 железных гвоздей ("кольшков"), 10 (+х) железных Enzi- (значение неизвестно), "1 топор (из) железа"⁵, которые закладывались в каждый угол фундамента и под бронзовые изображения богини и быка⁶. Железные гвозди (GIŠKAK AN.BAR) и жертвенник упоминаются также в ряде фрагментов⁷. "Серп луны (из) черного железа" (Lupulla) упоминается в KUB XLIII 43 Vs.5 (1-EN ag-ma-an-ni-š AN.BAR GE₆). В текстах часто упоминаются и разные железные предметы, значение которых пока не установлено⁸, или же какие-то предметы из железа, названия которых не сохранились полностью либо вообще не сохранились⁹.

Как и в известных ранее случаях, в хеттских текстах речь идет об отдельных кусках (слитках) железа¹⁰ или прос-

то о железе (иногда черном) вместе с другими металлами и дорогими камнями¹¹. В одном тексте купцы хвастаются, что они привезут в неизвестный по тексту город много депортированных (NAM.RA), быков, овец, коней, мулов, ослов, а также серебро, золото, "вавилонский камень", горный кристалл и, что особенно интересно для нас, железо¹² — доказательство того, что этот металл являлся одним из предметов купли-продажи.

В начале 70-х годов было опубликовано несколько хеттских текстов, в которых упомянуты железные предметы, не являвшиеся ни предметами роскоши, ни ювелирными изделиями. Это железные сосуды, разные железные кинжалы и ножи, их железные лезвия (кинжик), оружие из железа, а также железные предметы, назначение которых трудно установить. Возможно, лишь часть из них имела ритуальное значение. Обращает внимание факт их изготовления в большом количестве.

В первую очередь рассмотрим отрывки текстов KUB XLII 11 и 21, которые можно назвать "Списками железных изделий", так как в них перечислены в основном железные предметы, а также фрагмент инвентарного списка KBo XVIII 158.

KUB XLII 11 V 1-9, 15

- (1) /...../-x 3 GIŠTUKUL A/N.BAR.../
 (2) /...../ ŠA-BA 1 AN.BAR GE /6.../
 (3) /..... AN.B/AR GE₆ 5 NÍG GÍD, DA AN.BAR /.../
 (4) 5 (?) EME.GÍR TUR AN.BAR GE₆ 6GÍR TUR AN.BAR /.../
 (5) 10 EME.GÍR AN.BAR 6 EME.GÍR ZABAR
 (6) 18 EME.GÍR GAL ŠA-BA 2 TUR
 (7) 7 pal-za-ḥa-aš AN.BAR ŠA 1 GUL
 (8) 81 NÍG GÍD, DA AN.BAR GE₆ 3 pu-ri-aš ŠA-BA 1 AN./BAR .../
 (9) /x+/1 pal-za-ḥa-aš AN.BAR SIG₅ /.../
 (15) 16 NÍG GÍD, DA AN.BAR GE₆ ŠA-BA 1 SU.U

Перевод

- "(1) /...../, 3 оружия (палицы, булавы) (из) железа.../
 (2) /...../, в их числе 1 (из) черного железа /.../
 (3) /...../ (из) черного /железа, 5 длинных сосудов¹³ (из) железа /.../
 (4) 5(?) лезвий (кинжиков) маленьких кинжалов (ножей?) (из) черного железа, 6 маленьких кинжалов (ножей?) (из) железа,
 (5) 10 лезвий кинжалов (из) железа, 6 лезвий кинжалов (из) бронзы,
 (6) 18 лезвий больших кинжалов (мечей?), в их числе 2 маленьких (?),
 (7) 7 palzaḥaš¹⁴ (из) железа, в их числе 1 с клеймом (?),

- (8) 81длинный сосуд (из) черного железа, 3 ругијаš¹⁵, в их числе 1 (из) же/леза .../,
 (9) (x+) 1 palzaħaš (из) хорошего железа /.../,
 . . . . .
 (15) 16длинных сосудов (из) черного железа, в их числе 1 (с диоритным) камнем".

KUB XLII 21 Vs. 4-8, 10

- (4) /.../... TU-TI-IT-TUM TUR (?)
 (5) /.../ TU-TI-IT-TUM GAL AN.BAR ŠĀ-ŠŪ /.../
 -----
 (6) /88^{GI/Š} dup-pa-aš GAL ŠĀ-ŠŪ ŠU-ŠI 6 AN.BAR SIG₅ 22 AN.BAR ŠA GUNNI (?)
 (7) /.../ G^{IS} dup-pa-aš ŠU-ŠI AN.BAR pal-za-ħa-aš ŠĀ-ŠŪ
 (8) /.../ G^{IS} dup-pa-as ... 20+1/2+5 AN.BAR an-da
 . . . . .
 (10) /.../ pi-ša-ni 33 MA AN.BAR

Перевод

- "(4) /.../ ... маленьких (?) TUTITUM,
 (5) /столько-то/ больших TUTITUM (из) железа в их числе, /.../
 -----
 (6) /88/¹⁶ больших duppaš¹⁷, в их числе 66 (из) хорошего железа, (а) 22 (из) железа очага (?)¹⁸,
 (7) /столько-то/ duppaš, 60 palzaħaš (из) железа, в их числе,
 (8) /столько-то/ duppaš ..., 25^{1/2} (?) (из) железа в их числе,
 (10) /.../ pišani (?), 33 корабля¹⁹ (из) железа...".

KBo XVIII 158 1-8

- (x+1) /... G^{IR}?/ GAL 1 LI-IM /.../
 (2) /MA/N-TA-TUM L^{UMES} E.D/E.A .../
 -----
 (3) 56 EME.G^{IR} AN.BAR /.../
 (4) 8 EME.G^{IR} L^{UMUHALDIM} /.../
 (5) 16 G^{ISTUKUL} AN.BAR G /E₆ .../
 (6) 2 LI-IM EME./G^{IR}.../
 (7) 2 LI-IM 2 ME-E (?) x/.../
 (8) 2 ME-E (?) /.../

Перевод

- "(x+1) /столько-то/ больших /кинжалов (из) .../, 1 тысяча /.../,"

16-945

(2) /Д/ань куз/не/цов /.../.

(3) 56 лезвий кинжалов (из) железа /.../,

(4) 8 лезвий кинжалов /ножей/ (для) повара /.../,

(5) 16 оружий (палиц, булав) (из) чер/ного/ железа, /.../,

(6) 2 тысячи лезвий /кинжалов.../,

(7) 2 тысячи 200(?) /.../,

(8) 200 (?) /.../"²⁰.

В некоторых хеттских фрагментах упомянуты только отдельные части железных кинжалов (или ножей), такие, как "лезвие, клинок" (EME), lupanni-/lučanni- "головка" (?), GAB(?)²¹. Отметим, что в новых хеттских текстах упомянуты и железные топоры²², "железный топор копья" (видимо, наконечник этого оружия)²³ и другие предметы. Например, в тексте KBo XVIII 181 RS.31-32 перечислены: (31) /... ŠA-BA 1/AN. BAR 1 URUDU NIG.SU.LUḫ.ḪA. AN.BAR (32) /.../ ŠA-BA 1 AN.BAR 1 URUDU DUGSILA. SU.DUG.A AN.BAR (31) /.../ в их числе 1 (из) железа, 1 (из) меди, железный сосуд для мытья рук, (32) /.../, в их числе 1 (из) железа, 1 (из) меди, железный сосуд SĪLA. SU.DUG.A" (т.е. сосуд, который, видимо, держал "кравчий", ввиду чего его называли LUSILA. SU. DUG.A).

Впервые было засвидетельствовано в одном хеттском тексте существование "кузнецов по железу" (букв. "железоделатели") — LÚMEŠ AN.BAR. DÍM.DÍM, рядом с "кузнецами по серебру" (LÚMEŠ KU.BABBAR.DÍM.DÍM) и "кузнецами по меди" (LÚMEŠ URUDU.DÍM.DÍM). Это — так называемый MELQIT-список: KBo XVI 68 III 8-25 (CTH 523). Ниже приводим отрывок из этого текста, касающийся "кузнецов по железу":

(8) /ME-EL-K/I-IT LÚMEŠ AN.BAR.DÍM.DÍM/2 MÁŠ.TUR 1 NINDA.-KUR₄.RA-aš 1 ta-ḫa-ši-iš/

(9) /mar-nu-an 1/ ta-ḫa-ši-iš KAŠ GĚŠTIN /I-NA É DLAMA da-an-zi/

(10) ta-aš-ša-an /ši-ú/-ni-/i/š-/mi hu-kán-zi LUGAL-i UZUNÍG.GIG/

(11) ú-da-an-zi LUGAL-aš p/i-ra-an 1 NINDA_{ya}-ga-da-an da-an-zi/

(12) p/i-ra-na 1 NINDA_{ya}-gi-e /š-šar 15 IŠ 1 DUG mar-nu-an/

(13) LÚAGRIG URU_A-li-ša pa/-a-i 1 DUG KAS GĚŠTIN LUZABAR.-DIB pa-a-i/

Перевод

"(8) /В качестве малк/ет кузнецы по железу (букв. "железоделатели") /берут двух козлят, 1 толстый хлеб, 1 кувшин/

(9) /марнуана, 1/ кувшин пива (и) вина (в храме Божества-Защитника (бога Инара)/

- (10) и они их (т.е. козлят) /режут боже/ству с/воему.
Царю они печень/
(11) подносят. П/еред/ царем /они 1 вагата-хлеб берут/.

-
- (12) И далее (?) 1 хлеб-~~ваге/ссар/~~, 15 IŠ, 1 кувшин *мармуана/*
(13) управляющий г.Алисы вы/дает. 1 кувшин пива (и) вина
чашник выдает"/²⁵.
-

В связи с приведенным текстом следует рассматривать один хеттский фрагмент какого-то ритуала во время религиозного праздника — КВо XVII 46 Vs. 25-28 (СТН 669), имеющий прямое отношение к кругу интересующих нас людей:

- (25) LU^{MES} GUŠKIN.DÍM.DÍM SÌR-RU /.../

-
- (26) LU^{MES} AN.BAR 20 /x x/ru-ru-uš AN.BAR x /.../
(27) LU^{MES} KÚ.BABBAR 20 /x x/ru-ru-uš KÚ.BABBAR x /.../
(28) LU^{MES} URUDU.DÍM.DÍM ša-am-na-an-zi x /.../

Перевод

- "(25) Кузнецы по золоту (букв. золотоделатели) поют /.../.

-
- (26) Люди железа (или "по железу") 20 /.../-*пурус* (из) железа /.../.
(27) Люди серебра 20 /.../-*пурус* (из) серебра /.../.
(28) Кузнецы по меди устанавливают (расставляют) /.../"²⁶.

В текстах засвидетельствована связь между кузнецами вообще (LU^{MES} E.DE.A) и железом. Так, согласно КВо X 23 I 22-24 (СТН 627), "(22) Главный над кузнецами (23) железа (ритуально) священное копьё (24) держит (в руке)"²⁷. В рассмотренном выше инвентарном списке КВо XVIII 158, где перечислены различные железные предметы (стк. 3-5), речь идет и о дани кузнецов вообще²⁸. В связи с данью (*MANTATUM*) железо упомянуто в КВо XVIII 162 Rd.3 (26 GIN AN.BAR "26 сиклей железа").

Заканчивая этим краткий обзор данных о железе в хеттских клинописных текстах, опубликованных с конца 60-х годов, сделаем некоторые выводы общего характера относительно производства, применения и распространения железа в Центральной Анатолии хеттской эпохи, привлекая, разумеется, известный до 60-х годов богатый фактический материал об интересующем нас металле.

В первую очередь обращает внимание употребление в текстах термина "железо" в разных сочетаниях, указывающих на разные виды железа: просто "железо" (AN.BAR), "небесное железо" (AN.BAR *perišaš*), "черное железо" (AN.BAR GE₆), сочетающееся с "черным железом неба". т.е. "черным

небесным железом" (AN.BAR GE perišaš), "хорошее, (ритуально) чистое железо" (AN.BAR SIG₅, по-аккадски *razišlu damqu*), а также "железо очага" (AN.BAR ŠA GUNNI). Иногда в одном и том же тексте четко различаются эти виды железа. Например, в рассмотренном выше "Списке железных изделий" (KUB XLII 11) четко различаются "железо" (стк. 5,7), "черное железо" (стк. 2-4, 8,15) и "хорошее, чистое железо" (стк.9), а в тексте KUB XLII 21 — "железо" (стк.5, 7,8), "хорошее железо", что не должно быть случайным, хотя мы не можем с уверенностью определить, технологически какого именно качества железо подразумевалось под этими терминами. Ясно только, что "хорошее железо", а возможно, и "железо очага" — это железо высшего сорта.

"Железо" (AN.BAR) засвидетельствовано в древнейшем хеттском тексте царя Куссары и Несы (Канеса) Анитты, сына Питханы, жившего в Малой Азии в период староассирийских торговых колоний, приблизительно в 1750 г. до н.э. /Гиоргадзе, 1965; Neu, 1974/. Предпосланные ему (в знак покорности) "человеком г.Пурусханды" трон (GIS ŠU.A) и скипетр (PA.ḪAL) были изготовлены из железа, которое вряд ли должно рассматриваться как метеоритное, несмотря на факт изготовления указанных железных предметов в столь ранний период истории хеттов. Возможно, именно поэтому в тексте отсутствует какое-либо определение ("небесное", "черное", "хорошее"), подтверждающее изготовление железных трона и скипетра из рудничного (выплавленного), земного железа, тем более что процесс изготовления железных предметов непосредственно из руды был известен в Центральной Малой Азии начиная приблизительно с 2100 г. до н.э. (см. выше относительно металлографического анализа железного кинжала из Аладза-Хююка). Текст Анитты недвусмысленно указывает лишь на то, что интересующий нас вид железа изготовлялся в Пурусханде.

Предположение, что "железо" следует отличать, например, от "черного железа", подтверждается целым рядом фактов, согласно которым "железо" и "черное железо" упомянуты в одних и тех же местах рядом²⁹. Следовательно, "железо" должно было отличаться и от "небесного железа" и тем более от "хорошего железа". Именно из него изготовлялось большое количество железных изделий в разные периоды Хеттского государства. Кроме приведенных выше примеров (см. также примечания 5-7, 9-12 и др.) известно и множество фактов, согласно которым из такого же "железа" были изготовлены троны (KUB XIII 26 II 3 — см. /Goetze, Sturtevant, 1938, с.88/), скипетры (KUB XX 87 I 12), очаги (KBo IV I Rs.19), небо³⁰, язык (IBoT I 26 I 18), скульптуры царя-лабарны³¹, голова царя (KUB XXIX 1 II 52), маленькие скульптурные изображения мужчин и женщин, олицетворявших в большинстве случаев разных богов и богинь³², изображения дивотных (быков, львов, оленей и других) и птиц (орлов)³³, рассматриваемые как культово значимые изделия, предметы украшений и роскоши³⁴, отдельные предметы бытового и хозяйственного назначения³⁵, разные пред-

меты, употребляемые при строительных ритуалах³⁶ и т.д. Нет сомнений, что интереснее нас "железо" было самым распространенным видом этого металла и изготовлялось в большом количестве.

Не вызывает сомнений, что "небесное железо" (AN.BAR perišaš) являлось метеоритным, так как "железо" в данном случае связывается с небом, как это наблюдается и у других народов Древнего Востока (ср. "железо неба" у египтян, см. /Waldbaum, 1980, с.79/). То же самое можно с уверенностью сказать и по отношению к "черному небесному железу" (AN.BAR GE₆ perišaš). Однако вопрос о том, являлось ли "черное железо" всегда метеоритным, вызывает определенные сомнения, хотя большинством исследователей поддерживается именно предположение о метеоритном характере "черного железа"³⁷. Можно предположить, что "черное железо" обозначало и железо неметеоритного происхождения, полученное металлургическим способом, которое ассоциировалось, а иногда и отождествлялось с метеоритным из-за каких-то общих качеств (возможно, из-за прочности или цвета).

Согласно хеттским текстам, из "черного железа" изготовлялось много разных предметов, среди которых особо следует выделить вышеупомянутые "длинные сосуды" (NIG GID.DA), кинжалы и ножи (GIR), лезвия или клинки этих же изделий (EME GIR, dupraš, т.е. "ларцы", основания для статуэток (pałzahuš), какие-то предметы в большом количестве³⁸ и т.д.³⁹. Оно должно было быть более прочным, чем обычное "железо", ибо из него изготовлялись, в частности, кинжалы и ножи или же клинки для них. Качество "черного железа" должно было быть достаточно высоким, что подтверждается данными текста KUB XLII 78 II 13, согласно которым "черное железо" применено вместе с дорогим камнем и золотом при изготовлении какого-то предмета украшения.

Вместе с тем "черное железо" уступало по качеству "хорошему железу", изделия из которого производились сравнительно в малом количестве⁴⁰.

"Хорошее (чистое) железо" (то же, что *pařilli dangu*) изготовлялось, по всей вероятности, из выплавленного железа высокого качества, из стали /Иванов, 1983, с.42, 96/ и очень ценилось не только у хеттов, но и у современных им народов. Оно было, по-видимому, технологически более совершенным, чем железо у соседей хеттов (ср., однако, /Waldbaum, 1980, с.81/), ввиду чего потребность в нем была высокой. Именно оно упомянуто в известном письме (КВо I 14) Хаттусили III, адресованном, как полагают, ассирийскому царю Салманасару I (/Goetze, 1940, с.27 и сл./). См. также /Wilsdorf, 1954, с.78; Laroche, 1957, с.12; Waldbaum, 1980, с.80; Иванов, 1983, с.96/).

Судя по тексту письма, предметы из такого железа изготовлялись очень редко, так как его производство было затруднено технологически и требовало много времени. Во всяком случае, Хаттусили III ссылается на то, что в его

Доме печати в Киццуватне такого железа не имеется. Ввиду важности документа КВо I 14 приводим транслитерацию и перевод интересующего нас фрагмента текста (II 20-24):

- (20) a-na parzilli damqiqi ša taš-pu-ra-an-ni parzillu
damqu i-na alKi-iz-zu-ua-at-na
(21) i-na bīt abankunukki-ia la-a-aš-šu parzillu a-na e-
pé-ši li-mi-e-nu
(22) al-ta-pár pazilla damqaqá e-ip-pu-šu a-di-ni la-a
i-gám-ma-ru
(23) i-gám-ma-ru-ma ú-še-bi-la-ak-ku i-na-an-na a-nu-um-
ma-lišān patar parzilli
(24) /ul-te-b/il-ak-ku

Перевод

- (20) Что касается хорошего железа, о котором ты мне писал, то хорошее железо в Киццуватне,
(21) в моем Доме печати, не имеется. Железо для изготовления (является) плохим (скверным).
(22) Я написал, (чтобы) они начали делать хорошее железо. Они (еще) не закончили.
(23) Как только закончат, я тебе пошлю. А в данный момент клинок кинжала (из) железа
(24) /я посы/лаю тебе¹.

Данные текста свидетельствуют, что просьба ассирийского царя касалась отправки ему именно "хорошего железа", а не какого-либо предмета из него. Факт заинтересованности царя только этим видом железа подразумевает, что техника изготовления "хорошего железа" была известна только хеттам. Хаттусили, по-видимому, сознательно воздерживается от посылки этого железа ассирийскому правителю, и, хотя далее обещает выслать "хорошее железо" после его изготовления, мы не совсем уверены, что он сдержал свое слово, возможно, ограничившись лишь отправкой клинка (лезвия) кинжала из обычного железа. Все сказанное выше делает приоритет хеттов перед другими народами Ближнего Востока в деле изготовления "хорошего железа" бесспорным, хотя Вальдбаум /Waldbaum, 1980, с.81/ и оспаривает это.

Если чтение AN.BAR ŠA GUNNI (?) "железо очага (?)" текста KUB XLII 21 Vs.6 (см. выше) является правильным, то перед нами факт существования еще одного вида железа. Согласно тексту, из 88 сосудов duppaš 66 было изготовлено из "хорошего железа", а 22 — из другого вида, т.е. из "железа очага (?)". Во всяком случае, в стк.6 явно упомянут какой-то вид железа, отличный как от "хорошего", так и от "черного", или обычного, "железа", ибо определительное слово не является ни идеограммой для GE₆ ("черное"), ни для SIG₅ ("хорошее"). При этом интересующее нас желе-

зо было более дорогим, чем "хорошее железо", поскольку изготовленные из него 22 предмета *durpaš* отделены от таких же предметов из "хорошего железа" (выделение изделий из более дорогого вида металла наблюдается, как мы видели выше, и в других случаях).

В опубликованных ранее текстах сохранились сведения о весе и размерах железных изделий. Так, в одном изданном Л.Якоб-Рост тексте упомянут "источник (из) железа, вес его 90 мин"⁴². Исходя из давно установленного факта, согласно которому 1 мина соответствует 505 г, интересующий нас "источник" (объект культа) весил 45.кг 450 г. Согласно другому тексту, неизвестный нам предмет из железа весил "/.../мины и 30 сиклей"⁴³, что соответствует минимуму 757 г железа (1 сикль = 8,4 г), если в тексте следует восстановить цифру "/1/", В КВо XVIII 162 Rd.3 (см. выше) речь идет о 26 сиклях (ок. 220 г) железа. В ритуальных текстах не раз засвидетельствованы факты, когда разные ритуальные железные предметы весят 1 сикль⁴⁴ (все они миниатюрные и имели символическое значение). Как отмечалось выше, хетты изготавливали железо и в слитках (кроме отдельных железных предметов, по-видимому, продавались и отдельные куски железа), вес которых, вероятно, указывался, как это делалось в отношении других металлов, например слитков серебра⁴⁵; однако в приведенном выше хеттском фрагменте (см. прим.10) указание на вес трех железных кусков не сохранилось.

В хеттских текстах засвидетельствовано и несколько указаний на размер железных изделий, находившихся в храмах. Самый большим из них явилось изображение железного плеченного быка — 3 пяди⁴⁶, а самым маленьким — статуэтки женщины и "горы Хаггаланы": $\frac{1}{2}$ пяди⁴⁷. Некоторые статуэтки женщины и мужчины, а также один "источник" имели величину по 1 пяди, а еще одна статуэтка мужчины — 1,5 пяди /Jakob-Rost, 1963, с.183 (стк.30), 194 (стк.2), 193 (стк. 1)/. Являясь символическими изображениями, названные железные изделия отнюдь не были миниатюрными.

В большом количестве изготавливались из железа так называемые "длинные сосуды", кинжалы и ножи и их лезвия (кинники), ларцы и некоторые другие изделия.

Только в рассмотренных выше текстах упомянуто более 100 "длинных сосудов" из железа, применение которых лишь в ритуальных целях, по нашему мнению, сомнительно. Видимо, они широко использовались и в повседневной жизни не только в дворцах и храмах, но и в состоятельных семьях. Подобные сосуды, возможно, изготавливались и из других металлов или из глины, однако мы не можем уточнить, какие из найденных при археологических раскопках в Центральной Малой Азии сосудов из металла и глины соответствуют по типу железным "длинным сосудам". Не исключено, что это сосуды (кувшины?) с длинным горлышком.

Не менее сомнительно, что железные кинники для кинжалов и ножей, как и сами железные кинжалы и ножи, названные только в рассматриваемых нами текстах в большом ко-

личестве (их также более 100), предназначались исключительно для ритуальных целей или для подарков хеттских царей другим властителям стран древнего Ближнего Востока. Такие кинжалы и ножи и их лезвия, как это засвидетельствовано документально, отнюдь не представляли большую редкость (ср. мнение К.Шеффера по этому вопросу в книге /Иванов, 1983, с.97/)⁴⁸. Их не следует рассматривать и как предметы исключительно царского оружия, опираясь лишь на то, что именно о таком "кинжале" идет речь в царской корреспонденции (см. выше фрагмент из письма Хаттусили III, адресованного ассирийскому царю; как видно из этого документа, просьба ассирийского царя касалась не железного кинжала, а "хорошего железа")⁴⁹. По-видимому, интересующие нас железные кинжалы и ножи имели более широкое применение, чем предполагалось раньше, и использовались в разных целях как во дворце или в храмах, так и вне их пределов. Так, применение клинков ножей для кухонных целей не вызывает сомнений из приведенного выше текста КВо XVIII 158, где упомянуты 8 клинков ножей повара (стк. 4), и из КВо XVIII 161 Rs. 12, 17, в котором говорится о 18 ножах повара (в одной строке 12 штук, в другой — 6 штук), правда, без указания, из какого металла они были изготовлены. Использование железных кинжалов или лезвий в качестве боевого оружия также не вызывает сомнений. Возможно, именно это было причиной их популярности и славы вне пределов Центральной Малой Азии.

Вызывает огорчение, что в рассмотренном тексте КВо XVIII 158, стк. 6-8, где названо огромное количество лезвий кинжалов (в итоге — 4400 штук), не сохранилось указания, из какого металла они были изготовлены. Согласно общей картине, отбразенной в этом фрагменте, они должны были быть сделаны из железа, возможно, из разных его видов. Однако утверждать это с уверенностью нельзя. В любом случае весьма интересен сам факт изготовления лезвий кинжалов из металла (пусть и из бронзы) в таком огромном количестве, что указывает, вероятнее всего, на их боевое назначение.

Также в большом количестве (в текстах упомянуто более 150 штук) изготовлялись из железа в Хатти так называемые *durpaš* — ларцы для хранения разных вещей. Существовали большие (см. выше KUB XLII 21 Vs. 6) и малые *durpaš*. Кроме железных существовали ларцы *durpaš* и из другого металла, а возможно, и из дерева, тем более что слово обычно писалось идеограммой дерева. Эти железные изделия также не должны были быть исключительно ритуальными, и их применение в других целях не должно вызвать возражений.

В текстах часто упомянуты в большом количестве железные постаменты для статуэток божеств (*palzaḫaš*) и корабли (*MA*) (см. выше). Применение некоторых из них (например, постаментов) в храмах и святилищах бесспорно.

Упоминание таких железных предметов, как "оружие (па-лица, булава)" (*GIŠTUKUL*), гвоздь или кольшеч (*GIŠKAK*), молоток, топор (*NIĜ.GUL*, акк. *ḫaḫḫu*) и т.д., в ритуаль-

ных текстах свидетельствует, что в данных случаях они имели ритуальное назначение. Однако такие же предметы, упомянутые в других текстах, естественно, не являлись ритуальными по назначению. Это особенно касается железного "оружия" (палицы, булавы) (ср. выражение хеттских текстов "человек оружия" — LUGIŠ TUKUL), которое обычно употреблялось именно в его прямом значении, т.е. как боевое оружие, а также железного "топора", о котором мы имеем прямое указание в одном судебном протоколе, что его выдали (видимо, из дворца) кому-то для личного пользования⁵⁰. Отнюдь не исключено, что это был боевой топор.

Комбинированное применение металлов при изготовлении различных предметов, обычное для народов древнего Ближнего Востока /Waldbaum, 1980, с.81/, было хорошо известно и хеттам. Прекрасным примером комбинирования бронзы и железа является, например, найденная в Богазкёе фигурка голого мальчика, нижняя часть тела которого сделана из железа, а верхняя — из бронзы /Riemschneider, 1954, с.240, табл.30/. Датируется она периодом Новохеттского царства и вряд ли является ритуальной по назначению⁵¹.

Согласно письменным данным, хетты писали не только на глиняных, но и на металлических табличках. Широкоизвестный мирный договор между Хаттусили III и Рамсесом II был написан как на глиняной табличке, аккадский вариант которого был найден в Богазкёе Г.Винклером, так и на серебряной, о чем мы узнаем из египетского варианта договора /ХИДВ, 1963, с.129/. Сохранилось также указание на существование таблички из бронзы (КВ V 6 IV 17). Особенно интересен факт "выгравирования" текста договора какого-то хеттского царя с правителем Даттассы Ульми-Тесупом на железной табличке (в тексте употреблен именно глагол *hazziia* "выгравировать; резать", а не *ḫatrāi* — "писать")⁵². Это делалось, видимо, очень редко и имело целью напомнить вассалу (в данном случае Ульми-Тесупу) о том, что договор должен быть вечным и крепким, как железо. Мнение о прочности, твердости и вечности железа уже существовало у хеттов с периода по крайней мере Среднего царства, что отразилось и в фигуральном выражении: "Слова табарны Арнуванды и царицы Асмуникал, (а также) царевича Тутхалии являются железными" (т.е. прочными, твердыми) /Riemschneider, 1958, с.354 и сл., стк.50/.

Весьма многозначны факты специализации кузнецов: кузнецы по железу (дословно "люди, делающие железо; железоделатели") четко сопоставлены, как видели выше, с кузнецами по золоту (букв. "золотоделатели"), по серебру (букв. "сереброделатели") и по меди (букв. "делатели меди"). Правда, кузнецы по бронзе пока не засвидетельствованы отдельно, однако это можно объяснить или тем, что их функции совпадали с функциями кузнецов по меди, или же они подразумевались в общем названии для кузнецов — LUMES E.DE.A, которое иногда могло включать в себя даже всех металлоделателей. Как известно, функции разных ме-

таллоделателей часто совпадали друг с другом: кузнецы по одному какому-либо металлу обрабатывали совершенно другой вид металла /Waldbaum, 1980, с.90/. Согласно тексту KUB XXXVIII 37 III/IV 16-20, кузнец, изготовивший серебряные статуэтки женщины, олицетворявшей богиню Солнца г.Аринны, и мужчины, воплощавшего бога Грозы того же города, назван в тексте не "кузнецом по серебру", а просто "кузнецом" (E.DE.A), который был главным над таллоделателями вообще (UGULA E.DE.A) /Jakob-Rost, 1963, с.199/. Следовательно, не исключено, что в обиход названии кузнецов иногда подразумевались и "железоделатели".

Специализация кузнецов по разным металлам, доказанная текстами KBo XVI 68 III 8-25, KBo XVII 46 Vs.25-28, а также KBo VIII 124 Rs.10-12 (см. выше), существовала с эпохи Древнехеттского царства, если, разумеется, датировка так называемого *малит-списка* KBo XVI 68 и других таких же текстов указанной эпохой не вызывает возражений⁵⁵. В любом случае наличие указанной специализации в Новохеттском царстве является бесспорным.

С кузнецами по железу (LÚMES AN.BAR.DÍM.DÍM) следует отождествить "людей железа", вернее, "людей (по) железу" (LÚMES AN.BAR) текста KBo XVII 46 Vs.26, о которых в хеттских источниках нет других сведений. Предположение, что они "делали" железо, подтверждается лишь фактом, согласно которому они жертвуют⁵⁶ какому-то божеству "20 /xh/-пурус (из) железа", т.е. предметы из того же вида металла, который сами обрабатывали. Упоминание "людей железа" в том же тексте рядом с "золотоделателями" (стк.25) и "сереброделателями" (стк.27) как будто оправдывает предположение, что и они были "делателями", но только железа.

Данные новых хеттских текстов со всей очевидностью доказывают, что кузнецы должны были платить дань, которая называлась "данью кузнецов" (MANTATUM LÚMES E.DE.A) и включала в себя сдачу готовых изделий из разных металлов (в том числе и из железа), а возможно, и отдельных слитков разных металлов в пользу дворца или храма. Перечисленные в KBo XVIII 158 предметы из железа, а также из какого-то металла (возможно, также из разных видов железа) являлись именно данью тех же кузнецов, упомянутых там же (стк.2). Согласно тексту KBo XVIII 162 Rd.3, "данью" являлись и 26 сиклей железа. О слитках серебра как о "дани", видимо, городов Лаккарва и Арпа говорится во фрагментах KBo XVIII 156 и 157. В числе кузнецов, плативших дань, находились, надо полагать, и железоделатели.

Обращают внимание данные §56 первой таблички хеттских законов, который посвящен кузнецу по меди (LÓURUDU.NAGAR), а также садовникам. В этом параграфе интересно то, что в нем речь идет не о кузнеце вообще (LÓE.DE.A), а лишь о кузнеце по меди, а это явно указывает, во-первых, на то, что сказанное в параграфе совершенно не касается других металлоделателей, а во-вторых, на уже существовавшую

специализацию среди кузнецов (как известно, первая табличка хеттских законов составлена в период Древнего царства хеттов). Согласно параграфу, кузнецы по меди не освобождались от выполнения разных государственных повинностей, или *лици* (раскалывание льда, работы по восстановлению крепостей или сборка винограда)⁵⁵. Остальные кузнецы, в их числе и "железоделатели", надо полагать, освобождались от работ, названных в §56, что указывает на определенную привилегию этих последних перед кузнецами по меди. Причины их освобождения от *лици* неизвестны. Возможно, их работа, в том числе и работа кузнецов по железу, ценилась больше, чем профессия медников.

В связи со сказанным небезынтересно рассмотреть выражение *É ḫabalki* ("Дом железа")⁵⁶ /Иванов, 1983, с.95, там же ссылки на источники/, которое можно сравнить с такими выражениями хеттских источников, как "Дом камня" (т.е. "Каменный дом") — *É.NA₄*, "Дом печати" (*É šijalas = É.NA₄KIŠIB*, акк. *bīt abankilikki* — см. выше), "Дом таблички" (*É durpaš*) и т.д. Однако остается неизвестным, что именно подразумевалось под термином "Дом железа", или "Железный дом". Возможно, это был "дом", где изготовлялось или хранилось готовое железо. В первом случае термин может обозначать кузницу, во-втором — склад, "Дом (по) железу", где хранился исключительно интересующий нас металл. Однако это последнее предположение как будто отпадает, так как железо хранилось, судя по письму Хаттусили III ассирийскому правителю, в "Доме печати", а не в "Доме железа". Следовательно, предположение о "Доме железа" как о кузнице выглядит более правдоподобным, хотя нельзя быть полностью уверенным в этом.

Согласно некоторым косвенным данным текстов, предметы из железа изготовлялись в разных местах Хеттского государства. Такой вывод можно сделать в первую очередь из текстов описаний божеств, изданных Л.Якоб-Рост, в которых перечислены различные железные предметы, находившиеся в храмах разных поселений и гор. Это были поселения Кункуния, Виявананта, Сиппа, Алкисана, Тапартика, Арива, Халалацана и горы /·/уммияра, Цивана, Хагалана, которые следует искать в основном в северных и северо-восточных районах Хатти⁵⁷. Следует упомянуть также Пурусханду, царь которой преподнес Анитте железные трон и скипетр, и Киццуватну, в "Доме печати" которой предполагалось наличие "хорошего железа". Возможно, предметы из железа изготовлялись не во всех названных выше пунктах, а в некоторых из них, откуда в дальнейшем их могли отправлять в храмы разных поселений.

Как отмечено в научной литературе /Waldbaum, 1980, с.80/, только в одном тексте Богазкёйского архива говорится непосредственно о производстве железа — в рассмотренном письме Хаттусили III. Однако это отнюдь не означает, что железо изготовлялось в Хатти в ограниченном количестве. Это явно противоречило бы многочисленным данным хеттских источников. В указанном документе, как мы

старались доказать, говорится лишь о сложности, трудности самого производства железа, что передано в тексте термином "делать железо"⁵⁸. Под этим подразумевался, по всей вероятности, весь процесс выплавки железа из руды (это и имеется в виду в переводе интересующего нас фрагмента текста в /Assyrian Dictionary, 1958, с.215/), тем более если дело касалось "хорошего железа", что действительно было связано с определенными трудностями (в письме Хаттусили III вряд ли подразумевается обработка метеоритного железа).

В хеттских текстах ничего не сказано о месте добычи сырья для железа, о железоплавильных печах и о многом другом, связанном с изготовлением железа⁵⁹; молчит об этом и археология Малой Азии. Однако нет сомнений, что в Анатолии хеттской эпохи все это существовало. Огромные запасы железной руды в Восточной Малой Азии, в частности в горах Понта и Тавра, были известны издревле. Северные и северо-восточные районы Анатолии, т.е. позднейшего Понта, были знамениты производством железа не только в эпоху существования Хеттской державы, но и до нее, в период хаттов-протохеттов, изобретателей выплавки железа из руды — ḫaralki, на территории которых, в Аладжа-Хююке, был найден упомянутый выше железный кинжал (ок. 2100 г. до н.э.). После же падения Хеттского царства, в античную эпоху, в указанном районе Понта занимались производством железа западнокартвельские — колхские племена /Абрамишвили, Микеладзе, 1966, с.29 и сл./, получившие от греков название "халибы" именно потому, что были железодельцами (подробнее см. /Иванов, 1983, с.107 и сл./). Начиная с IX в. до н.э. огромное количество железа ассирийцы в качестве дани получали из районов Хате (подробные данные см. /Wilsdorf, 1954, с.77/), т.е. из западноприевфратских областей Восточной Малой Азии, которые могли быть использованы в качестве поставщиков железной руды и в период Хеттского царства⁶⁰.

Выглядит совершенно естественным, что железные предметы (как и предметы из других металлов, известных хеттам, — золота, серебра, бронзы, меди и т.д., а также предметы из драгоценных камней) были связаны с дворцами и храмами. Это обстоятельство, правда, дает повод некоторым исследователям заключить, что, являясь предметами роскоши или ритуального назначения, железные изделия якобы были достоянием лишь дворцов и храмов /Waldbaum, 1980, с.80/. Однако ведь архивы, в текстах которых сохранились известные нам сведения о железе, являются дворцовыми и храмовыми, и в них, естественно, отражена картина применения железа именно во дворцах и в храмах. Других архивов в нашем распоряжении, как известно, пока еще нет; следовательно, у нас нет данных, всесторонне освещающих применение железа вне дворцов и храмов. Несмотря на это, в текстах тех же архивов все же сохранилось, как мы видели, достаточно сведений, доказывающих применение этого металла в широком масштабе.

Ограничиваясь этим далеко не полным рассмотрением данных хеттских текстов с некоторыми нашими интерпретациями, перейдем к краткому обзору железных предметов, найденных при археологических раскопках в Центральной Малой Азии. Как известно, здесь обнаружено всего несколько железных изделий периода ранней и средней бронзы (3000-1600 гг. до н.э.): упомянутый выше железный кинжал (с золотой рукояткой) из Аладжа-Хююка, 2 булавки с золотой головкой, 1 подвеска, фрагмент ножа (?) и фрагменты каких-то предметов (все также из Аладжа-Хююка). Количество железных предметов эпохи поздней бронзы (1600-1200 гг. до н.э.) больше: отдельные маленькие куски каких-то предметов, печать, 2 гвоздя, игла, кинжал, браслет, длинная конусообразная рукоятка копья, "топорообразный" предмет (все из Алишар-Хююка, IV-III слои, ок. 1600-1200 гг. до н.э.), неясные фрагменты, долото, 2 клинка топоров, 2 конусообразных копья (все из Богазкёя, слой периода 1450-1200 гг. до н.э.)⁶¹. Тут же следует упомянуть статуэтку голого мальчика, нижняя часть которой является железной /Riemschneider, 1954, с.240, табл.30/. Из всех этих предметов металлографически пока исследовано лишь несколько (см. ниже, прим.64).

Некоторые из этих железных предметов упоминались, как мы видели выше, и в письменных источниках, однако по сравнению с данными хеттских текстов о железе археологические материалы весьма скудны, и исходя из них было бы неправильно делать какие-либо далеко идущие выводы. Это привело бы к определенному игнорированию богатого материала хеттских документов. Данных археологов явно недостаточно для восстановления картины, которая соответствовала бы данным письменных источников. В этом отношении археология Малой Азии интересующей нас эпохи должна сказать свое слово в будущем. Тем не менее перечисленные археологические материалы все же дают возможность предположить, что в Анатолии из железа делались не только предметы роскоши или ритуального назначения, но и предметы, применяемые в других целях.

Хеттские клинописные тексты недвусмысленно указывают на существование развитой железной металлургии у хеттов, в особенности, периода Нового царства (XIV-XIII вв. до н.э.), когда в Хатти изготовлялось огромное количество железной продукции как из метеоритного, так и из земного железа⁶², что было немыслимо без достаточного освоения железной металлургии. Была развита техника изготовления различных предметов из железа разного веса и разной величины, предназначенных не только для украшений, культовых и ритуальных, но и для утилитарных целей. В процентном соотношении железные предметы порой даже преобладали над бронзовыми и медными предметами, что видно не только из вышеприведенных текстов (например, из названных в KUB XLII 11 разных предметов лишь один является бронзовым, остальные — железными), но и, например, из текстов описаний изображений божеств, в которых упомяну-

ты 28 железных и 5 бронзовых изделий /Jakob-Rost, 1961; 1963/. В процессе специализации металлоделателей было осуществлено выделение кузнецов по железу (это обычно наблюдается в период широкого освоения железа), работавших, возможно, в специальных мастерских. В интересующую нас эпоху употреблялись, а иногда и продавались отдельные куски (слитки) железа. Давно сложилось представление о крепости и вечности железа, что выразилось в фигуральном выражении — "твердое, как железо", и т.д.

Все это указывает на то, что в Анатолии в XIV—XIII вв. до н.э. уже осуществлялся переход от изготовления и применения драгоценных и ритуально священных железных изделий к использованию железа как металла для производства более широкого круга железной продукции⁴³. Это является весьма важным для определения начала сосуществовавшего с позднебронзовой эпохой раннего периода железного века в Центральной Анатолии XIV—XIII столетиями до н.э., после чего в Анатолии и вообще на древнем Востоке начинается период широкого освоения железа (с XII в. до н.э.) /Goetze, 1957, с.186⁴⁴.

Примечания

¹ К сожалению, железные предметы, найденные при раскопках в Центральной Анатолии памятников периода Новохеттского царства, еще не проанализированы металлографически /Waldbaum, 1980, с.78, табл.3-4/ (см. также ниже).

² КВо XVII 88 III 11, 25 (SALta-ца-па-ан-па-ан AN.BAR-аѝ GIŠDAG-ti-ra-it-/du-ца-.../; КВо XXII 201, IV 10-11; см. также /Neu, 1970, с.36/. Об известных ранее фактах относительно железного трона см. /Иванов, 1983, с.92 и сл. Там же литература/.

³ КВо XXVI 196 Vs.6; КВо XIV 72 Vs.1. О последнем тексте см. /Иванов, 1983, с.97/ с указанием литературы. Относительно известных ранее железных изображений женщины, мужчины, животных, птиц и т.д. см. /Lagache, 1957, с.12; Jakob-Rost, 1963, с.230 и сл./.

⁴ КВо XVII 1 Vs. I 8, 18; 2 I 4; II 11; 3 I 13. См. /Otten, Souček, 1965, с.61, 84, 88, 106; Hittite Dictionary, 1980, с.22, 96/. Относительно железных языка и неба см. также /Ардзимба, 1982, с.140, 148/.

⁵ КВо XV 24 II 30 (10 ɥallaš AN.BAR), 21 (10 KAKU¹.A AN.BAR; 10 ēnzi AN.BAR; 1 NIG.GUL AN.BAR), 36 (2ɥallaš AN.BAR), 37 (/x/ ēnzi AN.BAR). Публикации текста см. /Татишвили И.М., 1985, с.133 и сл./.

⁶ Относительно известного ранее храмового строительного ритуала КВо IV 1 см. /Татишвили, 1983, с.123 и сл./.. В тексте упомянуты различные железные предметы ритуального назначения.

⁷ КВо XV 19 II.7; КВо XVII 78 II 10 (12 KAK AN.BAR); Во 2030 IV 7 (30 GIŠKAK XI.AN.BAR) — /Иванов, 1983, с.94 (с указанием литературы)/ и др. О жертвеннике см. КВо XVIII 169, стк.3: /ZAG./ GAR.RA AN.BAR "/за/ртвенник (на) железа"/.

⁸ Например, 8 предметов AMPUTTU упоминаются в одном древнем ритуале /Otten, 1963, с.166/. Какие-то предметы из "черного желе-

за" (AN.BAR GE₆) упомянуты в KUB XLII 11 I 4; 75, 10. См. также KUB XLII 19 Vs.4: 1 GU.GUD AN.BAR GE₆ = "1 затылок (?) быка (из) черного железа". GU.GUD упоминается и в других текстах /Jakob-Rost, 1961, с.195; Jakob-Rost, 1963, с.232/. О железном предмете marī-sm. KBo XXII 189 189 11 5,7 (его держат "сын дворца" и царь).

⁹ KBo XXVI 197, x+2: /.../ AN.BAR DU-an-zi "/.../ (из) железа они делают". В KUB XLII 11 I 2,3 речь идет о каких-то предметах из "черного железа" (AN.BAR GE₆), один из них — 8 штук (стк.3). См. также KUB XLII 74 Vs.3-6: (3) /.../ AN.BAR (4) /.../-du-ú-ua AN.BAR (5) /.../ AN.BAR (6) /.../-la-an-za AN.BAR; 76 Vs.2: /.../ AN.BAR GE₆ ŠA-BU 5 /.../ /.../ (из) черного железа, в их числе 5 /.../".

¹⁰ KUB XLII 76 (=Bo 5990) Vs.1: /.../ AN.BAR 3 PAD AN.BAR I /I.LAL .../ — " /.../ железа. 3 куска (слитка) железа ве/сом .../". См. также /Wagner, 1967, с.18/, KBo XVIII 162 Rd.3: 26 GIN AN.BAR "26 синглей железа" (в качестве даши, см. ниже).

¹¹ KUB XLIII 60 IV 12-13: (12) KÙ.BABBAR GUŠKIN (13) AN.NA AN.BAR URUDU A.BAR "(на столе лежат) серебро, золото, олово, железо, медь, свинец"; KBo XXII 142 IV 3-4: "/х/мины железа" — см. также /Hittite Dictionary, 1980, с.83/; KBo XVII 91 I 3 (AN.NA AN.BAR "олово, железо"); KUB XLII 78 II 13: 1-EN AŠ.ME^{NA4} ZA.GIN AN.BAR GE₆ GUŠKIN GAR.RA "1 солнечный диск, покрытый голубым камнем, черным железом, золотом"; в тексте KUB XVIII 55, 6 дается фонетическое написание железа: ha-pal-k/i/. Железо упомянуто и в KBo XVIII 165, 4; 170, 2: GUŠKIN AN.BAR GE₆ "золото, черное железо"; 175 а, x+1; KBo XXI 22 Ra.40, 43 (=Arché, 1979, с.46 и сл.); KBo XXI 87 II, 10.

¹² KBo XII 42 Ra.10-11: KÙ.BABBAR GUŠKIN NA4KÁ.DINGIR.RA NA4DUg.ŠI AN.BAR и др. /Watkins, 1979, с.280 и сл. (там же литература)/.

¹³ "Длинный сосуд" — NIĞ GID.DA, акк. *kubartilli*, *kuprāriḫa*, перевод условный. Согласно А.Салонену, это — какой-то сосуд "с длинным горлышком" /Salonen, 1966, с.217 и сл./ (там же литература). Этот железный сосуд упоминается и в KUB XLII 14 Vs.2: /...N/IG CID.DA AN.BAR.

¹⁴ Значение точно не установлено. Предполагают, что palzaḫa обозначает "цоколь, постамент" /Lagache, 1957, с.12; HW¹, с.156/. 7 palzaḫaḫ упомянуты и в KBo XVIII 175а, 2, однако без упоминания железа. В KUB XLII 14 Vs.3 читаем: /x pal-/za-ḫa-aš AN.BAR SIG₅ — "/x pal/zaḫaḫ (из) хорошего железа". См. также KUB XLII 21 Vs.7 (см. ниже).

¹⁵ Согласно HW¹, с.173, какой-то вид стола (?). 3 rutiias упомянуты и в KBo XVIII 175а, 3 (без указания железа).

¹⁶ Количество железных предметов (88) восстановлено по данным этой же строки: 66 dupraḫ из хорошего железа + 22 dupraḫ из другого вида железа.

¹⁷ Имеются в виду ларцы-ящики для хранения разных вещей (в том числе и металлических).

¹⁸ Чтение "очаг" (GUNNI) в стк.6 текста не вызывает больших сомнений. Бесспорно, здесь имеется в виду отличный от "хорошего железа" вид этого металла, из которого сделаны 22 предмета dupraḫ.

¹⁹ Имеются в виду миниатюрные "корабли" ритуального назначения.

²⁰ См. /Hittite Dictionary, 1980, с.25/. Относительно "... лезвия (из) черного железа" (EME AN.BAR GE₆) см. также KUB XLII 76 Vs.3. В тексте KBo XVIII 172 Vs.14 упомянуты "6 лезвий (из) железа" (6 EME AN.BAR).

²¹ КВо XVIII 170 Rs.2: lu-ца-an-pi-eš GAB AN.BAR G/E₆/. В связи с этими частями кинжалов (или ножей) ср. известный ранее инвентарный список Мамкинни, KUB XII 1 III 6-13, где перечислены среди предметов из железа и "2 лезвия (из) черного железа" (2' EME AN.BAR GE₆), "GAB (и) головка (из) железа" (GAB lu-ra-an-pi-eš AN.BAR), "1 šikkīš (из) черного железа" (1 — EN šikkīš AN.BAR GE₆). См. /Laroche, 1957, с.11; Hittite Dictionary, 1980, с.86/.

²² KUB XLII 77 Vs.7: "... 2 топора (из) железа" (2 NIG.GUL AN.BAR).

²³ КВо X 24 III 27-28: NIG.GUL AN.BAR SA GISŠUKUR (Ранее было известно и "железное копье" — AN.BAR-aš ŠUKUR). См. также /Ардзинба, 1982, с.173, прим.81; с.175, прим.92/. Согласно новому тексту КВо XXII 189 II 4, во время ритуала железное копье держат "сыновья двorca" и *мешеди*.

²⁴ Относительно восстановленных мест текста см. /Kamshuber, 1970, с.562 и сл./. В.Г.Ардзинба дает во становление этого списка для кузнецов по серебру /Ардзинба, 1982, с.176, прим.119/.

²⁵ Перевод отрывка см. также /Kamshuber, 1970, с.563/. Там же и о том, что шум. DUG ("кушвы"?) бесспорно соответствует хеттскому taḫai-.

²⁶ Предполагаем, что "люди железа" и "люди серебра" соответствуют "кузнецам по железу" и "кузнецам по серебру". См. также ниже. Относительно "кузнецов по меди", "кузнецов по золоту" и "кузнецов по серебру", в связи с которыми в неизвестном контексте упомянуты 3 овцы, 1 бык и 10 овец соответственно, речь идет также во фрагменте КВо VIII 124 Rs.10,11,12. Не исключено, что в этом последнем поврежденном тексте были отмечены и "кузнецы по железу".

²⁷ (22) UGULA LU^{MES} E.DE.A (23) AN.BAR ba-ku-ца-an-na-as GISŠUKUR (24) rag-zī. См. также /Ардзинба, 1982, с.29 и 173, прим.79/.

²⁸ Об этом см. и ниже в связи с кузнецами по железу.

²⁹ KUB XV 9 III 3; KUB XXXII 129 I 13: "...серебро, золото, железо, черное железо, олово..."; KUB XII 24 I 8: "... серебро, черное железо, олово, железо...".

³⁰ KUB XXXIII 34 Rs.9; KUB XXXIV 77 Rs.9; PHG + IBoT I 26 I 8; /Laroche, 1957, с.13 и сл.; Иванов, 1976, с.78/.

³¹ KUB XI 23 VI 4 /Laroche, 1957, с.13, Friedrich, Kamshuber, 1980, с.351/.

³² Ссылки на них даны в работах /Laroche, 1957, с.12; Jakob-Rost, 1961, с.192 и сл., 199, 201, 208, 215; Jakob-Rost, 1963, с.183, 186 и др./. См. также /Naas, 1977, с.53 и прим.20/.

³³ Рассмотрены в работах /Laroche, 1957, с.12; Jakob-Rost, 1961, с.193, 199; Jakob-Rost, 1963, с.175, 183 и др./.

³⁴ См. в работе /Laroche, 1957, с.12/.

³⁵ Кинжалы и (или) ножи: KUB XXXIII 22 +23 I 19 /Laroche, 1957, с.14; Ардзинба, 1982, с.206, прим.104/; топоры: KUB XXVI 69 VI 16 /Wegner, 1967, с.46/; какие-то предметы и сосуды: IMIDDU /Wegner, 1967, с.46/, "широкий железный сосуд" (IBoT III 98 I 22 — /Ардзинба, 1982, с.125 и прим.103 на с.206; Laroche, 1957, с.14 и т.д./.

³⁶ См. об этом /Татишвили, 1983, с.124 и сл./ (с указанием литературы).

³⁷ /Laroche, 1957, с.11; Goetze, 1957, с.120; Waldbaum, 1980, с.79 и сл./. О метеоритном железе см. /Иванов, 1983, с.39 и сл./.

³⁸ KUB XLII 21 Vs.10; КВо XVII 46 Vs.26 и другие.

³⁹ Перечисление предметов из "черного железа" см. также /Laroche, 1957, с.11; Иванов, 1976, с.78 и прим.35/.

⁴⁰ KUB XLII 11 V 9; KUB XLII 14 Vв.3; KUB XLII 21 Vв.6, KBo I 14 II 20, 22.

⁴¹ Транслитерацию фрагмента текста см. также /Goetze, 1940, с.28/. К переводу фрагмента см. /Wilsdorf, 1954, с.78; Assyrian Dictionary, 1958, с.215; Soden, 1960, с.226; Soden, 1965, с.542; Иванов, 1983, с.96/. Заслуживает внимания перевод и соответственно интерпретация предложения *raḡiḷlu a-na e-ḫé-ši li-mi-e-ni* (стк.21), которое мы буквально переводим как "железо для изготовления (является) плохим (скверным)", что основывается на переводе аккадского глагола *leṣṣu* "быть (стать) плохим, злым" (см. /Soden, 1965, с.542/). Это означало, что железо для изготовления являлось сложным, трудным делом. Вслед за фон Зоденом, переводившим интересующее нас предложение как "Das Eisen ana ḫé-ši est zu schlecht" (Soden, 1960, с.226), мы полагаем, что в приведенном аккадском предложении подразумевалось не то, что для изготовления железа время (сезон) было неподходящим (слово *leṣṣu* отнюдь не означает этого), а то обстоятельство, что изготовить железо являлось вообще трудным, сложным делом, ввиду чего "хорошее железо" не всегда имелось в "Доме печати" хеттского царя. По нашему мнению, в тексте подразумевается сложность выплавки "хорошего железа". Ср. перевод в /Assyrian Dictionary, 1958, с.215/: "Железная (руда) является очень низкой (по качеству) для выплавки". Что касается слова "я написал" (*al-ta-pár*), то здесь имеется в виду "я отдал приказ": в хеттских текстах глагол "писать" иногда действительно обозначал "отдать приказ, приказать" — /Гюргадзе, 1973, с.230 и сл./.

⁴² 1 TÚL AN.BAR KI.LAL.BI 90 MA.NA /Jakob-Rost, 1961, с.180/.

⁴³ KUB XXVI 66 IV 3.

⁴⁴ См., например, /Татишвили, 1983, с.126 и сл./.

⁴⁵ Согласно тексту KBo XVIII 155, 18 слитков серебра весили 38 мин (стк.3), 12 слитков серебра — 18 мин (стк.5), 17 слитков серебра — 39 мин (стк.7), 8 слитков — 14 мин (стк.9). Следовательно, кусок (слиток) серебра весил минимум 1,5 мин, максимум же — 2,3 мин.

⁴⁶ GUD.MAH AN.BAR III ḫe-/kán/ /Jakob-Rost, 1963, с.190 (стк.6)/.

⁴⁷ 1 ALAM SAL.US AN.BAR $\frac{1}{2}$ ḫe-kán pa/r-ga-aš-ti/ /Jakob-Rost, 1963, с.175 (стк.9)/; HUR.SAG $\frac{1}{2}$ ga-la-na-an 1 ALAM AN.BAR $\frac{1}{2}$ ḫe-kán /Jakob-Rost, 1963, с.194 (стк.19)/.

⁴⁸ Кинжалы, лезвия которых были железными (*GIR ŠA EME-ŠU ḫaralkin-ni/AN.BAR*), изготовляли, как это известно из Эль-Амарнского архива, и в царстве Митанни, царь которого Тузратта послал их в качестве подарка фараону Аменхотепу III (Laroche, 1957, с.9. Там же указания на источники). В письме Тузратты к фараону упомянуты и "10 наконечников стрел (?) — 10 *GIR ḫakātum* ša ḫaralkini/". См. /Laroche, 1957, с.9/. Нет сомнений, такие же наконечники изготовлялись и в Хатти.

⁴⁹ О таком же железном кинжале (т.е. *raḡu raḡiḷlu*) идет речь в одном аккадском тексте письма хеттского должностного лица по имени Цуляну, отправленного префекту Угарита. Текст с переводом фрагмента текста см. /Иванов, 1983, с.96/.

⁵⁰ KUB XXVI 69 VI 16; /.../ 1 HA-ŠI-NU AN.BAR AD-DIN "/.../, 1 топор (из) железа я выпал" /Wegner, 1967, с.46/.

⁵¹ Кроме этого и приведенных выше примеров (прим. 11, 21) см. /Jakob-Rost, 1961, с.198 (стк.14), 201 (стк.1-2); Jakob-Rost, 1963, с.198 (стк.10) и др./; в KUB XXIX I II 52 говорится о железной голове царя, основная часть которой была сделана из олова /Laroche, 1957, с.13; Арзикба, 1982, с.109, 201, прим.42/. См. также KUB XXVI 69 VII 12-12; /Werner, 1967, с.46/.

⁵² КВо IV 10 Rs.22 (СТН 106). Относительно табличек из металлов см. /Laroche, 1957, с.11 и сл.; Goetze, 1957, с.120 и прим.7/.

⁵³ /Kammenhuber, 1970, с.561 и сл./ (относительно *меллит*-списков вообще и их датировки см. также /Heinhold-Kramer u.a.; 1979, с.211/). Согласно издателью КВо XVII Г.Оттену, текст 46 является древнехеттским (см. предисловие указанного издания хеттских источников). Относительно датировки интересующего нас текста см. также /Kammenhuber, 1972, с.293/.

⁵⁴ См. рецензию Б.Розенкранца на КВо XVII: Rosenkranz, 1970-1971, с.372. Согласно А.Камменхубер, текст 46 является строительным ритуалом (под вопросительными знаками): /Kammenhuber, 1972, с.295/.

⁵⁵ Относительно "раскалывания (ломки) льда" и перевода § 56 хеттских законов см. теперь /Hittite Dictionary, 1980, с.90/ (с указанием литературы).

⁵⁶ Согласно хеттским текстам, из hapalki-(AN.BAR) сделаны "божества", "голова льва", предметы mallitalli и др. /Laroche, 1957, с.10/. Там же ссылки на источники.

⁵⁷ /Jakob-Rost, 1961, с.179, 185, 193; Jakob-Rost, 1963, с.175, 183, 186, 193, 194/. Локализацию некоторых из них см. /Garstang, Gigney, 1959; Cornelius, 1973/.

⁵⁸ Следует отметить, что в текстах часто повторяется фраза: "... (из) железа они делают" (... AN.BAR DU-an-zi) — /Jakob-Rost, 1961, с.215 (стк.1-2,6); Jakob-Rost, 1963, с.184, 194 (стк.20)/. См. также прим.9. Однако в таких случаях подразумевается не производство (выплавка) самого металла, а изготовление из него отдельных предметов.

⁵⁹ Подробно о производстве железа вообще см. /Wertime, 1973, с.670 и сл.; Maddin, etc., 1977, с.122 и сл./.

⁶⁰ Как известно, производство железа засвидетельствовано археологическими данными в соседних с Восточной Амазонией регионах древней Грузии и Армении. Некоторые исследователи полагают, что металлургия железа на территории Восточной Грузии начинается с XIV в. до н.э. /Абрамшвили, 1961, с.374, 377/. Отметим, что в этой работе Р.М.Абрамшвили весьма категорически заявляет, будто, согласно данным хеттских письменных источников и археологическому материалу, "железные изделия являлись пока еще довольно редкими", а производство железа в Малой Азии даже в XIII в. до н.э. было "несомненно ограничено" — с.377, 338 и сл. В 1961 г. такой вывод можно было сделать лишь по данным археологического материала, который действительно был скудным, но не по сведениям хеттских клинописных текстов, согласно которым, как это видно хотя бы из работы /Laroche, 1957/, производство и применение интересующего нас металла отнюдь не были ограниченными.) Отдельные железные предметы, найденные на территории Восточной Грузии, датируются и более ранним периодом. Одним из ранних очагов добычи железной руды на территории Грузии следует считать Юго-Восточную Грузию, в частности Колхиду, где обнаружены железоплавильные печи с инвентарем, датируемым XVIII-VIII вв.

до н.э. /Хажутайшвили, 1976, с.77; Хажутайшвили, 1987/. После открытия указанного очага добычи железной руды, функционировавшего с XVIII в. до н.э., не исключается возможность экспорта железной руды из Колхиды в Хатти. О металлургии железа в древней Армении с XIV—XIII вв. до н.э. см. /Исаев, 1983, с.43. Там же литература/.

⁶¹ Перечень всех названных выше железных предметов, найденных в Анатолии, с указанием богатой литературы см. /Waldbaum, 1980, с.70 и сл., 73 (таблица), 74, 76 и сл., 79 (таблица)/.

⁶² Относительно употребления в Анатолии двух этих видов железа см. /Waldbaum, 1980, с.73/.

⁶³ Некоторые исследователи даже предполагают, что в 1800—1200 гг. до н.э. железо стало преобладающим металлом в Анатолии /Wertimé, 1973, с.681/. О добыче и обработке железа в Анатолии XIV в. до н.э. см. /Fisher Weltgeschichte, 1966, с.213/.

⁶⁴ Дашная работа была подготовлена к печати, когда была опубликована обширная статья Я.Зигеловой относительно добычи и обработки железа в Хеттском государстве во II тысячелетии до н.э. (*Stegelsche J. Gewinnung und Verarbeitung von Eisen im Hethitischen Reich im 2. Jahrtausend v. u.Z.* — *Annals of the Naprstek Museum*. Т.12. Prague, 1984, с.71—168). В статье собраны, детально прокомментированы и переведены на немецкий язык почти все основные сведения хеттских клинописных текстов о железе. Отрадно отметить, что по ряду вопросов наши общие выводы совпадают с выводами автора указанной работы, в которой большое место уделяется филологическому анализу рассматриваемых в статье хеттских источников.

В 1985 г. появилась в свет статья, посвященная вопросу качества хеттского железа /Muhly etc., 1985, с.67—84/. Ее авторы, проанализировав отдельные железные предметы, найденные при археологических раскопках в Малой Азии, сделали далеко идущие выводы, согласно которым хетты изготавливали железо очень низкого качества. Вызывает недоумение, что столь категорическое утверждение выдвинуто на основании анализа лишь нескольких, а не всех железных предметов из Анатолии (хотя и эти последние довольно немногочисленны). Авторы почти целиком игнорируют рассмотренные нами данные хеттских текстов о разных видах железа у хеттов. Разумеется, вполне допустимо, что определенная часть хеттской железной продукции была низкой по качеству. Однако это отнюдь не означает, что качество всего производимого хеттами железа было низким.

Литература

- Абрамшвили, 1961. — *Абрамшвили Р.М.* К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии. — *Вестник Государственного музея Грузии им. акад. С.Н.Джанашия*. Т.XXII—В. Тб., 1961 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).
- Абрамшвили, Михеладзе, 1966. — *Абрамшвили Р.М., Михеладзе Т.К.* К истории освоения железа в Закавказье и Малой Азии. — *Actes du VIIe Congrès International des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques*. Prague, 1966.
- Ардзинба, 1982. — *Ардзинба В.Г.* Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982.
- Гиоргадзе, 1965. — *Гиоргадзе Г.Г.* "Текст Амитты" и некоторые вопросы ранней истории хеттов. — *Вестник древней истории*. 1965, № 4.

- Гюргадзе, 1973. — *Гюргадзе Г.Г.* Очерки по социально-экономической истории Хеттского государства. Тб., 1973.
- Иванов, 1976. — *Иванов Б.В.* Проблемы истории металлов на Древнем Востоке в свете данных лингвистики. — Историко-филологический журнал. Ереван, 1976, № 4 (75).
- Иванов, 1983. — *Иванов В.В.* История славянских и балканских названий металлов. Москва, 1983.
- Татишвили, 1983. — *Татишвили И.М.* Храмовый строительный ритуал у хеттов (КВо IV 1). — Матне. Мб., 1983, № 1.
- Татишвили, 1985. — *Татишвили И.М.* Новый хеттский храмовый строительный ритуал КВо XV 24 — Археологические изыскания. Тб., 1985.
- Хажутайшвили, 1976. — *Хажутайшвили Д.А.* К вопросу о первичных центрах зарождения и развития металлургии железа. — Юбилейный сборник, посвященный 100-летию со дня рождения акад. И.А.Джавашишвили. Тб., 1976 (на груз. яз.).
- Хажутайшвили, 1977. — *Хажутайшвили Д.А.* К хронологии колхидско-калийского центра древнежелезной металлургии. — Вопросы древней истории (Кавказско-ближневосточный сборник. V). Тб., 1977.
- Хажутайшвили, 1987. — *Хажутайшвили Д.А.* Производство железа в древней Колхиде. Тб., 1987.
- ХИДВ, 1963. — Хрестоматия по истории Древнего Востока (под редакцией В.В.Струве и Д.Г.Редера). М., 1963.
- Archè, 1979. — *Archè A.* Auguri per il Labarna. — *Studia Mediterranea*. I. Pavia, 1979.
- Assyrian Dictionary, 1958. — *The Assyrian Dictionary*. Vol. IV. Chicago-Glückstadt, 1958.
- Cornelius, 1973. — *Cornelius F.* Geschichte der Hethiter. Darmstadt, 1973.
- Fischer Weltgeschichte, 1966. — *Fischer Weltgeschichte*. T. II. Frankfurt am Main, 1966.
- Friedrich, Kammenhuber, 1980. — *Friedrich J., Kammenhuber A.* Hethitisches Wörterbuch. Lfg. 5. Heidelberg, 1980.
- Garstang, Gurney, 1959. — *Garstang J., Gurney O.R.* The Geography of the Hittite Empire. L., 1959.
- Goetze, 1940. — *Goetze A.* Kizzuwatna and the Problem of Hittite Geography. New Haven, 1940.
- Goetze, 1955. — *Goetze A.* Hittite Rituals. — *Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament*. Ed. by J.B.Pritchard. New Jersey, 1955.
- Goetze, 1957. — *Goetze A.* Kleinasien. München, 1957.
- Goetze, Sturtevant, 1938. — *Goetze A., Sturtevant E.H.* The Hittite Ritual of Tunnavi. New Haven, 1938.
- Haas, 1977. — *Haas V.* Magie und Mythen im Reich der Hethiter. I. Hamburg, 1977.
- Heinhold-Krahmer u.a. 1979. — *Heinhold-Krahmer S., Hoffmann I., Kammenhuber A., Mauer G.* Probleme der Textdatierung in der Hethitologie. Heidelberg, 1979.
- Hittite Dictionary, 1980. — *The Hittite Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. Ed. by H.G. Güterbock and H.A.Hoffner. Vol. 3. Fasc. 1. Chicago, 1980.
- Jakob-Rost, 1961. — *Rost L.* Zu den hethitischen Bildbeschreibungen. T.I. — MIO. 1961, vol.VIII, H.2.

- Jakob-Rost, 1963. — *Jakob-Rost L. Zu den hethitischen Bildbeschreibungen*. T.II. — MIO. 1963, vol.IX. H. 2/3.
- Kammenhuber, 1970. — *Kammenhuber An. Keilschrifttexte aus Boğazköy (KBo XVI)*. — *Orientalia*. 1970, vol.39, fasc.4.
- Kammenhuber, 1972. — *Kammenhuber An. Keilschrifttexte aus Boğazköy (KBo XVII)*. — *Orientalia*. 1972, vol.41, fasc.2.
- Kammenhuber, 1978. — *Kammenhuber An. Materialien zu einem hethitischen Thesaurus*. Lfg. 7/8. Heidelberg, 1978.
- Laroche, 1957. — *Laroche Em. Etudes de vocabulaire*. VI. — RHA. 1957, 15(60).
- Maddin etc., 1977. — *Maddin R., Muhly J.D., Wheller T.S. How the Iron Age Began*. — *Scientific American*. 1977, p 237/4.
- Muhly etc., 1985. — *Muhly J.D., Maddin R., Stach T., Özgen. Iron in Anatolia and the Nature of the Hittite Iron Industry*. — *Anatolian Studies*. 1985, vol. 35.
- Neu, 1970. — *Neu E. Ein Althethitisches Gewitterritual*. StBoT. 1970, p 12.
- Neu, 1974. — *Neu E. Der Anitta-Text*. StBoT. 1974, p 18.
- Otten, 1963. — *Otten H. Ätiologische Erzählung von der Überquerung des Taurus*. — ZA. 1963, Bd.21 (55).
- Otten, Soucek, 1965. — *Otten H., Soucek VL. Das Gelübde der Königin Puduhepa an die Göttin Lelwani*. — StBoT. 1965, p 1.
- Riemschneider, 1954. — *Riemschneider M. Die Welt der Hethiter*. Stuttgart, 1954.
- Riemschneider, 1958. — *Riemschneider K.K. Die hethitischen Land-schenkungsurkunden*. — MIO. 1958, vol.VI, H.3.
- Rosenkranz, 1970/1971. — *Rosenkranz B. /Роз. на: KBo XVII/*. — *Bibliotheca Orientalis*. Leiden, 1970/1971, p 27.
- Salonen, 1966. — *Salonen A. Die Hausgeräte der alten Mesopotamier*. II. Gefäße. Helsinki, 1966.
- Soden, 1960. — *Soden W. von. Akkadisches Handwörterbuch*. Lfg. 3. Wiesbaden, 1960.
- Soden, 1965. — *Soden W. von. Akkadisches Handwörterbuch*. Lfg. 6. Wiesbaden, 1965.
- Waldbaum, 1980. — *Waldbaum J.C. The First Archaeological Appearance of Iron and the Transition to the Iron Age*. — *The Coming of the Age Iron*. Ed. by Th.A.Wertime and J.D.Muhly. New Haven — London, 1980.
- Watkins, 1979. — *Watkins C. NAM.RA GUD UDU in Hittite: Indo-European Poetic Language and the Folk Taxonomy of Wealth*. — *Hethitisch und Indogermanisch*. Innsbruck, 1979.
- Werner, 1967. — *Werner R. von. Hethitische Gerichtsprotokolle*. — StBoT. 1967, p 4.
- Wertime, 1973. — *Wertime T.A. Pyrotechnology: Man's First Industrial Uses of Fire*. — *American Scientist*. 1973, vol.61, p 6.
- Wilsdorf, 1954. — *Wilsdorf H. Historische und archäologische Quellen zur Geschichte des Eisens*. — *Freiberger Forschungshefte. Kultur und Technik*. Bd.6. Berlin, 1954.

Список сокращений

- Bo** — Тексты Богазкёйского архива (под музейным номером).
CTH — *Laroche E. Catalogue des textes hittites. P., 1971.*
HW¹ — *Friedrich J. Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg, 1952–1954.*
IBoT — *Istanbul Arkeoloji Müzelerinde Bulunan Boğazköy Tabletler, I–III. Istanbul, 1944, 1947, 1954.*
KBo — *Keilschrifttexte aus Boghazköi. B.*
KUB — *Keilschrifturkunden aus Boghazköi. B.*
MIO — *Mitteilungen des Instituts für Orientforschung. B.*
RHC — *Laroche E. Fragments hittites du Genève. — Revue d'Assyriologie et d'Archéologie orientale. P. 1951, p 45; 1952, p 46.*
RHA — *Revue hittite et asianique. P.*
StBoT — *Studien zu den Boğazköy-Texten. Wiesbaden.*
ZA — *Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete. Berlin-Leipzig.*

К ВОПРОСУ ОБ ОБОЗНАЧЕНИИ «СЕРЕБРА» В ХЕТТСКИХ КЛИНОПИСНЫХ ТЕКСТАХ

Сразу же после опубликования первых хеттских клинописных текстов из Богазкейского архива стало известно, что при обозначении «серебра» хеттские писцы использовали не хеттское слово в слоговом написании, а как правило, шумерограмму KÜ.BABBAR «серебро» (аккад. *kasrum*), явно скрывавшую хетто-лувийское или хаттское (протохеттское), а возможно, и хурритское (*uš̄hu*) слова, означающие «серебро». Попытки исследователей с точностью определить хеттское или другое звуковое соответствие названия интересующего нас металла оказались тщетными, если не принять во внимание предположение Г. Хоффнера, согласно которому таким хеттским словом, возможно, было *ḥarki*- «белый (металл)»¹, исходя из аналогий в других языках, где обычно серебру давали название по его белому цвету².

Вместе с тем исследователи с самого же начала обратили внимание на тот бесспорный факт, что названия столицы хеттов URUḥattuša и URUḥatti в хеттских текстах обычно писали с помощью указанной выше шумерограммы KÜ.BABBAR «серебро» в форме URUKÜ.BABBAR (с детерминативом URU «город»), часто имеющей фонетические complements, например, URUKÜ.BABBAR-ša или URUKÜ.BABBAR-ti, т. е. URUḥattuša и URUḥatti соответственно. Предположительно считая эти названия столицы хаттскими по происхождению, некоторые исследователи заключали, что слово *ḥattu(š)-, *ḥatt- по-хаттски обозначало именно «серебро»³. Однако слово *ḥatt- в этом значении в Богазкейском архиве не обнаружено и попытке, вышеприведенные ребусные написания названий столицы хеттов остаются загадкой⁴. Почему писцы употребляли шумерограмму

¹ Hoffner H. A. An English-Hittite Glossary. — RHA, 1967, v. XXV, fasc. 80, p. 80, not. 154; *idem*. A Hittite Text in Epic Style about Merchants. — JCS, 1968 — 1969, v. XXII, № 2, p. 41. Г. А. Хоффнер обращает внимание на тот факт, что, исходя из DINGIR^{LIM}-at KÜ.BABBAR-i «серебро божества» (КВо I 42 IV 9), написание с фонетическим complementом KÜ. BABBAR-i является формой не дательного (показательного), а именительного падежа среднего рода. Следовательно, хеттское слово для «серебра» в данном случае являлось словом с основой на -i-, т. е., возможно, *ḥarki*-.

² Предположение Г. Хоффнера уже поддерживается рядом исследователей. См., например, Tischler J. Hethitisch-deutsches Wörterverzeichnis. Innsbruck, 1982, S. 120; Иванов Вяч. Вс. История славянских и балканских названий металлов. М., 1983, с. 105; Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. II Тбилиси, 1984, с. 713 и другие работы, в которых хеттское слово *ḥarki*- переводится как «серебро».

³ Friedrich J. Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg, 1952 (далее — HW¹), S. 67, 281, 316 (здесь же литература).

⁴ HW¹, S. 316; Laroche E. Etudes de linguistique anatolienne. — RHA, 1966, t. XXIV, fasc. 79, p. 175; Hoffner. An English-Hittite Glossary, p. 80, not. 154.

для «серебра» при написании названия хеттской столицы? На каком же языке слово с корнем *ḫatt- обозначало интересующий нас металл?

Если в хеттских текстах не сохранилось силлабическое написание хеттского слова для «серебра», то в них зафиксированы, как известно, разные падежные окончания указанного слова с помощью некоторых фонетических комплектов, следовавших за шумерограммой KU.BAB-BA. Они и выявляют весьма любопытную картину: судя по этим комплексам, которым до сих пор не уделялось должного внимания исследователей, в текстах сохранились окончания основ не менее трех различных слов для «серебра», исключая аккадское слово для обозначения этого металла (*kasrum*). Поэтому можно предположить, что под шумерограммой KU.BABBAR скрываются различные слова, обозначающие «серебро» — хеттское, лувийское или хаттское, а возможно и хурритское⁶.

Исходя из написаний KU.BABBAR-an-za (именительный падеж ед. ч.)⁷ и KU.BABBAR-an-ti (дательный падеж ед. ч.)⁸, становится бесспорным, что скрывающееся в идеограмме слово для «серебра» имеет основу на -nt-, т. е. KU.BABBAR-ant-⁹. Как известно, слова с основой на -nt- являются хеттскими (или лувийскими) по происхождению. Правда, формы -anza и -anti — окончания именительного и дательного падежей (ед. ч.) собственного имени человека, которого звали «Серебро» в одном мифологическом рассказе хурритского происхождения¹⁰, однако данная персонафикация серебра¹¹ не меняет того обстоятельства, что в хеттском переводе хурритского ритуала человек по имени «Серебро» был обозначен хеттским словом, имевшем основу на -nt- (по-хурритски имя того же человека было бы «Ушху» — «Серебро»)¹². Если верно предположение Г. Хоффнера, что в основе хеттского названия «серебра» ḫakki-, возможно, лежал семантический признак белизны, то, согласно написанию KU.BABBAR-ant-, не исключена возможность восстановления слова *ḫarkant- (*ḫark-ki/ant-) для «серебра». В таком случае указанную форму можно будет сравнить с некоторыми индоевропейскими словами, обозначающими «серебро», в первую очередь с лат. *argentum* и др.¹³

Судя по написанию KU.BABBAR-ni¹⁴, слово, скрывающееся под этим написанием, в дательном падеже ед. ч. оканчивалось на -ni. Это

⁶ По своему фонетическому составу и по семантике слово *ḫatt- напоминает египетское ḫt «серебро», однако маловероятно, что именно оно легло в основу названия URU ḫattuša или URU ḫatti, которое считается хаттским по происхождению. Вероятнее всего, слово *ḫatt- все же было хаттским. Не исключено, что оно обозначало «белый (металл)».

⁷ Как известно, в хеттских текстах нередки случаи, когда та или иная шумерограмма скрывает соответствующее хеттское или лувийское слово, которое определяется по фонетическому комплексу, следовавшему за идеограммой. Например, написание LU-aš «человек» подразумевает хеттское слово antuḫšaš, а LU-iš — лувийское слово išiš. Ср. также IR-aš и IR-iš «раб; слуга; несвободный», скрывающие хеттское и, видимо, лувийское слова с тем же значением.

⁸ KUB XVII 4 2, 8; XXXIII 115 IV 2; XXXVI 19 8.

⁹ KUB XXXVI 18 II 7.

¹⁰ Подобно словам išrant- «ночь», udneant- «страна», ḫuštant- «все, каждый, целиком» и т. д. (см. HE, I, S, 53, § 77 (81)), которые в именительном падеже ед. ч. имеют окончание -anza, а в дательном падеже — -anti.

¹¹ Laroché E. *Mythe de l'Argent*. — RHA, 1968, t. XXVI, fasc. 82, p. 177—182.

¹² WM, I Abt., Lief. 2, S. 186.

¹³ Маловероятно, что в указанном рассказе имеется хеттская суффиксация (-ant-) у слова нехеттского происхождения, как это предлагает Э. Ларош (*Études...*, p. 175).

¹⁴ О названиях «серебра» в разных индоевропейских языках см. *Гамкрелидзе, Иванов. Ук. соч.*, с. 713.

¹⁵ KBo V 2 IV 61.

значает, что данное слово имело основу на -a-¹⁵ либо -n-¹⁶, или -r/-p-пероклитического типа¹⁷, абстрактные слова на -atar, -tar, -ešar, -ar, -šar и т. д.¹⁸ Как известно, только такие слова могли иметь в дательном падеже ед. ч. указанное выше окончание. Возможно, это было слово лувийского происхождения или же, как полагает Э. Ларош, хурритское слово *ušhu* (в дательном падеже *ušhuni)¹⁹.

Засвидетельствованные в текстах формы KÜ.BABBAR-*jaš* (родит. п. м. ч.)²⁰, KÜ.BABBAR-*i* (дат. п. ед. ч.)²¹ и KÜ.BABBAR-*ja* (также дат. п. м. ч.)²² допускают возможность, как уже отмечалось, наличия и слова *ja* «серебра» с основой на -i-. В родительном падеже ед. ч. оно оканчивалось на -*jaš* (а иногда и на -*aš*)²³, а в дательном падеже ед. ч. — на -*i* или -*ja* (-*ai*). Это слово типа *halki-*, *huwaši-*, *šalli-*, *šurri-* и т. д.²⁴ Такое хеттское слово с полным правом можно восстановить, согласно предположению Г. Хоффнера, как **harki-* (см. прим. 1), тем более что в одном написании слова KÜ.BABBAR-*i*²⁵ он видит окончание именительного падежа среднего рода (вместо дательного падежа). Однако, основываясь на предположении Г. Хоффнера, согласно которому серебро в хеттском получило свое название по белому цвету этого металла, нам кажется более вероятным отдать предпочтение реконструированной выше форме **harkant-* (**harkiant-*) «серебро», хотя можно допустить и параллельное употребление **harki-*.

Таким образом, если верны вышеприведенные предположения, идеографическое написание KÜ.BABBAR подразумевает существование различных слов, обозначающих «серебро», вероятнее всего, разного происхождения. Предполагаем, что к их числу принадлежит еще одно слово явно не хеттского происхождения. К такому выводу нас приводит анализ данных одного архаического хеттского ритуала, к рассмотрению которого и приступаем ниже.

В заключительной части этого ритуала с участием богини Солнца и бога Грозы — KBo XXI 22 (CTH 820, 4)²⁶, содержащего пожелания долгих лет жизни лабарне-царю и тавананне-царице (сткк. 18—20), приводится следующий пассаж: ⁴¹*ISKUR-aš wa-at-ta-ru i-an-zi lu-wa wa-at-ta-ru ma-a-aš-ha-an i-ja-an* ⁴²*ku-un-na-ni-ta-at ú-e-da-an ar-zi-li-ta-at*

¹⁵ Подобно словам *agupa-*, *appa-*, *agašzena-*, *kuppa-* и т. д.: HE, § 64 (69), 65 (70). В винительном падеже ед. ч. оно имело окончание -an: KÜ. BABBAR-an (KUB XXXV 52 B).

¹⁶ См. также слова, как *šaršan*, *laman*, *tekan* и т. д.: HE, § 78 (82).

¹⁷ Подобно словам *uttar*, *ešar*, *lammar* и т. д.: HE, § 82 (86).

¹⁸ HE, § 83 (87), 84 (88), 85, 86, (89, 90), 88 (92 а).

¹⁹ *Larochs. Etudes...*, p. 175. Относительно *ušhu* см. также *Мелинишвили Г. А.* О некоторых наименованиях металлов в древневосточных и кавказских языках. — ВДИ 1988, № 4, с. 126 сл.; *Diakonoff I. M. Hittisch und Urartäisch. München, 1971, S. 167.* В этих работах предполагается связь хурритского слова *ušhu* «серебро» с грузинским *wegsxi* «серебро».

²⁰ KUB XXXII 128 II 4—7.

²¹ KUB VIII 35 Vs. 14; XVII 4, 3; XXXVI 19 11', 12'; IBoT II 121 Rs. 16.

²² KBo V 2 IV 55; HW², S: 281.

²³ KÜ. BABBAR-aš: KBo X 31 II 13, IV 32 и др.

²⁴ HE, § 86 (71), 71 (75) и т. д.

²⁵ KBo I 42 IV 9.

²⁶ Транслитерацию текста и итальянский перевод с комментариями см. *Archi A.* *Auguri per il labarna.* — StMed, 1979, p. 45 ff. Фрагменты текста KBo XXI 22 рассмотрены в монографии: *Арджинба В. Г.* Ритуалы и мифы древней Анатолии. М. 1982. с. 106 сл.

ha-ni-iš-ša-a-an AN.BAR-at iš-ki-ja-an...²⁷ — «Источник бога Грозы он делает и (говорят): „Как только источник (будет) сделан, „медью он (будет) построен, (с помощью) argzili- он (будет) оштукатурен, „железом он (будет) помазан...“²⁸.

Единственное слово из этого отрывка, значение которого неизвестно, это слово, написанное в форме argzilitat, где выделяется основа argzil- или argzili- (или же argzila-), к которой присоединены окончание инструментального падежа -it и личное местоимение -at «он, она, оно». В других хеттских текстах данное слово, имеющее основу на -l или на -i (или же на -a), не встречается. Это и вызывает известные трудности при установлении его значения, что можно сделать, в первую очередь, с учетом контекста приведенного выше отрывка из ритуала.

Исходно именно из контекста интересующего нас отрывка, А. Камменхубер предполагает, что argzila/i- обозначает какой-то материал для штукатурки²⁹. По всей вероятности, такое предположение основывается на том факте, что, согласно самому тексту, интересующее нас слово употреблено именно в связи с глаголом ḫaṣēš(š)-, ḫaniš(š)- «штукатурить»³⁰. Такого же мнения придерживается и И. Тислер в «Указателе хеттско-немецких слов», где интересующее нас слово определено как материал для штукатурки, глина или ил (типа)³¹. Согласно Я. Зигеловой, слово argzil- (argzili/a-) обозначает, вероятно, какой-то строительный раствор³², а Ф. Хаас рассматривает его как обозначение какого-то камня, отождествляя его со словом *arzallu*, засвидетельствованным в аккадском «Materia magica»³³.

Иначе определяет значение интересующего нас слова А. Арки, который переводит его как «бронза» (с вопросительным знаком)³⁴. Соответствующие

²⁷ Транслитерация и немецкий перевод этих строк см. также HW², Lief. 5 (1980), S. 366; Stegelova J. Gewinnung und Verarbeitung von Eisen im Hethitischen Reich im 2. Jahrtausend v. u. Z.— Annals of the Naprstek Museum, Prague, 1984, v. 12, S. 84. Транслитерацию с английским переводом см. The Hittite Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Ed. by H. G. Güterbock and H. A. Hoffner. V. III, fasc. 2, p. 106 (Chicago, 1982).

²⁸ Хеттское слово kuppān- (=kuwappān-) «медь» (стк. 42) А. Камменхубер не переводит (HW², Lief. 5, S. 366), несмотря на то, что значение этого хеттского слова у исследователей не вызывает сомнений. Из последней литературы см., например: Tischler. Op. cit., S. 120. В шумерограмме AN. BAR-at подразумевается хеттская форма ḫaralkitāt, т. е. ḫaralkit «железо» + at «он» (источник бога Грозы). Относительно соответствия AN.BAR-it и ḫaralkit ср. параллельные фрагменты KUB XXIX 1 III 40 и HT 38 II 12.

²⁹ HW², Lief. 5, S. 365.

³⁰ Согласно данным хеттских текстов, для штукатурки стен отдельных построек обычно использовали глину (wilaṇ-): ne-e-u-it ú-i-la-ni-it ḫa-ni-iš-ša-an-du «новой глиной пусть оштукатурят»; см. Schuler E. Hethitische Dienstanweisungen, Graz, 1957, S. 45, 55. Для штукатурки употребляли также материал ruḫut- «известка, раствор; глина»: HW¹, S. 174.

³¹ Tischler. Op. cit., S. 8, 120.

³² Stegelova. Op. cit., S. 84.

³³ Haas V. Hethitische Berggötter und hurritische Steindämonen. Mainz am Rhein, 1982, S. 181. Однако такое отождествление нам кажется маловероятным. Связь argzil- со словом *arzallu* (вариант *arazallu*), обозначающим какие-то растения, камень, орудие (труда) или драгоценную вещь (AD I, part 2, 1968, p. 324 ff.; ANW I, 1985, S. 73), по всей вероятности, исключают и А. Камменхубер, И. Тислер, Я. Зигелова, Г. Г. Гютербок и Г. Хоффер, не ссылаясь на это аккадское слово. В тех случаях, когда *arzallu* обозначает какой-то камень, это слово в аккадских текстах, как правило, пишется вместе с идеограммой NA₄ «камень», которая в хеттском тексте отсутствует перед argzil-. Таким образом, интересующее нас аккадское слово имеет близкое хеттскому слову звучание, но не значение.

³⁴ Archi. Op. cit., p. 47.

аргументы в пользу своего предположения, что в тексте имеется в виду металл, им не приведены.

Исходя из контекста отрывка, вслед за А. Арки и нам кажется более правдоподобным, что слово *azil-i/a-* (далее — *azil-*) является названием металла, хотя не бронзы, для обозначения которой употреблялось, как это отмечается в литературе, хеттское слово *ḫaḡašu-*³⁵. Самое веское доказательство этого, как мы полагаем, — появление *azil-* рядом с такими металлами, как медь (*kuḫpa-*) и железо (*AN.BAR = ḫaralki-*). Поэтому вряд ли оно обозначает и какой-либо строительный камень (тем более раствор), так как при нем отсутствует идеограмма *NA₄* «камень». По всей вероятности, в интересующем нас отрывке перечислены исключительно металлы.

Такому предположению отнюдь не должна противоречить засвидетельствованная в отрывке связь между существительным *azil-* и глаголом *ḫaneš(š)-*, *ḫaniš(š)-* «штукатурить», на основании чего утверждается, что интересующее нас слово обозначает материал для штукатурки. Ведь в рассматриваемом нами отрывке медь выступает как строительный материал (ср. слова стк. 42: «медью он (будет) построен»), хотя этот металл вовсе таковым не является. Согласно этому же отрывку, железо употребляется как материал для помазания (ср. слова стк. 43: «железом он (будет) помазан»), несмотря на то, что этот металл совершенно непригоден для такой цели³⁶. В свете вышесказанного не вызывает сомнений, что в приведенном выше отрывке из древнейшего хеттского ритуала металлам — меди и железу — придается магическая сила при строительстве источника для бога Грозы. Следовательно, не должно вызвать недоумения, что *azil-*, т. е., как мы стараемся доказать ниже, определенному металлу, также придана магическая сила, выражающаяся в том, что он мог быть использован как материал для штукатурки.

Если в вышеприведенном отрывке действительно перечислены исключительно металлы, то естественно поставить вопрос: какой именно металл обозначает слово *azil-*? Ясно, что оно не будет обозначением ни одного из металлов, хеттские или хаттские названия которых уже установлены, т. е. меди (хетт. *kuwappa-*, *kuḫpa-*, возможно, хатт. *ḫiniti*), железа (хатт. и хетт. *ḫaralki-*), бронзы (хетт. *ḫaḡašu-*), олова (хетт. *dankui-*), свинца (хетт. *ḫulija-*, *ḫulai-*)³⁷. Оно не будет хеттским названием и для «серебра», если верно предположение Г. Хоффнера о том, что таким хеттским словом, возможно, было *ḫarki-*, или если правдоподобно наше предположение о реконструкции такого слова в форме **ḫarkant-* (см. выше), хотя такие слова в значении «серебро» документально пока не засвидетельствованы. Оно не может быть и хаттским словом для «серебра», несмотря на то, что слово **ḫattu-*, **ḫatt-* в значении «серебро» в хеттских или хаттских текстах пока не установлено. Однако оно может быть хетт-

³⁵ Laroche. *Etudes...*, p. 181; Hoffner. *A Hittite Text...*, p. 29; Tischler. *Op. cit.*, S. 120.

³⁶ В хеттском строительном тексте KUB XXIX 1 III 39—40 медь и железо употреблены в «обычном» значении — для отделывания ритуального очага: *ḫDINGIR-MES-wa KI-NE da-a-ir nu-wa-ra-an [ku-u]n-na-ni-it ḫu-u-ra-i-ir na-an AN-BAR-it wa-an [-ni-i-ir «Бог очаг установил и оны его [медью] украсил, и его железом покрыл»]. См. Stegelova. Op. cit., S. 85; Тапишвили И. М. Хеттский ритуал установления очага (KUB XXIX 1 III 37—IV 29). — Археологические изыскания, Тбилиси, 1985 (на груз. яз.), с. 144.*

³⁷ Относительно этих названий металлов см. упомянутые выше работы Г. Хоффнера, И. Тишлера, Э. Лароша, Т. В. Гамирлядзе и Вяч. Вс. Иванова.

скими или хаттским словом для «золота»³⁸, хаттским названием «бронзы», «олова», «свинца» и т. д., т. е. таким словом для металлов, названия которых нам не известны. Допустима и другая возможность. Ниже мы постараемся доказать, что слово *agzil-* (неясного происхождения) может быть названием для серебра.

При установлении значения *agzil-* обращает наше внимание прежде всего его фонетическое сходство с рядом названий для «серебра» в картвельских и северокавказских языках. Основу слова *agzil-* можно сопоставить в первую очередь с общекартвельской основой **wegsxl-* «серебро», т. е. с грузинской основой *wegsxl-* и в особенности мегрельской основой *wagʃxl-* «серебро»³⁹, если в картвельских основах начальное *w, а также *x имеют позднее, вторичное происхождение (вследствие заимствования из какого-то языка). В таком случае фонетический состав интересующих нас слов станет явно близким. Однако можно допустить, что имел место обратный процесс, т. е. отсутствие в слове *agzil-* начального *w, а также *x картвельских основ можно объяснить как результат потери этих последних элементов вследствие заимствования из картвельских языков. В данном случае первоначальным источником слова *agzil-* будут картвельские языки.

В связи с *agzil-* довольно интересны материальные параллели из северокавказских, в частности нахско-дагестанских и абхазских языков. Так, в даргинском слово *ags* (в русской транскрипции *арц*), а в лакском *agcu* (*арцу*), в табасаранском и агульском (а также годоберинском и ботлихском) соответственно *ags* и *agcu*, в арчинском *agsi*, в андийском *ogsi* обозначают «серебро»⁴⁰. С данной основой можно связать и абхазское *a-gazne* и аварское *wagas* «серебро»⁴¹. В таком же случае первоначальным источником слова *agzil-* могут стать северокавказские языки. Приведенные слова из северокавказских языков, в конце основы не имеющие *-l* (в отличие от общекартвельской основы, сохранившей *-l*), в научной литературе рассмотрены как аналоги индоевропейского **h₂akʷ-* «серебро», к которому может восходить и корень **arg-* интересующего нас слова. В свете новых данных о генетических связях северокавказских языков с хаттским⁴² вышеприведенные сравнения не исключают и связи с хаттским миром, тем более что, судя по фонетическому составу, *agzil-* выявляет связь с хаттской лексикой, в частности, со словами с суффиксом *-il-*: *-gazzil* «земля» (в составе сложного слова *ištagazzil* «черная земля»), *bikaššil*, *piɾizil* «буря, ливень», *wazaril* и др.⁴³

Наше предположение относительно *agzil-* «серебро» полностью подтвердится лишь в том случае, если в дальнейшем в хаттских текстах будет

³⁸ Как предполагают, водото ивакого качества обозначалось словом *kuɾipɾeni*.
³⁹ Чикобава А. С. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. Тбилиси, 1942, с. 51; Якимов Г. А. Этимологический словарь картвельских языков. Тбилиси, 1964, с. 83; Гамкрелидзе, Иванов. Ук. соч., с. 713.

⁴⁰ Шаширов А. К. Этимологический словарь аджарских (черкесских) языков. А.—Н. М., 1977, с. 156; Гамкрелидзе, Иванов. Ук. соч., с. 713, прим. 2; Старостин С. А. Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде.— В кн.: Древняя Апатолы. М., 1985, с. 83 сл.

⁴¹ Шаширов. Ук. соч., с. 156. Ср. также армянское *arçat* «серебро» и т. д.

⁴² Иванов Вяч. Вс. Об отношении хаттского языка к северокавказским.— В кн.: Древняя Апатолы, с. 26 сл.

⁴³ Иванов. История ..., с. 118, 129 сл., 138.

обнаружено слоговое написание этого слова параллельно с идеограммой KÜ.BABBAR или же если идеограмма KÜ.BABBAR будет обнаружена с фонетическим компонентом -li типа *KÜ.BABBAR-li-it⁴⁴ «серебром» (инструментальный падеж ед. ч.) или KÜ.BABBAR-li⁴⁵ «серебру» (дат. п. ед. ч.) и т. д.⁴⁶

---

⁴⁴ В хеттских текстах сохранилась форма KÜ. BABBAR-it (КВо XXIII 52 II 11 = HW², Lief. 5, S. 327), однако она не выясняет конечного корневого согласного для слова «серебро».

⁴⁵ Склонение подобного слова с конечным корневым согласным -l-(kaḡūll-) см. HE, § 71 (75).

⁴⁶ Выдвинутое нами предположение подтверждается и следующим соображением, на что любезно обратили наше внимание Т. В. Гамкрелидзе и М. К. Андрианишвили. Дело в том, что корень *arzi- слова arzil- (в данном случае -l можно выделить из этого слова как суффикс) можно связать с хеттским словом ḡarḡi- «белый» (при потере паринагальной фонемы ḡ в слове *arzi-), т. е. *arzi- и ḡarḡi- можно рассматривать как одно и то же слово, оформленное согласно законам явков zateḡ и sentum соответственно. В данном случае значение слова *arzi- «белый» и, следовательно, arzil- «серебро» станет бесспорным. Что касается слова ḡattu(š)-, *ḡatt-, то оно по-прежнему может рассматриваться как хаттское слово, обозначающее «серебро».

Rez.: Volkert Haas, *Vorzeitmythen und Götterberge in altorientalischer und griechischer Überlieferung. Vergleiche und Lokalisationen*, Konstanz (Universitätsverlag) 1983, 38 S. (Konstanzer Universitätsreden 145).

The West German professor of history and culture of the Ancient East of Konstanz University Volkert Haas, well-known by his works in the field of Hittitology and Hurritology has once again attracted the attention of investigators of history and culture of Asia Minor by his very interesting monographs, one of which is being reviewed here.¹ The monograph is dedicated to the problem raised in Hittitological science more than 50 years ago in connection with elucidation of the interrelation of the Hittite cuneiform *zetts* and Hesiod's *Theogony*. The author is an expert on religious notions, especially, rituals, myths and magics, not only of the Hittites and Hurrians, but also of the peoples inhabiting in antiquity the regions adjacent to Anatolia.

On the basis of the comparative analysis of the data of the Greek and Hittite cuneiform sources the monograph being reviewed in great detail considers the problem of succession of gods, associated with motives of castration and devouring the idols. The interesting observations of the author are based on the data certified, on the one hand, in Hesiod's *Theogony* and the myth of the Hurrian god Kumarbi, on the other hand. These observations greatly support the problem of cultural succession between Mesopotamia and Greece raised earlier in science. As it is known, the Hittite and Hurrian literature is the very link missing earlier due to which the succession of the ancient literature traditions of the East and West has been discovered.²

As an evidence of the connection between two versions of the myth—Hittite-Hurrian and Greek—attention until now has frequently been drawn to the fact that the late Greek tradition maintains the confinement of the battle with Typhon to the same mountain in North Syria (revered by the Greeks as Zeus' sanctuary), which also appears in the *Song of Ullikummi* as the Weather-god. The same Zyphon mountain is considered to be an abode of gods in the Ugaritic mythological epos, which in its turn experienced significant Hurrian influence.

Emasculatation of Uranos by Kronos is, as it is known, similar to the analogous episode in the Hurrian poem. But the deity in it (in contrast to the Greek myth, where Kronos swallowed not the semen of gods, but the gods themselves), i. e. victor Kumarbi becomes pregnant from the god-rival Anu. In this some researchers see a literal parallel in Egyptian myth of Horus and Seth. The situation when gods emerge from Seth's or Kumarbi head is similar to the Greek myth of Athena's birth from Zeus' head.³

The other important coincidence, linking the Greek version of the myth with the Hurro-Hittite one, cited in scientific literature is the motif of a cutter (which is in both version represented by a sickle⁴ by means of which the sky was separated from the earth, and

¹ Monograph of the same author: V. Haas, *Hethitische Berggötter und hurritische Steindämonen. Riten, Kulte und Mythen*, Mainz 1982, is reviewed elsewhere.

² See details in: *The Moon dropped from the sky. Ancient literature of Asia Minor*, Translation by V. V. Ivanov, Moscow 1972, 20.

³ Ibid 21.

⁴ If in the cycle on Kumarbi the sickle is made of copper (p. 24), in *Theogony* it is made of iron (Hesiod. *Sämtliche Werke*, Leipzig 1965, 60, line 101). Elsewhere the same *toothed sickle* is of steel: Ibid 61, line 186.

Cranos was emasculated by Kronos. In the *Song of Ullikummi* this cutter appears in the episode, where giant Upelluri is shown. Like greek Atlas, Upelluri supports the Sky and the Earth. Having cut Ullikummi off the giant's shoulder—Hurrian Atlas, god Ea deprives Ullikummi of his strength, which is similar to the Greek myth of Anteus. Attention is sometimes drawn to the fact that certain denominations of gods (for example, *Gods of the past*) talk of a man with his soul, as designation of the hero's reflections (which coincides with Egyptian poetic device) coincided in Hittite-Hurrian and Greek epos, etc.⁵

In connection with the origin of the plot of the Hurro-Hittite myth V. Haas suggests that the plot could originate not in North Syria, where according to Hittite treatment of the myth the scene of action of the situation described there had been located, but in completely different region (therefore appearance of Hazzi and Nanni mountains, located in North Syria, should be explained as a result of the latest treatment of the myth).

In this connection he draws attention to the appearance in the ancient version of the myth of Kumarbi of the Kanzura mountain, which is mentioned together with the Aranzaklı river, i.e. Tigris. The same mountain appears in the myth also under the name of Kandurna (another version — Kundurra). This mountain in the opinion of the author could be compared with the Olympus on the ground, that in the myth it is considered as the abode of gods Ullikummi and Teshub (p. 19).

Thus, the names Kanzura, Kandurna, Kundurra, which according to the author can be considered as dialect forms of a single name, as well as localization of the mentioned toponim take us to the 1. Van at the border of Turko-Iranian region (p. 19), where, according to the author, one has to look for the origin of the plot of the myth on Kumarbi. All this, in its turn, means that the original place of habitation of the Hurrians, i.e. prior to migration of these tribes to Northern Mesopotamia at the end of the 3d millennium B.C., should be looked for just in the specified area.

Proceeding from the fact that in the later epoch myths with the plot of the birth from stone can be concentrated in Phrygia and in the Caucasus, to which some data, preserved in particular, in the Nart Epos point, the author tries to give appropriate explanation to these facts. According to the above said, the main plot of the myth by the 2nd millennium B.C. was spread in the area between 1. Van and the Caucasus once occupied by the Hurrian and the Urartian tribes.

As it becomes clear, the plot of the myth attracting our interest was actually spread over a wide territory, forming an original triangle: The Caucasus—area of the lakes Van and Urmia—Phrygia. However the question of the origin of the plot, given by the author of the book being reviewed, may be disputed, if the suggested genetic relationship, between the Hurro-Urartian and Eastern Caucasian languages is ascertained. As it is known, special investigations, from which the book by I. M. Diakonoff and S. A. Starostin should be mentioned were devoted to this last problem.⁶ According to these authors close relationship between the Hurro-Urartian and Proto-Eastern Caucasian languages is supported, therefore they allow the possibility to speak of the Hurro-Urartian language (or rather, Proto-Hurro-Urartian) as one of the branches of the Eastern Caucasian language. In its turn, this would point to the original place of inhabitation of the Proto-Hurro-Urartian tribes within East Caucasus (prior to their migration to southern regions).

In such a case interesting parallels between the Nart Epos and Hurrian *Song of Ullikummi*, about which a detailed account is presented in V. G. Ardzinba's new article,⁷ (designation of the stone hero, their epithets, etc.) will point to their common sources, which will take us to the original plot of the myth about Kumarbi within Caucasus. After migration of the Hurro-Urartian tribes to the South, the plot could have undergone certain transformation under the influence of the Mesopotamian world.

As a result a final version of the Hurrian myth could form in the Kanzura area, which could later spread up to North Syria, and then to Asia Minor, where it was translated into

⁵ For more detail see *The Moon, dropped from the sky*, 22.

⁶ I. M. Diakonoff, S. A. Starostin, *Hurro-Urartian as an Eastern Caucasian Language*, München 1986.

⁷ V. G. Ardzinba, *The Nart plot of the hero's birth from stone*, in: *Ancient Anatolia*, Moscow 1985, 128—108.

Hittite. This version of the myth, having, in all probability, acquired certain local (Hittite) literary colouring, reached us, and this should be put down to the Hittite *men of letters'* credit, who made an enormous contribution to the World's culture.

II

ქართველოლოგიური ნარკვევები KARTWEOLOGICAL STUDIES

О ХАРАКТЕРЕ НЕКОТОРЫХ ИНДОЕВРОПЕЙСКО-
ГРУЗИНСКИХ (КАРТВЕЛЬСКИХ) ЯЗЫКОВЫХ
ПАРАЛЛЕЛЕЙ

(по данным хеттского языка)

Бесспорные факты наличия индоевропейских элементов в картвельских языках или существования типологического сходства и идентичности структур картвельских и индоевропейских языков [2], над выяснением которых так упорно и плодотворно работал покойный юбиляр, естественно, ставят вопросы о месте и времени осуществления контактов индоевропейских и картвельских языков, а также о том, именно с какими из индоевропейских языковых единиц могли иметь связи картвельские языки. Конечно, отнюдь не исключая взаимоотношений этих последних и индоевропейских языков более позднего времени в пределах самого же Кавказа, наряду с другими исследователями полагаем, что вполне допустима и возможность наличия интересующих нас контактов еще с древнейшими индоевропейскими языками Передней Азии [7, 045 и сл.], в частности, Малой Азии (Анатолии).

В этой связи обращает на себя внимание появление отдельных черт сходства между картвельскими и древнеанатолийскими индоевропейскими (хеттским, лувийским, палайским) языками. Ниже мы рассмотрим лишь некоторые из интересующих нас черт на примере, в основном, хеттского клинописного (неситского) и картвельских языков.

1. В этих языках выявляются сходство или полная идентичность некоторых падежных показателей почти всех имен (существительного, прилагательного, числительного).

Так, показатель родительного падежа ед. и мн. ч. в хеттском -aš [8, 43] (произносился как -as) похож на формант того же падежа всех картвельских языков: -is(a), -s (груз.); -iš, -š (мерп.); -š (чан.); -(i)š, -eš (сван.) [об этих последних см. 4, 103]. Ср. хетт. Anitta-š attāš и груз. anita-s тама «отец Анитты»; Ḫattušili-š DUMU и груз. xatusili-s ze «сын Хаттусили»; хетт. рагп-aš išḫaš и груз. saxl-is baṭoni «господин дома»; хетт. LU-n-aš waštul и груз. ḳac-is codwa «грех человека».

Показатель дательного падежа мн. ч. в хеттском -aš (в ед. ч. употреблялись другие форманты, а именно -i и -a) [8, 43] напоминает формант того же падежа всех картвельских языков в форме -s [4, 160] (как в ед. ч., так и во мн. ч.). Ср. например, хетт. išḫ-aš и груз. baṭoneb-s «господам»; хетт. KUR-e-aš (=udneaš) и груз. kweqneb-s «странам»; хетт. šiun-aš и груз. ḡmerteb-s «богам»; хетт. šallaḡ-aš и груз. dideb-s «большим» и т. д.

Выявляют полную идентичность показателя творительного падежа ед. и мн. ч. как в хеттском, так и в картвельских языках. Форманты имеют следующие формы: -it (хетт.) [8, 43] и -it(a), -t (груз.); -it, -t (мерп.); -te(n) (чан.) [4, 101]. Ср. для единственного числа: хетт. kišsar-it и груз. xel-it «рукой»; хетт. kard-it и груз. gul-it «сердцем» (ср. груз. mḳer-dit «грудью»); хетт. wetep-it и груз. cḡl-it «водой»; для множ. числа: хетт. ŠU^{HI.A}-it и груз. xeleb-it «руками»; хетт. aššaw-it и груз. kargeb-it «хорошим» и мн. др.

2. Сравнение некоторых хеттских (а также лувийских и палайских) глагольных личных окончаний с отдельными личными местоимениями картвельских языков показывает следующее:

Хеттские показатели 1-го лица и 2-го лица ед. ч. настоящего времени актива изъявительного наклонения (спряжения глагола на -mi), а именно, -mi и -ši [8, 77] (ср. также соответствующие лувийские и палайские формы: -mi, -ši) по звуковому составу похожи на личные местоимения 1-го и 2-го л. картвель-

ских языков: -ше(n)-, шена- (груз.); ша- (мерг.); ша(n)- (чан.); пи- (сван.) «я» [4, 132] и шен- (груз.); си- (мерг.); си(n)- (чан.); си-(сван.) «ты» [4, 162]. Ср. хетт. ija-ni и груз. waqeteb me «я делаю»; хетт. iia-si и груз. aqeteb šen «ты делаешь». Обращает внимание идентичность хетт. -mi и сван. pi-, а также хетт. -ši и мерг., чан. и сван. -si-.

Или же, показатели 1-го л. и 2-го л. мн. ч. настоящего времени актива изъявительного наклонения (спряжения глагола как на -mi, так и на -hi), т. е. -weni и -teni в хеттском, обнаруживают определенное сходство с формами также личных местоимений в грузинском, а именно: šwen — «мы» и tkwen «вы» (см. мерг. tkwa(n)-; чан. tkwa(n)- [4, 176]). Ср. хетт. iia-weni и груз. waqetebt šwen «мы делаем»; хетт. iia-tteni и груз. aqetebt tkwen «вы делаете». Тут же следует отметить, что хетт. -weni и -teni по форме похожи также на грузинские притяжательные местоимения šweni «наш» и tkweni «ваш».

В связи с личными местоимениями šwen «мы» и tkwen «вы» ср. также хеттские окончания 1-го и 2-го л. мн. ч. прошедшего времени актива изъявительного наклонения (спряжения глагола на -mi и на -hi): -wen и -ten. Ср. хетт. iia-wen и груз. gawaqetet šwen «мы сделали»; хетт. iia-tten и груз. gaqetet tkwen «вы сделали».

Правда, указанные выше хеттские глагольные личные показатели по форме похожи не на те же самые показатели картвельских языков, а на личные местоимения этих последних. Однако и этот факт заслуживает определенного внимания и изучения причин его появления.

3. Интересны следующие лексические параллели (о некоторых из них уже отмечалось в научной литературе, где они обычно связываются с общендеоевропейскими корнями):

Хетт. ešhar- (išhar-) «кровь» (ср. индоевр. *ēšH₂) и груз. sixl-, мерг. zisxar-, zisxir-, чан. di(n)cxir-, сван. zisx- «кровь» (общекартвельская основа *zixsl- [4, 87]).

Хетт. haḥḥarš- «смеяться, хохотать» и груз. хахгар- «хохотать, громко смеяться».

Хетт. ištamana- (ištamina-) «ухо», ištamaš- «слушать» и общекартвельские основы *sm-in «слушать» (груз. sm-in-/sm-en-; мерг. sim-in-; чан. sim-in-; сван. sm-in- [4, 165]) и *sm-

«слышать(ся)» (груз. sm-; мегр. sim-; чан. sim-; сван. sm-'səm- [4, 164]).

Хетт. iuga- «нго, ярмо» (ср. индоевр. *iug-om) и груз. uḡel-, мегр. uḡi-, сван. ḡwa- «нго, ярмо» (общекартвельская основа *uḡel- [4, 186]).

Хетт. kakqara- (kaqqaba-, kakqari-) «куропатка» [9, 342; 9₂, 14] и груз. qaḡab-, мегр. qoḡobe- «куропатка» (общекартв. основа *qaḡab- [4, 105]). Ср. греч. *κακαΐτι*, аккад. *kakkaḫani*.

Хетт. kard- (kardi-) «сердце» (ср. индоевр. *kerd- || kērd- «сердце») и общекарт. *mḡerd- «грудь» (груз. mḡerd-; мегр. qadag-; сван. məḡwed- [4, 135]).

Хетт. katkaṭila- «дрожать, трястись», katkattima- «дрожь, трепет» и груз. qaḡqaḡ-i «дрожь, трепет».

Хетт. gimmant- (<gim-) «зима», gimmand(t)arila- «(пере-)зимовать» и груз. zamtaḡ- «зима» (однако, ср. [4, 86]).

Хетт. partawar (parta + суффикс -war, образующий абстрактные имена), partar «крыло» и груз. pṛta с тем же значением (ср. индоевр. *per).

Хетт. ṣurri- «чистый (ритуально чистый)», ṣurpeṣṣar «чистота», ṣurpilaḫḫ- «чистить» и другие хеттские слова. производные от ṣurp-. и груз. suṛta «чистый».

Хетт. ta — союз «и» и груз. da, мегр. и чан. do «и».

Хетт. tekan- «земля» и груз. tixa «глина», мегр. dixā- «почва; земля». Картвельская основа *tiqa сопоставляется с индоевр. *dhēgh-om [4, 94 и сл.].

Хетт. wellu- «луг» и груз. wel- «поле», мегр. we(l)- с тем же значением. Ср. индоевр. *pel, *pela.

Хетт. wītan(a)- «вино» (ср. индоевр. *woin-) и груз. ḡwīno-, мегр. ḡwīn-, чан. ḡ(w)in- «вино».

Наряду с вышеприведенным, обращают на себя внимание и следующие примеры. Так, хетт. ka и kēt «здесь, сюда; туда, там» похожи на груз. ak, ik; aket, iket «здесь, там; сюда, туда» (ср. также хетт. kā-kā и груз. ak-ik «здесь-там»). Хетт. прилагательное duddumi- «глухой», от которого происходит наречие duddumili «тайком, тайно; молчаливо, тихо», можно сопоставить с древнегруз. dumil- «глухота; молчание: тишина», idumal «тайком, молчаливо, тихо», dumeba «замолчать» и

т. д. Хеттское слово *šaḫeššar* «крепость(?)» [9, 21], образованное от *šaḫ-* и *-eššar*, можно сравнить с груз. *siḥe-*, мегр. *ṣiḫa-* и чан. *ṣiḫa-* «крепость» [4, 239]. Другое хеттское слово *gurtā* «крепость» сравнивают также с груз. *karta* «летний хлеб» [6, 240]. Полагают, что хетт. *kuppa-*, *kuwappa-* «медь» можно связывать с груз. *(r)ḳipa-* «железо» [6, 97 и сл.]. Хетт. *purī-* «губа» напоминает груз. *piḡ-* «рот» [3, 209], мегр. и чан. *piṣ-*, сван. *pił-*, *bił-* «край, губа» [4, 153] и т. д. Подобные примеры можно увеличить.

В связи с вышесотмеченным считаем пужным коротко остановиться на вопросах этно-исторического характера — на вопросе о древнейшем очаге и распространении в Малой Азии индоевропейских, *gesp.* неситских племён, а также на вопросе о древнейших картвельских политических образованиях. Как известно, к этим вопросам не раз обращались разные исследователи как у нас, так и за рубежом.

После изучения многочисленных данных так называемых «каппадокийских» табличек, обнаруженных на территории Турции, а именно, в Кюль-тепе (в 20 км к северо-востоку от Кайсери), Алишар-хююке и Богазкее (эти клинописные тексты составлены на староассирийском диалекте аккадского языка), стало совершенно бесспорным наличие индоевропейцев в Малой Азии еще с самого начала II тысяч. до н. э. Согласно этим документам, собственные имена явно индоевропейского происхождения [10, 67] носили лица, проживавшие в разных населенных пунктах Анатолии, включая ее центральный, восточный, южный или юго-восточный районы. Индоевропейским по происхождению является и целый ряд слов, засвидетельствованных в «каппадокийских» табличках и позднее встречавшихся в хеттской лексике [9, 41]. С большой уверенностью можно предположить, что к указанному времени был завершён процесс расчленения общепантолийского индоевропейского языка-основы на отдельные диалекты — на хеттский, т. е. неситский (в центральной части Малой Азии), лувийский (на юге и юго-востоке Анатолии) и палайский (на севере или северо-востоке), образовавшие подлисе соответствующие языковые единицы.

Образование и распад новых племенных союзов (неситов, лувийцев, палайцев) происходили, разумеется, на протяжении многих веков. Поэтому, начало процесса дифференциации общепанатолійского индоевропейского языка-основы, имевшего место, как уже правильно отмечается в научной литературе, в самой же Анатолии [1, 121], следует отнести к эпохе, когда обитавшие в Малой Азии индоевропейские племена жили еще в условиях родового строя — к III тысяч. до н. э., а возможно и к более раннему периоду.

Хотя пока еще не удается определить изначальную территорию проживания в Малой Азии индоевропейских племен — носителей языка-основы, откуда постепенно происходило выделение разных племенных диалектов, носители которых в дальнейшем распространились по обширной территории Анатолии, однако приблизительно можно определить место древнейшего очага бытования самих неситских племен. Это была область, на территории которой находились ранние политические образования неситов — Куссара и Неса, тот же город Каниш (Канес), расположенный на месте совр. Кюльтепе. Недалеко от него простиралось Куссарское царство, где в дальнейшем образовалось Хеттское государство (при Лабарне). Видимо отсюда происходило постепенное проникновение неситских племен на территорию Центральной и Восточной Анатолии, населенной с древнейших времен хаттскими (протохеттскими) племенами. В период неситско-хаттского соприкосновения, длившегося несколько столетий, протохеттский язык был поглощен неситским, который одновременно и сам претерпел определенные изменения (в фонетике, лексике, морфологии). В результате слияния и скрещения индоевропейцев с хаттскими племенами в Центральной Малой Азии образовался хеттский этнос, создавший приблизительно к середине XVII в. до н. э. могущественное Хеттское царство, целиком воспринявшее богатые культурные традиции протохеттов [1, 122].

Как видно из данных Богалкейского клинописного архива, в результате распространения индоевропейцев по всей Малой Азии во II тысяч. до н. э. в восточной и северо-вос-

точной частях Анатолии появляются географические названия с суффиксами *-s-* (*-ss-*) и *-nd-* (*-nt-*), — возможно, следы пребывания индоевропейцев на восточной окраине указанного региона. Ареал проникновения индоевропейцев расширился в восточном и северо-восточном направлениях, где хетты с эпохи Древнего царства устраивали крупные военные операции. В сферу политического и культурного влияния хеттов были втянуты области, расположенные на востоке от р. Евфрат, а также районы, находившиеся севернее и северо-восточнее от Центральной Малой Азии, до самого южного и юго-восточного побережья Черного моря.

Предполагается, что под культурно-политическим влиянием хеттов находились и районы, охватывавшие верховья рек Чороха и Западного Евфрата (Кара-Су), где издревле проживали картвельские племена. Как показали сведения ассирийских и урартских клинописных текстов XII—IX вв. до н. э., область Эрзерума и верховьев Зап. Евфрата была южной периферией страны Даиаени (ассирийских источников)/Диаухи (урартских надписей) [5, 59] — юго-западная часть исторической Грузии (на ее месте позднее простиралась древнегрузинская провинция Тао). По соседству же с ней, в западной части Южного Закавказья, находилась и Кулха урартских текстов, которая отождествляется с исторической Колхидой [5, 63].

Именно вышеуказанные районы следует рассматривать как одними из древнейших очагов бытования картвельских племен, где в XII—IX вв. до н. э. уже существовали сильные политические образования западногрузинских (Кулха) и восточногрузинских (Диаухи) племен, которые постепенно распространялись по разным направлениям. Имеются все основания полагать, что в этих же областях, а возможно и южнее или юго-западнее, с древнейших времен находилась коренная территория племен-носителей общекартвельского языка-основы, от которого постепенно выделялись отдельные языковые единицы (сванский, грузинский, мегрельский, чанский). Исходя из того факта, согласно которому можно говорить о существовании западно- и восточногрузинских племен в XII—IX вв. до н. э., начало процесса дифференциации

общекартвельского языка следует отнести, естественно, к сравнительно раннему периоду.

Нам представляется вполне возможным, что области, расположенные в верховьях рек Чороха и Западного Евфрата (Кара-Су), были основным связующим местом контактов (культурно-исторических, языковых) между картвельскими и индоевропейскими племенами Малой Азии древнейшей эпохи. Поэтому какую-то часть упомянутых выше черт близости или лексических параллелей, предполагавшихся в картвельской среде, в основном, на общекартвельском уровне, можно рассматривать как результат многовековых взаимоотношений если не хеттского (неситского) и картвельских (общекартвельского) языков не раньше начала II тысяч. до н. э., то общесамосатского и общекартвельского языковых единиц на протяжении III тысяч. до н. э. Основная же часть из интересующих нас параллелей является в общекартвельском, по-видимому, древними индоевропейскими заимствованиями (элементами), не восходящими к анатолийским индоевропейским языкам, тем более, что большинство из вышеприведенных общекартвельских основ выявляет явную близость к индоевропейскому [6, 214—226; 4, 87, 94, 135, 186 и др.; 11, 37 и др.],

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Гамкрелидзе Т. В., Анатолийские языки, «Орион». Сборник, посвященный 80-летию А. Г. Шанидзе, Тбилиси, 1967.
2. Гамкрелидзе Т. В., Мачавариани Г. И., Система сонантов и аблаут в картвельских языках, Тбилиси, 1965.
3. Иванов В. В., Хеттский язык, Москва, 1963.
4. Климов Г. А., Этимологический словарь картвельских языков, Москва, 1964.
5. Меликишвили Г. А., Наирн-Урарту, Тбилиси, 1954.
6. Меликишвили Г. А., К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и ближнего Востока, Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).
7. Церетели Г. В., О теории сонантов и аблаут в картвельских языках, в книге [2].
8. Friedrich J., Hethitischcs Elementarbuch, 1. Teil, Kurzgefaßte Grammatik, Heidelberg, 1960.
9. Friedrich J., Hethitischcs Wörterbuch, Heidelberg, 1952 — 1966 (1. Ergänzungsheft — 1957; 2. Ergänzungsheft — 1961).
10. Garelli P., Les Assyriens en Cappadoce, Paris, 1963.
11. Гамкрелидзе Т. В., Современная диахроническая лингвистика и картвельские языки (11), «Вопросы языкознания», 1971, № 3.

ხათური (პროტოხეთური) ენა და ხათები (პროტოხეთები)

(საკითხის შესწავლის თანამედროვე მდგომარეობა)*

არნ. ჩიქობავა დიდ ინტერესს იჩენდა წინა აზიის ძველი ცივილიზაციის კვრების შემქმნელ ხალხთა, ამჟამად მკვდარი, ენებისადმი, მათ შორის, როგორც იგი წერდა, "ხეთური ენების" მიმართ. ამ შემთხვევაში ბ-ნი არნოლდი გულისხმობდა, როგორც ჩანს, არამარტო ხეთურ-ინდოევროპულ ენებს (ე. ი. თვითონ ხეთურს – იმავე ნესიტურს, ლუვიურსა და ფალაურს), რომლებიც მცირე აზიაში (ანატოლიაში) იყვნენ გავრცელებული ძვ. წ. III ათასწლეულის მეორე ნახევარსა და ძვ. წ. მთელ II ათასწლეულში, არამედ იმავე მცირე აზიაში, მისი ცენტრალური ნაწილის ჩრდილოეთსა და ჩრდილო-აღმოსავლეთში, მოგვიანო ხანების პონტოში მოსახლე უძველესი არაინდოევროპული წარმოშობის ტომების – ხათების (პროტოხეთების) ენას. როგორც ცნობილია, სწორედ ამ "ხეთურ ენათა" გათვალისწინებით შეიქმნა ტერმინი – "ხეთურიბერიული ენები" (ძველალმოსავლურ ენათა მკვლევარნი ამ ტერმინს ახლა გაუმართლებლად მიიჩნევენ). თუ ამ ენებს შორის ბ-ნი არნოლდი დიდ სხვაობას ხედავდა, ამას იგი შემდეგნაირად ხსნიდა: "დიდი სხვაობა მეორეულია, ეს სხვაობა გაჩნდა ამ ენათა დიფერენციაციის პროცესში; ეს სხვაობა შედეგია განვითარების იმ თავისებური ისტორიული გზისა, რომელიც ამ ენებმა გაიარეს ათასეული წლების მანძილზე..." ("ქართული ენის განმარტებითი ლექსიკონი", ტ. I, თბ., 1950, გვ. 006-007).

ხეთური ლურსმული არქივის სრული გაშიფვრის შემდეგ, ხათურ ენას, რომელიც არქივში წარმოდგენილი იყო შედარებით მცირერიცხოვანი ტექსტებით (ზოგჯერ ხათურ-ხეთური ბილინგვების სახით), ყურადღება მიაქცევს გამოჩენილმა ორიენტალისტებმა, ძირითადად ხეთოლოგებმა (ბ. პროზნიმ, ე. ფორერმა, აგრეთვე რ. ბლაიხ შტაინერმა და სხვებმა). შემდგომში ეს ენა კავკასიურ ენებს დაუკავშირეს, დაინახეს რა ხათურ სიტყვაში ყაჭხახ 'ღვთაებები' ადიღურში (ჩერქეზული) სიტყვა ყაჭხი 'ღვთაება'. როგორც შემდგომი წლების გამოკვლევებმა აჩვენა, ვარაუდი ხათური ენის კავშირისა ჩრდილო-დასავლეთ კავკასიურ ენებთან არ იყო მთლად უსაფუძვლო, რადგან მკვლევარებმა ამ ენათა შესწავლისას, ჩვენის აზრით, გამოავლინეს მათი სტრუქტურული სიახლოვის დამადასტურებელი არაერთი ფაქტი, თუმცა ზოგიერთი მკვლევარი, მაგალითად, იორგ კლინგერი, თვლის, რომ ხათური ენის სტრუქტურულ

* არნ. ჩიქობავას დაბადების 100 წლისთავისადმი მიძღვნილ საერთაშორისო სიმპოზიუმზე 1998 წლის 24 ოქტომბერს წაკითხული მოხსენება.

ლი ნათესაობაც კი აფხაზურ-ადილეურ ენებთან არ მტკიცდება, თავი რომ დავანებოთ მათ გენეტიკურ ნათესაობას.

მართლაც, ხათური ენის ფონოლოგიური ფორმანტიების გაურკვეველობა, მიახლოებითობა ცნობებისა მათი მნიშვნელობის შესახებ და თითქმის ოთხი ათასი წლის ინტერვალი შესადაარებელ ენებს შორის, ე. ი. უძველესი ხათური ენის ნორმების შედარება თანამედროვე აფხაზური და ადილეური ენების ნორმებთან, ქმნის ამ შედარებას რამდენადმე დაუჯერებლად. გასათვალისწინებელია სიძნელებები, რომლებიც თან ახლავს აფხაზურ-ადილეური წარმოშობის სიტყვების გადმოცემას ლურსმული მარცვლოვანი დამწერლობით (როგორც ცნობილია, აფხაზურში 60-ზე მეტი თანხმოვანია), რომელსაც შეეძლო გამოკვლევა მხოლოდ ორ ათეულამდე კონსონანტი. ისმება კითხვა: როგორ უნდა გადმოცემულიყო აფხაზურ-ადილეური ენების მრავალთანხმოვანიობა ლურსმული დამწერლობით?

ხათური ენის შესწავლის თანამედროვე დონის გათვალისწინებით, ი. დუნაევსკიას, ი. დიაკონოვის, ვ. ივანოვის, ა. კამენჭუბერის, პ. შუსტერისა და სხვათა გამოკვლევებზე დაყრდნობით, შეიძლება შემდეგი სურათის წარმოდგენა.

ხათური სახელისათვის დამახასიათებელია 20-მდე პრეფიქსი და ამდენივე სუფიქსი, რომელთა მნიშვნელობა საბოლოოდ არ არის დადგენილი. სახელისა და ზმნის დიფერენცირება ხათურში საკმაოდ რთულია ფორმალური კრიტერიუმების უქონლობის გამო, მაჩვენებლების გარჩევა სახელსა და ზმნაში საკმაოდ გაძნელებულია – ისინი ხშირად ემთხვევა ერთმანეთს: -e, -ja სახელში აღნიშნავს ლოკატივის ბრუნვის ნიშანს, ზმნასთან კი იგი ირიბი ბრუნვის მაჩვენებელია: 'მას' (ორივე სქესში); ჰა-, ka-, pe-/pi- წარმოადგენს ლოკატივის ნიშნებს სახელსა და ზმნაში (ა. კამენჭუბერი); ჰა- პრეფიქსი სახელსა და მასზე დამოკიდებულ ზმნაში უნდა აღნიშნავდეს მოქმედების მიმართულებას; u-, ai- სახელში კუთვნილებითი ნაცვალსახელია, ზმნაში – პირის მანიშნებლები (პ. შუსტერი); eჰ-/aჰ- დისტრიბუტივის მაჩვენებელია სახელსა და, შესაძლოა, ზმნაშიც (პ. შუსტერი).

ხათური ენა აგლუტინაციურია. სახელის დიფერენციალაცია არსებით და ზედსართავ სახელებად ძნელად შესაჩნევია. ძირს წინ უსწრებს ლოკატიური ელემენტები წინსართებისა და პრევერბების სახით. ზმნის გრამატიკული ურთიერთობანი გამოხატულია იმ პრეფიქსთა ჯაჭვით, რომლებიც განლაგებულია უცვლელი თანამიმდევრობით. არსებობს პრეფიქსების ისეთი ჯგუფები, რომელთაც უკავია ალტერნატიულად ერთი პოზიცია. ჩვეულებრივ გამოყენებულია 3-4 პოზიცია 10-დან. პრეფიქსები გამოხატავს აკრძალვას, სურვილს, ლოკატივს მოქმედების სუბიექტის დროს, რეფლექსივს, სუბიექტს მრ. და მხ. რიცხვში, ლოკატივს მდგომარეობის სუბიექტის დროს. ვარაუდი ზმნაში დროსა და პირის მაჩვენებლების არსებობის შესახებ – სხვადასხვაა. სახელის გრამატიკული ურთიერთობანი გადმოცემულია პრეფიქსებითა და სუფიქსებით. ორსუბიექტური უღლება ზმნისა და ზმნათა მოქმედების და მდგომარეობის დიფერენციალაცია საშუალებას აძლევს მკვლევართ ივარაუდონ ხათური ენის ერგატიულობა, თუმცა ი. კლინგერი ამ მოსაზრების წინააღმდეგია.

ხათურში გამოყოფენ ბრუნვათა სუფიქსალურ მაჩვენებლებს: -ჰა (-აჰ, -ჰ) უნდა იყოს ბრალდებითი ბრუნვის ნიშანი, -(V+)ი – ნათესაობითი ბრუნვისა (ე. ლაროში, ა. კამენჰუბერი), გარდა ამისა – ირიბი დამატების მანიშნებელი (ი. დუნაევსკაია, ჰ. შუსტერი); -ლა მიცემითი ბრუნვის ნიშანია (ა. კამენჰუბერი).

რიცხვის მანიშნებელია: ისევ ჰა- (იშვიათად, ჰი-/პი-) – კოლექტიური მრავლობითი რიცხვისა; le- ასევე მრავლობითი რიცხვისა; ზჰ- (ვარიანტი ზჰ-) – პირდაპირი ობიექტის მრავლობითი რიცხვის ნიშანი (ა. კამენჰუბერი).

სიტყვის მანარმოებელი სუფიქსებია: -el, -il – კუთვნილების ან წარმომავლობის მაჩვენებლები მამრობითი სქესის არსებით სახელებში; -ჰჰ უნდა იყოს -el, -il სუფიქსის იდენტური მაჩვენებელი, ოღონდ მდებარეობითი სქესის არსებითი სახელებისა (ზოგჯერ აღნიშნავს ენკლიტიკასაც). გრამატიკული კლასების მაჩვენებლები საიმედოდ არ გამოიყოფა.

სახელის პრეფიქსალური ნაცვალსახელების მაჩვენებლებია: le- 'მისი' (ა. კამენჰუბერი); ჰე- 'მათი' (ა. კამენჰუბერი), le- 'მისი' (მდ. სქესი).

დამოუკიდებელი ნაცვალსახელებია: აიია, აია 'ეს' (ზოგჯერ 'როდესაც'); ima/e – ჩვენებითი ნაცვალსახელი; -tu 'მისი' (ასევე -ჰა); -e, -la 'მას', ჰე- 'შენ', ud- 'შენ' (მიც. ბრ.), uu- 'შენ', აჰჰჰჰ- 'ჩვენ' და ა. შ.

ხათური ზმნის სტრუქტურა შეიძლება ჩაითვალოს გარკვეულად. ი. დუნაევსკაიას ვარაუდით, ხათურ ზმნას გააჩნია პრეფიქსთა ჯაჭვი ექვსი პოზიციით. ამ ჯაჭვსა და ფუძეს (ძირს) შორის თავსდება ლოკატიური პრევერბები, ხოლო ძირის შემდეგ მოცემულია სუფიქსთა ჯაჭვი ორი (ან მეტი) პოზიციით.

დღეისათვის დამაჯერებლად დადგენილია 100-მდე ხათური სიტყვის მნიშვნელობა.

ხათური და ქართველური ენების ურთიერთშედარება ი. დუნაევსკაიასა და ი. დიაკონოვს აძლევს შესაძლებლობას დაასკვნან, რომ სტრუქტურული სიახლოვის ხარისხი ხათურსა და ქართველურ ენებში დაბალია, ვიდრე ხათურსა და აფხაზურ-ადიღურ ენებში. მიუხედავად იმისა, რომ ეს ენები ზმნის ფორმების მხრივ იყენებენ პრეფიქსაციის რთულ სისტემას, მათი (ე. ი. ხათური და ქართველური ენების) პრინციპები სულ სხვადასხვაა. სუბიექტურობიექტური მაჩვენებლები გამოისატება უმეტესად პრეფიქსებით, მაგრამ მესამე პირი (სუბიექტის მაჩვენებელი) და მხ. რ. პირველი და მეორე პირის მაჩვენებელი სუფიქსებითაა გამოსატული. ამავე მეცნიერთა აზრით, ქართველური ენების ბრუნვის სისტემას თითქმის არ აქვს რაიმე შეხების ნერტილი ხათურთან. როგორც ი. დუნაევსკაია თვლის, ზოგიერთი ხათური ფორმანტი ანალოგიას იჩენს სწორედ ქართველურ ენებს შორის: მაგალითად, ხათურის მესამე პირის მაჩვენებელია -s, ისევე როგორც ესაა ქართველურ ენებში; ამ უკანასკნელთა შორის დადასტურებულია ხათურში კარგად ცნობილი სუფიქსი კუთვნილებისა და წარმომავლობისა -el (მამრობითი სქესის სიტყვათა შორის); სვანურში არსებობს განყენებული სახელების პრეფიქსი li- და პრეფიქსი მრავლობითი რიცხვისა la-, რომლებიც შეიძლება დავაკავშიროთ ხათურ პრეფიქსთან le- და ა. შ.

როგორც ქრ. გირბალი ვარაუდობს, ხათური ენა გენეტიკურად განსახილველია ქართველურ ენათა ჯგუფთან კავშირში. ეყრდნობა რა ძირითადად ლექსიკურ მონაცემებს, იგი იხილავს ისეთ ლექსიკურ პარალელებს, როგორ-

კა: ხათ. tete 'დიდი' და ქართ. 'დიდი'; ხათური სიტყვიდან tuḥḥukuru 'ხედეა' კ გამოყოფს -kuru-ს და ადარებს მას ქართ. 'ყურება' -ს; ხათური სიტყვა šama 'მოსმენა' დასაკავშირებელია ქართ. 'სმ' -სთან სიტყვაში 'მო-სმ-ენა', ხათური tumāi 'წვიმა' უნდა იყოს ქართ. 'წვიმა' (-ი სუფიქსის გამოკლებით) პ. ა. შ.

ხათურ და ქართველურ ენათა სავარაუდო ლექსიკური პარალელებიდან ელევარები აღნიშნავენ შემდეგსაც: ხათ. šayāt 'ვაშლი' და ქართ. 'ვაშლ' -ი, ხათ. karam 'ჭურჭელი' და ქართ. 'ქვეერი', ხათ. win 'ღვინო' (სიტყვაში yin-karam - 'მელვინეთუხუცესი') და ქართ. 'ღვინო', ხათ. ureš 'მჭედელი' და ქართ. 'ჭო', ხათ. (ya-)zar 'ცხვრები' და ქართ. 'ცხვარი' და სხვ.

ჩვენთვის საინტერესო ენის მატარებელი ტომების - ხათების, იმავე პროტოხებეთების, სახელი მომდინარეობს სიტყვიდან 'ხათი' (შესაძლოა, იგი 'ვერ-ხელს' აღნიშნავდა), საიდანაც ნაწარმოებია მთავარი ქალაქის სახელი - Hat-tāš (ხეთურად Hattuša), აგრეთვე სიტყვა hattili 'ხათურად' და სხვ. ხეთურ ტექსტებში შემორჩენილი ხათური ლექსიკის მიხედვით თუ ვიმსჯელებთ, ხათურ საზოგადოებას ადრეკლასობრივ ('ქალაქ-სახელმწიფოს') დონემდე მიუღწე-ვია. ხათებს ჰყოლიათ მეფე (katte) და დედოფალი (kattab), რომლებიც შესაბა-რის ტიტულებსაც ატარებდნენ - 'ლაბარნა'/'თაბარნა' და 'თავანანა'. უფლისწულს რქმევია tuḥḥante, სამეფო ტახტს - ḥanūšuit, ლაშქარს და, საერთოდ, მეომრებს აღნიშნავდნენ სიტყვებით: pakkawpakku და zizintu. სამეფო კარზე მოხელეთა და სასახლის მსახურთა მთელი რიგი ყოფილა: მელვინეთუხუცესი, სამეფო სკიპტრის მატარებელი, მესუფრე, მზარეული, მაცნე და სხვ.

ხათებს გააჩნდათ მრავალრიცხოვან ღვთაებათა კულტები, მათი მსახურე-ბი სათანადო ტიტულებითურთ, ჰქონდათ მითები, რიტუალები, რელიგიური დღესასწაულები. ხათური ხელოვნება საკმაოდ ორიგინალური და თვითმყოფი იყო. საერთოდ, ხათური საზოგადოების კულტურის დონე საკმაოდ მაღალი უნდა ყოფილიყო. ხათები საკმაოდ დანინაურებული იყვნენ ლითონთა წარმოების, განსაკუთრებით, რკინის, ხათურად - 'ხაფალქისა', დამზადების საქმეში.

ხათური ეთნოსი ცენტრალურ ანატოლიაში ძვ. წ. III ათასწლეულის ბოლომდე, ან ძვ. წ. II ათასწლეულის დასაწყისამდე უნდა არსებულიყო. ამის შემდეგ ხათები თანდათან ჰკარგავენ თავიანთ ინდივიდუალობას ისე, რომ სარბიელს უთმობენ ცენტრალურ მცირე აზიაში იმავე ხანებშივე მცხოვრებ და საკმაოდ მომძლავრებულ ინდოევროპული წარმოშობის ტომებს. ამ ორი ეთნოსის მშვიდობიან ჭიდილში, ხათური და ინდოევროპული ენების შერჩევა-შეჯვარების შედეგად, საფუძველი ჩაეყარა ახალ ეთნოსს - ხეთებს. ძვ. წ. XVIII-XVII საუკუნეებისათვის ხათურმა ცოცხალმა ენამ არსებობა შეწყვიტა, გადაიქცა რა 'შკვდარა' ენად, რომელსაც ხეთები იყენებდნენ ხათურად შედგენილი მცირერიცხოვანი ტექსტებისათვის. მათ ხშირად თან ახლდა სათანადო ხეთური თარგმანი.

ხათურ ენასთან და ხათებთან დაკავშირებით ჯერ კიდევ ბევრი რამ ბურუსითაა მოცული, განსაკუთრებით ხათურის გენეტიკური კავშირისა ერთ რომელიმე გარკვეულ ენასთან. ზოგიერთი მკვლევარი ხათების შორეულ მემკვიდრეებად თვლის მოგვიანო ხანის პონტოში მცხოვრებ ქასქების (ქაშქე-

ბის) ტომებს, რომლებსაც ახლა ზოგჯერ მიიჩნევენ (ქასქური ტომონიმიკის, ეთნონიმიკის, ლექსიკის ანალიზის საფუძველზე) დასავლურ-ქართველურ, კერძოდ, მეგრულ-ჭანურ, ზოგადად – სამხრეთ კოლხური წარმოშობის ტომებად. თუკი მომავალში ეს ჰიპოთეზა გამართლდება, მაშინ გაჩნდება კიდევ ერთი არგუმენტი დასავლურ-ქართველური ტომების დაკავშირებისათვის ხათებთან, რაც, ცხადია, გულისხმობს ხათური და ქართველური ენების ნათესაობას; შესაძლოა, სხვაობა ხათურ და ქართველურ ენებს შორის შედეგია, როგორც ბატონი არნოლდი იტყოდა, სწორედ იმ თავისებური ისტორიული გზისა, რომელიც ამ ენებს უნდა გაევიდოთ ათასეული წლების მანძილზე.

ლიტერატურა

1. Girbal Ch. Beiträge zur Grammatik des Hattischen. Frankfurt am Main, 1986
2. Дунаевская И. М., Дьяконов И. М. Хаттский (протохеттский) язык. „Языки Азии и Африки“, III, М., 1979
3. Иванов Вяч. Вс. Об отношении хаттского языка к северозападнокавказским. „Древняя Анатолия“, М., 1985
4. Камменюбер А. Хаттский язык. „Древние языки Малой Азии“, М., 1980
5. Klinger J. Hattisch und Sprachverwandschaft. „Hethitica“, XII (1994);
6. მისივე, Untersuchungen zur Rekonstruktion der hattischen Kultschicht. StBoT 37 (1996)
7. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990
8. Schuster H. Die hattisch-hethitischen Bilinguen. I. Leiden, 1974
9. გიორგაძე გ. ათასი ლექსების ქვეყანა, თბ., 1989
10. გიორგაძე გ. ხეთური ლურსმული ტექსტების ქასქების (ქაშქების) ტომთა ეთნიკური წარმომავლობისათვის. „არტანუჯი“, 1999, № 10

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРМАЗСКОЙ БИЛИНГВЫ (строки 7—8 арамейскографического текста)

Успешная дешифровка и скрупулезный анализ арамейскографического текста билингвы, найденной при археологических раскопках в Мцхета-Армази, осуществленные в 1941 г. выдающимся советским востоковедом академиком Г. В. Церетели¹, как известно, вызвали глубокий интерес широких кругов исследователей не только в области картвелологии, но и кавказоведения в целом. Более того, дешифровка арамейскографического текста этой надписи рассматривалась как значительное явление в мировой ориенталистике, в частности в семитской эпиграфике². Велико было ее значение для истории Грузии начала нашей эры. Наряду с известными ранее фактами, содержащимися в древнегрузинских исторических хрониках, а также в греческих, римских, древнеармянских и других письменных источниках, Армазская билингва обнаружила новые события и обстоятельства, во многом обогатив наши представления о политической истории Иберии (Картли), ее государственном строе, культурной жизни Грузии I—II вв. н. э. Сохранившиеся в билингве сведения исторического, социально-экономического и культурного характера подтвердили досто-

¹ Церетели Г. В. Армазская билингва. Двухязычная надпись, найденная при археологических раскопках в Мцхета-Армази. Тбилиси, 1941 (далее — АБ.1941). Грузинский и английский варианты были опубликованы в 1942 г. в «Известиях ИЯИМК», т. XIII (далее — АБ. 1942).

² Современное состояние исследования надписи отражено в публикации КА I 276 и комментарии к этой публикации (КА I II. С. 328—330), принадлежащем перу Х. Доннера.

Последний знак в слове h̄blyk/n	С т р о к и										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
γ											
κ				γ	γ	γ	γ		γ		
π	γ	γ	γγ		γ	γ	γγ		γγ	γ	γ

Таблица. Сравнение начертаний последнего знака в слове h̄blyk/n и акантов κ и π в арамейскографической части Армазской билингвы

верность соответствующей информации древнегрузинских нарративных источников.

Систематическое изучение Армазской билингвы, и в особенности ее арамейскографического текста, продолжалось и после опубликования этой уникальной надписи. Интерес к ней не ослаб и в наши дни, что вполне понятно: ряд вопросов общей интерпретации арамейскографического текста (язык надписи, истолкование некоторых слов, отдельных грамматических форм и т. д.) все еще нуждается в дальнейшем исследовании, тем более что некоторые группы слов с самого начала оставались не вполне ясными, на что указывал и сам надатель надписи².

К числу таких неясных мест принадлежат строки 7—8 арамейскографического текста интересующей нас эпитафии, традиционно транслитерируемые так: (7) r̄gr̄sm̄n ml̄k h̄bl h̄blyk m' (8) zy r̄gnw̄š l' gm̄ug wh̄kyn. Данные строки надписи Г. В. Церетели переводил следующим образом (АБ. 1941. С. 23; АБ. 1942. С. 16, 57 сл.): «(7) Парсмана царя. Горе горя. Та, (8) что была (которая была) r̄gnw̄š (несовершенная, т. е. молодая?). И столь...» и т. д.

Как видно из перевода, слово h̄bl понимается как «традиционный» глас боли» (АБ. 1941. С. 45), междометие «увы, горе», которое в тексте удваивается, а ко второму h̄bl прибавляется суффикс -ук; слово r̄gnw̄š вообще оставлено без перевода. В комментарии по этому поводу говорится: «r̄gnw̄š, слово мне неизвестно. Очевидно, оно персидского происхождения, ибо идентифицировать его на семитической почве не представляется возможным. Быть может, это слово представляет собой композит из r̄gn и w̄š и связано с часто встречающимся на геммах персидским словом r̄gnw̄š, этимология которого, к сожалению, неизвестна... Возможно, авестийское значение r̄gnw̄š, r̄gnw̄š r̄gnw̄š „Ur̄turus“ имеет какое-либо отношение к нашему слову, которое вместе с последующими l' gm̄ug представляет собой

² В целом и в настоящее время остается справедливой характеристика исследованной Армазской билингвы, данная акад. Г. В. Церетели в 1960 г. на XXV Международном конгрессе востоковедов: «Обзор связанной с билингвой литературы показывает, что основные выводы культурно-исторического характера, которые были сделаны при издании билингвы, в настоящее время можно считать общепризнанными. Вместе с тем те вопросы, которые тогда оставались неясными, до сих пор продолжают служить предметом обсуждения многих ученых разных стран» (Церетели Г. В. Армазская надпись эпохи Митридата Иверийского // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Т. I. М., 1963. С. 374).

соответствие греческому *νεωτέρα* и, кажется, также значит „молодая“⁴. Таким образом, начиная со слова *ḥbl* все связывается с безвременно ушедшей из жизни Серапнт.

Интересующий нас фрагмент оживленно обсуждался в исследовательской литературе. Почти одновременно были опубликованы статьи Х. У. Бэйли и В. И. Абаева, которые, независимо один от другого, пришли к близким выводам. Х. У. Бэйли предложил интерпретировать *rgwš* как модификацию в дефектном написании древнеиранского *argnāuš «не полных лет»⁵. В. И. Абаев указывал, что *rgwš* по месту в арамейско-графичном тексте соответствует греч. *νεωτέρα* «молодая» и может быть сопоставлено с др.-иран. *argnāuš, авест. *aregānāuš* «молодой», букв. «неполновозрастный»⁶. Развитие слова он представлял себе следующим образом: отпадение начального а- и стяжение трифтонга *āu* > *o*. В целом он видит в *rgwš* «параллельный синоним» к ирам. *rgmug* «nicht vollentwickelt». О сочетании *ḥbl ḥblyk* В. И. Абаев заметил, что в нем трудно усмотреть пехлевийское окончание *-ik*, которое здесь неуместно; по мнению В. И. Абаева, в данном случае перед нами арамейский местоименный суффикс 2 л. ед. числа, что дает перевод: «горе, горе тебе, которая была...». Х. С. Нюберг выделял в сочетании знаков *ḥblḥblyk* иранское окончание *-uk*, используемое при образовании прилагательных, а в *ḥblḥbl* видел «уземное имя иберов» («но я не знаю, — замечал он, — как его следует читать и объяснять»)⁷. В *rgwš* он усматривал иранское *ragh* с суффиксом *-š* в значении «жизнь». В целом предлагаемая им реконструкция среднеиранского текста и перевод гласят: *xšā^h xblxbl-ik ka fagn-oš esprug^h goi des xblxbl — lorzque sa vie n'était pas (encore) accomplie*. А. А. Фрейман считает *rgwš* «сложным словом обычного индоиранского типа»; по его мнению, в билингве нашла отражение древняя форма *ragh* или же северное, парфянское или осетинское, диалектное *ragh*⁸. Иное направление исследования избрал В. Б. Хеннинг⁹. Он связывает слово *rgwš* с сир. *ragnūš* «старец» (в сирийский оно, видимо, заимствовано из парфянского); по его мнению, следует читать, не отделяя одно слово от другого: *rgwš l'*; в результате получается литота со значением «не старая», т. е. «молодая». Однако при такой интерпретации разрушается сочетание *rgmug*, и слово *gmut* повисает в воздухе. Остается неясным, к чему его присоединить. Между тем точку зрения В. Б. Хеннинга поддержал Р. Н. Фрай, предложив перевод: «Sorrow of sorrows that she did not reach

⁴ АБ. 1941. С. 34; АБ. 1942. С. 24, 63. Позднее Г. В. Церетели предложил несколько измененный перевод интересующих нас строк: «царя Фарасмана. Горе, горе тебе, которая была молодая. И столь» (*Церетели Г. В. Эпиграфические находки в Мхета — древней столице Грузии // ВДИ. 1948. № 2. С. 50*). В данном переводе суффикс *-uk* рассмотрен им как местоимение «тебе», а выражение *rgwš l' gmut* — как соответствие греческому *νεωτέρα* «молодая». Такой же перевод дан и в I томе «Грузинской Советской Энциклопедии» (Тбилиси, 1975. С. 576) с той только разницей, что в грузинском переводе опущено слово «тебе». Судя по этому грузинскому переводу, выражение *rgwš l' gmut* окончательно было понято Г. В. Церетели как соответствие греческому *νεωτέρα*.

⁵ *Bayley H. W. Caucasia // JRAS. 1943. P. 1—4.*

⁶ *Абаев В. И. Вокруг Армазской билингвы // Сообщения АН Грузинской ССР. 1944. Т. 5. № 8. С. 825—829.*

⁷ *Nyberg H. S. Quelques inscriptions antiques découvertes récemment en Georgie // Eranos. V. 44 (Eranos Rudbergianus). Uppsala, 1946. P. 239—240.*

⁸ *Фрейман А. А. Несколько замечаний к Армазской билингве Г. В. Церетели // ИАН СССР. ОЛН. 1946. Т. V. Вып. 2. С. 183.*

⁹ *Ср. Henning W. B. // Handbuch der Orientalistik. Abt. I. Bd IV. Iranistik. Leiden — Köln, 1958. S. 38 f.*

full age»¹⁰; аналогично переводит и Б. М. Метцгер: «Woe, woe [for her] who did not reach full age, incomplete»¹¹. П. Грело также приводит в качестве параллель указывал и Э. Бенвенист¹². Наконец, критикую В. Б. Хейнрига, Ф. Альтгейм¹⁴ связывал рgnwš с евр.-арам. рgnšwā и сир. рgnšā «пропитание», «содержание». Исправив ḥblyk на ḥblyu, он переводил: «Wehe über Wehe, was an (guter) Lebensführung blieb unvollendet». К этому близок и перевод, предложенный в КАИ II. С. 328: «Wehe über Wehe, dass (ihre) Lebensführung unvollendet blieb». Данный перевод набран курсивом; это означает, что переводчик (Х. Дюннер) не уверен в такой интерпретации. Сочетание ḥbl ḥblyk он считает неясной конструкцией (КАИ II. С. 330); в остальном он следует за Ф. Альтгеймом, хотя и указывает на гипотетичность его построений.

Приведенные выше интерпретации интересующего нас текста вызывают определенные сомнения.

Во-первых, при истолковании слова ḥbl как «традиционного возгласа боли» ссылка на римский и неопунийский образцы представляется неуместной (Г. В. Церетели пишет о возгласе «горя по римскому и новопунийскому образцам»). Слишком мало вероятно, чтобы составлявший надпись писец в Армази был настолько эрудирован, чтобы ими воспользоваться. Другое дело — арамейские формулы, на которые обратил внимание Г. В. Церетели: при обучении писца арамейскому языку и арамейской гетерографии их изучение было, конечно, обязательным. Обращаясь к арамейским палмырским надписям (далее цитируются по изданию CIS.2.III; указываются только номера), мы обнаруживаем, что интересующий нас текст формулы палмырских надгробий не соответствует. Обычно возглас ḥbl либо открывает надпись, либо завершает ее. Так, 4133: «Увы (ḥbl)! Нурбел, сын Тайма[йна], (сына) Маттани»; 4129: «В месяц канун, год 426. Статуя эти две Элиши и Ба'алтаге сынов Боры, сына Шаббайа, сына Белшуря, сына Хайрана. Увы (ḥbl)!». Иногда этот возглас стоит в начале и в конце надписи. Так, 4487: «Увы (ḥbl)! Мале, сын Нешы. Увы (ḥbl)!»; 4225: «Увы (ḥbl)! Рефабол, сын 'Ате'акаба, сына Зебад'ате, (сына) Ариша. Увы (ḥbl)!». Однако ни в одном из таких известных случаев это восклицание не повторяется дважды подряд, и ни в одном случае оно не снабжено грамматическими формантами.

Особое внимание привлекают к себе надписи, где слово ḥbl находится внутри текста. Всего известно 28 таких надписей. Не имея возможности привести здесь все надписи, укажем наиболее характерные. 4507: «Увы (ḥbl)! Шулламат, мать. Увы (ḥbl)! Шулламат, дочь Шамшигерара. В месяц мул, год 495». 4359: «Мукайму, сын Хайры, (сына) Акакадийа. Увы

¹⁰ Frye R. N. *Pahlevi Heterography in Ancient Georgia? / Archaeologica Orientalia in memoriam E. Herzfeld*. N. Y., 1952. P. 91—94.

¹¹ Metzger B. M. *A Greek and Aramaic Inscription Discovered at Armazi in Georgia // JNES*. 1956. P. 20—24.

¹² Grelot P. *Remarques sur le bilingue grec-araméen d'Armazi // Semitica*. 1958. V. VIII. P. 16—19.

¹³ Benveniste E. *Titres et noms propres en Iranien ancien*. P., 1966. P. 80. Относительно рgnw- «старик» см. также *Czeudse T. D.* *Очерки по иранской ономастике*. Тбилиси, 1984 (на груз. яз.). С. 68.

¹⁴ Altheim F., Stiehl R. *Supplementum Aramaicum*. Baden-Baden, 1957. P. 80—81. Впрочем, в дальнейшем Альтгейм признал чтение ḥblyu ошибочным и ḥbl ḥblyk переводил как «wehe, wehe über dich» (Altheim F., Stiehl R. *Die aramäische Sprache unter den Achämeniden*. Lief. III. Frankfurt am Main, 1963. S. 270).

(hbl)! Прожил лет 16». 4527: «Статуя 'Атай, дочери 'Атешура, сына Кальбайя, сына Лпшамша, сына Лайлния. Увы (hbl)! В месяц *адар*, год 92». 4524 (*справа*): «Маратхон, дочь Таймарцу, сына Йадайна, сына Герабы. Увы (hbl)! (*слева*): Жена Ма'анияйя, сына Бар'ца». 4268: «На'оми, дочь Забды, сына Таймы, (сына) Халафты. Увы (hbl)! Жена Халафты, сына Забиды, сына Таймы сына Халафты. Забида, ее сын. Увы (hbl)! (*слева*) В месяц *кислул*, год 462». 4299: «Марийон, сын Элах[бе]ла, (сына) Хайрана. Увы (hbl)! То, что сделал для него (du 'hd lh) Хагигу, сын его». Как можно видеть, во всех этих и аналогичных случаях интересующее нас восклицание находится либо перед, либо, как правило, после имени погребенного. Грамматически с последующим текстом оно никак не связано. Это и не удивительно, поскольку последующий текст механически присоединяется к стандартной надгробной формуле.

Таким образом, предполагаемый текст hbl hbyuk m' zu и т. д. формуляру, известному нам по пальмирским надписям, не соответствует. Междометие hbl дважды повторяется подряд в одном мандейском тексте, но там оно фигурирует без каких-либо дополнительных элементов¹⁵. Появление суффикса -ук в сочетании со вторым hbl непонятно и необъяснимо. Еще В. И. Абаев, как уже говорилось выше, отрицал возможность его интерпретации как иранского окончания -ik, которое обычно указывает на происхождение или употребляется при образовании имен прилагательных. Но и местоименный суффикс 2 л. ед. числа, если исходить из арамейского языка, в данном контексте едва ли уместен. Форма hbyuk остается непонятной, и именно поэтому при переводе суффикс -ук обычно во внимание не принимается.

Явно бросается в глаза и то обстоятельство, что «традиционный воглас боли» в греческом варианте эпитафии отсутствует. На это обратил внимание еще Г. В. Церетели. Между тем в греческом варианте легко можно было бы поместить соответствующий «воглас боли» хотя бы в последний строке, где осталось неиспользованным достаточно свободного места.

Вместе с тем в греческой части надписи нет эквивалента и словам, стоящим непосредственно перед hbl, т. е. zu rgnwn mlk «Парсмана-царя». Вообще в арамейскографичной и греческой частях надписи сведения об отце и муже Серапит, а также о царях, при дворе которых делали карьеру эти люди, каложены неодинаково. В арамейскографичной части фигурируют Зевах — отец Серапит, служивший при дворе Парсмана, и ее муж Йодманган, сын Агриппы; упоминается служба Йодмангана при дворе царя Ксефарнуга и служба Агриппы при дворе царя Парсмана. Составитель греческой части ограничивается анонимным указанием на то, что Зевах был *питиахшем*; при дворе какого именно царя — не сообщает. Имя мужа Серапит указано так: «Публикия Агриппы, сына Йодмангана, жена» (Πομπλικίου Ἀγρίππας πιτιαίου υἱοῦ Ἰωδμανγάνου τῆς), причем говорится о службе последнего при дворе Ксефарнуга, но ни слова — о службе Публикии Агриппы при дворе Парсмана. Невольно напрашивается предположение, что слова hbl hbyuk опущены в греческом тексте надписи потому, что были опущены и предшествующие им слова rgnwn mlk, т. е. потому, что составитель греческого текста стремился избежать всякого упоминания о царе Парсмани.

Значение слова rgnwš (оно, по всей вероятности, иранского происхождения) до сих пор нельзя признать сколько-нибудь убедительно и

¹⁵ Drower E. S., *Mandaic R.* A Mandaic Dictionary. Oxf., 1963. P. 128.

окончательно установленными. Попытка возвести это слово к иранскому *arǰāuš не представляется удачной уже потому, что в этом случае ожидался бы *protheticum: *arǰwš. Его истолкование в сочетании с l' в значении «не старая, молодая» выглядит натяжкой; к тому же оно разрушает синтаксические связи. Попытка придать ему значение «старость», «арелый возраст» (DISO. P. 236 с переводом контекста: «elle n'est pas ravvenue à un âge mûr») также едва ли правомерна: не говоря уже о том, что между арелым возрастом и старостью дистанция достаточно велика, ожидалось бы появление помен abstractum: rǰwšw, rǰwšt'. Столь же натягута и попытка от значений «пропитание, содержание» прийти к переводу «жизненный путь».

Вообще предположение, что выражение rǰwš l' gmut является соответствием греческому νεώτερα «молодая, очень молодая», кажется мало вероятным. Помимо интересующего нас текста слово νεώτερος встречается в греческой части надписи еще один раз (стк. 2), а именно в характеристике Зеваха: Ζηοιάχου τοῦ νεώτερου κτιτίδου; в арамейскографической части надписи (стк. 2) ему соответствует qlyl. Очевидно, при характеристике Серапит в качестве соответствия греческому νεώτερα следовало бы ожидать скорее это арамейское слово. Между тем, обращаясь к заключительным фразам надписи (сткк. 7—10 греческого и 8—11 арамейскографического текста), мы обнаруживаем, что они в целом соответствуют друг другу, хотя и расположены в обратном порядке.

Греческий текст

Арамейскографический текст

ἀκίδα νεώτερα ἰτῶν κα'

whkyn šb wšpŕy yhwš hŕk zy br 'yulš

ἦτις τὸ κάλλος ἀμείψτων εἶχε

l' dm' yhwš mn šbwt

«Она умерла очень молодой,
на 21 году,
та, которая красоту неподража-
емую имела.»

wš'ytyl bšnt 21

«И так хороша и прекрасна она была,
что никто не был подобен ей красотой,
и она умерла на 21 году.»

Как видим, там, где должно было бы находиться соответствие греческому νεώτερα, а именно в заключительной фразе арамейскографического текста, где ожидалось бы: wš'ytyl *qlyl bšnt 21 — там это соответствие отсутствует. Греческий текст не дает оснований полагать, что оно может быть обнаружено где-то в другом месте надписи.

Рассмотрим теперь сочетание l' gmut. Исходя из его внешнего облика, слово gmut можно было бы понимать как причастие пассивной породы re'il (модель qlyl). Однако написание ш'ytyl «она умерла», букв. «она умершая», где ш'yt, вне зависимости от значения форманта -yt¹⁸, является активным причастием основной породы глагола mwt «умереть», показывает, что gmut может быть определено также и как активное причастие основной породы. Использование применительно к Серапит в цитированном выше тексте прилагательных šb и šŕut, равно как и причастия ш'yt, показывает, что составитель арамейскографического варианта не отличал грамматический женский род от мужского, так что полностью исключить возможность того, что l' gmut относится к Серапит, нельзя. Однако в любом случае l' gmut является сказуемым придаточного предложения, которое вводится сочетанием ш' zu. Подлежащее

¹⁸ Кажется вероятным, что писец, воспринявший причастную форму в значении имперфекта (Imperfectum consecutivum), несколько неожиданно присоединил к причастию показатель modus energicus -n.

естественнее искать среди слов, грамматически и синтаксически непосредственно, связанных с l' gmuḡ. В конце концов, все зависит от интерпретации сочетания ḥbl ḥblyk и слова ḡḥwā.

Как бы то ни было, все изложенное приводит к предположению, что в греческом варианте надписи отсутствует эквивалент 7-й — начала 8-й строки арамейскографичной версии (ḡḥm mlk ḥbl ḥblyk m' zu ḡḥwā l' gmuḡ) и что значение слова ḡḥwā следует искать в другой сфере, не там, где его искали до сих пор. В свете сказанного представляется необходимым пересмотр устоявшихся интерпретаций отдельных компонентов этого текста.

Начнем с ḥbl.

Как уже говорилось, его употребление в интересующей нас надписи не соответствует формуляру арамейскоязычных надгробных надписей из Пальмиры; это дает основания предположить, что данное слово представляет собой не традиционный воглас болв, но может быть интерпретировано иным образом. Известно, что корень ḥbl широко распространен в семитских языках. В еврейском языке Ветхого Завета глагол ḥābal имеет значение «наносить вред, ущерб», но также в усилительной породе ḡl' «губить, уничтожать». В связи с интересующим нас текстом особое внимание привлекает Ис. 13.5:

«Они идут из страны далекой,
от края небес,—
Иахве и орудия Его ярости,

чтобы погубить (leḥabbēl) всю Страну.

Ср. также в основной породе Нехем 1.7: «Вредить мы вредили (ḥāḥ) ḥāḥalnū) Тебе»¹⁷. В связи с этим отметим также имя ḥābāl «разрушение, погибель» (Мих. 2.10; Иов. 21.17; Иов. 20, 23). В библейско-арамейском языке употребление этого глагола засвидетельствовано в интенсивных породах ḡl' и ḥiḡra'al; здесь он имеет практически те же значения. Так, Эзра, 6.12: «который протянет руку свою, чтобы изменить, чтобы разрушить (leḥabbālā) Дом Божий»; Дан 6.23: «Бог послал посланца Своего и заградил пасть львов, и они не погубили меня (ḥabbēlūnī)»; Дан.

4.20: «срубите дуб и уничтожьте его (ḥabbēlūhī)»; Дан. 2.44: «воздвигнет Бог Небесный царство, которое вовеки не разрушится (lā' līḥabbal)»; аналогично Дан. 6.27 и 7.14. Такое же словоупотребление зафиксировано и для имперского арамейского¹⁸, а также для еврейской постбиблейской литературы¹⁹; оно же имеет место и в сирийском языке, где встречается и имя ḥabbālā' «губитель, опустошитель»²⁰. В аккадском языке глагол ḥabbālu означает в интенсифике «вредить, разрушать»²¹. Наконец, в южно-аравийских надписях встречается слово ḥbl «развалины»²². Таким образом,

¹⁷ Ср. Gesenius W. Hebraisches und aramäisches Handwörterbuch über das Alte Testament. Lpz, 1905. S. 189; Koeler L., Baumgartner W. Lexicon in Veteris Testamenti Libros. Leiden. 1958. S. 271 f.

¹⁸ Винников И. Н. Словадь арамейских надписей // ИС. Вып. 7. С. 214; ср. DISO. P. 81 и надписи KAI 228A.12—13; KAI 260B. 6.

¹⁹ Levy J. Wörterbuch über die Talmudim und Midraschim. B., 1924. S. 4—5.

²⁰ Payne Smith R. Thesaurus Syriacus. T. I. Oxonii, 1879. P. 1175—1178.

²¹ Ср. CAD. 6, 1956. P. 14; AHWb. S. 304 f.

²² Beeston A. F. L. etc. Sabaic Dictionary. Louvain la Neuve — Beyrouth, 1982. P. 58.

есть все основания рассматривать слово hbl интересующего нас текста в свете указанного выше словоупотребления.

С точки зрения формальной это слово может быть интерпретировано следующим образом: либо как глагол 3 л. ед. числа муж. рода перфекта пород $\text{re}^{\text{v}}\text{al}$, $\text{re}^{\text{v}}\text{il}$ и $\text{ra}^{\text{v}}\text{al}$, либо как причастие пород $\text{re}^{\text{v}}\text{al}$, а также $\text{re}^{\text{v}}\text{il}$. Обращение к Библии показывает, что в еврейском библейском тексте глагол $\text{h}\bar{\text{b}}\bar{\text{a}}\bar{\text{l}}$ употреблен в основной породе два раза и в интенсиве восемь раз; в арамейском библейском тексте глагол $\text{h}\bar{\text{a}}\bar{\text{b}}\bar{\text{a}}\bar{\text{l}}$ в основной породе не употреблен ни разу, тогда как в породе $\text{ra}^{\text{v}}\text{al}$ четыре раза и в $\text{h}\bar{\text{i}}\bar{\text{t}}\bar{\text{r}}\bar{\text{a}}^{\text{v}}\text{al}$ — три раза. Следовательно, наиболее вероятно, что в Армазской билингве глагол hbl употреблен в интенсивной породе $\text{ra}^{\text{v}}\text{al}$ ($\text{h}\bar{\text{i}}\bar{\text{t}}\bar{\text{r}}\bar{\text{a}}^{\text{v}}\text{al}$ исключается из-за отсутствия необходимого префикса), и тогда перед нами спрлягаемая форма глагола. Сопоставление со строками 3—4 арамейскографичной части эпитафии, где упоминание о деяниях Йодмангана следует непосредственно за его именем ($\text{uwdmngn w\bar{w}l\bar{u}\bar{h} w\bar{k}b\bar{u}\bar{r} \bar{r}'wst \bar{b}'y\bar{d}$ «Йодмангана, — и он победоносен и велик в победных деяниях»), дает основания думать, что и в интересующем нас отрывке слово hbl и последующий текст должны относиться к Парсману-царю; предполагаемый перевод: «Парсман-царя, — он опустошил...». В обоих случаях отсутствует относительное местоимение zu «который», а в первом имеется явно плеонастическое w «и», показывающее, что употребление zu составителем текста не предусматривалось. В обоих случаях перед нами текст, механически присоединенный к предыдущему, как бы находящийся в скобках.

За hbl следует слово, которое традиционно читается как $\text{h}\bar{\text{b}}\bar{\text{l}}\bar{\text{y}}\bar{\text{k}}$ с суффиксом -ук. Однако, как уже отмечалось выше, такое чтение не дает удовлетворительного смысла. Кажется более вероятным иное чтение последнего знака этого слова: p , которое предложил еще Ф. Альтхайм²³ и принял П. Грело²⁴. Последний отметил, что в надписи формы знаков p и k плохо различимы, и в слове $\text{r}\bar{p}\bar{w}\bar{s}$ знак p совпадает с тем, который нас в данном случае интересует. В такой формулировке это утверждение не вполне точно. Тем не менее конфигурация знаков весьма близка; как показывает таблица I, в ряде случаев (сткк. 4, 5, 8) их начертания практически не различимы или почти не различимы; они также не отличаются от последнего знака интересующего нас слова. Практически этот знак не отличается от p в $\text{h}\bar{z}\bar{u}\bar{r}\bar{p}\bar{w}\bar{s}$ (стк. 5) и $\text{r}\bar{p}\bar{w}\bar{s}$ (стк. 8). В то же время очевидна разница в размерах между ним и находящимся рядом в той же строке 7 k (окончание слова mlk). Это дает основания вместо $\text{h}\bar{\text{b}}\bar{\text{l}}\bar{\text{y}}\bar{\text{k}}$, не дающего удовлетворительного смысла, принять чтение $\text{h}\bar{\text{b}}\bar{\text{l}}\bar{\text{y}}\bar{\text{p}}$. Заметим, что такое чтение считал возможным и Х. Доннер (см. комментарий к KA1): независимо от указанных выше авторов его предлагал в 1972 г. и Э. Г. Кикнадзе²⁵. Если бы такая интерпретация подтвердилась, перед нами было бы имя или причастие мужского рода во множественном числе и абсолютном состоянии. Отталкиваясь от сир. $\text{h}\bar{\text{a}}\bar{\text{b}}\bar{\text{b}}\bar{\text{a}}\bar{\text{l}}\bar{\text{a}}$ «губитель, опустошитель», мы считаем наиболее вероятным, что и в интересующем нас случае имеется

²³ См., в частности: *Althelm, Stiehl. Supplementum...* S. 80; *Idem. Die aramäische Sprache unter den Achämeniden.* Frankfurt am Main, 1963. S. 44 f. Однако ср. с. 270. Против этого взгляда выступил Р. Фрай (*BiOr.* 1954. V. XI. № 3/4. S. 134).

²⁴ *Grelot. Remarques...* P. 16—18.

²⁵ *Кикнадзе Э. Г.* Реч. на кн.: *Вавиликашвили Н. И.* Еврейские надписи в Грузии (XVIII—XIX вв.). Тбилиси, 1971 // *Мадзе. Серия языка и литературы.* 1972. № 4. (на груз. яз.). С. 182.

по же слово во множественном числе абсолютного состояния; тогда может быть предложен следующий перевод: «он опустошил опустошителей». Заметим здесь же, что причастием интенсива это слово быть не может; и, как вероятно по причинам, о которых говорилось выше, и то, что оно является причастием основной породы.

Сочетание $m' zu$ «то, что» вводит дополнительное предложение. Ср. аналогичные конструкции в библейско-арамейском; Дан. 2:28: «и он повелел царю Навуходоносору то, что ($mā dī$) будет в конце дней»; Эзра, 7,18: «И то, что ($mā dī$) тебе и твоим братьям понравится из остатка серебра и золота сделать, по воле вашего Бога сделайте». В надписи Панамгуву, царя Йауди, датируемой серединой VIII в. до н. э. (KAI 214), где интересующая нас формула передана через mz , читаем (сткк. 3—4): «и встал со мною Решеф, и то, что (mz) я захватывал рукою [своею], он предоставил за службу [мне], и то, что (mz) я просил у богов моих, они давали мне»; а также (сткк. 22—23): «и то, что (mz) он будет просить, пусть не даст ему Хадал». Отметим также набатейскую надпись CIS. II.199: «то, что ($mh dy$) выше написано». В палмырском пошлинном тарифе ²⁶ (137 г. н. э.) это сочетание встречается шесть раз; ср., например: «он постановил то, что (mdy) записано ниже» (I.16—17). Во всех случаях вводится фраза, играющая роль прямого дополнения. При использовании данной конструкции для введения косвенного дополнения к ней присоединяется вспомогательный предлог. Ср. в палмырском тарифе II.1.14 формулу $lm' d[y]$ «относительно того, что».

Аналогично в Эзра. 6:8: «И от меня установлено поведение относительно того, что ($lēmā dī$) вы будете делать» ²⁷. Все выложенное позволяет думать, что сочетание $m' zu$ в рассматриваемом тексте вводит прямое дополнение, связанное с предшествующим глаголом hbl . Очевидно, оно уточняет содержание другого прямого дополнения, т. е. предшествующего слова $hbluy$.

Учитывая все сказанное, может быть предложен следующий перевод: «Парсмана-царя, — он опустошил опустошителей, то, что $rgwš$ не завершил». При таком понимании текста оказывается, что слово $rgwš$ является подлежащим данного придаточного предложения, где сказуемое — g $stug$.

Как известно, последний знак этого слова традиционно транслитерируется как $š$, что оказывает решающее влияние на интерпретацию слова. Однако такая транслитерация не обязательна. Во всех ближневосточных системах письма, восходящих к финикийскому линейному письму и продолжающих его традиции, в том числе и в арамейской, знаку $š$ соответствуют два согласных: $š$ и $ś$. С течением времени произношение согласных $š$ (*син*) и $ś$ (*самех*) перестало различаться, в связи с чем оказалось возможным употребление на письме одного знака вместо другого ²⁸. Примечательно, что в одном из эфефантинских папирусов встречаются параллельные написания $rgwš$ и $rgwś$ ²⁹, — несомненно, два варианта одного имени. Отсюда следует, что интересующее нас слово может быть транслитериро-

²⁶ Шифман И. Ш. Палмырский пошлинный тариф. М., 1980; контексты указаны на с. 301 сл.

²⁷ О данной конструкции см. DISO. P. 74.

²⁸ Segert S. Altaramäische Grammatik. Lpz, 1975. S. 62, 94. Подробно см. Церетели К. Г. Арамейский язык. Тбилиси, 1982. С. 132.

²⁹ Cowley A. Aramaic Papyri of the Fifth Century B. C. Oxf., 1923. № 51; ср. Винников И. Н. Словарь арамейских надписей // ПС. 1965. Вып. 13. С. 225.

вано как *prḡwš*. В этом случае можно предположить, что данное арамейско-географическое написание соответствует хорошо засвидетельствованному в Иберии имени Парпаваз (Фарнаваз); тогда вся фраза переводилась бы: «то, что Парнаваз не завершил». Однако такое понимание сталкивается с филологическими трудностями.

Как известно, имя Парнаваз встречается в арамейском написании *prḡwz* на монетах Парнаваза, бывшего сатрапом в царствование Дария II и Артаксеркса II²⁰, а также в греческом *Φαρνάβαζος* (см., например, Thuc. 8.6; Xen. Hell. I.1.6; Cass. Dio. 49,24 и т. д.). Однако в древнегрузинских исторических повествованиях этому соответствует древнегрузинское *ṗ'afnavaž*²¹, что объясняет появление в эпитафии Серапит знака *w*. Что касается арамейского *b* в *prḡwz*, то в соответствии с правилами

пронашения согласных группы *beḡadkeḗat* в положении после гласного оно произносилось спирантировано²²; таким образом, существовала реальная почва для эволюции пронашения и написания *b* → *w*. Греческое *Φαρνάβαζος* также может быть истолковано в свете гипотезы, согласно которой уже в середине I тыс. до н. э. имело место спирантированное пронашение *β*²³; отсюда также прямой путь к реализации *β* уже в эллинистический период в качестве спиранта *υ*²⁴. Таким образом, ни арамейское написание *b*, ни греческое *β* не являются препятствием для предлагаемой интерпретации слова *prḡwš*. Использование в конце этого слова знака *š* с фонетическим значением *š* соответствует засвидетельствованному в древнеармянских исторических повествованиях варианту *paḡnaš*, а также варианту *paḡnawāš*²⁵, причем последний является точным эквивалентом арамейско-географического *prḡwš*. Заметим в этой связи, что чередование *v* и *z* имеет место не только в эпитафии Серапит. Так, имя Пармана, которое обычно пишется в древнегрузинских исторических источниках через *v*²⁶, в ряде случаев пишется через *z*²⁷; вообще параллельное употребление на конце слова *z* и *v* часто наблюдается в грузинском языке, особенно в заимствованных словах; ср. *katalikoz-i//katalikos-i* — «католикос», *angeloz-i//angelos-i* — «ангел»; *kwiparoz-i//kwiparoz-i* «кипарис» и т. п. Параллельное употребление *v* и *z* засвидетельствовано и на семитской почве; так, в древнееврейском глагол «ликовать, веселиться» известен в формах *ālaz* и *ālaz*, древнееврейскому *zākar* «помнить» соответствует финикийское *akt* и т. д.

²⁰ Винников. Словарь арамейских надписей. С. 225.

²¹ Картелис Цховреба. Т. I. Тбилиси, 1955 (на груз. яз). С. 20—22, 27, 35 и т. д. Высказывалось предположение, согласно которому в основе этого имени лежит среднеперсское **afnavaž* < **afnavašt* (*Андроникашвили М. К.* Очерки по ирано-грузинским языковым взаимоотношениям. I. Тбилиси, 1966. С. 499.

²² Segert. *Altaramäische Grammatik*. S. 95; Moscati S. etc. *Introduction to the Comparative Grammar of the Semitic Languages*. Wiesbaden, 1964. P. 57.

²³ Ср. соответствие **Artavažos* = **Artavažda* у Геродота, предположенное Р. Шмиттом (*Schmitt R. Medisches und persisches Sprachgut bei Herodot* // ZDMG. 1967. Bd 117. Ht 1. S. 132).

²⁴ Ср. *Priebsch H. Y. Spiranten und Aspiratae in Ugarit und Hellas* // UF. 1980. Bd 12. S. 321. *Боровский Я. М.* Краткий очерк греческой фонетики // *Шантрян Л.* Историческая морфология греческого языка. М., 1953. С. 315.

²⁵ *Ачарян Р.* Словарь армянских личных имен. V. Ереван, 1962. (на арм. яз). С. 191.

²⁶ Картелис Цховреба. С. 44 сл., 50 сл. и др.

²⁷ Там же. С. 152. Интересно, что в древнегрузинских текстах (там же. С. 68) засвидетельствовано параллельное *Peroz* // *Peroš*, т. е. имеет место соответствие *z* и *š* (ср. *Андроникашвили.* Очерки... С. 138, 144). Тогда перед нами ряд соответствий *z* // *v* // *š*.

Таким образом, есть основания думать, что в Армазской билингве нашло отражение локальное произношение имени Парнаваз // Парнаваз³⁹.

Таким образом, сткк. 7—8 арамейскографичного текста билингвы переводится как: «Парсмана-царя,— он опустошил опустошителей, то, что Парнаваз не завершил». За этим, начиная со слова *whkup*, следует новое предложение, где речь идет о красоте Серапит, и только за ним — предложение, где говорится о ее смерти. Упоминания о молодости или преждевременной смерти Серапит в арамейскографичном тексте нет, — ни там, где его пытаются реконструировать, ни там, где оно ожидалось бы, если следовать параллельному греческому тексту.

Если предлагаемая интерпретация строк 7—8 текста верна (а это выяснится впоследствии), они должны содержать информацию по истории Иберии соответствующей эпохи. Рассмотрим теперь, насколько она соответствует данным древнегрузинских и иных нарративных источников.

В настоящее время можно считать установленным, что Парсман-царь Армазской билингвы — это иберийский царь Парсман II, современник императоров Адриана (117—138) и Антонина Пия (138—161). О нем известно, в частности, что он отказался явиться в Рим по приглашению Адриана (*Ael. Spart. Hadr. 13.9; 21.13*), хотя и прислал ему свои дары (*Ael. Spart. Hadr. 17.12*). Адриан, послав Парсману II в свою очередь также огромные дары, постарался высмеять его подарки (*Ael. Spart. Hadr. 17, 10—12*). Очевидно в этом поступке Парсмана II стремление утвердить политическую самостоятельность Иберийского царства. В царствование Антонина Пия ситуация изменилась: Парсман II должен был явиться в Рим; Антонин Пий, по словам Диона Кассия, увеличил его царство, т. е., надо полагать, признал его завоевания (*τὴν τε ἀρχὴν ἐπέβησε*), позволил ему принести жертву на Капитолии, воздвиг его конную статую в храме Беллоны и наблюдал воинские упражнения иберийского царя, его сыновей и знатных иберов (*Iul. Capit. Ant. Pius. 9,6; Cass. Dio. 69. 15.3*). Известно, что Антонин Пий организовал в 134 г., вторжение аланов в Мидию, Армению и Каппадокию (*Cass. Dio. 69.15.1*)⁴⁰. Особого внимания заслуживает отождествление этого Парсмана с Парсманом II «Квели» («Доблестный», «Благой») древнегрузинской исторической традиции. Согласно «Картлис Цховреба», Парсман II сохранился в народной памяти как мужественный воитель, борющийся против персов, которые вторглись на территорию Грузии⁴⁰. Кажется правдоподобным, что за этими свидетельствами античной традиции и в еще большей степени за грузинскими преданиями скрываются события, нашедшие отражение и в Армазской билингве во фразе: «он опустошил опустошителей».

Фраза «то, что Парнаваз не завершил» требует ответа на вопрос: кто такой этот Парнаваз, с деяниями которого сравниваются в надписи подвиги Парсмана II; что именно этот Парнаваз не мог, по представлениям составителя надписи, завершить.

Представляется прежде всего, что этим человеком должен был быть такой деятель древнегрузинской истории, память о котором сохранилась бы на протяжении многих поколений, который сыграл в жизни общества

³⁹ В связи с предлагаемым пониманием слова *rgwš* заслуживает внимания мужское имя *rgw*, засвидетельствованное в одном из арамейских папирусов и связываемое с ирасским **raḡna(h)ya* (см. *Krashinsky E. G. The Brooklyne Museum Aramaic Papyri. New Haven, 1953. P. 278; Винников*. Словарь арамейских надписей. С. 225).

⁴⁰ Подробно см. АБ. 1941. С. 48 сл.; АБ. 1942. С. 33. сл., 68 сл.; *Меликишивили Г. А. К истории древней Грузии*. Тбилиси, 1959. С. 357—360.

⁴⁰ Подробно см. *Меликишивили*. К истории... С. 360 сл.

решающую роль и сравнение с которым было бы почетным для того, кого сравнивают. По свидетельствам древнегрузинских источников и античной традиции, известны три человека, носившие имя Парнаваз и сыгравшие заметную роль в истории Грузии до II в. н. э.: Парнаваз I — царь Иберии, т. е. Картли, основатель династии Парнавазианов ⁴¹ (III в. до н. э.); Парнаваз II, царствовавший в Иберии в I в. до н. э. (ср. Cass. Dio. 49.24.4) ⁴²; спасет Парнаваз по прозвищу «Квели», назначенный на должность «спасителя и правителя Шида Картли» Парсманом II Квели ⁴³.

Спасет Парнаваз не может быть упомянут в рассматриваемом тексте уже потому, что он был приближенным и царедворцем Парсмана II. Поэтому здесь может идти речь в виду только один из царей, упомянутых выше.

Что касается Парнаваза II, то он известен в литературе только по упомянутому выше свидетельству Диона Кассия: зимой 36 г. до н. э. П. Канидий Красс совершил поход против иберов, победил в бою их царя Парнаваза и заключил с ним союз (ἰσ συμμάχῳαυ προσηύτατο), иначе говоря, заставил его признать свою зависимость от Рима. Едва ли это событие могло быть использовано для сравнения с деяниями Парсмана II в Армазской надписи. Гораздо важнее, однако, то обстоятельство, что древнегрузинской традиции царь Парнаваз II не известен; предполагается ⁴⁴, что он идентичен царю Б[а]рацману, упоминаемому в «Мокцвей Картлисая», который в свою очередь соответствует Бартому в «Картлис Цховреба». Если это так, то в Армазской надписи следовало бы ожидать одно из этих имен.

Все сказанное дает основания предположить, что в нашем тексте упоминается Парнаваз I, основатель династии Парнавазианов. Этот царь был героем народных преданий; по свидетельству древнегрузинской традиции ⁴⁵, он был освободителем Картли от чужеземного господства, овладел всей Картли, за исключением Кларджети, а позже — и этой областью, с помощью одного из селевкидских царей укрепил свою власть, совершил набег на Сабарденети, т. е. Понт. Ему приписывается также создание административной структуры «наподобие Персидского царства»: разделение государства на округа — саэристао, во главе которых он поставил «эриставов», и назначение спасета — правителя Шида Картли; ему приписывается и укрепление своей столицы Мцхета, и воздвижение в Армази идола бога Армази, а также распространение в Картли грузинского языка и создание грузинской «грамоты». Перед нами, таким образом, деятель, оказавший, по представлениям древнегрузинской традиции, огромное влияние на всю жизнь древней Грузии, человек, предания о деяниях которого, несомненно, передавались из поколения в поколение и в конце концов были зафиксированы письменной традицией. Ясно, что упоминание такого человека в надписи для сравнения с Парсманом II, можно было и не называть его царем и даже не конкретизировать, какие именно подвиги Парнаваза I имеются в виду: каждый читатель надписи, знакомый с местными преданиями, должен был знать, о ком и о чем идет речь.

Если все изложенное справедливо, можно думать, что сопоставление Парсмана II с Парнавазом I должно было подчеркнуть важность деятельности первого; по своему месту в истории Иберийского царства, по значению его деятельности он занимает то же положение, что и основатель ди-

⁴¹ Там же. С. 38—40, 46—49.

⁴² Там же. С. 52—54.

⁴³ Там же. С. 456.

⁴⁴ Там же. С. 52—58.

⁴⁵ Там же. С. 280—283.

настиг, и устроитель государства. Очевидно, составитель надписи делит историю Иберийского царства на два этапа: деятельность Парнаваза I, когда государство было освобождено от врагов, объединило в своих границах обширные территории и стабилизировалось, и деятельность Парсмана II, когда государство вело победоносную борьбу с внешними врагами и расширило свою территорию. Во всяком случае сказанное выше показывает, что сравнение двух выдающихся политических и государственных деятелей Иберии в рассмотренном тексте логично и оправдано.

Возможны ли иные интерпретации этого текста? То обстоятельство, что Парнаваз не назван царем и что в арамейскографическом тексте, как мы полагаем, отсутствуют указания на молодость Серапит, побуждают рассмотреть и иную возможность.

Если выражение $m' zu$ воспринимать не как два взаимосвязанных, но как два самостоятельных слова, то начало строки 8 $zu rpnwš/s$ дословно можно было бы перевести как «Парнаваза», т. е. «(родом) Парнаваза», иначе говоря, Парнавазиан, что не требует слова «царь». В интересующем нас контексте это дает следующее чтение: «(7) Парсмана-царя, — он опустошил опустошителей, — кто (есть) (8) (родом) Парнаваза», т. е. Парнавазиан. Напомним, что Парсман II, по свидетельству древнегрузинских источников, принадлежал к династии Парнавазианов. Тогда выражение $I' gnuq$ выступит уже в роли начала предложения, касающегося Серапит, и его можно было бы воспринимать как эквивалент греческого $\nu\sigma\omega\tau\epsilon\rho\alpha$ и переводить «несовершенная, молодая» (АБ. 1941. С.23). За этим последует «И столь» и т. д.

Однако значение «кто» или «который» для m' , т. е. первого элемента выражения $m' zu$, пока не устанавливается документально, ввиду чего на нынешнем уровне исследования следует отдать предпочтение предлагаемому нами первому варианту интерпретации ⁴⁶.

ტოპონიმები არმაზის ერთენოვან არამეოგრაფიულ წარწერაში

არმაზისხევის ტერიტორიაზე გათხრილმა № 4 აკლდამამ, რომელიც არქეოლოგებმა ახ. წ. IV ს-ით დაათარიღეს¹, მაშინვე მიიპყრო მკვლევართა ყურადღება თავისი უნიკალურობით: სამარხის გასწვრივ კედლებად გამოყენებული იყო უფრო აღრინდელი ხანის (ახ. წ. I და II სს-ის) ორი სტელა წარწერებითურთ. ერთ-ერთი მათგანი იყო ბერძნული და არამეული დამწერლობებით შედგენილი საფლავის სტელა, ამჟამად ფართოდ გახმაურებული არმაზის ბილინგვა², ხოლო მეორე — ერთენოვანი არამეოგრაფიული, ე. ი. არამეული დამწერლობით შედგენილი სტელა მითრიდატე იბერიელის დროინდელი წარწერით³, რომელსაც ქვემოთ პირობითად არმაზის მონოლინგვას ვუწოდებთ. ეს უკანასკნელი თავის დროზე უნდა ყოფილიყო არა საფლავის, არამედ „გამარჯვების სტელა“, რომელზედაც აღბეჭდილი იყო მეფის სამხედრო წარმატებანი.

ქერ კიდევ არმაზის ბილინგვაზე მუშაობისას აკად. გ. წერეთელმა პირველმა გამოიყენა ჩვენთვის საინტერესო წარწერის სათანადო პალეოგრაფიული და შინაარსობრივი მონაცემები, მოგვცა ტექსტის დასაწყისი სამი სტრიქონის ტრანსლიტერაცია და თარგმანი⁴. იგი უკვე იმხანად შეეცადა მოეცა წარწერის ნაწილობრივი პალეოგრაფიული დახასიათებაც და დაესკვნა, რომ ერთენოვანი წარწერა უფრო არქაული იყო, ვიდრე ბილინგვა, თვით ტექსტი ნაკლებ მკაფიოდ იყო დაწერილი, ვიდრე ბილინგვისა, რიგი ასოებისა ერთმანეთისგან ძნელად

¹ აფაქიძე ა., გობეჯიშვილი გ., კალანდაძე ა., ლომთათიძე ვ. მსეთა. არქეოლოგიური კვლევები შედეგები. ტ. I. თბ., 1955, გვ. 59, 62.

² Церетели Г. В. Армазская билингва. Тбилиси, 1941; წერეთელი გ. არმაზის ბილინგვა. — ენიშკის შობა. ტ. XIII. თბ., 1942.

³ Церетели Г. В. Армазская надпись эпохи Митридата Иверийского. — Труды Двенадцати пятого Международного Конгресса востоковедов. М., 1962, т. I, с. 374—378.

⁴ Церетели Г. В. Армазская билингва, с. 62; წერეთელი გ. არმაზის ბილინგვა. გვ. 42.

იყო გასარჩევი. მისი აზრით, შეიმჩნეოდა მერყეობა ერთი და იმავე ასოს წერისას. მართალია, ლუქტუსი გაცილებით ძველი აღმოჩნდა, ვიდრე პალმირული და ნაბატეური დამწერლობისა, მაგრამ ფონეტიკურ ცვლილებათა მიხედვით არ ხერხდებოდა ტექსტის დათარიღება ახ. წ. I ს-ზე უფრო ადრე. აკად. გ. წერეთელის იმპროვიზირებული ვერსიით, თუკი წარწერის დიდი მეფე მიპრდატი, ფარსმან დიდი მეფის ძე, მართლაცაა, იგივე პიროვნება იყო, რომელიც ნახსენებია ვესპასიანეს ბერძნულ წარწერაში მიპრდატი ფარსმანის ძის სახით, მაშინ წარწერის დათარიღება შესაძლებელი გახდებოდა მეტი სიზუსტით — ახ. წ. I ს-ის მეორე ნახევრით.

მომდევნო წლებში აკად. გ. წერეთელმა განაერთა ეს მოსაზრებანი, რომლებიც სავსებით დადასტურდა. 1943 წ. იგი სპეციალური მოხსენებით გამოვიდა საქართველოს მეცნიერებათა აკადემიის საზოგადოებრივი დარგის მეცნიერებათა განყოფილების X სამეცნიერო სესიაზე, რომელსაც ვრცლად მოხსენდა ერთნოვანი არამეოგრაფიული წარწერის ინტერპრეტაციისა და თარგმნის ცდის შესახებ (სამწუხაროდ, დაიბეჭდა მოხსენების მხოლოდ თეზისები). ახლა მან სრულიად დარწმუნებულმა განსაზღვრა წარწერის შედგენის დრო, როგორც იბერიის მეფე მითრიდატე II-ის, ტექსტის მიხედვით, „მიპრდატი დიდი მეფის, ფარსმან დიდი მეფის ძის“, მეფობის ხანა. მოხსენებაში კვლავ ხაზი ესმებოდა წარწერის პალეოგრაფიული ბასიათის სიძნელეებს, წარწერის მნიშვნელობას იბერიის ისტორიის სხვადასხვა საკითხის შესწავლისათვის და ა. შ.

არმაზის მონოლინგვაზე მუშაობას აკად. გ. წერეთელი აგრძელებდა მომდევნო წლებშიც, როდესაც იგი ამზადებდა იმხანად ჭერ კოდევ გამოუქვეყნებელი ტექსტის მთლიან ტრანსლიტერაციასა და თარგმანს, რაც უდავოდ დიდ სიძნელეებთან იყო დაკავშირებული. 1948 წ. „Вестник древней истории“-ს მეორე ნომერში გამოქვეყნებულ სტატიამ⁵, იგი კვლავ ხაზგასმით აღნიშნავდა, რომ არმაზის ერთნოვანი წარწერა ცუდად იყო შემონახული, თუმცა ტექსტიც თავიდანვე დაუდევრად იყო შედგენილი. ყოველივე ეს ძალზედ აძნელებდა ტექსტის წაკითხვასა და გაგებას. მისი აზრით, წარწერასთან გაცნობის პირველი შთაბეჭდილება ეპესაც კი ბადებდა, საერთოდ შეიძლებოდა თუ არა ამ ტექსტის გაშიფვრა. მაგრამ ბილინგვის წყალობით სიძნელეთა ნაწილი გადალახულ იქნა, რამაც შესაძლებლობა მისცა მკვლევარს მიახლოებით განესაზღვრა ზოგადი შინაარსი ტექსტისა.

როგორც აკად. გ. წერეთელი ვარაუდობდა, არმაზის მონოლინგვის ტექსტი გაცილებით მნიშვნელოვანი იყო, ვიდრე ბილინგვისა.

⁵ Церетели Г. В. Эпиграфические находки в Мцхета — древней столице Грузии. — ВДИ. 1948, № 2, с. 52 и сл.

მოპყავდა. რა ჩვენთვის საინტერესო ტექსტის დასაწყისი სამი სტრიქონის თარგმანი, რაც მას აღრეც ჰქონდა შესრულებული, იგი სტატიისში აღნიშნავდა, რომ მომდევნო სტრიქონებში გადმოცემული იყო მიპრდატ დიდი მეფის პიტიახშის — შარაგას⁶ ზევახის ძის — სიტყვის შინაარსი. მისი აზრით, შარაგასი ჩამოთვლის გამარჯვებებს, რომლებიც „მეფემ ჩვენმა“ მოიპოვა საქართველოს მოსაზღვრე ქვეყნებზე, ასახელებს სამ გამაგრებულ ადგილსა და რამდენიმე ციხე-სიმაგრეს, აგრეთვე არმენიას, ახსენებს რომელიღაც „ბუნტს“ და ა. შ. აკად. გ. წერეთელს მიაჩნდა, რომ მართალია, მთლად ნათელი არ უნდა ყოფილიყო ტექსტში მოცემული ფაქტების დაკავშირება სათანადო ისტორიულ ამბებთან, მაგრამ ტექსტი რომ განეკუთვნებოდა იმ ომების ხანას, რომლებიც გადახდათ იბერიის მმართველთ ახ. წ. I ს-ში, ეს საეჭვო არ უნდა ყოფილიყო⁷.

როგორც ვხედავთ, უკვე 1948 წ. აკად. გ. წერეთელმა ყურადღება მიაქცია იმ გარემოებას, რომ არმაზის მონოლინგვაში დასახელებული იყო „საქართველოს მოსაზღვრე ქვეყნები“ (მთ შორის, არმენია), „სამი გამაგრებული ადგილი“ და „რამდენიმე ციხე-სიმაგრე“, მაგრამ ჩვენდა სამწუხაროდ, არც ერთი სახელწოდება ამ „ქვეყნებისა“ (არმენიას გარდა), „გამაგრებული ადგილებისა“ და „ციხე-სიმაგრეებისა“ ზემოაღნიშნულ სტატიისში მოცემული არ არის (ტრანსლიტერაციის, ან ტრანსკრიფციის სახითაც კი). ეს იმას ნიშნავდა, რომ ტექსტში მოხსენიებულ ტოპონიმთა დამაჩერებელი და საბოლოო წაქითხვა არ ხერხდებოდა, რაც მოგვიანებითაც გამართლდა.

მომდევნო ხანებში არმაზის მონოლინგვისადმი მიძღვნილი სპეციალური ნაშრომი კარგა ხანი არ გამოქვეყნებულა. ამის ერთ-ერთი მიზეზი თითქოს უნდა გამზდარიყო ის, რომ წარწერის ფოტო ან მისი ასლი კვლავ გამოუქვეყნებელი რჩებოდა, რაც გამორიცხავდა მკვლევართა ფართო წრის ჩაბმას ტექსტის დამუშავების საქმეში. მაგრამ მოგვიანებით წარწერის ფოტოს გამოქვეყნებასაც არ გამოუწვევია მკვლევართა ფართო გამომხატურება არმაზის მონოლინგვასთან დაკავშირებით. აშკარა ხდებოდა, რომ წარწერის მთლიანი გაშიფვრა-ინტერპრეტაცია ძალზედ რთული იყო. აქვე დავძენთ, რომ ტექსტის გაშიფვრის ეს პროცესი დღესაც არ დამთავრებულა.

არმაზის მონოლინგვასთან დაკავშირებით აკად. გ. წერეთლის მიერ გამოთქმული ზემოაღნიშნული მოსაზრებანი (წარწერის დასაწყისი სამი სტრიქონის თარგმანი, ცალკეული დებულებანი ისტორიული შინაარსისა და სხვ.) მთლიანად აისახა მონუმენტურ ნაშრომში „მცხეთა I“, რომელშიც პირველად გამოქვეყნდა ჩვენთვის საინტე-

⁶ შრგხ სახელის წაქითხვა როგორც „შარაგას“ დღესაც პირობითია.

⁷ Церетели Г. В. Эпиграфические находки..., с. 53.

რესო მონოლინგვის მოზრდილი ფოტოც⁸. სწორედ ამ ფოტოს წყალობით არმაზის მონოლინგვას გაეცნენ გერმანელი სემიტოლოგები ფ. ალტჰაიმი და რ. შტილი, რომლებმაც თვისაც აკად. ა. შანიძეს გადაუგზავნია „მცხეთა I“-ის რუსული გამოცემა (1958 წ.), ისევე როგორც წარწერის ფოტო-ორიგინალი.

ფოტოზე დაყრდნობით აღნიშნულმა მეცნიერებმა (ისინი კარგა ხანი ერთად თანამშრომლობდნენ, ფ. ალტჰაიმის გარდაცვალებამდე) 1961 წელს გამოაქვეყნეს არმაზის მონოლინგვისადმი მიძღვნილი ვრცელი სტატია⁹, რომელშიც მოცემული იყო წარწერის მთლიანი ტრანსლიტერაცია (ზოგიერთი სიტყვის გამოკლებით) და გერმანული თარგმანი კომენტარებითურთ. ამ სტატიის ტექსტი მათ თითქმის უცვლელად შეიტანეს თავიანთ წიგნში „აქემენიდების ხანის არამეული ენა“, რომელიც 1963 წ. გამოქვეყნდა (მაინის ფრანკფურტში)¹⁰.

ფ. ალტჰაიმის და რ. შტილის ცდა, ფოტოზე დაყრდნობით მთლიანად გაეშიფრათ არამეოგრაფიული ტექსტი, საკმაოდ გაბედული ცდა იყო. რამდენადმე ამიტომაცაა, რომ მათი წაკითხვები მთელ რიგ შემთხვევაში ეჭვს იწვევს, რის გამოც მათ მიერ შემოთავაზებული ინტერპრეტაცია ტექსტისა, განსაკუთრებით, შინაარსობრივი თვალსაზრისით — ასევე საეჭვოა. მაგრამ წაკითხვათა ნაწილი, ჩვენის აზრით, უდავოდ საყურადღებო და ანგარიშგასაწეია. ეს განსაკუთრებით ეხება ტექსტში მოხსენიებულ ტოპონიმთა წაკითხვებს, რომელთაც ჩვენთვის ახლა განსაკუთრებული მნიშვნელობა აქვთ. ფ. ალტჰაიმის და რ. შტილის ნაშრომმა არ პოვა სათანადო გამომხატულება სპეციალურ სამეცნიერო ლიტერატურაში, თუ არ ჩავთვლით ზოგიერთი მეცნიერის მცირე შენიშვნებს, განსაკუთრებით ა. ფერიხანიანისა, რომელმაც აღნიშნა, რომ ამ მკვლევართა წაკითხვები არ შეესაბამებოდა იმას, რაც შეიძლებოდა დანახული ყოფილიყო ფოტოზე¹¹ (იმხანად წარწერის დედანს, როგორც ჩანს, არც ა. ფერიხანიანი იცნობდა). რამდენადაც ჩვენთვისაა ცნობილი, ფ. ალტჰაიმისა და რ. შტილის ნაშრომს საქართველოში საერთოდ არავინ გამოხმაურებია, მიუხედავად იმისა, რომ ამ მკვლევართა ზოგიერთი მოსაზრება, განსაკუთრებით ტოპონიმებთან დაკავშირებით, როგორც აღვნიშნეთ, უდავოდ საგულისხმოა.

⁸ აფაქიძე ა., გობეჯიშვილი გ., კალანდოძე ა., ლომთათიძე გ. მცხეთა, ფოტო 61.

⁹ Altheim F., Stiehl R. Die zweite (aramäische) Inschrift von Mchet'a. „Forschungen und Fortschritte“ (Berlin), 35, 1961, S. 172 f.

¹⁰ Altheim F., Stiehl R. Die aramäische Sprache unter den Achämeniden. Lfr. III. Frankfurt am Main, 1963, S. 243 ff.

¹¹ Периханян А. Г. Арамейская надпись из Гарни. — Историко-филологический журнал (Ереван). 1964, № 3, с. 131, прим. 19.

ამჟამად ჩვენ თავს ვიკავებთ დეტალურად განვიხილოთ ფ. ალტ-ჰაიმისა და რ. შტილის წაკითხვები ტექსტის შინაარსთან დაკავშირებით. ამ საკითხზე საუბარი ძალზედ შორს წაგვიყვანდა. ახლა შემოვიფარგლებით მხოლოდ ტომონიმების საკითხის განხილვით.

ფ. ალტჰაიმი და რ. შტილმა არმაზის მონოლინგვაში შემდეგი ტომონიმები ამოიკითხეს: mytyt (სტრქ. 3), 'armyn (სტრქ. 6), lbt (სტრქ. 7), nknyt (სტრქ. 8), msknyt, şnrýt, nwdyt (სტრქ. 9), 'klyt, nykwrh (სტრქ. 10), msykýt (სტქ. 11), იგივე mskyt (სტრქ. 13)¹². აღსანიშნავია, რომ ერთი მეტად საყურადღებო ტომონიმის, კერძოდ, msykýt-ის გარდა, ფ. ალტჰაიმი და რ. შტილს არც უცდიათ მოეზინათ ტომონიმთა იდენტიფიკაცია, როგორც ჩანს, ვასაგები მიზეზის გამო—ისინი არ იცნობდნენ ქართულ სამყაროს, ადგილობრივ ისტორიულ თუ გეოგრაფიულ ვითარებას, რომელიც ასახულია მონოლინგვაში. ფ. ალტჰაიმისა და რ. შტილის მიერ შემოთავაზებულ წაკითხვებს. ტომონიმებისას ქვემოთ ვრცლად შევუბნებით.

1960 წ. მოსკოვში გამართულ ორიენტალისტთა XXV საერთაშორისო კონგრესზე აკად. გ. წერეთელი გამოვიდა მოხსენებით: „არმაზის წარწერა მითრიდატე იბერიელის ეპოქისა“. მოხსენების ტექსტი 1962 წ. გამოქვეყნდა „აღმოსავლეთმცოდნეთა XXV საერთაშორისო კონგრესის შრომებში“¹³. სხვათა შორის, გაჩვენებული მიზეზების გამო, ნაშრომში არ არის გამოყენებული ფ. ალტჰაიმისა და რ. შტილის 1961 წ. გამოქვეყნებული ზემოაღნიშნული სტატია, ისევე როგორც ფ. ალტჰაიმსა და რ. შტილს არ გამოუყენებიათ აკად. გ. წერეთლის ნაშრომი 1963 წ. გამოცემულ თავიანთ ხემონახსენებ წიგნში (ე. ი. „აქემენიდების ხანის არამეული ენა“). საქმე ისაა, რომ ამ მკვლევართა ნაშრომები, ასე ვთქვათ, „აღდნენ ერთმანეთს“ ბეჰდის პროცესში, რამაც ჩვენ დაგვიკარგა შესაძლებლობა გაეცნობოდით ამავე მეცნიერთა ნაშრომების ურთიერთშეფასებებს. მომდევნო ხანებში კი ისინი ჩვენთვის საინტერესო წარწერაზე სპეციალურად აღარ შეჩერებულან.

ამჯერად აკად. გ. წერეთელმა მოვეცა არმაზის მონოლინგვის მთლიანი ტარნსლიტერაცია, რომელსაც წაუძღვარა სათანადო განმარტება, წინა წლებშიც გამოთქმული, იმის შესახებ, რომ ტექსტი დაუდევრადა დაწერილი. ამოპკრელი არ ცდილობდა თითოეული ასოსთვის მიეცა მისთვის დამახასიათებელი მკვეთრი ფორმა, იგი არც ასოთა პროპორციას იცავდა. ამან გამოიწვია შემდეგი: რიგი ასოებისა მცირედ ან სრულიად არ განსხვავდება ერთმანეთისაგან. ასე, მაგალი-

¹² Altheim, Stiehl. დასახ. ნაშრ. გვ. 244 და შმდ.

¹³ იხ. ზემოთ შენიშვნა 3.

თად, ერთმანეთს ძალიან გვანან და ზოგჯერ იდენტურია ქანთ, ნუნ და რუნ; ვან, ნუნ და ირდ, ალიფ და შინ; მინ, კრფ და სანეი; თან, ხნთ, პნ და ა. შ. ყოველივე ზემოთქმულიდან ჩანს, თუ როგორ სიძნელებთანაა დაკავშირებული წარწერის გაშიფვრა, თუკი მხედველობაში მივიღებთ იმასაც, რომ ტექსტი ალაგ-ალაგ მნიშვნელოვნად დაზიანებულია. შემდეგ აკად. გ. წერეთელი დასძენდა, რომ ზოგიერთი სიტყვა და გამოთქმა რამდენჯერმე გეხვდება წარწერაში. იმისდა მიხედვით, თუ როგორ იქნება განმარტებული ეს სიტყვები, მივიღებთ წარწერის სულ სხვადასხვა შინაარსს¹⁴.

აი, ასეთ რთულ ტექსტთან გვაქვს საქმე არმაზის მონოლინგვის სახით. ალბათ, ამიტომაც იყო, რომ აკად. გ. წერეთელი ამჯერადაც მოერიდა მოეცა ტექსტის ვაბზული თარგმანი. პირველი სამი სტრიქონის თარგმნის შემდეგ იგი გადმოსცემს ტექსტის მხოლოდ შინაარსს იმ თანამიმდევრობით, რომლითაც იგი განიხილავდა ტექსტს „Вестник древней истории“-ში გამოქვეყნებულ სტატიაში, რის გამოც მათზე აქ აღარ ვისაუბრებთ. ისტორიული ამბების შეფასებასთან დაკავშირებით იგი წერდა, რომ წარწერის შინაარსიდან გამომდინარე, მითრიდატე, ისევე როგორც მამამისი ფარსმანი, აგრძელებდა აქტიურ მონაწილეობას არმენიისათვის პართიასა და რომს შორის წარმოებულ ომში¹⁵.

ჩვენთვის ყველაზე უფრო საინტერესო „მოსაზღვრე ქვეყნების“, „გამაგრებული ადგილებისა“ და „ციხე-სიმაგრეთა“ სახელწოდებანი კი ამ ნაშრომშიც კვლავ აღუნიშნავი დარჩა. ამიტომაც, ჩვენ დღემდე არ ვიცით, თუ რომელ სიტყვებს მიიჩნევდა აკად. გ. წერეთელი ტოპონიმებად, როგორ კითხულობდა და როგორ იდენტიფიკაციას აძლევდა მათ. იგი მხოლოდ ერთხელ აღნიშნავს, რომ წარწერაში, შესაძლოა, ნახსენებია ცნობილი ციხე-სიმაგრე „სომხეთის საზღვარზე ირანის მხრიდან“ — ზ ი ნ თ-ი¹⁶, თუმცა მითითებული არ აქვს, ტექსტში ეს ტოპონიმი სახელდობრ რომელ სიტყვას შეესაბამება. მაგრამ უდავოა, აკად. გ. წერეთელი ტოპონიმებად განიხილავდა ყველა იმ სახელწოდებას, რომლებსაც ტექსტში თან ახლავს განმსაზღვრელი სიტყვა „ქვეყანა“, „ადგილი“ თუ „ციხე-სიმაგრე“. როგორც ეს გააკეთეს ფ. ალტაიშმა და რ. შტილმა — მათ მიერ შემოთავაზებული თითქმის ყველა ტოპონიმი ამ პრინციპითაა დადგენილი, რაც სავსებით გასაგებია (მოსალოდნელია, რომ ზოგიერთი ტოპონიმი წარწერაში ნახსენებია რომელიმე ზემოაღნიშნული განმსაზღვრელი სიტყვის გარეშეც).

¹⁴ Церетели Г. В. Армазская надпись..., с. 375.

¹⁵ იქვე. გვ. 376.

¹⁶ იქვე. გვ. 375.

ამგვარად, არმაზის მონოლინგვაში დადასტურებული ტოპონიმების წაკითხვები ფაქტობრივად მოგვცეს მხოლოდ ფ. ალტაიშვილმა და რ. შტილმა, თუმცა მათი წაკითხვების უტყუარობის საკითხი ჯერ კიდევ დასადგენია. ახლა მთავარია ამ ტოპონიმების აღმნიშვნელი სიტყვები მოვძებნოთ აქად. გ. წერეთლის მიერ შემოთავაზებულ ტრანსლიტერაციაში და დავადგინოთ, როგორ კითხულობდა იგი იმავე სიტყვებს. ეს სიტყვებია (სტრიქონთა თანამიმდევრობით): mʃyt (სტრქ. 3); 'armn (სტრქ. 6), tbyt (სტრქ. 7), ...fʃ'ryt (სტრქ. 8), ksr nyt, ʃwryt. n ydyt (სტრქ. 9), 'rmyn(?) , nykwry' (სტრქ. 10), msyryt (სტრქ. 11), yhwyt (სტრქ. 13.)¹⁷.

თუკი ჩვენ ფ. ალტაიშვილსა და რ. შტილის და აქად. გ. წერეთლის წაკითხვებს შევუდარებთ ერთმანეთს, მივიღებთ ქვემოთოყვანილ ცხრილს, საიდანაც კარგად ჩანს სათანადო მსგავსება-განსხვავება ერთი და იმავე სიტყვის წაკითხვაში (I მწკრივში მოცემულია სტრიქონთა მითითება, მე-2-ში ფ. ალტაიშვილსა და რ. შტილის წაკითხვები, მე-3-ში კი აქად. გ. წერეთლის წაკითხვები).

1.	2	3
3.	mytyt	mʃyt
6.	'rmyn	'rmyn
7.	tbt	tbyt
8.	nknyt	...fʃ'ryt
9.	msknyt	ksr nyt
	ʃnryt	ʃwryt
	nwdyt	n ydyt
10.	'klyt	'armyn (?)
	nykwrh	nykwry'
11.	msykyt	msyryt
13.	mskyt	yhwyt

ყოველივე ზემოაღნიშნულის შემდეგ, ბუნებრივია, ისმება კითხვა: ამ წაკითხვათაგან რომელია უფრო მისაღები?

ამას არკვევს წაკითხვების ხელახალი შედარება წარწერის დედანთან, რომლის ახალი ასლიც ჩვენ გავაჩინია¹⁸.

¹⁷ იქვე, გვ. 375.

¹⁸ ესარკებლობ შემთხვევით და მაღლობას მოვხსენებ აქად ს. ჩანაშის სახ. საქართველოს სახელმწიფო მუზეუმის უფროს მეცნიერ თანამშრომელს მეღვაწე ფოწელიას, რომელმაც დიდი შრომა გასწია წარწერის ახალი ასლის დაზღვევაში.

ასლის დამზადებისას ფაქტობრივად მოვახდინეთ ე. წ. „კოლატია“ (Kollation), ე. ი. სიტყვათა ადრინდელი წაკითხვების შედარება, გადამოწმება ორიგინალთან (ამას ხშირად მიმართავენ ძველადმოსაელური ტექსტების წაკითხვათა გადამოწმების მიზნით). ასლის შედგენისას ზუსტადაა დატული დედნის დაწერილობა ყოველი სიტყვისა. ამდენად იგი საკმაოდ სანდოა, თუმცა იგი მაინც არ არის წარწერის უზუსტესი ასლი იმიტომ, რომ ტექსტის ზოგიერთი ადგილის დაზიანების გამო არ მოხერხდა ზუსტად დადგენილიყო დაზიანებულ სიტყვათა დაწერილობა (განსაკუთრებით, ტექსტის ბოლო სტრიქონებისა).

ზემოთ წარმოდგენილი წაკითხვების შედარებამ ორიგინალთან შემდეგი სურათი გვიჩვენა:

ფ. ალტჰაიმისა და რ. შტილის წაკითხვა სიტყვისა mytyt (სტრქ. 3) აშკარად მცდარია. ამ სიტყვას ზუსტად კითხულობს აკად. გ. წერეთელი: msyt, როგორც ეს დედანშია (თანაც, ტექსტში სიტყვა-სიტყვით წერია bmsyt, ე. ი. msyt-ში, თან¹⁹, რაც მიუთითებს, რომ msyt აშკარად ტოპონიმაა. ფ. ალტჰაიმი და რ. შტილი კი კითხულობენ როგორც bmytyt, ე. ი. „mytyt-ში“²⁰, საიდანაც კეთდება დასკვნა, რომ mytyt — ტოპონიმაა). ფ. ალტჰაიმი და რ. შტილი შეცდომაში შეიყვანა არა მარტო ფოტომ, არამედ იმანაც, რომ სიტყვა mytyt ტექსტის სხვა ადგილას მართლაც წერია, თანაც სამჯერ (სტრქ. 7, 10, 12), მაგრამ სამივეჯერ აშკარად ზმნის ფორმით (პერფექტის მხ. რ. I პირის სუფიქსური -yt ელემენტით, რომელიც სტრუქტურულად ემთხვევა -yt სუფიქსს, ტოპონიმებში რომ იხმარება). ამგვარად, mytyt სრულიადაც არ არის ტოპონიმი და ტექსტის მე-7, მე-10 და მე-12 სტრიქონებში მისი გამოყენება ამ სახით, როგორც ამას ვეთავაზობენ ეს მკვლევარები, სრული გაუგებრობაა²⁰. აქედან გამომდინარე, აღნიშნული სტრიქონების კონტექსტიც სათანადოდ არის შესასწორებელი, სახელობრ, წინადადება zyn' 'rwst mlx lkh mytyt შემდეგნაირად უნდა ითარგმნოს: „ეს გამარჯვება, მეფეო, მე შენთვის მოვიპოვე“ (სტრქ. 7). მე-12 სტრიქონში კი იგივე წინადადება ასეთი ფორმითაა წარმოდგენილი: zynh 'rwst bzls lkh mytyt-ეს გამარჯვება, ბაზილევსო (— ე. ი. მეფეო — გ. გ.). მე შენთვის მოვიპოვე“²¹. აშკარაა, რომ მწერალმა „მეფის“ აღსანიშნავად ერთ შემ-

¹⁹ Altheim, Stiehl. დასახ. ნაშრ., გვ. 244, 250 და შმდ.

²⁰ იხ. თარგმანები სათანადო ადგილებისა: Altheim, Stiehl. დასახ. ნაშრ. გვ. 245.

²¹ მე-10 სტრიქონის bzyz-ში იგივე bzls უნდა დავინახოთ. I-ს მაგივრად y-ს დაწერა უდაოდ შეცდომაა მწერლისა, რომელმაც დაუღვერობით y-ის ზედა ნაწილი სათანადოდ არ დააგრძელა მარცხნივ. ამგვარად, მე-10 სტრიქონის ჩვენთვის

თხვევაში იხმარა არამეული mlk, ხოლო მეორეში — ბერძნული βιαλενα, არამეული დაწერილობით — bzls, რაც თავისთავად უაღრესად საყურადღებო ფაქტია²²:

მე-6 სტრიქონის დაწერილობა 'rmyu — არმენია, „სომხეთი“ ექვს არ იწვევს, როგორც ეს თავიდანვე სწორად წაიკითხა აკად. გ. წერეთელმა, ხოლო შემდგომ — ფ. ალტაიმიმა და რ. შტილმა.

მე-7 სტრიქონის ტოპონიმი აკად. გ. წერეთელს უფრო სწორად აქვს წაიკითხული: tbyr. მის წინ მოთავსებული სიტყვის მიხედვით byrt... „ციხე-სიმაგრე“ — აშკარაა, რომ იგი ტოპონიმია.

მე-8 სტრიქონში გასაგებად შემორჩენილია მხოლოდ ტოპონიმის (ტექსტში art „ადგილი“-ს მითითებით) დაბოლოება ... ryt, დასაწყისი ასოები გაურკვეველია.

დედნიდან გამომდინარე, დაწერილობა მე-9 სტრიქონის ჯსr nyt-ისა უნდა შესწორდეს ისე, როგორც იგი აქვთ ფ. ალტაიმიმა და რ. შტილს, ე. ი. msknyt. საქმე ისაა, რომ დედანში კრფ ნამდვილად არ წერია, მის ადგილას აშკარად მწმ-ია. ჯსr nyt-ის ცალ-ცალკე დაწერაც არ უნდა იყოს მართებული, რადგან ამ ადგილას უნდა წაიკითხოთ ერთი სიტყვა, რომელიც თავის მხრივ გამოყოფილია წინა და მომდევნო სიტყვებისაგან. სიტყვის ორად გაყოფა გაუმართლებელია იმიტომაც, რომ თუკი დაეუშვებთ და ჯსr-ს გავიგებთ როგორც „კეისარს“²³. სრულიად გაუგებარი აღმოჩნდება nyt დაწერილობის როლი. შინაარსობრივადაც ტექსტის ამ ადგილას „კეისარის“ გამოჩენა — გაუგებარია. რაც შეეხება რწშ-ის წაიკითხვას ქსფ-ად, ამის შესაძლებლობას იძლევა თვით აკად. გ. წერეთლის მართებული დაკვირვება. რომ ტექსტში რწშ და ქსფ ასოების დაწერილობა ერთმანეთისაგან ძნელად გასარჩევია. ამგვარად, წაიკითხვა msknyr, ისევე როგორც მისი განხილვა ტოპონიმად, მართებულად გვეჩვენება (მით უმეტეს, რომ ტექსტშია: lqdm msknyt — „msknyt-თან“ (წინ, წინაში“).

ასევე დედნიდან გამომდინარე, სწორად უნდა მივიჩნიოთ აქვე სტრიქონის წაიკითხვები ერთი და იმავე ტოპონიმისა (მის წინ გვაქვს

საინტერესო წინადადება ასე უნდა გამოიყურებოდეს: whkyu 'rwst bzls.lk myyt — „და ამგვარად (ისე) (ეს) გამოჩვენებაც, ბაზილესო, მე შენთვის მოკოპე“.

²² „მეფის“ აღსანიშნავად რომ წარწერაში ნახმარია როგორც mlk, ასევე bzls, ეს მართებულად შენიშნა აკად. გ. წერეთელმა: Церетели. Эпиграфические находки..., с. 52, 56; მისივე. Армазская надпись эпохи Митридата Иверийского, с. 378. მაგრამ მისი ვარაუდი, თითქოს წარწერაში „მეფისათვის“ შეიტლება ნახმარი იყოს იგროთე ლათინური სიტყვა ჯსr (kyur) (სტრქ. 9) — კურსარი (Церетели, Эпиграфические находки..., с. 56; მისივე, Армазская надпись..., с. 378). არ მართლდება. იხ. ქვემოთაც.

²³ იხ. ზემოთ შენიშვნა 22.

tqn = სირ. taqna, „ციხე-სიმაგრე“) — ჟრუტ თუ ჯრუტ. უფრო მეტად კი ეს უკანასკნელი დაწერილობა უნდა იყოს მისაღები. მე-9 სტრიქონის nwdyt და ...n ydyt წაკითხვებთან დაკავშირებით შეგვიძლია მხოლოდ იმის თქმა, რომ დედანში გასაგებად წერია მხოლოდ ...dyt.

მე-10 სტრიქონში ძალზე ძნელია დაეინახოთ დაწერილობა 'rmyyn, რომელიც მე-9 სტრიქონში სრულიად გასაგებად იკითხება. ამიტომაცაა, რომ აკად. გ. წერეთელს აქ კითხვის ნიშანი აქვს დასმული 'rmyyn სიტყვის შემდეგ. მაგრამ ამავე სტრიქონში ექვს იწევებს 'klyt წაკითხვაც, რადგან დედანში ტოპონიმი ბოლოვდება არა ...lyt-ზე, არამედ ryr-ზე. რაც შეეხება იქვე nykwrh თუ nykwry' წაკითხვებს, უნდა ითქვას, რომ ისინი პირობითია და გასარკვევია, აქ ნამდვილად ტოპონიმთან გვაქვს საქმე თუ არა.

ქაფ და რუშ ასოების დიდი მსგავსების გამო, მე-11 სტრიქონის წაკითხვები ერთი და იმავე სიტყვისა — msykyt თუ msyryt — სწორად გამოიყურება, თუმცა უპირატესობა მაინც უნდა მიეცეს msykyt ფორმას (ტექსტში გვაქვს: lqdm msykyt byrt zy... „msykyt-თან (რომელ არს) ციხე-სიმაგრე ...სა“, ფ. ალტჰაიმისა და რ. შტილის მიხედვით, „გმირთა“)²⁴. სხვა შემთხვევაშიც რ უ მ ს უფრო მომკრო კორპუსი აქვს, ვიდრე ქაფ-ს, რომელიც ხშირად სწორედ ისე იწერება, როგორც ეს ამ შემთხვევაშია მოცემული.

დასასრულ, მე-13 სტრიქონის წაკითხვები — mskyt თუ yhwyt — ტექსტში არ ჩანს. ფ. ალტჰაიმი და რ. შტილი ვარაუდობენ, რომ mskyt ვარიანტული ფორმაა msykyt-ისა, მაგრამ საიდან დასტურდება ეს — ნაშრომში ახსნილი არ არის. ამ დაწერილობის ადგილას კი, მართლაც, რომელიღაც ტოპონიმი უნდა იყოს, რაც გამომდინარეობს კონტექსტიდან: 'apwrg br' zy mr'... „ასფარჯ. ძე უფლისა ...სა“, ფ. ალტჰაიმისა და რ. შტილის მიხედვით, „mskyt-ისა“ (იმავე „msykyt-ისა“, ე. ი. როგორც ისინი ვარაუდობენ, „მცხეთისა“. იხ. ქვემოთაც).

ამგვარად, არმაზის მონოლინგეაში შემდეგი ტოპონიმები შეიძლება დაეინახოთ: mşyt, 'rmyyn, tbyr, msknyr, ჟრუტ/ჯრუტ და msykyt. როგორც ზემოთ აღინიშნა, ტექსტში შემორჩენილი უნდა იყოს დაბოლოვბანი რამდენიმე ტოპონიმისა. ესენია: ...ryt (ორჭერ), dyt და ...t (არ არის გამორიცხული, რომ ტექსტში სხვა ტოპონიმიც იმალებოდეს, რაც შეიძლება გაირკვეს მხოლოდ ტექსტის საბოლოოდ გაშიფერის შემდეგ).

²⁴ Altheim, Stehl. დასახ. ნაშრ. გვ. 245 (წარწერის სტრიქონი 11).

ტოპონიმთა დაბოლოებების მიხედვით თუ ვიმსჯელებთ, გეოგრაფიულ სახელთა მეტი ნაწილი ბოლოვდება -yt-ზე, რომელიც ამ სახელთა მაწარმოებელ სუფიქსად უნდა მივიჩნიოთ (კონტექსტიდან გამომდინარე, ამ ნაწილაკის განხილვა როგორც პერფექტის მხ. რ. I პირის სუფიქსური ელემენტი -yt გამოირიცხულია). ეს შენიშვნა აგრეთვე ფ. ალტაიში და რ. შტილმა, რომლებმაც აღნიშნული სუფიქსი დაუკავშირეს სოლდური წარმოშობის აბსტრაქტულ -yt სუფიქსს²⁵. მაგრამ ეს მკვლევარები არ შეეხნენ საკითხს, თუ როგორ უნდა ავხსნათ სოლდური წარმოშობის სუფიქსით გაფორმებული გეოგრაფიული სახელების გამოჩენა არმაზის მონოლინგვაში, რომელშიც ასახული გეოგრაფიული გარემო ეხება იბერიასა და მის მოსაზღვრე რაიონებს. ჩვენის აზრით, -yt ნაწილაკის განსაზღვრა როგორც სოლდური წარმოშობის სუფიქსისა სრულიად უსაფუძვლო და გაუმართლებელია.

იმ გარემოებიდან გამომდინარე, რომ არმაზის მონოლინგვა გადმოსცემს იბერიაში და მის მეზობელ რაიონებში არსებულ პოლიტიკურ სიტუაციას, ხოლო თვით წარწერა შექმნილია იბერიის სამეფო კარზე, წარწერაში მოხსენიებული ტოპონიმებიც დასაკავშირებელი უნდა იყვნენ სწორედ იბერიასთან, ან მის მოსაზღვრე რაიონებთან, სადაც ეწყობოდა იბერიელთა ლაშქრობები. ამიტომ ლოგიკური უნდა იყოს ვარაუდი, რომ მონოლინგვაში დადასტურებული -yt სუფიქსიანი ტოპონიმების ნაწილი იბერიული (ქართული) წარმოშობის ტოპონიმებია, ნაწილი კი — ქართულად ნაწარმოები უცხო გეოგრაფიული სახელწოდებები. ამგვარ ვარაუდს მხარს უნდა უჭერდეს მოსაზრებაც, რომლის მიხედვით ჩვენთვის საინტერესო ნაწილაკი სხვა არაფერი უნდა იყოს, თუ არა გეოგრაფიული სახელების მაწარმოებელი ქართული -ათ-/ეთ- სუფიქსი. არამეული დამწერლობის ყ გრაფიკული ნიშნით ქართული o ან e ხმოვანთა, ისევე როგორც არამეული i გრაფიკული ნიშნით ქართული o თანხმოვნის გადმოცემა საესებით უანონზომიერი და სარწმუნოა.

გაცილებით რთული და პრობლემატურია ჩვენთვის საინტერესო ტოპონიმთა იდენტიფიკაციის საკითხი, რომელთანაც დაკავშირებით ქვემოთ გამოვთქვამთ მხოლოდ ჩვენს ვარაუდებს.

ტოპონიმი maγt-ის იდენტიფიკაცია ჭერჭერობით არ ხერხდება რაც შეეხება lbyt-ს (არმაზის მონოლინგვის მონაცემებით, იგი საძებნია, როგორც ჩანს, იბერიის სამხრეთით, არმენიის მიმართულებით), ქართული ტრანსკრიფციით თბით / თბეთ, იგი შეიძლება განვიხილოთ როგორც ქართული ტოპონიმი ტბეთ-ი. მართალია, ამგვარი გაიგივ-

²⁵ Altheim, Stiehl. რუსთ. ნაშრ., გვ. 256. ნაშრომის სხვა ადგილას (გვ. 254) იგივე -yt ნაწილაკი განხილულია როგორც „აბსტრაქტული სუფიქსი“.

ბის ხელშემშლელ გარემოებად ჩანს ის, რომ *byt* სახელწოდების დასაწყისი თანხმოვანი, ხშული ყრუ დენტალი *t*, არ შეესაბამება ქართული ტოპონიმის დასაწყის თანხმოვან, ემფატიკურ ხშულ დენტალ *ტ*-ს. მაგრამ *t* და *ტ* დენტალი თანხმოვნების აღრევა რომელიმე არაარმეული სიტყვის გადმოცემისას (მით უმეტეს, ტოპონიმისა) არ შეიძლება ჩაითვალოს გადამწყვეტ გარემოებად აღნიშნულ ტოპონიმთა გაიგივების სრული უარყოფისათვის. უფრო მეტად დამაფიქრებელია ის ფაქტი, რომ *ტ ბ ე თ ი* ტოპონიმის არსებობა იბერიის სამხრედით (ისტორიული ქვემო ქართლის მხარეში) არ დასტურდება ძველი ქართული ისტორიული წყაროების მონაცემებით²⁶.

ყურადღებას იქცევს ტოპონიმი *msknyt*, ქართული ტრანსკრიფციით, *მსქნით* / *მსქნეთ* (არმაზის მონოლინგვის მონაცემებიდან გამომდინარე ეს ტოპონიმიც საძიებელია იბერიის სამხრეთით, არმენიასთან კავშირში). ამ სახელწოდების იდენტიფიკაციისას მხედველობაშია მისაღები ისტორიული ქვემო ქართლის განაპირა, მხარეში—ტაშირის ხეობაში — არსებული ქართული ტოპონიმის სახელწოდება *მწყნეთი*²⁷. ამ ორი სახელწოდების გაიგივებისას თვალშია საცემი *მსქნეთ* და *მწყნეთ* ფორმათა თავიკიდური მ თანხმოვნებისა და *-ნეთ-* დაბოლოებათა სრული იდენტურობა. რაც შეეხება *-სქ-* ელემენტის გამოჩენას *-წყ-* ელემენტის ნაცვლად, იგი, როგორც ჩანს, არამეოგრაფიული ტექსტის დამწერის მიერ ქართული *-წყ-* ელემენტის არამეულად გადმოცემის ნაყოფია (მართებული იქნებოდა *-წყ-* ელემენტის გადმოცემა არამეული *ჭ* (ცუ) ასონიშნებით, რადგან ქართული წ, ისევე როგორც ძ, ბგერისათვის არამეულის შესატყვისი სწორედ (ც) ბგერაა).

ტოპონიმი *snryt* თუ *swryt*, ქართული ტრანსკრიფციით, *ცნრით* / *ცვრით*, როგორც ჩანს, სხვა მხარეში, ჩვენთვის გაურკვეველი მიმართულებითაა საძებნი. ამ ტოპონიმის თავიკიდური ც თანხმოვნის ნაცვლად საესებით მართებულად შეგვიძლია წ თანხმოვანი დავინახოთ (როგორც ზემოთ აღინიშნა, არამეულ ჭ-ს შეესატყვისება როგორც ქართული ც, ასევე წ და ძ). რის შემდეგაც მივიღებთ *წნრით* / *წვრით*-ს. წნით ფორმა საყურადღებოა იმ მხრივ, რომ ძველ ქართულ ისტორიულ წყაროებში დადასტურებულია მისი მსგავსი ტოპონიმი — წანარეთი, თუმცა არ შეგვიძლია დავადგინოთ, წნრით ტოპონიმი რამდენადაა დაკავშირებული იმ ეთნიკურ ჯგუფთან, რომელიც

²⁶ ტ ბ ე თ ი ტოპონიმი საქართველოს არაერთ ადგილას იყო და ახლაც არის დადასტურებული.

²⁷ იხ. იოანე ბაგრატიონი. ქართლ-კახეთის აღწერა. ტექსტი გამოსაცემად მოამზადეს, გამოკვლევა და საძიებლები დაურთეს თინა ენუქიძემ და გურამ ბედოშვილმა. თბ., 1986, გვ. 55. მწყნეთი იხ. აგრეთვე იქვე, გვ. 30 (მღებარეობა თბილისთან, თანამედროვე წყნეთი).

წყაროებში წანარების სახელითაა ცნობილი²⁵. წვრილ ფორმას კი, რომელიც შეიძლება წაეიკითხოთ როგორც წვერეთი; წურეთი და ა. შ., არ მოექმდნება შესაბამისი ტოპონიმი.

ფ. ალტჰაიმი და რ. შტილი ტოპონიმ msykyt-ს (ქართული ტარნს-კრიფციით მხეჭოთ) უყოყმანოდ აიგივებენ მცხეთა ტოპონიმთან, რომლის ბერძნულ ვარიანტად ისინი თვლიან Μεხιშხ-ს²⁶. ასეთი გაიგივება ჩვენც შესაძლებლად მიგვაჩნია, რადგან msykyt ფორმაში მოცემული s და k თანხმოვნების გადმოცემა მცხეთა სიტყვის ც და ხ თანხმოვანთა მაგივრად დიდ სიძნელეებთან არ არის დაკავშირებული, მით უმეტეს, რომ გასათვალისწინებელია მცხეთა დაწერილობის მოყვანილ ბერძნულ ვარიანტში ც-ს ნაცვლად სწორედ მ-ს გამოჩენა ისიც უნდა გავითვალისწინოთ, რომ ზემოაღნიშნული -წყ- ელემენტის მსგავსად (ტოპონიმ მწყნეთ-ში), -ცხ- ელემენტის გადმოცემაც არამეულ წარწერაში გარკვეული სიძნელის წინაშე აყენებდა ტექსტის დამწერს.

ზემოგანხილული წაკითხვები ტოპონიმებისა და მათი გაიგივებანი უფრო მოგვიანო ხანის ქართულ გეოგრაფიულ სახელებთან სრულიადაც არ უნდა მივიჩნიოთ საბოლოოდ დადგენილად, რადგან ისინი მხოლოდ ჩვენი ცდაა არმაზის მონოლინგვაში დადასტურებულ ტოპონიმთა თანამედროვე წაკითხვებისა და მათი შესაბამის გაიგივებათა გამოქმენისა. დამაჭერებლად შეიძლება ჩაითვალოს მხოლოდ ის, რომ არმაზის მონოლინგვის რიგ ტოპონიმებში გამოსაყოფია -yt სუფიქსი და იგი გასაიგივებელია გეოგრაფიული სახელების მაწარმოებელ ქართულ -ით-'-ეთ- სუფიქსთან. არმაზის მონოლინგვის შემდგომმა დამუშავებამ გარკვეული შუქი უნდა მოფინოს ჩვენთვის საინტერესო საკითხს.

ხეთურ-არმაზული „ტრიაღები“

მხედლის გარდასულ რელიგიებს შორის ხეთურა რელიგია — ძვ. წ. II ათასწლეულს შიდა აზიის (ანატოლიის) ცენტრალური ნაწილის ბინადართა რწმენა ზებუნებრივი ძალებისა — ხაჯლიდ ორაგინილური და თვითმყოფი იყო. იგი წარმოადგენდა ყველა ის ხალხთა და ტომთა რელიგიების ერთობას, რომლებთანაც ურთიერთობა უზღვებოდათ ბეთებს შორის არსებობის მიუღწეველ მანქანულად. ამან განაპირობა ხეთურ პანთეონში არა მარტო ცენტრალურ მცირე აზიაში ოდესღაც გადმოსახლებული ინდოევროპელი ზეუბნის (ნიესიტების, ლუვიანების, ფალაგუნების) კეთილდღეობათა, არამედ ანატოლიის ცენტრალური რაიონების ამორაგებული მოსახლეობის — ხაჯლის, აშაგე პრატოროების, ლუვიანთა არსებობა (როგორც დღევანდების ევარაღებზე სწორედ პრატოროტურა და ინდოევროპული ტომების შერევა-შეგარედიანების შედეგად ცენტრალურ მცირე აზიაში ძვ. წ. II ათასწლეულს დასწავისში ჩამოყალიბდა ხეთური რწმენის). უფრო მეტიც, ხურატებთან მრავალსუკუნეოანი მჭიდრო ურთიერთობათა შედეგად ხეთურ პანთეონს შეემატა ხურატული (ხურაული) წარმოშობის ღვთაებანი, ხოლო სემიტებთან ხანგრძლივად კონტაქტებმა განაპირობებ სემიტურ (ახურულ-ბაბილონურ, ამორაულ) ღვთაებათა განემა ხეთური პანთეონის წარმომადგენელია შორის. მრავალრიცხოვან ხეთურ პანთეონს განეყოფნებოდნენ არაული წარმოშობის ღვთაებანიც და ა. შ.

ანატოლიე მამინდათ ბეთებს, რომ მათ „ათას ღვთაება“ ჰქვამდათ. ხეთურ წყაროებში და მონიჭებულ ღვთაებათა რაოდენობა კი, შესაძლოა უფრო მეტიც იყო უბნ ვახაგებთა; ხეთების უკიდურეს დასახლებას (ახეთები კი მართლაც თანამდებოდა იგი) თვითხი ხაჯ-

ლია ღვთაება ჰქვამდა თვითხი ხაჯლიდ ორაგინილური, მკონდა თვითხი რიტულები, მითოდგია, დღესასწაულები. ხეთების ქვეყნის მასშტაბით კი ეს ქმნიდა მართლაც მრავალრიცხოვან და რთულ პანთეონს — ხეთთა „თეოლოგიის“ ყველა ღვთაების ერთობლიობას.

როგორც ვხედავთ, ხეთური რელიგია პოლითეისტური იყო (მონოთეიზმის არავითარი ნიშანი მას არ ვხედავთ). იგი ცდილობდა უმარცხესეს უკულებს, გებთა კავშირთა აღიარებას და ზუნების ძალებს შორის, ადამიანთაგან ჩაგებას რწმენა და შიში ზებუნებრივი ძალებისა. ამდენად ვახაგებთა, რომ გაღმერთების ობიექტებად გველენების (უკ მზე, მთვარე (შესაძლოა, სხვა ციურა მნათობაც); გაღმერთებულია იყო დღემოქი (ქვეყნისა თუ ზეცის ძალებით) და ზუნების მოღვინების წინაა, ქარაშხალი, გემაქუხილი, ღრუბლები, ხეთობი, ანდლი — ტარისა, რომლის ღვთაება ითვლებოდა „ღვთაებათა ღვთად“ არა მარტო ხეთებთან, არამედ მის შემზომელ ხალხებს თუ ტომებს (გახსენებთ, მათის მრავალრიცხოვანად მცხოვრებ ქსქქეშა); სიტები ქედს ახრდენენ შობის, მდინარეების, წყაროებისა და ზღვის ღვთაებათა წინაა.

ცალკეულ თემს, მცირე მასშტაბის დასახლებას, ხაჯლიდ ღვთაება ჰქვამდა. უფრო დიდი დასახლებების თუ მხარეთა ცენტრების ტარებში რამდენიმე (ხანდახან მთელი ათეული, ან უფრო მეტი) ღვთაების გამოსახლებული (კერძა) იდგა, რაც ადამებურებს ღვთაებათა „თანაარსებობას“. ღვთაებათა კერებში ძირითადად ტარებში „მსოფრობდნენ“, ანდა მათ დიდი ცის ქვეშ სპეციალურად გამოყოფილ ხაჯლიდ ორაგინილურში მკონდათ მოსახვედებელი. მცირე ტარებში ხურად რწმენა ან ორთა მასშტაბით — ქურდში იყო, რომელიც ღვთაების უკ-

ნების უნდა შეესრულებინათ ამდენად, როგორც „ხანავეტარა“. ასევე „ხადვასაწელო“ ტექსტები შეტარ სანდოა და ახინა არსებულა სანადვლის ამსახველი არაან, იადწერალობანი“ ამდენად ზუბტი გამოდგა რომ წყაღდრებმა მათ მიხედვით ამოიღეს ბეთურა ბანის ანტილოის კლდეებზე წაყვითი რეღვურა გამოსახულებანი ღვთიებებსა (განსაკუთრებით, ააღუქუათ სუღღტურულ ზღღერებს).

ქვემო განსაზღვრა „აღწერალობანი“ არცხად დედაქალაქის ტარტებში მოთავსებულ ღვთიებებს (საღუთსა და დედა ტარტა იყო), არც ბეთების სამი ღვთი აწინადა ქალაქის — არანა, ზარაქისა და ცოფლინის (ადგილწოდებარება დიადეფერლა) ტარტათა კარტებს არამელთა მოსახურება ხაღღაწეოღი დონეზე ხრუღდებოდა. ქვემო მოყვანილა „აღწერალობანი“ ტებს ქვემოთს ბერადერაღლ დასახლებებში, განსაკუთრებით, მათს ჰადიღღღი და ჰადღღღი-აღღღღი-აღღღღი არსებულა ტარტებისა და ხედასხვი ხალიკვის ღვთიებებს, რომელთა ჩიოდებისა ხაქიოდ დიდა. აქემიად ზენს არ წაანტარტებებს კარტათა ჩიოდებისა

დაღღღენა ახლა უწარადღებს მთავრებუთ ხოლოღ ამს, რომ ღვთიებათა აღწერალობისას ხეთი მწერლები იყენებდნენ ვარკველ ტარტის, თუ შეტარებდა თქვას, მოღღღებს, რომლის მიხედვითაც წარმოადგენდნენ ამ თუ ამ კარტის, ეს ვარკვერობა შენსმა და აკობ-არობსმაც, რომელმაც წარმოადგინა ჩვენთვის სანტარტისი ტარტისა“ შემიღღღენლა ეღღღენტების შემიღღღენლა თანმიმდევრითა კარტის სანტარტისა — განოსხუღღების აღწერა — სქესი — მახლა — დიციღღღი — ზონა — კარტის ანტენტარტი. უწეღღღი ამ კარტისანტარტის აღღღღენს ხაქარა იყო, თუ შემიღღღენს თქვას, აწარღღღი ტარტისა“ შესადღღენად, რომელიც ზიტ-საღღღღი აყადეღღღი-ღა, თუცა რომელიმე ამ ეღღღენტისანტარტის ტარტისა არ შეითვისებდნენ.

მაგარამ ეს „ტარტისა“ თუ „მოღღღი“, როგორც ვებუთ, იქ ძალზედ ზოგადიდა წარმოდგენილა ღვთიებათა აღწერალობის სტრუქტურის ვრცელად განსწინაღ კერა მთავართით თეთი „აღწერალობებს“, რომელთა იარკვანს ქვემოთ ვითარებობა (ჩასაკუთრებულა, შეტარებულა და მდებარეღღენს შეტარებულთ). შემიღღღი კი დეტალურად განუხილოთ თეთი სტრუქტურა

ხმთურ ტარტათა სახმობი

„ღვთაება იშთარი (ხეთური სახელი უცნობია გ. გ.): [ქალღვთაება], მღღღღი-არე. მხრებიდან [ფრთები გამოსდის]; მარჯვენა ხელში ოქროს თასი [უპყრია, მარცხენა ხელში] აქვს ოქროს „სიკეთე“ — (რადღღღი სიმბოლო, გ. გ.). მის ქვემოთ საყრდენია, მოვერცხლილი, [რომლის ქვეშ] დევს ლომის გამოსახულება, მოვერცხლილი. ლომის ფრთების მარჯვნივ [და მარცხნივ] ქალღვთაება ნინათი (და) ქალღვთაება ქულითა დგანან, ისინი ვერცხლისაა, მათი თვალები მოოქრულია...“

„ღვთაება იშთარი „ძახილისა“: ოქროს ქანდაკება, მღღღღი-არე მამაკაცი¹. მხრებიდან ფრთები გამოსდის. მარჯვენა ხელში ოქროს ცული უპყრია, მარცხენა ხელში კი ოქროს „სიკეთე“ აქვს; დგას კუდიან ლომზე, მოვერცხლილზე, რომლის მვერდი მოოქრულია. ფრთებიდან მარჯვნივ და მარცხნივ ქალღვთაება ნინათი და ქალღვთაება ქულითა დგანან“.

„ტარტოსის ღვთაება ცისა: ქანდაკება მამაკაცისა, მოოქრული, მღღღღი-არე. მარჯვენა ხელში გურზი (საბრძოლო იარაღი, გ. გ.) უპყრია, მარცხენა ხელში — ოქროს „სიკეთე“; დგას მამაკაცის გამოსახულებთან, მოვერცხლილი, ორ შიშზე; მის ქვემოთ საყრდენია ვერცხლისა, აქვს 2 „ბიბრუ“ — ქურკული ვერცხლისა. ორ დღესასწაულს შემოდგომასა და გაზაფხულზე უხდის შეფის სახელი (=სასახლუ)“.

„ღვთაება ზაბაბა (ომის ღვთაება. ხეთური სახელი უცნობია, გ. გ.): ქანდაკება ვერცხლისა, [მღღღღი-არე] მამაკაცი. მარჯვენა ხელში უპყრია გურზი, მარ-

¹ მდებარეობილი იშთარი (ხურიტული შუშუა) ორბუნებოვანი ღვთაება იყო, მღღღღისა და მამოს თვისებებით.

ცხენა [ხელში] — ფარი. მის ქვეშ [დგას] ლომი. ლომის ქვემოთ საყრდენია, მოკერცხლილი.² დღესასწაულს შემოდგომასა და გაზაფხულზე... ამზადებენ ქაშაშას მცხოვრებნი. აქვს ვერცხლის ხელადა, მსახური არ ჰყავს“.

„მფარველი ლეთაება (ხეთურად ინარა, გ. გ.): ქანდაკება მამაკაცისა, მდგომარე, მისი თვალები მოკრულია მარჯვენა ხელში უპერია ვერცხლის შუბი, მარცხენა ხელში ფარი უჭირავს. დგას ირემზე. მის ქვემოთ საყრდენია, მოკერცხლილი. ორ დღესასწაულს შემოდგომასა და გაზაფხულზე უხდის დალას დასახლება. მსახური არ ჰყავს“.

„ისხასხურია-წყარო (ქ. თარამქვაში): ლეთაების გამოსახულებათა ხის ქანდაკება ქალისა, მოკერცხლილი, მჭდომარე, ერთი წყრთის სიმალისა. მარჯვენა ხელში ვერცხლის თასი უკავია, აქვს ვერცხლის სამაჭური, 20 ოქროს თვლით („ნაყოფით“), 6 (თვლი) ვერცხლისა კი აქვს შუბლზე, სამი ვერცხლის ნახევარმთვარე აქვს მკერდზე...“

„დასახლება ქუნქუნია. „ყოვლისმძღე“ ლეთაება ტაროსისა: ლეთაების გამოსახულებათა „ბიბრუ“ — ხარი ხისა, მოკერცხლილი. 1 წყრთის სიმალისა. მის ქვემოთ საყრდენია, მოკერცხლილი. (აქვს) 1 რკინის ქურქელი შესაწირავისათვის, 2 ხელადა ვერცხლისა, 1 რგოლი ვერცხლისა — მასზე „ყოვლისმძღე“ ტაროსის ლეთაების სახელია ამოკვეთილი — 1 პატარა თასი სასახლიდან (შეწირული), ერთი რქა — ორ ადგილას მოკერცხლილი, სამი საღვთო კვერთხი...“

„დასახლება ვიანუევანთა. ველ-მინდვრის მფარველი ლეთაება: მისი გამოსახულებათა ოქროს ქანდაკება მამაკაცისა, მდგომარე. მარჯვენა ხელში უპერია ოქროს მშვილდი, მარცხენა [ხელში] უჭირავს ოქროს არწივი (და) ოქროს კურდღელი. აქვს ოქროს ხმალი, ოქროს თვლებით. დგას ირემზე.“

„დასახლება ლაფანა. ლეთაება იათა: ლეთაების გამოსახულებათა ხის ქანდაკება ქალისა, მჭდომარე, 1 [წყრთის] სიმალისა — თავი მოკრული აქვს, სხეულის ნაწილები დაფარულია ტყვიით. ქალღეთაების ქვემოთ, მარჯვნივ და მარცხნივ, დგას ტყვიით დაფარული ორი ხის არხარი. 1 არწივი, ტყვიით დაფარული, 2 კვერთხი, 2 ბრინჯაოს ხელადა ლეთაების კუთვნილებათა. (ლეთაებას) ახალი ტაძარი აქვს. მამაკაცი ქურუმში აღრეც ჰყავდა...“

„ქ. ლიხინას ტაროსის ლეთაება თელიურაში: ლეთაების გამოსახულებათა ხის ხარი..., მოკერცხლილი. თავი და მკერდი მოკრული აქვს, ერთი წყრთის სიმალისა. მის ქვემოთ საყრდენია. აქვს 1 ვერცხლის თასი..., 10 მცირე შხის დისკო ბრინჯაოს... ახალი ტაძარი აუვგეთ. ქურუმში აღრიდანვე ჰყავს. (ახლა) დაუდგინეთ ზეთის მცხებელი (ქურუმში) და „შუბის კაცი“ (ტექსტში შემდეგ აღწერილია ქ. თელიურას სხვა დასახლებათა ქალღეთაებიანი).

„დასახლება ცანცინა. მთი ისქი [...]: ლეთაების გამოსახულებათა ქანდაკება მოკერცხლილი ხის მამაკაცისა, მდგომარე. აცვია [სამოსი], 1 წყრთის სიმალისა... მისი თვალები და წარბები „ბაბილონის ქვისგანაა“; მარჯვენა ხელში ბრინჯაოს გურზი უჭირავს, მარცხენა ხელში უკავია ვერცხლის ფარი, სპილოს ძვლის არწივისა და სპილოს ძვლის ლომის გამოსახულებით.. 1 სასმისი, 2 არხარის რქა და 10 „თალა“ ლეთაების კუთვნილებათა. აუვგეს ახალი ტაძარი, დაუნიშნეს [ქურუმში].“

მიუღ რაჲ შემოსევამო ლეთაებათა აღწერილობა კადვე უფრო ლყოჩიარაჲ, გადმოცემულია რა აღწერილობის ტრექტატის მიხედვით ზოგიერთი მარათაჲ კომპანება. მიუღვათ რამდენაჲ ახეთი მიჯალისხეჲ:

„ლეთაება თითოეთთ: რკინის ქანდაკება ქალისა, მჭდომარე. თვალები ვერცხლით აქვს დაფარული...“

„ღვთაება ხანაგა: ვერცხლის ქანდაკება მამაკაცისა, მღვთმარე. ცალი თვალი, ვერცხლით დაფარული, დაიკარგავს.“

„ქალღვთაება...: ქანდაკება სპილენძისა, დაფარულია ოქროთი... [იქვს] წყვილი საყურე, ოქროსი და (ძვირფისი) ქვისა...“

„ღვთაება ცახაფუნა: ქანდაკება ქალისა, მღვთმარე, დამზადებულია [...] საგან მარჯვენა ხელში უჭირავს ყურძნის მტევანი, ოქროსი...“

„[ღვთაება...]: ქანდაკება ვერცხლის მამაკაცისა, მღვთმარე. [...] (იქვს) 3 წყრთა სიმაღლე.“

„მთა ცივანი. ღვთაების (ვამოსახულებთა) ქანდაკება მამაკაცისა, რკინისა, ერთნახევარი მტკაველი სიმაღლისა“ და ა. შ.

მხავს მავალითებს მიყვანა მხავლად შეიძლება.

ხეითურ კირატა „აღწირილოების“ აბრეშებურა

გავეცნოთ ჩა „აღწირილობით“ ნაშუებს, შეუდგებოთ დეოთებთა იქწაილობის დეკლარაცია განილვის მისი ცალკეული კომპონენტების მიხედვით. იტენია კერძოთა საშუალებო და მისი სახელწოდებანი, შესაღო რაბლბეზო-საყ მზადდებოდა კერძები, ღვთაებთა ანაროპიომარულობა, მათა ატრახულებო, კერძოთა ხელმწილობა, ძიბათიღო დეოთების მახუბო (მეორედო) წყვილო დეოთებანი, კერძოთა ხურადენხე, საყლდო ინვენტარი, უმეოგანბლდო მახალბ ვარდო, მეთაშედეობო იხეთბისოდ რთმელთა შეხატბ აქამედ არაფერო გავიონდო ნაქეპიო.

„აღწირილობის“ დახაწვისშეგ ხინად დო სახელწოდებო კერძის დეკლარაციითგო: დიდა ან პეტრა დისახლებულო პუნქტი, აგრეთვე მთო მდინარე, წყარო (მოგერე დისახლებულო პუნქტისა არ არის მოცემული, ან დამახატბო). იქვე შევანშავთ, რომ მთა ხეთებისხადვას, ისევე როგორც ხურატებისხადვას, აუო არამარტო დეოთების ხაყიდელო, არამედ მთა განახაიერებდო თვით დეოთებისოდ (ინარ ღონ მუღერა, მეთებხისა და ხურატების მთიოლოგო წიგნში: „მთიოლოგიას ლექსიკონი“, I, ნაკვ. 3, გვ. 180, გერანშულდო), რომელც გამოახატბოდა მოგერე ოქმანის ხალო. მეორე ტექსტებში ვაქვებხის აიერგოთ მავალითო, რომელც მთა და მახურე „მთახალო“ აუ“ დეოთები გრთის და ისევე სახელს ატრახებდენ. 1988 წ. გერანშულდო ხეთიოლოგის ე. მანის გამოქვეყნებო სწორედ მისი დეოთებისხადვას მიძღვნალო წიგნო, ხადც დაწერილებოთა განილდოლო მთისა და დეოთების ურთიერთობა აღხანშავიდა ისიც, რომ უველო მათგანა მამარბოთო ხეჭხისა (ინარ ღონ შუქო-ფასანსა გამოქვეყნებო სწორედ მთახ დეოთების გრთის ნაწალო კლდეტხუდოთა გამოახატბოლო.

თვით კერძის გამოახატბოდა შედარებოთ მეთერე ზომის ქანდაკება აუო (ინანი მტკაველით, ან წყრითოთ იხომებოდენ და არ იღებო

ტბიოდენ მ აბო ხალო გრთოდეს, ხეგრამ არ არის გამოჩედილო რომ ცალკეული კერძების უფრო დიდი ზომისა იქნებოდენენ. კერძოთა იდეო ტრახიზი, ანდო და ცის ქვეშ მდებარე სტეტილოურ საყლდო იდეოთს. რომელიც წყაროებში შეინაშენბო, ხეთების „ახალო სახეობი“ ხანაშო ცალკობოდენ აბოთ კერძების უვეგე „სახლებო“ მოეთაგენინამ, რისთვისოდ სრულად ახალო „დეოთის სახლო“ — ტრახი ვებოდა.

„აღწირილობით“ დახაწვისშეგ მოცემულია კერძის სახელწოდებო, რომელც მთაოდ ნიოდ შეეხატბოდა მის იტრახატბს. წამოდენილოთ ამხედბ (ტრახის), ომის, აღმანის მფარველის, მის, მინდერის, მდინარის, მთის და ა. შ. დეოთებანი. მეორე კერძოთა შესატბს სახელწოდებბს მეტო არაფერო ვეცით. თვალშეი ხადცო ტარობის ღვთაების ნაირახებობა; დასახლებოთ უმეტებობის შეუად თვახო ტარობის დეოთებო რეცახებო — ანაროლობის კლმატბური და რელოურთა თავებებებბ: ნი განახარობოდენ ხუნების ძალებიხადვო უსაწერიო თაყვანისტებბს. ახევე ხუნებოთა ხედალბხანარის ომის დეოთების (იგო გამოახატბოლოა მეორახის ხალო) ანდო მფარველო დეოთების არხებობა.

„აღწირილობით“ ამის შედგენ აღნაშნულია მახლო, რომლისხანაც კერძებს აწახადებდენ. აბოთად გამოთერებოდა ოქრო, ვერცხლო, მინჯალო, აყბა, ხალოდენი, ტყვიო, ხე, თახა, ძვირფისი ქვეხადენ — ლოლქეა ლითონი და ძვირფისი ქვები (ლოლქეის ვარდო ე. წ. ახახილიონის ქეა“ და ხეგანი, რომელითა მინაშენილოთ დუთადებოდა) გამოთერებოლო აუო აგრეთვე დეოთების ტრახის ხედალბხანო ნაწილის ანარტბიტრებისხადვას, განახაყობრებოთ, თვალბის თავისა და შეტრდობათის.

ხეუთების საინტერესო ტექსტების ხიუდვით, მეორე კერძოთა უმეტებოდა როგორც უმეოთ აღინაშნო ანარბოპოლოლო წამოდენილოთ ირთვე ხეჭხის დეოთებანი. ამბო

ნავი, ქალღვთიებანი, ჩოვარც წესი, სხედან, მისაყდემი ღვთიებანი კი დგანან (ძალზე სწორე გამბრუნების ვარდი, როდესაც პირაქითაა: ქალღვთიანი დგას, ბოლო მისაყდემი კერპი — ზს. აქაჲ ვედების ღვთიებანი განსხვავებულ პოსტად, როდესაც, მანკლიად, ღვთიები ხელმოდრეკლან). დასაძვლებულია ზოი-მირთული ღვთიებანი ღარს, ცხენს, ღობს, შესაძლოა ამათს გამოსაძვლებიან.

„აღწერილობებში“ ძალზე მხიად დიდგნულაა ღვთიების ატრახება, რაც გამოხატებოდა ღვთიების რაიფი ან ცალ ხელში სხვადასხვა ბუნის დეპერტი. ეს ატრახაი, დამახასიათებელი თვისები ღვთიების ხუნების განსაზღვრავდა ატრახების აღწერისას დაცულა „მარკენა-მარსენსან“ დამახასიათებლის პრინციპი. ღვთიების ხუნების განმარტებულად ძაითადიდ გველარება მარკენა ხელში დეკავებული სავანა.

ქალღვთიებებს მარკენა ხელში, ჩოვარც წესი, უმარაოდ სხვადასხვა ფრახის თამ, უარჩის მტვიანი ან სხვა ნავთი, რომლებზე სწორედ იქრისიანია დამწვებულა. მარცენა ხელში კი მთი უმარათი „სავთის“ სხმოლი — იქრის რაღვ სავანა, რომლის გამოსახულება დიდგნულაა.

მისაყდემი ღვთიებებს მარკენა ხელში უმარათი იქრის ტული, ვერსი (სხალა ძაითადიდ მითიებულა არ არის, მერგან ვერსი მის უნდა ურთილავო, სადგან ეს სიტყვა დეწერილია „მის“ დეგერმინაციით, მხოლოდ ერთ შემთხვევაშია ვერსი სრახიანის), ვარდა ამის შემხი (ზოყერა ვერცხლის), მწვდელი (იქრისი) და ფახი (ჩოვარც მანს, სხვა ხუნების, რომელია დასაძვლება ტექსტში დანახებულა). მარცხენა ხელში მისაყდემი ღვთიების უმარათი „სავთის“ სხმოლი (იქრისი), ფახი (ზოყერა ვერცხლისი, სხვადასხვა გამოხატულებით), შოღბი (თუ კამბალი), იქრის არქვი, კურდღელი და ა. შ. მისაყდემი ღვთიებებს აქვთ, უარყოფი, სხალი (სამდგან იქრის-თვლებიანს), წერაქვი, მისი დესიკი (იქრისი ან ვერცხლისი) და სხვა სავანა.

ღვთიების ატრახების აღწერის შემდეგ ზოყერა მითიებულა ღვთიების მაცხვდობა „აღწერილობათა“ თანახმად, ანარაომორფულ ღვთიებებს ტანს გვეათ ჩაღვ სარისი, ცვათი კვანტაწერულა დებსაცხელი და ცან-შის მხავთა წახლები. ღვთიებთა ჩემოღვთებავზე სეგ წარმოდგენს აბღვთა ღვთიებთა ჩეღვთერა გამოხატულებიანს მცირე ზომის სხვადასხვა აბღვთადან, განსაუტრებთი, ანთიქიანის კვდემს ნავთი კოღვრთიდან აბღვთად კი სვეს უარადღებს აქცეს ბოღ-წქათს ე. წ. „მეღვის კოყრათი“ გამოხატულ ერთი კარგად ცნობილი ჩეღვთერი მდგომარე მისაყდემი რომელიც სველარათი უმარტებო-ბის ც. უარჩაღვ, ღ. ჩამწხადიერა, ღ. ზ. ვიუ

ტრახიკა, ღ. კლვდელი და სხვ.), აბღვთა ცან-სხლავ ჩოვარც ღვთიების სეომარს გამოხატულებით (აბღვთ მის „თუმუნსუ“ ცხანდენს); მარკენა ხელში მის უმარათი სარჩოლი ტული, რომლის უთა დარბულია და თითქმის „იღვთის“ თუ „მისი“ ზოამეღვდლებს ქწის (ან ცულს სანცენიერი დეგერმინაციის მითწევნა, ჩოვარც „იგერტარული კავახიარის“), მარცხენა ხელში მერგათი მუშტიო სხალი აქვს აღმართული ცტვობა ხელში რაღვ ცვათი ჩომეღვთი მერგათი წახალა ჩეღვთიდან, თუ არადა მუშტიო უნდა ვაღმოსტვდეს თუჯანახ-ცეის ცეხტის, წეღვრე სხალი არბავა თავზე ახრავს სხალიდ მისიერა, ზემოთ აწვრილი ხუნებუბა, ღოღვების და კისრის სეგარკვდებთი, ტანს აქვთ, ჩოვარც ღ. ზ. მაცუნის ვარაუდობის, გეკვის პერსევი და კარგად ცნობილი სეგარკვდელი, ვულვამსხლი, შოღბი, რანამეგტებთან ტუნიაკი სეგარკვდელი სარტვული. სვეს წახალა მუშტიო სეომარს ღვთიების

„აღწერილობა“ სარტვუტების ცნობითი ძაითადიდ ნაწილია ეს აბღვთა, სადგ ხუნებთან კერპების წახალი ცნობვულა მერსებზე (ღობი, სარა, არგისი და ა. შ.) და განსაუტრებთი, აბღვთა ღვთიების მისახებზე თუ მცხედ კერპებზე. მითიან მისხურა ღვთიების ჩოღვთი გამოდის ქალღვთიებთა წყვალთა ნაწილი და ქულთა ჩომეღვთი აბღვთი ემსახურებთან მისაყდემს სხალი წარმოდგენს ე. წ. „მისობის“ მითიან. სხავთი წყვალთა მისხურა თუ მცხედლი ღვთიებანი ზუნენ თარეთვე. მითიერი წყარობის სხვა მითიებთა მისვდით, სერატვული წარმომების ზეგაი (ზერა, „აღვ“) და სერაი (ზერა, „აღვ“). ეს უმარახუნებლია ზუნენ ღვთიებთა ციკვდებთი და, აბღვთი დარბის, მცხედლი თუ მისხურა ღვთიებანი სერატვული ტარისი ღვთიები თუმუნსი (ზეღვთი „თუმუნსი“ ცხანდენს მისი სეგარკვდის სერტრია საღვწოდებთი დიდგნულა ტარის მის ღვთიებთა მარტობითად „ტარ“ ცრქვი), რომეღვთი მთავრებთი სეომეღვთი გაღვრთის თვისი წყვალთა ღვთიებთურთ. მხარის თუ მცხედლის ჩოღვთი ვამოდის აბღვთი მისი ცნობვულა წყვალთა, მისაყდემი ღვთიებანი სავთი (თუ და ნაწილი, რომლებზე თავდისარკვდელი მარ. სარათი მცხედარე მთების სანელწოდებებს წარმოდგენენ, მხოლოდ მ. წ. II თანწვრულთა შუა სანებოდან სეომეღვთი სერატვების სინი გაღვრითი და თავდითი ტარისი ღვთიების მცხედლებად გამოდეს დეს (ანარა თინ შოღვთი, დისი, სარა, ც. 171). მთი ზოყერა მთუმუნსი სეომეღვთი სერტრია მკვერებთან დიდგნულა „ხელწერულტებში“ „მითის თობ ღვთიებთან“ ცნობვულა თანობიქიანს ჩეღვთერა გამოხატულებებში ტარისი ღვთიები ცისი დე სწორედ ამ წყვალ მით-ღვთიებზე დეს. აბღვთად, მთავარ ღვთიებთან სინი ცნობვულია, აღწერილია წყვალთა ღვთიებ

ის ქმედებებს დავიანთა ვ. წ. „ტრიალს“
შტრ. ანთარა — ნანას — ქველით იქვე
სი — შერა — ხერა; ტარისის დავიანთ — ხა-
სი — ნანა და სხვ.) რომელიც უნდაცინი-
ლორად ერთ დღე კვლავ განსაზღვრავდა.
ქართული და წმინდა (მეცხედ იმ
სახსრად) დავიანთისა. ხერა — „ტრია-
ლი“ და „სი“ და „ხა“ და „ნანა“
სიხორცხვად. აქო სხილი დე-
დაურად უსაბუთო სანაქარობათვის.

„აღწერილობის“ საქმიანობისათვის მთა-
თებულად დავიანთს კეთილად იყენებდა;
სხვადასხვა ფორმის და მასალის გ. წ. სი-
არ — პურკელი, ზედადები, სახსანები (მათ
შორის, თავისი), მოცარცხვადი სახელი რქე-
ბი („უაწერის“), საღვთო კერძობები, მის დაბ-
კობები, სურათები, საპურები, ჩაღყ არა-
ლები“ და სხვა მრავალი სხვანი, რომლებიც
დავითის „განსაზღვრავდა“ სხვადასხვა დანა-
წერილობათვის.

დავითს ადვილად სურდა, რომელიც მო-
ქარს სხვადასხვა წმინდა ცხოველის გამოსხუ-
ლებს მქონდა. დავითებს უფროდენ დღეს-
წინადას, მოსყდრად უნაზღვრადენ ქვარ-
ებს და ა. შ.

ურდო დაწარმების „სეორ“ დავითისა
„აღწერილობის“, მათ სტრუქტურის, რომ-
ელიც საქმიან გამოყენებადას ახსნული ტექ-
სტების, აღარ შეეცარდა. მათთან დაკავში-
რებით მოკვანთა კიდევ ერთი დავითის
აღწერილობის, ილიად უწყა არა ზედაურ წა-
რიგის დადასტურებულ. ეს ვახლოდ მხო-
ლოდ აქვს ქართულ სასტიკო ტექსტებში
შემოხსენილი აწერილობის ამჟამის კერძის
წლებს მასშიღე არც მრავალი მკვლევარის
ძიებს იმეცხვად.

არმაზის კერძის აღწერილობა

„ქართლის ცხოვრების“ შემავალი იმუ-
დების „მოკლედას მართს მუდის და მის იანი
უფლის ქართლისა წმინდის და ნეტარისა
დედისა ზეუნისა ნათი მოკლედასა შერა“,
არადაც უნაზღვრად, ამჟამის კერძს შემდეგ-
ნარად აღწერს:

„და ისედა წმინდისა ნათი, ჩამოუ დავ
კეთი ერთი სხილენისა, და ტანის მისი ცემა
ქვე იქონის, და თავის მისი ხაზლიანი შერა,
და თულისი ემსხვრეობს და ზეარ-
და, და ზედას მისი აქვდა სხილი ბაწენ-
ვადი, ვითარცა ილია და აქცილა ზედას შერა
და უფრო ვანე შეეცხვან, თავი თავისი სი-
ქველიად განწარის...“

და კუდად იყო მარჯვენი მისი კეთი იქ-

არის და სხილი მისი ვაყო და მარჯვენი
მისი უფრო კეთი ვეცხვან, და სხილი მისი
სი ვამ ჩამოვლით-და მდებარე უმსხვრეობს
სი მის ქართლისა (ქართლის ცხოვრებისა,
ტომი 1, ტექსტი დადგინდა ვადო მართ-
იად ზედაწერის მანველი ს. უაზღვრად
შერა, იმ, 1985, გვ. 83).

ამჟამის კერძის აღწერილობის აღწერა-
ლობა დავითის „წმინდა ნათის ცხოვრებისა“.
დავითს ნათი ამჟამის:

„უფროდენ და მის დავ კეთი სხილენისა
სი და ტანის მისი ცემა ქვე იქონის და
სხილენი იქონის და სხილენი ემსხვრეობს
და სხილენი და ზედას მისი აქვდა სხი-
ლი დედადას ჩამოვლით და აქცილა
და ზედას მისი აქვდა იგი ჩამოვლით შეეცხვან
თავი თავისი სუფიად განწარის და მარჯვე
მისი დავ კერძის იქონის და სხილი მისი ვაყო
და მარჯვენი მისი კერძის ვეცხვან და სხილი
მისი ვა ჩამოვლით იგი მდებარე მქონდენ
მართი თქვენი ამან გამოვლით“

(E. S. Тамашвили. «Описание руко-
писей Общества распространения гра-
мотности среди грузинского населения».
T. II, вып. 4, გვ. 752).

ამჟამის კერძის აღწერილობისათვის პირად
პირ კეთილი დავიანთ მოკვლავს ადვილად
წარმოების შემდეგ ცნობის ადვილი.

„ჩამოუ იგი მდებარე მდებარე დავიანთ, სი-
ღის მდებარე, მისი მომდებარე, წა-
მისი მომდებარე და ქვეუნისა ნათისა
გამომდებარე მდებარე ქართლისა, ამან
და ზედა, კეთილი დავიანთისა გამოვლით
ზედა, ქველი მდებარე მართი ზედას
ვაყო და ვაყო...“ (ქართლის ცხოვრებისა,
გვ. 108).

აქვე უნდა მოკვანთი კიდევ ერთი ადვი-
ლი დედადას მოკვლავს იმეცხვად წარმოებისათვის:

„და მანვე უნაზღვრად შექმნი კერძი დედა სი-
ხელის ზედა თავისი რე არ ამან, რამეთუ
დასიანის სხილენი ამან რქედა ამართი
კერძი იგი ამან თავისი ზედა ქართლისა
და შერათვან იქონი ამან კერძისა მართ-
ვის“ (ქართლის ცხოვრებისა, გვ. 85,
85).

არმაზის კერძის აღწერილობის სტრუქტურა

დღე სიხილენი არ წარმოადგენს გამოვლით
ამჟამის კერძის აღწერილობის მართიად კომ-
პონენტები კერძის თანამართლებლობა და
სქესი, მისი პირი, მასალა, რომელიც იგი
დასადას დავითის ტრიალები, დავითის
ზედას მისი წმინდობის კერძის თანამდებარე
წვეული დავითის ახსნობა ამან ერთად,
სხვები სხილის კერძისა და მისი ადვილად-

2. ერთ-ერთ ნუსხაში: „მდგომარე“.
3. ვარიანტი: „სხუა კერძი იქონის, სხილით
კეთილი, მდგომარე“.

4. ერთ-ერთ ნუსხაში: „ვაყო“

არღვევია სხვაობისთვის ამხ თვალნათლივ ატყობენ თუა ფარსევანს ზეგრ „შექმნილ“ კებას, მისი სხე და ხუნება, რომლის შესახებ წყაროებში არად დატყობდება წინათების რომ ფარსევანს ისევ თათობადა იხანული სამეფოს მონაცხებეთი შექმნა სხარხელ სხეუარის კებას უყავრარდება მხოლოდ და მხოლოდ მისი სხეულოდებთი. ზეგრამ ესევ მხოლოდ და მხოლოდ აბგომ, არი, დარჩევა რი უხანელი კებას თვისი სხეულო უფარსევანს“ სივარად მის „არმის“ უწოდ, რადეამ უფარსევანს სხარხელად არმის ეტქუ“. სხეა მისეკ არმის კებას არხუნელ რელოვეგრ სხეუარისთან არეგრა იქვე სეგრა.

სწორედ ჰეღვ ქართულ წყაროთა მონაცემების თეატრებისებრა მ. წერეთელს ვერ გვადე 1881 წ. კონსტანტინოპოლში გამოქვეყნებულ წიგნს (იხითის ქვეყანა, მისი სხელები, ენება, აბგომი და კულტურა“) იღეწენ, რომ არმის ღვთიები ავი არი არხუნელი აბგომბა-ზედა არხუნელ „იგეარ“ მისი დგეგრა ცხის და სხელაბა, აბგომბეგრა, წყანბა და ეღვ-შეგის“, გ. ა. ტაბის ღვთიება, ზეგბტული თეწვის (ცხატა მ. წერეთლის წყარად, რი-სეღვ ხეწვის მიუწეღობის, მიკუვის შ. ამარსევის სემოდასახელებული ტე-ტის-სხეღვით, გვ. 118).

რაცორც ცნობილა, ავად. თვ. ქავახევილი დედ ნეგებრად ზეგრამის სხედა არმის კებას ინტერპრეტაციასთან დეკლარებთი მ. წერეთლის ზეგრ გამოქვეყნული „გონ-სახელო კონტრარების“ მართა და სთ ამ აღკლეკებას ერაგვარ თეათრისებრ“ მონიწე-ვა“ (თვ. ქავახევილი, ქართული ენის აბგომი, წ. 1, თბ. 1928, გვ. 101, 102). მართლაც ამისაღ. მ. წერეთლის ვარაუდი ვერ აქნებოდა დამტყობებელი, რასე თვისი სხეზე მქანდა: მ. წერეთლისთვის, რომელსაც 1924 წ. შეეძლო სვიღნიღვ მხოლოდ და მხოლოდ ზეგრ ღვთიებისა რელოვეგრა გამო-სხეღვისან ანატოლიის სხედასხე: იგელოდარ, უღვისი დარჩა სეგრ კებას „იქერაბლობა“ (ეს უკანახენლი მეტეგრაი ფართო წრემ ვაღნო, რაცორც ზეგრო აღეწენ, ვერ ნაწ-ლობარ 1948 წ., ხლო ვრელად მიკეაინე-ბთა 1981-1988 წწ.). მათი გამოყენებით თეა სეწიოდ ვამეგრებდა თვის ვარაუდს არმის კებას ზეგნის შესახებ.

მეზეგდვიღ ზეგრაღწეწეწეღას, თვ. ქავახევილი მანე არ გამოადსეგდა სრელიღვ მ. წერეთლის ვარაუდს და აბხენდა: მისი ეს თეათრების „იგეების მიკეაღწე სწორედ ვა-სიღვეგე“ (იქვე, გვ. 109). რაცორც აღე თე-არეღვთა, თვ. ქავახევილის ეს სხეღვება შეძ-ლებო წინასწარბეკეავეღვრე აღმონსეღვ.

არმის კებას „იქერაბლობიან“ გამოღ-ნარე, ეს ღვთიები რეწულ-დამტყობული: აბგრა

მეღვბე (კრახიბე: „რახეღაბი სეარა“), თევა ქავახევილი ზეგრაღწე და აბგრებს „სამარა“ — სხე-მეგრებს. რაცორც დეწენსე, ზეგრ კებას „იქერაბლობისე“ თეაღასწენებდა ღვთიებისა მისებ.

ზეგრ კებას „იქერაბლობისე“ სხეღვ-ურად, არმის კებას „იქერაბლობე“ სღ-ტურებს ძიართიღვ კებას (გ. ა. არმის) სეველო თე სხეზირ არი ღვთიების (ვაღის და ვა) არბების, თანე აქე დეკლება პრე-ციბი „მარკხე-მარკხე“ მათი ვანეღეების პრეპრად, ამ „იქერაბლობისე“ ვარღვ-მეწეწეღე სემოდასახე „ბრამლა, არეწე-სადი შემოღვბე მწეღვს „არმარულ“. „არ-მარული ბრამელს“ გამოქვეყნა კანტოლოგი მებად სანსოლისე მებად სართი-არაბ-ტულ „ბრამელისთან“ ანატოლიისე.

წეად ღვთიებისეკ მარკხე სემოდასახე კე-ბი — ვაღის უფრო დეგახეღული, თეა რჩობის მის დამსეღებული (რეკ ვართ შეგებებთ მის სიარელოზე მებკეეღეებს), მარკხე სემო-და ვა (ვამ) კი — ვერეღასიანეკ ცერ-გრაი სეღვის სხეღვით, ირევე კებას ვერე-ღასე). რაცორც ზეგრო აღეწენ, ზეგრა ტ-არის ღვთიებისეკ ვეად დამსეღებელი ღვა-გნარ, რომელსეკ ენას, შესაღვთა, ძიართიღვ ღვთიებისეკ მარკხე სემოდასახე, ვერეკა ს ა ე, რეკ თათის მიკეაინებს არმის ღვთიების მარკხე სემოდასახე სეველო (თე სხეზირ) ღვა-გნის ვაღის სხეღვოღების ამ უკანახენლი დეკლარებთა მეტეგრაულ (ზეგრა-ზეგრაულ) სეუარისთან სხეა მიწეღეებისეკ თეარეღვბი: ზეგრა ამ თეიტეგრა სემოდასახე სხე-ვა სეგრა ლეწეკეაღვ აბგრებლობა ზეგრაღვ (შესაღვთა, ზეგრაღვად) „იგეი“ რადე ქეგებლს აღეწენდა, „იგეი“-სეკ ნაწარმე-ბი ტაბისიან „იგეიურა“ (მისი მებგრაღვ დეკლარება მეგვაინეღვ მათი სხეღვოღ-სეღვეწე), მარკხე სხეღვ „იგეიარა“, ღვთიების სხეღვ „იგეიარე“ (=იქერაბლობა). შესაღვთა, თევე სხეღვა თვის დეკ-ტურებისეკ მეწენისი და დასხეღვის სხეი სხეღვოღებებში, რაცორც თე იგეიარეწელოა, „იგეიარ“ და სხეანი (სეუარაღვბელ სეკეაინი ავად. წ. მარის ეღა, „იგეი“ შეეღვთა „იგე-ტ“-მ ამ მტეგრი, რომ ეს უკანახენლი დე-კლარებთა მეწენისი თეიტეგრა შეწეღ-ღობის მქანე სემეგრა ღვთიებისთან H. Марр. Борн языческой Грузии по данным грузинским источникам, 1902, გვ. 2, 23).

დღეებისეკ მწელი რიმე ვარკეველას თქე-არმის დამსეღებულ ღვთიებისეკ მარკხე სემოდასახე ენბელოგიის შესახებ, რასე მწეწეწეღვინე არეღვბე სხედასხეა წყაროში ამ სხეღვოღების სხედასხეა ვარჩის არბე-ბი: ვა-ვა-ვა-ვა-ვა-ვა-ვა-ვა-ვა-ვა-ვა-ვა. არ დატყობდება ამ ღვთიების დეკლარებთა უნაწეურა, სელო-

ხმთურ-არმაზულ
„ალწორილმოკათა“ მსგავსების
საპარაულო მიზნებით

არულ და ნაბატურ წყაროებში მოხსენიებულ
„ღვ. 2“ ღვთისხონა („სათოლოის ღვთის-
ხონა“, ნაფ. 8, 1888, გვ. 488 — ვერანდ-
დადი, როგორც ამას წ. მარა ვარაუდობდა
(წ. მარა, დამბ. ნაწ., გვ. 17 შვედ.), თუმცა ცა-
სათაუღიწინებელია მისი ვარაუდი (წას) დუკუმენტებისა ხაზლის ქართული ტექსტების
გათხონა, რომელიც პაპსტების ერთ-ერთი
ქვეყნის სახელწოდება იყო (ი. შვედ, გვ. 21). მაგ-
ნაწ. რა (წას) რომ უფრო მეტად ახვე მსარგაზო-
ვულ (სეთურ-ხურბიტულ) სპეაროსთანა დახაკე-
პირბედი, ახეთი შეტედულება უფრო რე-
ლუბად უნდა გამოიურბოდებ, ჩასხვ გუპა-
ნისხს, აგრეთვე „აღწერალიზაში“ ვახსულ
ზოგადი სურათი.

თეთი სახელწოდება „არამისათვის“ დღემ-
დღე შემოთავაზებულ ტომოლოგიკურად, უო-
ველივე აღნიშნული შემდეგ, თათის მტდ და-
საქრებლობას უნდა იძენდეს ვარაუდი, რომ-
ლის მიხედვით სიტყვა „არამ“ შეიძლება დუ-
კუმენტის სეთურ-ლუგურ სიტყვას „არამს“ —
„სეთურ“, რომლის სეთურადღე უნდა შექმნი-
ლიყო მისი აღნიშნული ტომონამე (როგორც
ვარაუდობენ, ადრეულ ხანებში იგივე მთა
„ქართლად“ იქოდებოდა). მაგრამ არ არის ცა-
მორიგებელი აგრეთვე ვივარდობა, რომ სე-
ხელწოდება „არამა“ მოიღინჩარებს „ასურა-
მანდ“ სახელწოდებისაგან როგორც ცნობილია,
იგი, საკანაშავლო შესიდელებად მიხედვითა ამ
სახელწოდებითა მოიღოდ ამჟვარ ურთიერთ-
ბასი „არამის შესახებ ცნობებს რომ სპასხულ
ასურამანდათან სპასმის მამბი სპასმთი სპას-
მისი პაპს — ხაყისმა ჩვენა, ც. 2), ეს
უცხოებელია“ — წერდა სიტყვა ივანე (ივ-
ანავანდადი, დახს. ნაწ., გვ. 87). უოველივე
აღნიშნულის მიუხედავად, მთაც არ უნდა გამო-
არსებოს „არამს“ ტომონამის ადგილობრივი,
ქართული წარმოშობის შესაძლებლობა.

შემოთავაზილი ძველ ქართულ ტექსტე-
შიდან გამოდინარე, ურადისდებია ფაქტი არ-
ამის მთისა და არამის ღვთაობის სახელწოდე-
ბათა ივანეების შესახებ. როგორც მისარგაზო-
ვულ (სეთურ-ხურბიტულ) სპეაროსმა სებოდა,
ამეც კარგად მან მთისა და ღვთაობის ურთი-
ერთობა, რაც გამოიხატა იმში, რომ ახლადშექ-
მნილ იდიდე ღვთაების“ სახელე დიერქვა მთის,
რომელზედღე ავი „დაბახავეს“.

მთი ვითაყრებთ სეთურ კერპთა „აღწერი-
ლიზებთა“ არამის კერპის „აღწერალიზის“
შედატებას, რომელიც ვაჩვენებს, რომ ეს
ორივე „აღწერალიზა“ სტრუქტურულად
თითქმის იდენტურად და ანაზად. ურამა-
დად დაუთვლია რა ანაზადლობის მსიბამ-
ანადი (ანატომოლოგი) მონიშნ, პარამის
„აღწერალიზა“ შეიძლება თითქმის ანაზად
იქიბთად მომოთინახს, რომელიც იხსნი-
ბებს ხმთურ ღვთაებატა „აღწერალიზებს“.

ჩასაკვირებელია, შორის ვართ ვარაუდისაგან,
რომ შემოიხსენებულ ძველ ქართულ თ-
ტორიულ ტექსტების შემდეგნდებს ესარგებ-
ლო სეთურ კერპთა „აღწერალიზებთა“. რო-
გორც ახლა ვიცი, მთა წარმოადგენს არ სე-
ნდით ძე. წ. II თაქმურად დროინდელ ზე-
თებზე, რომლებსც ცენტრალურ ანატოლიაში
ცხოვრობდნენ (სათთვის კარგად ავი ცნობილი
მოილოდ ხანდაზო მოხსენიებულ „სეთობა“ —
ხაზლის ქართული თარგანების „სებდანი“,
„მენა ქებინა“, რომლებსც ხინდობდნენ
ახა ცენტრალურ ანატოლიაში, არამედ სპას-
რეთი-აღმოსავლეთი ანატოლია და მაროლოგი
ხორათ). მაგრამ ძველ ქართულ ისტორიული
წყაროების შემდეგნდებს (დაახლ IX-X სს-ში)
არამის კერპის აღწერალიზის ხელი უნდა
ქართლით უფრო ადრეულ ხანს რომელიც
წყარო, რომელშიც დაცული აქვსოდა „არამ-
ზული ტრაიდას“ აღწერალიზა და ეს უკანას-
კნელი მწავნობრული ცნოი უნდა შეხულიყო
შემოღინჩილნი იმსულდებებში (არ არის გამო-
რიცხვად ვივარადობი, რომ არამის კერპის
აღწერალიზა შემოჩინებელი უნდა ტრაი-
ციანად, რომლის სეთურადღე მოკვანებთ
მოიღებოდა მისა წერალიზითა ვაფორმება).
თეთი „აღწერალიზა“ კი ურადნელი უნდა
იყოს უსულოდ არამის კერპითა მსხერქვის“
წინ აღნიშნულ „ტრაიდას“ თეთიშაბდებისა
მეორ პარამის პარამის „აღწერალიზის“ მან-
სამანსამ ხმთურ „აღწერალიზის“ შე-
ნაქლო ბაროგარევი მონიშნ იმას, რომ თით-
მნილქველად თაბიდაც ბოლოშიც უნდად
აღწერა (IV ს-ში) მისი წინაშე მდგომი
ღვთაებატა სპასმთი, რომელიც ტიპური
მიტოგარევილ ღვთაებატას მანსახსიბარება.

როგორც ძველ ქართულ ისტორიულ ტექ-
სტებიდან ვრწმუნდებით, არამის კერპს ვინა-
გურებოდა მან-შე მებე წლის წინ (დაახლ
ძე. წ. III ს-ის პირველ მეოთხედში) „შექმნი-
ახლადწარმოქმნილი ქართლის სახელმწიფოს
პირველად მდემს — დარნავანსა. „სეთურტი
ტიტონის“ ვიტარების მანში, რაც ველ-
ნობდა ერთიანი სახელმწიფო რეალიზის შექ-
მნას, დარნავანსა დაარსა ხრულილ ახლი
ქელბო — ღვთაებატა სახელე არამის ურენ-
ციობდა. ახლი სხერქებული ქელბო, რომ-
ელიც დუბარსიბარდა ადგილობრავ სატომი
ღვთაებებს (ე. სურგულაძე, დახს. ნაწ.), უნ-
და შექმნილიყო, როგორც შემოთ დუვინბეტი,
ღვთაებატა აღწერალიზის ძველ მსარგაზო-
ვლიდელად მიხსენებობ. მანს, ახეთი „სეთურ-
ლი“ არსებობდა ანატოლიაში ახა მარტი სე-
თურ-ხურბიტულ ხანში, არამედ მოიღვენი პე-

როდესაც (მე. წ. I კანონებში), როდესაც სტიურ-ბურჟუაზი კლდეებისა და აგლეის ტრადიციები ერთ კედელ ან ან კანონი აღმოსავლეთ მესამე ანათ. ამან დადასტურება მდებარე პატრიარქული კლდეების ძეგლები (მათ შორის, კლდე, ნაკეთი აგლეიური გუმბათებშია ტარისხა და მის ღვთაებებსა) და წერალბათი წყაროებს მინაცემები აღწერილი აგლეისაგან (მათი განხილვა ამჟამად ძალიან შორს წავსვანდა).

ამაღ სახელწოდებ რელიგიური შექმნის ძეგლი მცარებაული აგლეიური ტრადიციების გამოყენება სრულადაც ან უნდა ურთიერი შემოსევითი, როგორც ხანს, ისეუღბო რეფორმის" გამტარებლები, რომლებსაც წარსოდავანეს "ტრადიციის" ძირითადი და მასვე დამკვიდრებელი დეათების კრებას, ვარაუდ იქონებდნენ ამ ტრადიციებს ეს მათ უფრო ხვარადონ, რომ ისტორიული ქართლის ტერიტორიასა და აღმოსავლეთ მესამე ანათ შორის უყვედგები დროდადრო უნდა არსებულყო ხთანადი კონტაქტები.

ქართულ ისტორიოგრაფიაში კარგი ხანა გამოთქმულია ვარაუდი ძველ ქართლს მოვიტრო ტომონი-ღვთაების (არსხის, ზეფსისა და სხვათ) კავშირს შესახებ მცარებაული სიმუარისთან, დამუშავებული რა შესაძლებლობა ინატრალიდან ინდოევროპულ ტომთა ვარკვეული ნაყდის, ანდა უფრო სისრულიდან ქართველურ ტომთა ვადმოსილებს შესახებ (დაწერილებით ან F. A. Melnikova, K istorii drevnej Gruzi, T6. 1959, გვ. 289, 287; მახვი, წყნში: "საქართველოს ისტორიის ნარკვევები", I, თბ., 1970, და სხვ.). ამ უთანასტულ შესაძლებლობას მხარს უნდა უჭერდებო ძველი ქართული ისტორიული ტექსტების, როგორც ხანს, სარწმუნო მინაცემები, კერძოდ, მათთვის "აჩიან ქართლიდან", ყოველ ტყვ ვარკვე, ისტორიული ქართლის უფრო სისრულიდან მდებარე ტერიტორიიდან, ვაცი და ვა დეათებითა ვადრატანს შესახებ. ქართველურ ტომთა უყვედგები კრებას არსებობა მდ. პორისხა და უფრო ვეფხატის სოფლებში, სიდა მდებარეობდნენ მე. წ. III ს-ის ასურული წყაროების მუშქათს (ბერძ. "მოსიოს", ქართ. მეხისები), დათანეს (ურატრული წყაროების "დაუხეს", ძ. ა ტომ) კვეელები, უყვედგები სანებდანვე განაპირობებდა ქართველურ ტომთა კავშირს მცარებაული სიმუარისთან (არ არის გამოჩინებული, რომ ქართველურ ტომთა ეს უყვედგები კრება ივლიანობისადა მოვიანო სანებს

"აჩიან ქართლი", როგორც ამან ამჟამად ნ. ხ. შარბე ვარკვედნის). სწორად აღწერილი აგლეისში მოსიველები კონტაქტები კლდეურად თუ აგლეიური სტიკობში. უფრო მეტიც აღმოსავლეთ მესამე ანათ ჩრდილოეთ და ჩრდილო-აღმოსავლეთ ჩაიანებთან ერთად სისრული ამეგრესიასა ქინდა ერთ დიდ რეფორმის, სიდაც ვითარებობა სხვადასხვა სისრული ურთიერთობა ადრე სისრული სტიკობიდან მოყოლებული უფრო მოვიანო პერიოდებში.

სიეთის სიმეფის ვარკვედგების შედეგად (დაახლ. მე. წ. 1800 წ.), როდესაც უნდა მომდარეთი მდ. პორისხა და უფრო ვეფხატის ტერიტორიიდან ქართველურ ტომთა (მუშქების) პოლტიკური ცენტრების ვადამსალები უფრო ჩრდილოეთისკენ (ბილი ნაწილსა — სისრულითისკენ), ისტორიულ ქართლში ვადმოსილებლებს ამან უნდა ვადრატრანთი თიანათი ძველი, ინატრალიდან მუიერად დამკვიდრებაული, კლდეურ-რელიგიური ტრადიციების, რომლებსაც ამაღ აგლეისში სათანადოდ მოიადებდნენ დებს და იარსებებდნენ მე. წ. III ს-ის პირველ მეოთხედამდე, როდესაც ვარსკვლავს ვადატრანო შემოსიწინული "სეპულბო რეფორმა".

ამანადა წარმოვიდგები სტიურ დეათებითა "აღწერილობითან" არსხის კრებას "აღწერილობის" მისხვედგები, ამ მსხვედგების წარმოშობის მისხვედგები. როგორც მისხვედგები, წინამდებარე ნარკვევში წარმოვიდგენ სიმუარო მათობის, რომლებსაც თიანსულად შეფიქრია არსებობის უფლებები მქონდები, მოვიანლა ამაღ დამკვიდრება მასალი შემაგრება სტიკობებს ეს აუცილებელია ამასათვის, რომ წარმოვიდგენო ვარაუდს უფრო მეტი დამკვიდრებლობა შეფხატის უდრებს მადლიის უფლებით სპ. სარ მესწიერებითა აყდების აყდ. ივ. კავსიშვილის სხ. ისტორიის, არქეოლოგიისა და ეთნოგრაფიის ინსტიტუტის, სპ. სარ მესწიერებობა აყდების ს. კანონის სხ. სახელწოდებო წერილების, ს. ქართველთა სელაგების სახელწოდებო წერილების მესწიერებ თანამოსილებს, რომლებსაც სისრული მისხვედგების სისრული წინამდებარე ნარკვევის წყობის დროს მოვიანადრე ანაფარკსაწიერი და სავლასში შემსხვედგები, რომელია ნაწილი ამ წერილის ვითარდისწინებულში მოსიანობის მად ვაქნებითა ვითარდისწინებითი უყოველი კრატეორული შეწინა, აქ მოსიანობი დამკვიდრება იწებრატრატეა, ივთე ანა სათანადო დამკვიდრებას აქ იქნება მოყდებული.

„ხაწმისი“ ხმთურ წყაროებში და მისი ანტიკური პარალელები

(ფ. ჰაასის მოსაზრებანი „ოქროს ხაწმისის“ თქმულების გენეზისთან
დაკავშირებით)

1977 წელს გამომცემლობა „მერლინმა“ კამბურგში გამოაქვეყნა დასავლეთ-ბერლინელი ხეთოლოგის ფოლკერტ ჰაასის წიგნი „მაგია და მითები ხეთების სახელმწიფოში. I: განაყოფიერების კულტები და მცენარეული მაგია“¹.

წიგნში გამოყენებულია უმდიდრესი ხეთური ფაქტობრივი მასალა, მოყვანილია არაერთი საინტერესო პარალელი მეზობელი რეგიონებიდან, გაკეთებულია ორიგინალური დასკვნები, რომლებიც მომავალში, უდავოდ, მეცნიერთა ფართო წრის ყურადღებას მიიპყრობს. ასეთ მოსაზრებათა რიგს განეკუთვნება ხეთურ ლურსმულ წყაროებში ცხვრის (ვერძის) „ტყავთან“, ე. ი. „საწმისთან“ დაკავშირებული რიტუალების მიმართების საკითხი ანტიკური ხანის „ოქროს საწმისის“ მითოსთან. ამჭერად ჩვენ მხოლოდ გადმოვცემთ ფ. ჰაასის ამ მოსაზრებათა ძირითად შინაარსს, ვიტოვებთ რა უფლებას მომავალში ამ საკითხს მიუძღვნათ სპეციალური ნაშრომი. ვფიქრობთ, ფ. ჰაასის დებულებების წარმოდგენაც (საერთოდ, „საწმისთან“ დაკავშირებით) მკვლევართა გარკვეულ ინტერესს გამოიწვევს.

ხეთური წყაროების თელიფინუსა და ილუიანქას მითოსების სათანადო აღგილების (იხ. ქვემოთ) დახმარებით ფ. ჰაასი ცდილობს აღადგინოს უძველესი ფენა ანტიკური ლეგენდებისა იასონისა და მედეას კოლხეთში ყოფნის შესახებ. ავტორი ამ ლეგენდებს განიხილავს პინდაროსისა და აპოლონიუს როდოსელის ნაწარმოებთა მიხედვით. ფ. ჰაასი ხაზგასმით აღნიშნავს, რომ უძველესი ტრადიციით აიას არაფერი ჰქონდა საერთო კოლხეთთან. აიას იყო მითითური ქვეყანა, რომელიც შორს აღმოსავლეთში, საღლაც შავი ზღვის სანაპიროზე, ქვეყნის დასასრულში მდებარეობდა. კოლხეთის, როგორც არგონავტების მგზავრობის საბოლოო მიზნის, გამოჩენა ჰირველად უნდა მიეწეროს მილეტელი კოლონისტების ხანას, რომელთაც ძვ. წ. 750 წლისათვის უნდა მიეღწიათ ტრაპეზუნტსა და კოლხეთს. ამგვარად, ფ. ჰაასის აზრით, აიას კოლხეთში თავსდება მხოლოდ მას შემდეგ, რაც გაუართოვდა ბერძენთა გეოგრაფიული ცოდნის არეალი და კოლხეთი განიხილებოდა როგორც დედამიწის დასასრული (ძვ. წ. 750 წლისათვის კოლხეთი ვანეკუთვნებოდა, როგორც ცნობილია, ურარტუს ბატონობის რეგიონს).

¹ V. Haas. *Magie und Mythen im Reich der Hethiter. I. Vegetationskulte und Pflanzenmagie*, Hamburg, 1977.

ამის შემდეგ ფ. ჰაასი მოკლედ გადმოსცემს კლასიკური „ოქროს საწმისის“ თქმულების შინაარსს, თანაც ყურადღებას ამახვილებს ისეთ მომენტებზე, რომლებშიც მას სჭირდება ხეთური წყაროების მონაცემებთან შესადარებლად. ამის შემდეგ იგი გადადის ხეთური წყაროების ცნობათა განხილვაზე.

ცენტრალური და ჩრდილოანატოლიური (პროტოხეთური) რაიონების მცხოვრებთა რელიგიურ წარმოდგენებშიც მნიშვნელოვან როლს ასრულებდა ცხვრის ან თხის ტყავი როგორც სიმბოლო სამეფოს კეთილდღეობისა. ამასთანავე, საქმე ეხებოდა განსაკუთრებულად შერჩეული ცხოველის ტყავს (შდრ. ერთი ხეთური წყაროს მონაცემები: „ექვსი თხის ტყავი, სქელბუნწვიანი, კარგი ხარისხისა. მწყემსთა მოძღვარი (მათვან)... ღვთაებრივ ფარს დააშაღებინებნს“). ასეთი საწმისის მორთვა შეიძლებოდა, მაგალითად, ოქროსგან დამზადებული მზის დისკოთი.

გაზაფხულის დადგომასთან დაკავშირებულ სამეფო ღვთაებადგენის გარკვეული ქალაქების საკულტო შემოვლის დროს საწმისს თან დაატარებდნენ, როგორც ჩანს, ტყავის სამკურნალო მაგიური ძალის გამო (შდრ. ხეთური ტექსტის სიტყვები: „შემდეგ დღეს საწმისი ქ. არინადან მაღლწევს... შემდგომ დღეს საწმისი მიემგზავრება ქ. თავინიას..., შემდგომ დღეს საწმისი თავინიადან უკან ბრუნდება“ და ა. შ.). ამ ცერემონიის დროს საწმისს ზოგჯერ არქმევდნენ მფარველი ღვთაება ცითხარაის სახელს. მას თაყვანს სცემდნენ, სხვა ღვთაებებთან ერთად, ომის ღვთაება ზაბაბას ტაძარში. ზოგჯერ იგი მფარველ ქალღმერთ ინარასაც განასახიერებდა.

ზემოაღნიშნულთან კავშირში ფ. ჰაასი განიხილავს თელიფინუს მითოსის ერთ ადგილსაც, რომლის მიხედვით „ღვთაება თელიფინუ ზრუნავს მეფეზე. თელიფინუს წინ აღმართულია მუხა², რომელზედაც ჰკიდია ცხვრის ტყავი (საწმისი). მასში მოთავსებულია ქონი, ქერი, ხორბალი და ღვინო, ხარი და ცხვარი, ხანი გრძლივი სიცოცხლე და შთამომავლობა...“. ფ. ჰაასის აზრით, ზემოთქმულკონკრეტულად ისე უნდა გავიგოთ, რომ სხვადასხვა ცნების გამომხატველი იეროგლიფები ან საწმისზე იყო დაწერილი, ანდა მათი ფიგურალური გამოსახულებანი ტყავზე იყო მიმაგრებული.

თელიფინუს მითოსის სხვა ადგილას ნახსენებია საკურთხევის წინ ჩამოკიდებული ბატინის ტყავი (საწმისი). იმავე მითოსის კიდევ ერთი ადგილის თანახმად, საწმისი არის ის, რასაც ღვთაება ხანახანას მიერ გაგზავნილი ფუტკარი იპოვინს: „ფუტკარმა იპოვა და თან წაიღო საწმისი. როგორც კი მას ფუტკარი მთახლოვდება, ხანახანა სამ წყაროს გააჩენს. ერთ მათგანთან (რომელიდაც) ხე ღვას, მეორესთან თასია დადებული, უკანასკნელთან კი ცეცხლი ანთია. ხანახანა იქ ზის და შეკურნებს ფუტკარს, რომელიც მოდის და საწმისს თასზე ღებს. მოვიდა განაყოფიერების ურჩხული და ხესთან წდება“.

მასალაზე, მაგიურ-მითოური ექსკურსების მიხედვით, საწმისი იმყოფება ღელა-ღვთაება ხანახანას წმინდა მიწოდარზე. იქ სამი წყაროა და ერთი რომელიც ხე. საწმისი ან მუხაზეა ჩამოკიდებული, ანდა თასზე ღევს. საწმისია დაბრუნებისთანავე წმინდა მიწოდარზე ბრუნდება აგრეთვე განვითარების განმასახიერებელი ღვთაება მითათანცთა. ერთი მხრივ, ვერძის ტყავი ფუნქციონალურად გაგებულია როგორც განაყოფიერების ღვთაება, მეორე მხრივ კი იგი სახეობაა ძალისმქონე ფეტიშისა, რომელზედაც დამოკიდებულია ქვეყნის კეთილდღეობა. ამის შემდეგ ფ. ჰაასი დასცენას უკეთებს ყოველივე ზემოთქმულს.

² სარეკენზიო წიგნის ავტორის აზრით, ასე უნდა ითარგმნოს ხეთური სიტყვა *muḫa*. ამ საკითხზე ფ. ჰაასმა სპეციალური ნაშრომი შექმნილია.

ბერძნული წყაროების მიხედვით, საწმისი არის კეთილი ძალის მქონე, ბედნიერებისა და სიუხვის განმასახიერებელი ფეტვი, რომელიც ბატონობას, კერძოდ, სამეფო ხელისუფლების მიღებას უწყობს ხელს. თეოდენუსი თქმულების თანახმად კი ცხვრის (ვერძის) ტყავი სიკეთის მომგვრელი ლეუაბრაცი საგანია, ზოგჯერ იგი განიხილება როგორც განაყოფიერების ლეაება, მისი ძალა სიუხვის შექმნისა სამეფოს ეხმარება.

ბერძნული ლეგენდის თანახმად, საწმისი „ოქროსია“ (ეტრუსკების წარმოდგენით კი „მეწამული ან ოქროს ფერისა“): ამ ვითარებას ხაზი ესმება ხეთურ წყაროებში იმით, რომ საწმისი შეიძლება შემკული იყოს ოქროს მზის დისკოთი. ბერძნული ტრადიციით, იგი არის მეფე აიეტის მფლობელობაში—მეფის სახლშია, ანდა კლდეზე დგას ან მუხანაჟა ჩამოკიდებული არესის მინდორზე.

ხეთური წყაროების მონაცემთა გათვალისწინებით, წმინდა საწმისის კულტი დასტურდება ანატოლიის მხოლოდ ჩრდილოეთ და ცენტრალურ რაიონებში (იქ, სადაც ადრეულ ხანებში პროტოხეთები—ხათები ბინადრობდნენ). საწმისი მუხანაზე ჰქიდა, ან ხანახანას მინდორში დადებულ თასზე დევს.

ბერძნული ტრადიციის არესის (მარსის) მინდვრის საშუალებით ომის ღვთაებასთან განსახიერებელი კავშირი მოგვაგონებს ზემოთ მოხსენიებულ ხეთურ სადღესასწაულო რიტუალს, სადაც ნათქვამია, რომ საწმისი იმყოფება ომის ღვთაება ზაბაბას ტაძარში.

სამეფო ხელისუფლებასთან დაკავშირებით ფ. ჰაასი კვლავ უბრუნდება საწმისის მნიშვნელობას. მისი აზრით, საწმისი მკიდრო კავშირშია ქალღმერთ ინარასთან, რომელიც ვეგეტატორი ღვთაებაა და განიხილება როგორც უფალი წყლისა. ხათური (პროტოხეთური) ქ. ნერიჰის საკულტო ტრადიციების მიხედვით, ინარა მეფეს გადასცემს სამეფო ხელისუფლებას. საწმისი და მასთან დაკავშირებული მუხის ხე ნერიჰის კულტში იმსახურებენ განსაკუთრებულ პატივისცემას. ამ შემთხვევაში საინტერესოა ერთი დეტალიც, რომელიც ეხება თასს, სადაც დევს საწმისი ქალღმერთ ხანახანას მინდორში. აქ იგულისხმება ამაღლებული წმინდა ადგილი, სადაც ინახება საწმისი და ორი თასი.

ხეთების სამეფოში ვერძის ტყავის მნიშვნელობას თუ გადავიტანთ აიში ირსებულ ოქროს საწმისზე, მაშინ გასაგები უნდა გახდეს აიეტის წინააღმდეგობა. ვინმეს გადასცეს საწმისი, რადგან ეს ტოლი იქნებოდა ვინმესათვის მისი სამეფო ხელისუფლების გადაცემისა, ე. ი. ოქროს საწმისის ფლობა სამეფო ხელისუფლების ფლობას ნიშნავდა.

ბასონ-მედეასა და საწმისის მორაბაჟე ურჩხულის ლეგენდის გაგებისათვის ფ. ჰაასი მიმართავს ხეთურ წყაროებში შემორჩენილ მეორე მითოსს, რომელიც ურჩხულ (გველ) ილუიანქასთანაა დაკავშირებული.

ამ მითის ერთ ვერსიამი ამინდის (ზექა-ქუხილის) ღვთაება, რომელიც ილუიანქამ დაამარცხა, დახმარებას სთხოვს ღმერთებს. ამასთან დაკავშირებით ქალღმერთი ინარა ამზადებს დღესასწაულს, რომლის დროსაც ჰქუით უნდა მოატყუონ ურჩხული. ამ საქმეში ინარას სურს გამოიყენოს ვინმე ხუფასიას დახმარება ეს უქანასენელი თანხმდება ინარას იმ პირობით, თუკი იგი ახლო კავშირში იქნება ქალღმერთთან. გამართულ დღესასწაულზე ინარა სასმელეებით ათრობს ილუიანქას ისე, რომ მას შებოქავს ხუფასია (როგორც ჩანს, ეს უქანასენელი ძალღონით გამოარჩეოდა). ურჩხულის დაოქების შემდეგ ინარას სჩინავს ხუფასიასთან. მოგვიანებით ინარა ხელს უბიძგებს მას კლდეზე გადასაგდებად თარუქას მახლობლად. ინარამას მოსთხოვს შიასრულოს პირობა, რომ იგი აღარასოდეს გამოიხე-

დავს თავისი ახალი საცხოვრებლის ფანჯრიდან. რასაკვირველია, ხუფსიამ დაარღვია პირობა, ფანჯრიდან იგი გაკუთრებდა თავის ოჯახს დედამიწაზე და სურდა დაბრუნებოდა მიწიერ ცხოვრებას. ამისათვის იგი ინარამ სიკვდილით დასაჯა.

მეორე ვერსიით, რომელიც უფრო მოგვიანო ხანის უნდა იყოს, ილუიანქა ამოგლეჯს ბრძოლაში დამარცხებულ ამინდის ღვთაებას გულს და ამოთხრის თვალებს. სხეულის დაკარგულ ნაწილებს (ე. ი. ძველ ძალას) იგი კვლავ მოიპოვებს მას შემდეგ, რაც ეს ღვთაება ერთი კაცის ქალიშვილთან, რომლის მამას ჰქვია სახელი „ლარიბი (ლატაი)“, გააჩენს ვაჟს, რომელიც მოგვიანებით ილუიანქას ქალიშვილს შეირთავს. საქორწინო საჩუქრად იგი მოითხოვს მამამისის სხეულის დაკარგულ ნაწილებს, რომლებსაც იგი მიიღებს კიდევ, რითაც ამინდის ღვთაება აღიდგენს თავის წინანდელ ძალ-ღონეს. მოგვიანებით ზღვის სანაპიროსთან გამართულ ბრძოლაში ამინდის ღვთაება ამარცხებს ილუიანქას. თავისივე ვაჟის თხოვნით ამინდის ღვთაება კლავს შვილს, რადგან საზოგადოებაში, სადაც ღვდის უფლება მოქმედებდა, ვაჟს, რომელიც თავისი სიმამრის გვარის სათავეში მოხვდებოდა, შური უნდა ეძია თავის საკუთარ მამაზეც კი (რომელმაც ვაჟს მოუკლა სიმამრი).

ყოველივე აღნიშნულის შემდეგ ფ. ჰასის მიმართავს იასონ-მედვას თქმულეზის ერთ ეპიზოდს. აიეტი უარს ეუბნება იასონს, დაუბრუნოს საწმისი და ცდილობს გაანადგუროს იგი. მედვა, აიეტის ქალიშვილი, იასონს წაიყვანს ღამით არგისის მინდორზე. ურჩხული რომ დააძინოს, მედვა „მღერის“ რაღაც წყევლას და თან მას თავსა და თვალებზე უსვამს ახლად გადაჭრილი ღვივის ტოტს მანამ, სანამ ურჩხული ტრანსში არ ჩავარდება. იასონი იპარავს საწმისს და მედვასთან ერთად გარბის არგოსაკენ.

თქმულეზის უძველესი ვარიანტის მიხედვით, იასონი კლავს ეკალბარებში მწოლარე გველს მანამ, სანამ მას მედვა დააძინებდეს.

თქმულეზის ერთ ვარიანტში, რომელიც ცნობილია ცერეში ნაპოვნი ძვ. წ. V საუკუნის ატიკურ ლარნაზე მოთავსებული გამოსახულებიდან, იასონს ყლაპავს გველი, იასონი კი მოახერხებს გველის ხახიდან ამოსვლას წვერიანი კაცის ფორმით. იქვეა ათენა ბუსთან ერთად. ხის ტოტზე ჰკიდია საწმისი.

ფ. ჰასის მიუთითებს, რომ ამ მოტივს ვხვდებით ქართულ მითოსშიც პრომეთეოსის შესახებ: „ურჩხულმა გააღო ხახა და ჩაყლაპა ამირანი. მაგრამ მან მუცელი გაუფატრა ურჩხულს და გარეთ გამოვიდა მთლად შიშველ-ტიტველი“.

ფ. ჰასის აზრით, პარალელები აშკარაა. მოქმედების ადგილია ზღვის სანაპირო, ანდა მისგან ახლოს მდებარე ტერიტორია. წყვილებად გვევლინებიან, ერთი მხრივ, იასონი და მედვა, ხოლო მეორე მხრივ, ხუფსია და ინარა. მედვა და ინარა აძინებენ ურჩხულს, ინარა — მათრობელა სასმისით, მედვა კი — მავთური მოქმედებით. ორივეს შეუძლია უშიშრად მოუახლოვდეს ურჩხულს. მედვას შეუძლია უშუალოდ მიუდგეს ოქროს საწმისს. ერთ-ერთი ხეთური ვერსიის მიხედვით ხომ თვით ინარა ასახიერებს საწმისს.

ორივე მოსიყვარულე წყვილის საბოლოო მიზანია ურჩხულის დათრგუნვა. აპოლონიოს როდოსელი მოკეთხრობს, რომ მედვა-იასონის საქორწინო სარეცელზე ოქროს საწმისი იყო გადაფარებული.

როგორც იასონი, ასევე ხუფსია მოკვდავი არიან. ზოგიერთი გადმოცემის მიხედვით, მედვა უკვდავია ვითარცა ღვთაება, ინარას მსგავსად. ქვეყნის მფარველი ქალღმერთი ინარა ყოველ წელს შესასრულებელ ერთ რიტუალში ხეთების მეფეს გადასცემს სამეფო ხელისუფლებას (შდრ. მედვას ცდები იასონის მიმართ) ჩრდილოეთ ანატოლიის ამ ძლიერი ქალღმერთის კულტის მოგონება, შექაძლოა.

ასახელი იყოს აპოლონიუს როდოსელის იმ ცნობაში, რომლის მიხედვითაც შედგა მლ. ჰალოსის შესარათეთან ჰეკატეს სწირავს რალაცას.

ადარებს რა ხუფასიასთან, ფ. ჰაასი იასონს წარმოგვიდგინს როგორც ვეგეტაციური რიტუალის ერთ-ერთ მოქმედ პირს. თუ ჩვენ ცერეში ნაპოვნ ლარნაკზე გამოსახული სცენას ავხსნივთ ილუიანქას მითოსის ფონზე, მაშინ შეიძლება ვივარაუდოთ, რომ რამდენადაც იქ — და მხოლოდ იქ — იასონს გააჩნია მცირეაზიული ნაყოფიერების ღვთაების ნიშნები, იმდენად ეს ვერსია (ი. ზემოაღნიშნულ ლარნაკზე გამოსახული სცენა) შეიძლება შედარებულ იქნეს ილუიანქას მიერ ამინდის ღვთაების დამორჩილებასთან (როცა ილუიანქამ ღვთაებას გული და თვალები ამოაცალა). სწორედ ამ დანაკლისით გაიგებს ამინდის ღვთაება ნაყოფიერების ღვთაების ტიპურ სიკვდილს: ზამთრის პერიოდში იგი ამ ფუნქციის გარეშე რჩება.

მაგრამ ყოველივე ეს, ფ. ჰაასის თვალსაზრისით, არ ნიშნავს იმას, რომ იასონის სახე, როგორც იგი ანტიკური ტრადიციით წარმოგვიდგება, ასეთივე ასპექტით იყოს განსახილველი. გაუგებარი რჩება აგრეთვე ხუფასიას სიკვდილი, ისევე როგორც სიკვდილი ამინდის ღვთაების ძისა. მაგრამ სავარაუდებელია სამეფო მსხვერპლად შეწირვის რაიმე საკულტო სახის არსებობა, რითაც აღინიშნებოდა ამინდის ღვთაების ძის ღვთაებრივი წარმომავლობა. იგი ხომ ერთ სიბრტყეზე დგას ნაყოფიერების ღვთაება თელიფინუსთან, რომელთანაც მუფე მქიდროდაა დაკავშირებული (სამეფო ოჯახის წარმომადგენელთა მსხვერპლად შეწირვა გვხვდება მიკენურ ხანაშიც).

თუ ჩვენ ძვ. წ. II ათასწლეულში საქმე გვაქვს ორ ჩრდილოანატოლიურ ვეგეტაციურ მითოსთან. იასონ-მედეას თქმულებაში (ძვ. წ. I ათასწლ.) ორივე მითოსი ერთ მოტივად არის გაერთიანებული. მაგრამ თელიფინუს მითოსში საწმისის მოტივი განსახილველია როგორც რიტუალში ჩართული ნაწილი, რომელიც მითურ სიუჟეტს ძლივს თუ უკავშირდება. იგი ჩართულია მხოლოდ იმისათვის, რომ განმტკიცდეს სამეფოს სიკეთე. მისი ფუნქციის მიხედვით, ჩვენთვის საინტერესო ნაწილი რიტუალისა ამნაიარადვე შეიძლება თან დართვოდა ილუიანქას მითოსს, ანდა უკეთ, გაზაფხულის რიტუალს. იასონ-მედეას სიუჟეტში საეჭვოა, რომ ოქროს საწმისის მოდარაჟე ურჩხულის მოტივი მითურია. იგი მოგვიანო ხანის ჩანამატი ზღაპრული მოტივი უნდა იყოს.

* ყოველივე ზემოაღნიშნულის შემდეგ სარეკენზიო წიგნის ავტორი აკეთებს ასეთ დასკვნებს:

აია და მასთან დაკავშირებული თქმულება ოქროს საწმისის შესახებ ძვ. წ. 750 წლისათვის ბერძენი კოლონიკების მიერ მიღებულ კოლხეთში იქნა გადატანილი. ფ. ჰაასის აზრით, ეს მითოსი რომ კოლხეთში ვერ წარმოიქმნებოდა, იქიდანაც ჩანს, რომ კოლხეთი მდებარეობდა ხური-ურარტული მოსახლეობის რეგიონში და, აქედან გამომდინარე, ალბათ, სრულიად სხვა მითოლოგიურ ტრადიციებს ასახიერებდა, ვიდრე ენტრალურ-ანატოლიური, ხათური (პროტოხეთური) მხარე. ირქეოლოგიურად კოლხური კულტურა ძვ. წ. II და I ათასწლეულებში დაკავშირებულია ყობანურ და დიგორას კულტურებთან, რომლებსაც ატარებდა, სპეცილისტთა თვალსაზრისით, ხურიოდული მოსახლეობა.

თვით იდეა წმინდა, სამეფოს მფარველი ცხვრის ტყავისა, როგორც ჩანს, ანატოლიიდან წარმოდგება. თუ როგორ შეაღწია ოქროს საწმისის იდეამ მიკენურ-ბერძნულ სამყაროში, ამის ახსნა მოცემული უნდა იყოს პელოპიდთა სამეფოს შესახებ არსებულ ლეგენდაში, რომელთა ოჯახშიც ოქროს საწმისი წარმოადგენდა სამეფოს განსახიერებას. თვითონ პელოპზე, ტანტალუსის ძეზე, ხომ ნათქვამია,

რომ იგი წარმოდგებოდა მცირე აზიიდან და უნდა ყოფილიყო ლიდიელი, ფრიგიელი ან პაფლაგონიელი. ძვ. წ. II ათასწლეულის შუა ხანებში ხეთურ-მიკენური კავშირები შეინიშნება თვით ანატოლიაშიც (აქ, როგორც ჩანს, ფ. ჰასს მხედველობაში აქვს ხეთების ურთიერთობა ახიავასთან).

ამით ფ. ჰასს ამთავრებს ხეთური წყაროების „საწმინსთან“ დაკავშირებით ხეთური რიტულების მიმართების საკითხს ანტიკური ხანის „ოქროს საწმინის“ მითოსთან. როგორც დავინახეთ, სარეცენზიო ნაშრომის ავტორს მოჰყავს მეტად საინტერესო პარალელები ხეთური და მიკენურ-ბერძნული სამყაროებიდან, აკეთებს საყურადღებო დასკვნებს, რომელთა შესახებ წიგნში აღძრული საკითხით დაინტერესებული მკვლევრები მომავალში გამოთქვამენ თავიანთ შეხედულებებს. ამ დასკვნებიდან ზოგიერთი, ჩვენი აზრით, შეიძლება არ გამოიყურებოდნენ დამაჯერებლად. ეს ეხება ჩვენთვის საინტერესო თქმულების გენეზისას საკითხის ზოგიერთ ასპექტს, რის შესახებაც ამჟამად მოკლედ აღვნიშნავთ შემდეგს.

წმინდა საწმინის იდეის წარმოშობის ადგილად ფ. ჰასს მიაჩნია ანატოლიის ცენტრალური და ჩრდილოეთი რაიონები, სადაც ინდოევროპელი ტომების გამოჩენამდე პროტოხეთები (ხათები) ბინადრობდნენ (აქედან გამომდინარე, ეს იდეა პროტოხეთური წარმოშობისაა). ანატოლიის ამ რაიონებიდან წმინდა საწმინის იდეა მიკენურ-ბერძნულ სამყაროში უნდა შეღწეულიყო. მოგვიანო ხანებში (ძვ. წ. VIII ს-ში) თქმულება ოქროს საწმინაზე ბერძენ კოლონისტებს უნდა გადაეტანათ კოლხეთში მხოლოდ ამ სამყაროდან. ამგვარად, ფ. ჰასსი გამორიცხავს ჩვენთვის საინტერესო მითოსის წარმოქმნას თვით კოლხეთის ტერიტორიაზე.

უპირველეს ყოვლისა უნდა შევნიშნოთ, რომ ვერძის ტყავის მაგიურობის იდეა შეიძლება იყოს არა აუცილებლად ჩრდილოანატოლიური, პროტოხეთური, არამედ საერთოანატოლიური წარმოშობისა. ანატოლიის სამხრეთ რაიონებშიც ცხვრის კულტის არსებობა დასტურდება ჩათალპიუქის სენსაციური გათხრებით, რომლებმაც გამოავლინეს ძვ. წ. VII—VI ათასწლეულების დროინდელი მასალა. მოგვიანო ხანებში ეს კულტი მთელ ანატოლიაში უნდა ყოფილიყო გავრცელებული, რაც კარგად ჩანს ხეთური წყაროების არაერთი მონაცემიდან, განსაკუთრებით, ღვთაებებისადმი შეწირულებათა სიებიდან, რომლებშიც ცხვარი (ვერძი) ან ბატკანი წმინდა შეწირულებათა ერთ-ერთი ობიექტია.

ცხვრის კულტი გავრცელებული უნდა ყოფილიყო ანატოლიის მოახლოვრე სამხრეთ ამიერკავკასიის რაიონებში, მთ შორის კოლხეთშიც. ამის დადასტურებაა საქართველოს ტერიტორიაზე აღმოჩენილი არქეოლოგიური და მოგვიანო ხანების ეთნოგრაფიული მასალის მონაცემები, რომელთა მიხედვით ცხვრის კულტის არსებობა ქართველურ ტომებში ექვს არ უნდა იწვევდეს.

ოქროს საწმინისთან დაკავშირებული მითოსი რომ კოლხეთში ვერ წარმოიქმნებოდა, ამის დამამტკიცებლად ფ. ჰასსი მიიჩნევს, რომ კოლხეთში მღვდლთაგან ბური-ურარტული მოსახლეობის რეგიონში და სრულიად სხვა მითოლოგიურ (ალბათ, ხური-ურარტულ) ტრადიციის მისდევდა. მაგრამ აქ აშკარა გაუგებრობასთან გვაქვს საქმე, როცა ფ. ჰასსი კოლხეთი შეჰყავს ხური-ურარტული მოსახლეობის რეგიონში. ფ. ჰასსისათვის უცნობია, რომ კოლხები ერთ-ერთი ქართველური ტომია და, აქედან გამომდინარე, ისინი არ განეკუთვნებიან ხური-ურარტულ მოსახლეობას. ამგვარად, კოლხეთში ხური-ურარტული მითოლოგიური ტრადიციების არსებობაზე ლაპარაკი უნდობტია, მიუხედავად იმისა, რომ ურარტული წყაროების „ეკლუზა“ მართლაც შედიოდა ურარტულთა პოლიტიკური გავლენის სფეროში. ხოლო კოლხურ რაიონებს შეეძლოთ განეცადათ ურარტული კულტურის გავლენა. შემოთქმული კი თავისთავად გამოირიცხავს სარეცენზიო ნაშ-

რომის ავტორის ვარაუდს. რომლის მიხედვით ოქროს საწმისთან დაკავშირებული მითოსი კოლხეთში ვერ წარმოიქმნებოდა. სავსებით დასაშვებია ამ მითოსის საფუძვლის, ანდა მისი ანალოგიურის ძებნა სწორედ კოლხეთში.

მართებული არ უნდა იყოს არც სხვადასხვა სფეროში ურთიერთკავშირების გამორიცხვა ცენტრალურ და ჩრდილოეთ ანატოლიასა, ერთი მხრივ, და ისტორიულ კოლხეთს შორის, მეორე მხრივ (ჯერ კიდევ უძველესი დროიდანვე) იმ საბაბით, რომ ძვ. წ. II—I ათასწლეულების კოლხური კულტურა დასაკავშირებელია ყობანურთან.

შეიქლებოდა სხვა შენიშვნის გამოთქმაც. მაგრამ მათ შესახებ საუბარი გვექნება სხვა ადგილას, სადაც აღნიშნული იქნება აგრეთვე ფ. ჰაასის წიგნის მეორე განყოფილების—ხეთების სამეფოში მცენარეული მავთის — მეცნიერული მნიშვნელობის შესახებაც. სარეცენზიო ნაშრომი საყურადღებო გამოკვლევას, რომელსაც დიდი ინტერესით გაეცნობა მეცნიერების სხვადასხვა დარგის წარმომადგენელი.

წინასიტყვაობა	3
Foreword	
I. ხატიოლოგიური ნარკვევები HITTITOLOGICAL STUDIES	
<i>პოლიტიკური ისტორია</i> <i>Political History</i>	
The Hittite Kingdom („Early Antiquity“. Volume Editor I. M. Diakonoff. Chicago-London, 1991, p. 266-285)	7
Хеттское царство („Источниковедение истории Древнего Востока“. Под редакцией В. И. Кузищина. М., 1984, с. 153-176)	27
Борьба хеттов за Северную Сирию в период Древнего царства („Вестник древней истории“. М., 1964, № 1, с. 3-22)	44
Хетты и Хурриты по древнехеттским текстам („Вестник древней истории“. М., 1969, № 1, с. 71-85)	64
<i>სოციალურ-ეკონომიკური ისტორია</i> <i>Social-Economic History</i>	
Rabi simmiltim „кашпадокийских“ табличек („Вестник древней истории“. М., 1966, № 4, с. 81-94)	79
„Свободные люди“ в хеттском обществе („Вестник древней истории“. М., 1976, № 1, с. 191-194)	93
Die Begriffe „Freie“ und „Unfreie“ bei den Hethitern („Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae“, t. XXII, F. 1-4. Budapest, 1974, S. 299-308)	96
É ^(MS) LUGAL in den hethitischen Keilschrifturkunden („Gesellschaft und Kultur im alten Vorderasien“. Berlin, 1982, S. 77-78)	106
Einige Bemerkungen zum hethitischen Text KUB 48, 105 („Societies and Languages of the Ancient Near East. Studies in Honor of I. M. Diakonoff. Warminster, 1982, p. 110-116)	112
Two Forms of Non-Slave Labour in Hittite Society („Labor in the Ancient Near East“. American Oriental Society. New Haven, 1987, p. 251-255)	119

რელიგიისა და კულტურის ისტორია
History of Religion and Culture

Производство и применение железа в Центральной Анатолии по данным хеттских клинописных текстов („Древний Восток. Этнокультурные связи“. М., 1988, с. 238-262)	124
К вопросу об обозначении „серебра“ в хеттских клинописных текстах („Вестник древней истории“. М., 1987, № 3, с. 132-138)	149
რეცენზია ნიგნზე: V. Haas, <i>Vorzeitmythen und Götterberge in altorientalischer und griechischer Überlieferung. Vergleiche und Lokalisationen</i> („Klio“, 69, № 2, 1987, S. 599-601)	156

II. ქართველოლოგიური ნარკვევები
KARTWELOLOGICAL STUDIES

ფილოლოგიური ხასიათის ნაშრომები
Philological Studies

О характере некоторых индоевропейско-грузинских (картвельских) языковых параллелей (საენათმეცნიერო კრებული, მიძღვნილი გ. მაჭავარიანისადმი. თბ., 1979, გვ. 62-69)	160
ხათური (პროტოხეთური) ენა და ხათები (პროტოხეთები). საკითხის შესწავლის თანამედროვე მდგომარეობა	168

პოლიტიკური ისტორია
Political History

К интерпретации армазской билингвы (строки 7-8 арамейскографичного текста). („Вестник древней истории“. М., 1988, № 4, с. 168-181). ი. შიფმანის თანაავტორობით	173
ტოპონიმები არმაზის ერთენოვან არამეოგრაფიულ წარწერაში („ამიერკავკასიის ისტორიის პრობლემები“, თბ., 1991, გვ. 33-46)	186

რელიგიისა და კულტურის ისტორია
History of Religion and Culture

ხეთურ-არმაზული 'ტრიადები' („მნათობი“, თბ., 1985, № 7, გვ. 147-157)	199
'სანმისი' ხეთურ წყაროებში და მისი ანტიკური პარალელები (ფ. შაასის მოსაზრებანი 'ოქროს სანმისის' თქმულების გენეზისთან დაკავშირებით). ('თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტის შრომები', თბ., 1982, № 227, გვ. 287-293)	210